

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

Въ канонѣ священныхъ книгъ ветхаго завѣта, въ отдѣлѣ כְּתוּבִים или $\alpha\upsilon\tau\omicron\gamma\gamma\alpha\phi\alpha$, между книгою псалмовъ и писаніями Соломона, занимаетъ мѣсто книга Іова, пользовавшаяся всегда, какъ въ іудейской такъ и въ христіанской церкви, уваженіемъ вмѣстѣ съ прочими священными книгами.

Въ еврейской Библии называется она יִבְיָהוּ , въ греческой Ἰώβ , въ нашей славянской—*книга Іова*, отъ имени лица, составляющаго главный предметъ ея. Въ ней изображаются великія страданія праведника этого имени и споръ его съ друзьями о причинѣ счастья и несчастья на землѣ, разрѣшенный самимъ Богомъ.

Книга Іова всегда обращала на себя вниманіе читателей близкимъ къ сердцу каждаго человѣка разрѣшаемымъ въ ней жизненнымъ вопросомъ, а ученыхъ изслѣдователей—тою таинственностію, какою покрыто лице страдальца при отсутствіи историческихъ свѣдѣній о немъ, богатствомъ въ высшей степени интереснаго содержанія своего и внѣшней формою изложенія, которою она отличается отъ всѣхъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта

При отсутствіи историческихъ свѣдѣній какъ о лицѣ Іова, такъ и о писателѣ книги, носящей его имя, ни одна

изъ книгъ ветхаго завѣта не вызвала относительно происхожденія своего столько недоразумѣній и разнорѣчій въ изслѣдователяхъ св. Писанія, какъ книга Іова. И личность Іова, и время—когда написана книга, и авторъ ее написавшій, и цѣль, какую имѣлъ въ виду, передавая потомству изложеніе высокихъ идей, касающихся самаго интереснаго вопроса о земной судьбѣ нашей, составляютъ предметъ ученой загадки для изслѣдователей, которую разрѣшаютъ едва не каждый по своему разумѣнію.

Одни изъ изслѣдователей книги Іова смотрѣли на содержаніе ея какъ на подлинную исторію, не только признавали Іова лицомъ дѣйствительнымъ, но и предполагали, что событія въ ней описаны такъ, какъ происходили, а рѣчи изложены такъ, какъ были высказаны Іовомъ и его собесѣдниками. Мнѣніе это принадлежитъ многимъ изъ древнихъ раввиновъ и древнихъ христіанскихъ писателей. Іовъ жилъ, по мнѣнію однихъ, въ періодъ патріарховъ, ранѣ Моисея, по мнѣнію другихъ былъ современникомъ Моисея, третьи относили его къ періоду Судей, иные ко временамъ Давида и Соломона, а иные къ періоду плѣна вавилонскаго ¹⁾).

Другіе изслѣдователи, замѣчая въ книгѣ Іова выдающееся тенденціозное направленіе и въ тоже время не умѣя согласить историческихъ повѣствованій ея съ своими догматическими представленіями, принимали какъ повѣствованіе объ Іовѣ такъ и все содержаніе книги за поэтическій

---

¹⁾ Rosenmüller, Scholia in V. T. P. V. p. 31. Самыя мнѣнія Розенмюллеръ указываетъ у Panhemia in Historia Iobi, cap. I. VIII и у F. C. Рейнара in Prolegomena, Hoffmannianae versionis praemissis cap. IV.

вымысль, имѣющій въ виду цѣль дидактическую. Первые слѣды этого мнѣнія встрѣчаются въ Талмудѣ, гдѣ въ трактатѣ *Baba Bathra* говорится, что Іовъ никогда не существовалъ и не былъ сотворенъ, а есть притча (משל), подобная той, какую пр. Наваъ предложилъ Давиду, 2 Цар. 12. 1—6¹⁾). Изъ древнихъ христіанскихъ писателей Ѳеодоръ Мопсуетскій считалъ исторію Іова за вымысль. Въ смыслѣ притчи или дидактическаго сочиненія, не считая Іова дѣйствительнымъ лицомъ, понимали нашу книгу въ позднѣйшее время Салмазій, Михаэлисъ, Датэ, Августинъ, де-Ветте, Мерксъ²⁾ и др. Бернштейнъ, Гермесъ фонъ-дербъ-Гардтъ, Влерикъ, Варбуртонъ, Гарнеттъ, Сейнеке и др. принимали исторію Іова за аллегорическое изображеніе страданій народа израильскаго въ плѣну вавилонскомъ, разумѣя подъ Іовомъ раба Іеговы (Ис. 40—96 гл.) или святое сѣмя израиля (Ис. 6, 13).

Со времени Лютера получило силу третье мнѣніе, среднее между первымъ и вторымъ. Въ своихъ такъ называемыхъ застольныхъ рѣчахъ Лютеръ высказалъ, что книга Іова есть вмѣстѣ исторія и поэма, и что не все въ

1) *Baba Bathra* fol. 15. 1: אירוב לן היה ולא נברא אלא משל היה. Впрочемъ, въ Талмудѣ встрѣчается и противоположное мнѣніе, которое причисляетъ Іова къ семи языческимъ пророкамъ, между коими считаются и друзья его, Елифазъ, Вилдадъ и Соэаръ. *Ialkut zu Iob* 1, 1. *Der Kanon d. Alt. Test. nach den überlieferungen in Talmud und Midrasch.* v. Iul Fürst.

2) Др. Мерксъ *Bibel-lexicon*, herausg. von Schenkel, *Hiob*: «не можемъ согласиться, что лице—Іовъ и его судьба заимствованы изъ какой либо древней саги; скорѣе должно думать, что все это есть свободное произведеніе поэтической фантазіи, такъ какъ оно существенно перепутано съ спекулятивнымъ содержаніемъ книги, и цѣлое твореніе не показываетъ другаго характера, кромѣ желанія представить наглядно, въ притчѣ, непонятныя страданія праведника».

ней сказанное было такъ, какъ написано. Это мнѣніе развивали потомъ Р. Симонъ въ своей критической исторіи В. З., Гуэцій и др. Разенмиллеръ называлъ книгу Іова *божественною поэмою* (divinum Poema) ¹⁾. Въ настоящее время всѣ лучшіе изслѣдователи и экзегеты, напимѣръ, Геферникъ, Гербстъ, Гирцель, Гейлигштедтъ, Деличь, Кейль, Шрадеръ, Блэкъ, Фюрстъ и др. держатся того мнѣнія, что книгу Іова нельзя принимать ни за строго историческую истину, ни за чисто поэтическій вымыселъ, что она представляетъ свободную поэтическую обработку древней саги объ Іовѣ, съ предположенною поэтомъ дидактическою цѣлю. Іовъ призвается лицомъ дѣйствительнымъ, жившимъ въ землѣ Уцъ во времена патріархальныя. Преданіе о его благочестіи и добродѣтели, его счастливой жизни, потомъ о постигшихъ его бѣдствіяхъ и страданіяхъ, и наконецъ о возвращеніи ему прежняго счастья и проч., сохранялось въ разсказахъ народа или даже въ письменныхъ документахъ. Авторъ книги воспользовался имъ какъ пригоднымъ матеріаломъ для выраженія и развитія своей мысли, вызванной современными ему религіозными и нравственными требованіями, и, согласно съ нею, обработалъ его съ поэтической свободой. Что въ произведеніи писателя, какимъ видимъ его въ дошедшей до насъ книгѣ, принадлежитъ преданію и что относится къ вымыслу самаго писателя, опредѣлить, говорятъ, трудно не только съ точностію, но и вѣроятностію ²⁾. Да и опредѣлять

¹⁾ Scholia in Iob p. 9.

²⁾ Вотъ, напимѣръ, какъ Блэкъ рассуждаетъ объ этомъ предметѣ: «Разсужденія, и опредѣленія въ собраніи небесныхъ силъ не могли быть предметомъ человѣческаго историческаго описанія. Далѣе, ни Іовъ въ томъ

это изслѣдователи не считаютъ необходимымъ, такъ какъ цѣль автора этого произведенія не въ томъ, чтобы передать исторію Іова, а въ томъ, чтобы представить свою мысль какъ можно живѣе, изобразительнѣе и нагляднѣе. Въ этомъ смыслѣ Фюрстъ въ своей исторіи библейской литературы называетъ книгу Іова *философскою Драмою*. «Средоточный пунктъ этой Драмы, говоритъ онъ, не преслѣдуемый человѣческимъ страданіемъ герой, который въ борьбѣ съ реальными противорѣчіями или погибаетъ или побѣждаетъ, но высокая философская мысль, положеніе мудрости (weisheitssatz) изъ древне-еврейской религіи, кото-

---

положеніи, въ какомъ находился, ни друзья его не могли такъ долго и такъ искусно вести разговоры; да если бы и вели, то оныя не могли быть писателемъ записаны, если онъ своимъ глазомъ и слухомъ тутъ же не участвовалъ. И на самыя рѣчи, которыя въ книгѣ составляютъ главное, въ томъ видѣ, какъ они есть, нельзя иначе смотрѣть, какъ на авторское дѣло писателя. Также и въ томъ, что повѣствуется о внѣшнихъ приключеніяхъ Іова ясно даетъ себя замѣтить поэтическая рука, если обратимъ наприм. вниманіе на параллелизмъ, который проводится въ эпилогѣ при описаніи того, что имѣлъ Іовъ послѣ страданій, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ обладалъ до страданія,—равное число сыновъ и дочерей, удвоенное число овецъ и проч. Далѣе, Блэкъ выражаетъ послѣднее свое заключеніе. Такимъ образомъ онъ т. е. авторъ не самъ изобрѣлъ имя Іова для своего сочиненія; поелику въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, что онъ представитъ имя по своей этимологіи соответствующее той роли, въ которой выступаетъ Іовъ, но этаго нѣтъ. Потому вѣроятно, что авторъ нашелъ имя Іова вмѣстѣ съ письменнымъ или устнымъ преданіемъ о тяжелыхъ испытаніяхъ этого мужа древнихъ временъ. Сколько еще кромѣ этого могъ онъ получить отъ преданія, по свойству вещей, нельзя опредѣлить съ точностію или только вѣроятностію. Вѣроятнѣе всего то, что то, что есть историческаго въ содержаніи книги, повѣствуется авторомъ отнюдь не съ историческою цѣлію, но имъ пользовался онъ какъ субстратомъ для своего стихотворенія, и при томъ свободно,—что именно рѣчи въ книгѣ сложены имъ свободно, какъ требовалось учительною цѣлію его (Bleek. Einlet. in d. act. Test. S. 655).

рому поэтъ во свѣтѣ человѣческой жизни далъ распуститься, въ борьбѣ съ противорѣчїями возникнуть побѣдносно... Какъ древніе индійскіе и греческіе поэты—драматиги изъ міеологической области прежняго времени брали себѣ матерію своихъ драматическихъ басней, эпическую рамку для своихъ твореній; такъ и нашъ поэтъ, для того чтобы придать достоинство и освященіе представленію учащей и изъясняющей мысли, выбираетъ себѣ эпическую сагу изъ сѣдой древности. Какъ въ философской Драмѣ, на мѣсто совершающагося дѣйствїя, дѣйствїя страстей, или устоявшихся правилъ и воззрѣній, выступаетъ въ ней развитіе учительной мысли, каковое развитіе—въ противоположенїяхъ получаетъ оживленіе въ лицахъ; и какъ въ Драмѣ въ собственномъ смыслѣ развязка оканчивается побѣдою героя послѣ борьбы, такъ равно здѣсь выступаетъ, какъ побѣдитель, главная мысль, воплощенная въ Іовѣ». Другіе называли это произведеніе эпопеей (Штуссъ) и трагедїей (Мерцеръ, Бренцъ), и сравнивали его то съ Одиссеей Гомера (Лихтенштейнъ), то съ трагедїями Софокла и Еврипида (Шультенсъ), то наконецъ съ божественною комедїею Данта или съ Фаустомъ Гете (Бауръ).

Что касается времени происхожденїя книги Іова, то указывали его во всѣхъ періодахъ исторїи еврейскаго народа. Основываясь на томъ, что въ книгѣ Іова не упоминается ясно о законѣ Моисеевомъ и о чудесныхъ происшествїяхъ въ народѣ еврейскомъ, и на томъ, что нѣкоторыя слова употребляются въ другомъ значенїи, чѣмъ въ книгахъ, послѣ Моисея происшедшихъ, нѣкоторые изъ іудейскихъ раввиновъ и христіанскихъ писателей, древнихъ и новыхъ, полагали происхожденіе книги ранѣе Моисея и авторомъ

ея считали самого Іова, который во время тяжкихъ страданій, въ спорѣ съ друзьями своими, выражалъ желаніе, чтобы слова его были вписаны въ книгу. И полагая родину Іова одни въ Сиріи, другіе въ Аравіи, третьи въ Идумеи, первоначальнымъ языкомъ книги считали или арамейскій или арабскій или идумейское нарѣчіе, съ которыхъ она потомъ переведена на еврейскій языкъ кѣмъ либо изъ современниковъ Моисея или изъ пророковъ, жившихъ послѣ него. Другіе же, встрѣчая въ книгѣ Іова множество еврейскихъ понятій и представленій и во многихъ мѣстахъ буквальное сходство съ священными книгами еврейскаго народа, усвоили ей происхожденіе еврейское, и искали писателя между евреями, то въ Палестинѣ, либо въ Іерусалимѣ, либо въ сѣверныхъ предѣлахъ, либо на югѣ Палестины жившаго, то за границей Палестины—либо въ Сиріи, либо въ Идумеи, либо въ Египтѣ обитавшаго. Нѣкоторые изъ раввиновъ, отцевъ церкви и древнихъ христіанскихъ писателей написаніе книги усвоили Моисею (Псевдо-Оригенъ, Златоустъ, Ефремъ Сиринъ и др.). Но большинство изслѣдователей и экзегетовъ изъ намековъ на законъ Моисеевъ, какъ уже существующій, изъ разрѣшаемой въ книгѣ проблемы, предполагающей такія представленія о грѣхѣ, винѣ, злѣ, какія могли выработаться только вслѣдствіе долгой жизни подъ закономъ, далѣе—изъ искуснаго построенія строфъ и правильнаго параллелизма членовъ и вообще изъ всей полной совершенства формы стихотворенія, предполагающей высокое развитіе поэтическаго творчества, выводили заключеніе, что книга Іова написана гораздо позже Моисея. И именно, находя много общаго въ идеяхъ и языкѣ книги Іова съ псалмами Давида

и особенно съ притчами Соломона (въ изображеніи, напри- мѣръ, премудрости, въ представленіяхъ Шеола, во множе- ствѣ словъ и выраженій, одинаково употребляемыхъ въ обоихъ произведеніяхъ) относили происхождение ея къ пе- ріоду цвѣтущаго состоянія еврейской литературы и писа- телемъ ея почитали кого либо изъ современниковъ Соло- мона или даже самаго Соломона (Григорій Назіанзенъ, Р. Наванъ, Спангемій, Лютеръ, Гардуинъ, Реймаръ, Дѣдер- лейнъ, Штейндлинъ, Рихтеръ, Розенмиллеръ, Гаанъ, Вай- гингъ, Шлоттманъ, Геферникъ, Кейль, Деличь и др.). Во время Златоуста, какъ можно заключать изъ его за- мѣчанія въ обзорѣни книгъ В. З., было въ ходу мнѣніе, что книгу Іова написалъ Соломонъ ¹⁾. Магнусъ и Нель- деке, имѣя въ виду выраженія общія у Іова съ Исаією, относили происхождение книги ко временамъ Езекии и Исаи. Евальдъ, Ригманъ, Дильманъ, Штегелинъ, встрѣчая мно- жество арамеизмовъ въ книгѣ Іова, предполагали, что она могла быть написана не раньше, какъ около времени па- денія царства іудейскаго, именно въ первой половинѣ VII столѣтія. Фюрстъ, усматривая въ выраженіяхъ кн. Іова 9, 24. 12, 4—6. 23. 15, 19. 28, характеристическія черты царствованія Манассіи, относитъ происхождение ея ко времени этого царствованія и писателемъ книги пред- полагаетъ кого либо изъ благочестивыхъ мужей, подверг- шагося вмѣстѣ съ другими преслѣдованію отъ этого нече- стиваго и жестокаго гонителя рабовъ Іеговы. Гейлигштетъ

---

¹⁾ «Говорятъ, что эту книгу составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея». Златоустъ. Бесѣды на разн. мѣста св Писанія, т. I, стр. 520. Сиб. 1861.

относить происхожденіе книги къ срединѣ VII столѣтія; Гирцель и Гитцигъ къ концу того же столѣтія, и предполагають, что писателемъ ея былъ іудей, отведенный вмѣстѣ съ Іоахазомъ въ 611 году фараономъ Нехао въ плѣнъ въ Египеть, гдѣ онъ могъ познакомиться съ достопримѣчательностями Египта (напр. пирамидами, 3, 14) и тѣми предметами по естественной исторіи, которые (наприм. крокодилъ 40, 20—41, 2) описаны въ книгѣ Іова съ знаніемъ очевидца. Клерикъ, Варбуртонъ, Гроцій, Бернштейнъ, Гезеніусъ, Умбрейтъ, Ватке и Цунцъ, основываясь или на свойствѣ языка, или на той идеѣ, что книга Іова содержитъ изображеніе страждущаго израиля въ плѣну вавилонскомъ, относили и происхожденіе ея къ тому времени. Наконецъ Гартманъ и Мейеръ, объясняя встрѣчающіяся въ ней представленія сатаны и ангеловъ влияніемъ персидской теологіи, полагали, что она написана послѣ плѣна вавилонскаго.

Опредѣляя время происхожденія книги Іова, многіе изъ изслѣдователей выдѣляли изъ нея историческія части, прологъ (гл. 1 и 2) и эпилогъ (42, 7—17), относя ихъ къ другому писателю и другому времени. Еще Барнзевій, признавая всѣ рѣчи написанными самимъ Іовомъ, предполагалъ, что историческія части приложены къ нимъ послѣ пророкомъ Самуиломъ. Въ позднѣйшее время Штульманъ, Бернштейнъ, де-Ветте, Кюбель и др., назначая стихотворенію происхожденіе до плѣна или во время плѣна вавилонскаго, прологъ и эпилогъ относили ко времени послѣ плѣна.

И относительно цѣли, какую авторъ книги имѣлъ въ виду, вымышляя въ своемъ воображеніи исторію тяжкихъ

страданій небывалаго лица съ разсужденіемъ о причинѣ страданій, или только разработывая готовое сказаніе изъ отдаленной древности о счастливой, потомъ несчастной и наконецъ опять счастливой судьбѣ великаго праведника, изслѣдователи и экзегеты не пришли также къ одному предположенію. Древніе толкователи (наприм. Златоустъ) полагали, что авторъ книги хотѣлъ показать въ приключеніяхъ Іова примѣръ терпѣнія для подражанія всѣмъ страждущимъ. По взгляду новыхъ изслѣдователей, авторъ книги Іова хотѣлъ представить въ ней или изображеніе народа еврейскаго въ плѣну (Гермесъ фонъ-деръ-Гардтъ, Клерикъ, Варбуртонъ, Бернштейнъ, Бауеръ), или развитіе идеи истинной мудрости (Баумгартенъ-Крузіусъ), или развитіе идеи безсмертія духа (Михаэлисъ), или хотѣлъ противопоставить ученію Моисея о воздаяніи, строго сообразуемомъ съ дѣлами человѣка, другое ученіе противоположное ему, что Богъ относится абсолютно къ раздаянію людямъ жребіевъ и что нѣтъ никакого соотношенія между внѣшнею судьбою человѣка и его нравственностію (Чирнеръ, Умбретъ, де-Весте и др.), или хотѣлъ показать, что человѣкъ не можетъ проникать въ совѣты Божіи и потому долженъ съ вѣрующимъ самоотверженіемъ предаваться волѣ Божіей во всемъ, чтобы его ни постигло (Кнобель, Штульманъ, Гирцель, Гейлигштедтъ, Гупфельдъ и др.). Блэкъ формулируетъ цѣль книги Іова въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: авторъ ея хотѣлъ показать 1) что Богъ подвергаетъ страданіямъ и благочестивыхъ... для своей цѣли и для того, чтобы испытать ихъ и дать имъ случай показать себя; 2) что со стороны людей крайнѣ не разумно вступать въ споръ съ Богомъ и требовать отъ Него отчета въ управ-

леніи судьбою людей и 3) что Богъ, наконецъ, послѣ испытанія благословляетъ ихъ сугубымъ счастіемъ.

Среди такого разногласія изслѣдователей не остается ничего другого сказать, какъ повторить съ Деличемъ ¹⁾, что книга Іова является, какъ Мелхиседекъ, между ветхозавѣтными книгами, и съ Фюрстомъ ²⁾—что предъ нею, какъ предъ загадочнымъ Сфинксомъ, останавливается историкъ литературы, не зная, къ какому классу причислить это высокохудожественное стихотвореніе.

Послѣ этого изслѣдователь будетъ правъ, если, отнесется къ ней такъ, какъ относятся къ только что открытой древней книгѣ, о которой никто доселѣ не зналъ и о которой никто ничего въ свое время не сказалъ. Обыкновенно въ такомъ случаѣ заставляютъ книгу саму говорить о себѣ, на всѣ вопросы, относящіеся къ объясненію происхожденія ея ищутъ отвѣта въ ней самой. Для этого, послѣ палеографическихъ изслѣдованій (которые къ нашей книгѣ не имѣютъ приложенія), изучаютъ ея содержаніе, потомъ сравниваютъ или сличаютъ ее съ другими книгами, къ разряду которыхъ она относится, чрезъ что опредѣляется мѣсто ея между ними, открываются въ ней самой слѣды времени, къ которому относится, признаки родины и національности писателя ея и проч.; за тѣмъ, по даннымъ, которые находятся въ книгѣ, опредѣляютъ отношеніе писателя къ предмету его сочиненія, и такъ далѣе... Дальнѣйшіе вопросы изслѣдованія указываются въ такомъ слу-

¹⁾ Biblischer Commentar, das Buch Iob, S. 8.

²⁾ Geschichte der biblischen Literatur v. Iul. Fürst, S. 400.

чаѣ ходомъ самаго дѣла. Этотъ путь мы избираемъ къ изслѣдованію вопроса о происхожденіи книги Іова.

Примѣчаніе. Изложенныя здѣсь свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи вопроса о происхожденіи книги Іова, можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Фюрста*, Geschichte der biblischen Litteratur, В. II. S. 400—433; *Ею же*, Der Kanon des alten Testaments nach den uberlieferungen in Talmud und Midrasch S. 80. 81; *Блака*, Einleitung in das Alte Testament, S. 650—667; *Шрадера*, Lehrbuch der historischkritischen Einleitung in die Bibel Alten und Neuen Testaments, s. 544—555; *Кейля*, Lehrbuch d. historischkritischen Einleitung in d. kanon. und apokryphisch. Schriften d. Alten Testaments, s. 356—370; *Делича*, Biblische Commentar, В. II. Das Buch Iob, Einleit. s. 1—30; *Эвальда*, Die Dichter d. Alten Bundes, das B. Iob. s. 1—66; *Геймишмедта*, Commentarius in Iobum, p. IX—XXIV; *Гирцеля*, Kurzgefasst. exegetisch. Handbuch, Hiob.; *Гербста*, Historisch-kritische Einleitung in die heil. schriften d. alten Testam. II Teil, 2 Abtheil. s. 172—203; *Гейферника*, Handbuch d. historisch-kritischeu Einleitung in d. Alte Testam. III Teil. s. 300—378; *Розенмиллера*, Scholia in Iobum, P. V, p. 3—42; и др.

I.

Прежде всего познакомимся и познакомимъ нашихъ читателей съ содержаніемъ книги Іова. Безъ общаго цѣльнаго представленія содержанія книги, всѣ частныя стороны ея, которыхъ будетъ касаться наше изслѣдованіе, не могутъ стать въ умѣ читателя съ достаточною ясностію.

Книга Іова видимо состоитъ изъ трехъ частей: пролога (гл. 1—2), разсужденія (3—42, 6) и эпилога (42, 7—17). Первая и послѣдняя написаны прозаическою рѣчью, а вторая стихами.

Прологъ (гл. 1—2).

Въ землѣ Уцъ былъ человекъ, по имени Іовъ, непорочный, справедливый, боявшійся Бога и удалявшійся отъ худаго. Онъ имѣлъ семь сыновъ и три дочери, которыхъ также велъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ. Богъ благословилъ его большимъ богатствомъ: у него было семь тысячъ овецъ, три тысячи верблюдовъ, пять сотъ паръ воловъ и пять сотъ ослицъ, и множество прислуги. Человекъ этотъ былъ знаменитѣйшій между всѣми сынами Востока (1, 1—5).

Однажды, когда въ собраніи ангеловъ предъ Іеговою былъ и сатана съ ними, Іегова спросилъ его: обратилъ ли онъ вниманіе на Іова, такъ какъ Іовъ такой человекъ, которому подобнаго по праведности нѣтъ на землѣ? Сатана отвѣчалъ, что Іовъ таковъ только потому, что османъ всѣми дарами счастья, и что если отнять у него все, что

имѣть, то въ глаза будетъ проклинать Іегову. Іегова дозволилъ сатанѣ подвергнуть Іова испытанію, съ тѣмъ только, чтобы не касатся его самаго. Сатана отошелъ отъ Іеговы, и вслѣдъ за тѣмъ Іовъ въ одинъ день лишился всего имѣнія своего и всѣхъ дѣтей: воловъ, оравшихъ на полѣ, и ослицъ, подлѣ нихъ пасшихся, увели Савейне; упавшая съ неба молнія попала на всѣхъ овецъ; верблюдовъ угнали Халдеи; прислуга вся частію убита молніей, частію избита мечемъ Савейнъ и Халдеевъ; наконецъ, сильная буря обрушила зданіе, въ которомъ пиршествовали его сыновья и дочери, и погребла всѣхъ ихъ подъ развалинами. Получивъ разомъ одно за другимъ извѣстія о сихъ несчастіяхъ, Іовъ, съ полною преданностію волѣ Божіей, благословилъ Іегову, пославшаго эти несчастія, и не произнесъ ни одного слова оскорбительнаго для Бога (6—22).

Когда въ другой разъ сатана вмѣстѣ съ ангелами былъ въ собраніи предъ Іеговою, Іегова снова спросилъ его: обратилъ ли онъ вниманіе на Іова послѣ того, какъ онъ пораженъ несчастіемъ и показалъ твердость въ своемъ благочестіи? Сатана отвѣчалъ, что Іовъ такой человекъ, который не можетъ чувствовать никакихъ вѣшнихъ лишеній, лишь бы только самому быть цѣлымъ и невредимымъ. Тогда Іегова дозволилъ сатанѣ подвергнуть самаго Іова испытанію, съ тѣмъ только, чтобы сохранена была жизнь его. Сатана отошелъ отъ Іеговы, и вслѣдъ за тѣмъ, жестокая проказа поразила все тѣло Іова отъ подошвы ногъ по самое темя. Пораженный такою болѣзнію, Іовъ сѣлъ на кучу сожженного навоза, и, чтобы сколько-нибудь унимать мучительный зудъ, производимый покрывавшими его гнойными язвами, скоблилъ тѣло черепицею.

Страданія Іова были такъ тяжелы, что жена, смотря на него, совѣтовала ему просить себѣ у Бога смерти для прекращенія мученій; но Іовъ остался столько твердъ въ своей преданности Богу, что, отвергнувъ безумныя совѣты жены своей, не выпустилъ изъ устъ своихъ, какъ и прежде, ни одного слова, оскорбительнаго для Бога (2, 1—10).

Получивъ извѣстіе о несчастіяхъ, постигшихъ Іова, три друга его, Елифазъ ѳеманитянинъ, Вилдадъ савхейнинъ и Софаръ наамитянинъ, по взаимному соглашенію, собрались, каждый изъ своего мѣста, къ Іову, чтобы раздѣлить съ нимъ скорбь его и утѣшить его. Но видъ несчастнаго страдальца былъ такъ ужасенъ, что друзья не узнавали его; страданія Іова были такъ тяжки, что друзья не могли удержаться отъ слезъ и рыданій. Седьмь дней и седьмь ночей сидѣли вмѣстѣ съ нимъ на землѣ безмолвно; никто не рѣшался начать рѣчь, потому что видѣли, что страданія его слишкомъ велики. Наконецъ Іовъ отверзъ уста и проклялъ день свой (11—3, 1).

Разсужденіе (3—42, 6).

Первый рядъ рѣчей (1—14).

Речь Іова (3). Іовъ проклинаетъ день, въ который родился, и ночь, въ которую зачала мать его (2—10). Да будетъ, говоритъ, день тотъ безъ свѣта, пусть покроетъ его тьма, обложатъ тучи, пусть жары сдѣлаютъ его страшнымъ! А ночь та—пусть вѣчно будетъ покрыта мракомъ и исключена изъ числа мѣсяцовъ! Пусть останется на всегда неплодною и радость будетъ чужда ей!—За то, что не затворила утробы носившей его и не сокрыла горести

отъ очей его. Если ужъ суждено было ему зачатся, то за чѣмъ, говорить, не умерь онъ въ утробѣ матери, чтобы изъ нея прямо переселиться въ преисподнюю и лежать покойно со всеѣми сходящими туда, не зная горестей жизни (11—19)? За чѣмъ Богъ даетъ страдальцу жизнь, въ которой нѣтъ ему никакой отрады, и притомъ сокрыто отъ него, что съ нимъ будетъ (20—26)?

Речь Елифаза (4. 5). Тяжкая жалоба Юва на свою судьбу вызываетъ друзей его на возраженія. Первымъ выступаетъ Елифазъ ѳеманитянинъ. Испросивъ съ тонкою осторожностію у Юва позволеніе высказать свое мнѣніе (4, 1. 2), Елифазъ выражаетъ потомъ удивленіе, какъ Ювъ, который въ другое время самъ ободрялъ несчастныхъ своими совѣтами, теперь, когда коснулось несчастье его самаго, совершенно потерялся (3—5). Если ты, говорить онъ Юву, увѣренъ въ своей праведности (6), то долженъ помнить, что нѣтъ и не было такого праведника, который бы погибъ (7). И я, по собственному наблюденію, знаю, что гнѣвъ Божій поражаетъ только нечестивыхъ (8—11). Но мнѣ однажды, среди размышленій, предъ тѣмъ какъ находить глубокой сонъ на челоуѣка, было откровеніе, что на землѣ нѣтъ и не можетъ быть челоуѣка, который бы совершенно чистъ былъ предъ Богомъ, когда и въ ангелахъ Своихъ Онъ усматриваетъ недостатки (12—18). Поэтому, не безразсудно ли жаловаться, и у кого стать иссвать заступленія, когда всѣ мы отъ самаго рожденія, по правдѣ Божіей, заслуживаетъ того, чтобы страдать (19—5, 7)? Стало быть, когда постигаетъ насъ бѣдствіе, надлежитъ безусловно предаться Богу, который чудно и не постижимо управляетъ міромъ, направляя свои дѣйствія

къ тому, чтобы сохранять жизнь всего живущаго въ немъ и не допускать печестію торжествовать надъ угнѣтаемою невинностію (8—16). И человекъ долженъ считать себя счастливымъ, если Вседержитель, для очищенія, посылаетъ ему испытанія (17). Поэтому, когда постигли тебя несчастья, будь увѣренъ, если воспользуешься Его урокомъ и обратишься къ Нему, то Онъ исцѣлитъ тебя, избавитъ отъ всѣхъ бѣдъ и опасностей, и пошлетъ тебѣ полную благоденствія жизнь съ мирною кончиною въ зрѣлой старости (18—27).

Речь Иова (6, 7). *Иовъ* отвѣчаетъ, что онъ не высказалъ бы тѣхъ рѣзкихъ словъ проклятія, если бы страданія, какія послалъ ему Вседержитель, не были безмѣрны (6, 1—7). Если онъ желалъ и желаетъ смерти, то не потому, что отрекается отъ Бога, а потому, что въ смерти видитъ отраду среди нещадной муки, не имѣя силъ переносить страданія (8—13). Страждущему подкрѣпленіемъ служить состраданіе друга; но ему и въ этомъ пришлось горько обмануться. Его друзья, вмѣсто того, чтобы утѣшеніемъ облегчать страданія, безъ всякой жалости порицаютъ, вопли его, слишкомъ строго судятъ слова, вырвавшіяся изъ устъ отчаянія, укоряютъ въ виновности предъ Богомъ, не указывая грѣховъ его,—когда достаточно только взглянуть на страдальца, чтобы понять, могъ ли онъ, въ чувствѣ горести, не сказать того, что сказалъ (14—30). Потому, онъ проситъ друзей быть разсудительнѣе къ нему и вмѣстѣ съ нимъ внимательнѣе обсудить его дѣло (14—30). Вотъ, говоритъ онъ, короткій срокъ жизни, назначенный человеку, походить на воинскую службу, за которую ~~тогда~~ слѣдуетъ покой и отдыхъ, или, на поденный трудъ

наемника, за который ввечеру дается плата ему. И я, продолжая онъ, какъ вѣрно всю жизнь служившій Богу, какъ усердно весь день работавшій Ему, ожидалъ, что даѣе наступятъ для меня дни полного безмятежнаго счастья; но вмѣсто нихъ, меня постигли тяжкія ни на одинъ часъ непрерывающіяся страданія; дни мои идутъ къ концу и не оставляютъ никакой надежды увидѣть счастье жизни (7, 1—6). За тѣмъ, не видя другаго выхода изъ своего страдальческаго положенія, кромѣ смерти и низшества въ преисподнюю, откуда никто не возвращается (7—10), Іовъ обращается къ Богу съ выраженіемъ самой горестной жалобы на посланнныя отъ Него тяжкія и мучительныя испытанія. Какъ же мнѣ, говоритъ, удерживать уста свои отъ жалобы на горестную участь свою, когда Ты поступаешь со мною, какъ съ неукротимымъ моремъ, которое удерживаютъ плотинами, или съ неистовымъ морскимъ чудовищемъ, противъ котораго употребляютъ силу (11—12), — когда не только днемъ, но и ночью не даешь мнѣ забыться, устрашая сновидѣніями (13—16)? Что я такое, что Ты, ни на мгновеніе не отводишь отъ меня мучительнаго взора Твоего, не дашь отдыха, чтобы я могъ проглотить слюну? Если я согрѣшилъ, то что этимъ сдѣлалъ я Тебѣ, чтобы Ты поставилъ меня цѣлю для Твоихъ стрѣлъ, и чтобы я сталъ самъ себѣ въ тягость? Если я согрѣшилъ, то почему не отпустишь вины моей, когда я страданіями, своими, столько уже изможденъ, что скоро совсѣмъ не станеть меня. (17—22)?

Речь Виллада (8). Вилладъ савхейнинъ называетъ дерзкою такую жалобу Іова, потому что Богъ не можетъ измѣнить закона правды Своей. Въ силу этого закона

говорить, дѣти Іова, если погибли, то не иначе какъ за грѣхи свои; и въ силу того же закона, если Іовъ дѣйстви-тельно чистъ и правъ, какъ говоритъ о себѣ, то нынѣ же воспріянетъ и будетъ сугубо вознагражденъ (8, 1—8). Ибо вѣка прошедшіе и наблюденія отцовъ свидѣлствуютъ, что Богъ какъ не поддерживаетъ нечестивыхъ, и потому счастье ихъ не прочно и кратковременно, такъ напротивъ никогда не отвергаетъ невиннаго. Поэтому Іову, если онъ чистъ и правъ, не слѣдуетъ отчаяваться въ возвращеніи минувшаго счастья (8—22).

Речь Іова (9. 10). Обращая вниманіе на слова Виллада (8, 3) о неизмѣняемости правды Божіей и Елифаза (4, 17) о томъ, что никто изъ смертныхъ не можетъ считать себя чистымъ предъ Богомъ, Іовъ соглашается, что ихъ мнѣнія вѣрны, и что съ Богомъ, который съ премудрымъ всемогуществомъ правитъ всей вселенной, ни одинъ человекъ не можетъ входить въ судъ и представлять Ему свою невинность; человекъ всегда останется виновнымъ, когда бы сталъ судиться съ Нимъ; да и кто бы могъ разсудить ихъ? Потому Іовъ сознаетъ, что Богъ виравѣ одинаково поступать съ непорочнымъ, какъ и съ нечестивымъ, сокрушить того и другаго (9, 1—35). Но Іовъ не можетъ согласить этого съ благостію, какую Творецъ долженъ имѣть къ Своему слабому творенію, особенно когда Ему извѣстно, что оно не такъ виновно предъ Нимъ. Чѣмъ выше Богъ, тѣмъ Онъ милостивѣе долженъ быть къ созданію рукъ Своихъ, слабому и немоцному. За что же, говоритъ Іовъ, обращаясь къ Творцу, такъ безщадно преслѣдуешь меня, измыкиваешь во мнѣ само-малѣйшее преступленіе, чтобы только какъ можно сильнѣе поразить

меня, когда знаешь, что я не беззаконникъ? За чѣмъ было и выводить меня на свѣтъ, когда и въ короткій срокъ жизни не даешь хоть не много порадоваться мнѣ, насладиться жизнію, прежде чѣмъ отойду туда, гдѣ ничего нѣтъ свѣтлаго и отраднago (10, 1—22)?

Речь Софара (11). *Софаръ* наамитянинъ, третій другъ Іова, раздраженный такимъ отвѣтомъ Іова, представляетъ ему, что онъ страдаетъ по справедливости, потому что онъ грѣшникъ и притомъ такой, что если бы Богъ открылъ ему глубины Своей премудрости, то Іовъ увидѣлъ бы, что Богъ, который видитъ больше, чѣмъ люди, еще милостивъ къ нему (11, 1—12). Такимъ образомъ Іовъ долженъ обратиться съ молитвою къ Богу и очистить себя отъ грѣховъ, и тогда онъ опять увидитъ лучшіе дни (13—20).

Речь Іова (12—14). Іовъ съ нѣкоторою ироніею замѣчаетъ друзьямъ о ихъ самоувѣренности, съ какою они хотятъ навязать ему свои уроки, — какъ будто имъ только принадлежитъ вся мудрость, — почитая страдальца за отверженнаго Богомъ потому только, что онъ страдалецъ (12, 1—5). Противъ мыслей высказанныхъ Елифазомъ 5, 6—11, Вилдадомъ 8, 11—22 и Софаромъ 11, 20, что нечестивые и порочные бываютъ оставлены Богомъ и погибаютъ, Іовъ указываетъ, что они-то и благоденствуютъ (6). А отъ кого это, какъ не отъ Бога, — ибо всей твари извѣстно, что жизнь всего живущаго находится въ рукахъ Божіихъ (7—10). Вы ссылаетесь, говорить онъ друзьямъ своимъ, на свидѣтельство старцевъ и людей прежнихъ; но удобно разбирать слова, извѣдывать что говорятъ они, какъ вы же извѣдываютъ пищу (11. 12). Источникъ мудрости — въ у

нихъ, а у Бога; у Него сила, совѣтъ и разумъ, могущество и премудрость. Онъ управляетъ властно судьбою всего міра, судьбою всѣхъ людей, совѣтниковъ народныхъ, судей, царей, священниковъ, самихъ старцевъ, знаменитыхъ и сильныхъ, и не только людей, но и цѣлыхъ народовъ, — однихъ унижаетъ, другихъ возвышаетъ, однимъ даетъ свободу, другихъ отводитъ въ плѣнъ (13—25). Все это я хорошо знаю по собственному наблюденію, и знаю не менѣе вашего (13, 1. 2). Вамъ, поэтому, не для чего предо мною являться защитниками Бога, сплетать на меня ложь и клевету, чтобы только оправдать Его предъ мною (3—12). Предъ Нимъ я хочу показать правоту мою, съ Нимъ я хочу судиться, только бы Онъ удалилъ отъ меня руку Свою, чтобы я могъ предстать предъ лицомъ Его безъ трепета (13—22). Обращаясь къ Богу, Іовъ говоритъ: за какіе грѣхи Ты такъ безщадно тѣснишь меня, что я распадаюсь какъ дерево, источенное червемъ, какъ одежда, съѣденная молью? Если Ты отсчиталъ человѣку короткій срокъ жизни, то за чѣмъ не даешь ему, какъ наемнику, провести день свой съ удовольствіемъ (23—14, 6)? Если бы человѣку была надежда, что послѣ смерти онъ снова оживетъ, тогда я спокойно перенесъ бы свои страданія, въ ожиданіи, что увижу наконецъ Твою любовь къ слабому творенію рукъ Твоихъ (7—15). Но пынь Ты отнялъ у меня всякую надежду; кромѣ преисподней мнѣ нечего ожидать, а тамъ только скорбь и плачь (16—22).

Второй рядъ рѣчей (15—21).

Речь Елифаза (15). Елифазъ, находя отвѣты Іова пустыми, выходитъ изъ того положенія, что Іовъ самъ

себя обличаетъ своими словами, показывающими, что онъ потерялъ страхъ Божій (1—6). Не принимая никакихъ представленийъ отъ своихъ друзей и считая себя одного мудрѣе всѣхъ людей, Іовъ, — говоритъ, — дошелъ до такой дерзости, что только Бога обвиняетъ въ своемъ несчастіи и не кочетъ признать никакой вины за собою (7—13). Ни Іову, и никакому другому человѣку не прилично вступать въ состязаніе съ Богомъ, когда всѣ люди предъ Нимъ не чисты. Чтобы лучше понялъ это Іовъ, убѣжденный въ своей невинности (9, 22, 13, 18), Елифазъ не только повторяетъ то, что выше (4, 17 и сл.) сказалъ о грѣховности общей всѣмъ людямъ, но еще старается выставить на видъ, какъ отвратителенъ грѣшникъ и какъ ужасна и не удержима склонность людей ко грѣху (14—16). За тѣмъ, на основаніи свидѣтельства мудрыхъ, подтверждая его и собственнымъ наблюденіемъ, рисуетъ печальную картину бѣдствій, которыя испытываетъ нечестивый за свое превозношеніе предъ Богомъ, начиная съ того, что онъ самъ себя во всю жизнь мучить, терзаясь совѣстію, и оканчивая тѣмъ, что, вслѣдъ за внезапною кончиною нечестиваго, бѣдствіе обрушивается и на домъ его (17—35).

Речь Іова (16.17). Отвѣчая Елифазу, Іовъ прежде всего выражаетъ недоумѣніе, что было оскорбительнаго для друзей въ его словахъ, что такъ раздражило Елифаза и заставило его говорить такъ рѣзко. Впрочемъ, желая смягчить тонъ бесѣды, Іовъ представляетъ Елифазу, что и онъ также бы говорилъ друзьямъ своимъ, какъ они, если бы они были на его мѣстѣ (16, 1—5). Теперь же перенося такія тяжкія страданія, самъ не знаетъ, что ему дѣлать для облегченія ихъ, говорить или молчать, потому что тѣ

тѣмъ, ни другимъ не утоляется скорбь его (6). Между тѣмъ, — продолжаетъ Иовъ, — Пославшій эти страданія, не только не умѣряетъ ихъ, но больше и больше поражаетъ его цми, не смотря на то, что онъ не сдѣлалъ никому никакой обиды и молитва его предъ Богомъ чиста (8—17). **Итакъ**, — говоритъ, — пусть вопль мой идетъ къ небу! Пусть **нынѣ** же превыспренній Заступникъ мой рѣшитъ прю между человекомъ и Богомъ, между сыномъ человѣческимъ и другомъ его, пусть рѣшитъ это, пока не угасли дни мои (18—17, 1)! Если бы не порицанія друзей, я уснулъ бы спокойно. Но Богъ закрылъ сердце ихъ отъ разумѣнія; но, я, увѣренъ, не дамъ имъ восторжествовать, за то что они ругаются надъ другомъ въ то время, когда Богъ поставилъ его притчею для людей, сдѣлалъ предметомъ явнаго омерзенія, и онъ изнываетъ въ горести (2—7). Такая бѣдственная участь праведника тронетъ всѣхъ праведныхъ и послужитъ имъ въ назиданіе. Между вами же, друзья мои, сколько бы разъ вы ни выступали съ своими разсужденіями, мнѣ не увидѣть мудраго (8—10). Послѣ всего, что со мною случилось и происходитъ, не остается ничего желать мнѣ, кромѣ прѣсцодней, гдѣ вмѣстѣ со мною улягутся въ прахъ всѣ надежды мои (11—16).

Речь Виллада (18). Вилладъ, раздраженный замѣчаніемъ Иова (17, 4, 10) о недостаткѣ благоразумія въ друзьяхъ его, проситъ друзей обратить на это свое вниманіе (1—3). За тѣмъ, обращаясь къ Иову, съ выраженіемъ негодованія, настаиваетъ на, прежде высказанной имъ мысли (8, 3), что для Иова не имѣется существующій въ мірѣ порядокъ, что беззаконникамъ и несправедливымъ вѣтъ счастья въ жизни, рисуетъ картину печальной судьбы ихъ (4—21).

Речь Иова (19). Вопреки жесткому и раздражительному тону друзей своих, Иовъ обращается къ нимъ съ скорбью и сожалѣніемъ, что они поступаютъ съ нимъ такъ безжалостно, принимая на себя видъ какихъ-то судей-обличителей и не указывая въ немъ ничего, чѣмъ бы онъ заслужилъ такой страшной участи (1—5). Иовъ проситъ ихъ теперъ обратить самое дружеское вниманіе на то положеніе, въ какомъ онъ находится, когда Богъ устремилъ противъ него, какъ противъ врага своего, весь гнѣвъ Свой, не внимая никакимъ стонамъ и мольбамъ его, и отнявъ всякую надежду у него (6—12),—когда всѣхъ Онъ удалилъ отъ него: братья, сродники и знакомые оставили его,—слуги и служанки бѣгутъ отъ него, гнушаясь его ранами и зловоніемъ,—опротивѣлъ онъ самымъ близкимъ къ нему—женѣ и братьямъ,—малыя дѣти презираютъ его, и тѣ, кто были самыми искренними къ нему, гнушаются имъ (13—20). Изобразивъ въ такой печальной картинѣ свое положеніе, Иовъ умоляетъ друзей, чтобы хоть они имѣли жалость къ нему, если Богъ такъ жестоко преслѣдуетъ его (21. 22),—умоляетъ смягчить свою жестокость въ обращеніи съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ твердо надѣется, что Богъ, наконецъ, явится на его призывъ и покажетъ его невинность и правоту (23—27). Тогда друзья будутъ сожалѣть, что преслѣдовали невиннаго Иова и будутъ страшиться суда Божія, ибо жестокость есть грѣхъ достойный меча (28. 29).

Речь Сопара (20). *Сопаръ*, возвращаясь къ отцу Иова на первую рѣчь его, замѣчаетъ, что онъ выслушалъ отъ Иова упрекъ, обидный для него, и въ томъ замѣчаніи Иова (12, 2), что друзья его въ томъ числѣ

фаръ, говорящіе съ такою увѣренностію, себя однихъ считаютъ людьми и никого, кромѣ себя, не признаютъ смѣлящими что либо, и надѣется отвѣтить ему съ разумомъ (20, 1—3). Такъ какъ Іовъ представлялъ Софару, что нечестивые и грабители благоденствуютъ на землѣ (20, 6), то Софаръ теперь отвѣчаетъ, что веселіе незаконныхъ кратковременно, что хотя бы до небесъ возрасло ихъ величіе, оно исчезнетъ; и сами они не прочны, и дѣти ихъ будутъ терпѣть отъ угнетенныхъ бѣдныхъ (4—10); ихъ самихъ извѣстъ грѣховный ядъ, который прошелъ въ кости и въ утробу ихъ (11—16); а нажитое ими съ притѣсненіемъ другихъ богатство не будетъ имъ въ прокъ (17—21); всѣ обиженные подымутся на нихъ; а Богъ пошлетъ гнѣвъ свой, который поразитъ ихъ ужасомъ и всякими бѣдствіями (22—28). Такова,—заключаетъ Софаръ,—доля незаконному человѣку отъ Бога и участь изреченная ему Всемогущимъ (29)!

Отвѣтъ Іова (21). Не находя въ рѣчахъ друзей ничего утѣшительнаго, а только упреки и цѣвниманіе къ тяжкимъ страданіямъ, Іовъ еще разъ проситъ ихъ внимательно выслушать рѣчь его, представляя, что это будетъ для него самымъ лучшимъ утѣшеніемъ (1—6). Такъ какъ друзья Іова постоянно доказывали ему въ своихъ рѣчахъ, что только нечестивые страдаютъ, и послѣдній изъ нихъ—Софаръ изобразилъ предъ симъ въ живой картинѣ участь, опредѣленную Всемогущимъ незаконному человѣку, то Іовъ указываетъ примѣры, показывающіе совершенно противное. Незаконные живутъ въ благоденствіи и достигаютъ старости (7); видятъ дѣтей и внуковъ своихъ въ благоустроенномъ состояніи (8); дома ихъ защищены отъ вся-

каго бѣдствія (9); стада у нихъ размножаются (10—11); сами они проводятъ жизнь въ веселіи и оканчиваютъ дни свои безъ всякихъ страданій (12. 13). И такимъ счастіемъ пользуются даже тогда, когда совѣмъ отрекаются отъ Бога и съ надменностію высказываютъ презрѣніе къ служенію Ему (14. 15). Не скажешь ли послѣ сего, что въ ихъ рукѣ счастье ихъ (16)!?... Вы говорите, что меркнетъ свѣтъ въ шатрѣ незаконныхъ (Вилдадъ 18, 6), что гибель всегда близка нечестивому (Вилдадъ 18, 12), что разрушительныя болѣзни убиваютъ ихъ (Вилдадъ 18, 13); но часто ли бываетъ все это,—часто ли у незаконныхъ лампада гаснетъ, и приходитъ на нихъ погибель ихъ,—часто ли Богъ даетъ болѣзни въ удѣлъ имъ (17—18)? Вы говорите (20, 10), что Богъ бережетъ дѣтямъ ихъ несчастье ихъ; но что-жь тутъ убываетъ отъ счастья беззаконника, когда не онъ, а другой за него терпитъ наказаніе (19—21)? Итакъ, нельзя предписывать Богу другаго порядка вещей, кромѣ того, какой существуетъ; напротивъ, дѣло такъ устроено, что одинъ умираетъ въ полномъ довольствѣ и счастья, другой въ крайней бѣдности и горести, хотя тотъ и другой за свой образъ жизни заслуживали участи противной (22—26). Вы говорите: гдѣ домъ тирана, и гдѣ шатеръ, въ которомъ незаконные жили (слич. 8, 22. 15, 34. 18, 15. 21)? Но путешествовавшіе по разнымъ странамъ укажутъ вамъ примѣры, какъ въ день погибели бываетъ пощажень злодѣй. Онъ дѣлалъ свое дѣло и умеръ, напередъ приготовивъ себѣ могильный памятникъ. Такимъ же образомъ пойдутъ за нимъ другіе, какъ и прежде его пошли многіе безъ числа (27—33). Поэтому разсужденія ваши не имѣютъ никакой основательности (34).

Третій рядъ рѣчей (22—31).

Рѣчь Елифаза (22). Доселѣ Елифазъ съ своими товарищами только предположительно намекалъ Юву, что вѣрно есть въ немъ какія вины, только извѣстныя Богу, за кои страдаетъ; теперь же, когда Ювъ въ послѣдней рѣчи не отразимыми доводами доказалъ, что Богъ судьбою людей управляетъ свободно, и что гораздо чаще можно видѣть въ жизни нечестивыхъ въ полномъ довольствѣ, а праведныхъ въ крайней бѣдности и горести, чѣмъ наоборотъ, Елифазъ рѣшительно объявляетъ, что Ювъ грѣшникъ и за грѣхи наказывается. Богу, говоритъ, нѣтъ никакой прибыли отъ того, что ты праведенъ, — праведностію своею человекъ только себѣ самому дѣлаетъ пользу; равнымъ образомъ Богу нечего бояться, если ты золъ; потому нѣтъ другой причины наказывать человека, кромѣ его грѣховъ (1—4). Теперь обратись къ самому себѣ: не велики ли были твои пороки и не безчисленны ли беззаконія, когда ты бѣдныхъ обижалъ (6), былъ не милостивъ къ нищимъ (7), поблажалъ сильнымъ (8) и притѣснялъ вдовъ и сиротъ (9)? Вотъ за эти-то беззаконія и терпишь наказаніе (10—11). Укоривши Юва въ такихъ грѣхахъ, Елифазъ обвиняетъ его еще въ томъ, будто онъ отрицаетъ управленіе Божіе дѣлами, происходящими на землѣ (12—14). Хотя Ювъ въ своихъ рѣчахъ никогда не выражалъ такой мысли, но отрицаясь въ счастіи однихъ и несчастіи другихъ признать возданіе Божіе за добродѣтели и пороки, онъ представлялся Елифазу говорящимъ, что Богъ вовсе не знаетъ о томъ, что дѣлается на землѣ и, живя далеко—на небѣ, не можетъ сквозь мракъ судить о дѣлахъ человѣческихъ. Ювъ,

по представлению Елифаза, столь нечестиво говорящий о Богѣ, слѣдуетъ примѣру древнихъ беззаконниковъ, которые за свое нечестіе и безбожіе потреблены водою и огнемъ; поэтому такіе беззаконники, какъ Іовъ, должны бояться, чтобъ и ихъ не постигла таже участь (15—20). Въ заключеніе Елифазъ увѣщаетъ Іова, чтобы онъ обратился къ Богу; если это слѣлаеть, то возвратитъ себѣ любовь и благоволеніе Божіе, съ которыми придетъ къ нему снова полное счастье (21—30).

Речь Іова (23. 24). Іовъ, пораженный рѣзкими и несправедливыми обвиненіями Елифаза, выражаетъ желаніе предстать предъ Богомъ и изложить предъ Нимъ свое оправданіе, только бы Онъ выслушалъ его безъ того вслїчїя, которое приводитъ его въ трепетъ (1—7). Но въ то же время Іовъ сознаетъ, что напрасно это желаніе, ибо нигдѣ не можетъ найти Бога; Іову кажется, что самъ Богъ скрывается отъ него (8. 9); зная невинность Іова, Онъ не хочетъ допустить его къ Себѣ на судъ, ибо тогда Онъ долженъ будетъ отступить отъ того, что предположилъ о немъ (10—13). Іовъ чувствуетъ, что бѣдствїя посланы ему отъ Бога по особенному намѣренію Божію, которое тщетно старается разгадать; чувствуетъ также, что страданїя его должны продолжиться, доколѣ не будетъ выполнено опредѣленіе Божіе. И тайна этого опредѣленїя, непостижимая для него, приводитъ его въ трепетъ и ужасъ больше, чѣмъ самыя страданїя (14—17). Послѣ того, какъ Іовъ описалъ такъ свое неизъяснимое бѣдствїе, переходитъ потомъ къ пространному изложенію того, что въ 21 гл. высказалъ о благоденствїи нечестивыхъ. Прежде всего спрашиваетъ: почему не установлены Богомъ времена,

когда бы нечестивые наказывались, и почему не приходят ли суда Божія, обѣщанные праведнымъ (24, 1)? За тѣмъ изображаетъ разныя злодѣянія нечестивыхъ, которыя совершаются безнаказанно (2—24), ихъ жадность, безчеловѣчіе и жестокость (2—12), разныя непотребства, совершаемыя не явно, а скрытно, убійцами, разбойниками и прелюбодѣями (13—16). На таковыхъ всѣхъ должно бы пасть тяжкое проклятіе, и самая память о нихъ должна бы изгладиться (18—21): но бываетъ иначе: они здоровы, и изъ отчаянной даже болѣзни часто встаютъ, хотя Богъ все это видитъ; а если и умираютъ, то умираютъ на высотѣ счастья, безъ изнурительной болѣзни, точно такъ—какъ срѣзаются зрѣлыя колосья (22—24). Если не такъ бываетъ,—заключаетъ рѣчь свою,—то пусть обличать меня во лжи (25).

Речь Виллада (25). Въ отвѣтъ на это, Вилладъ, не находя что возразить, могъ только, пользуясь мыслями Елифаза, выраженными въ его рѣчахъ (4, 17. 15. 14. 15), сказать, что Богъ безмѣрно великъ, и что, если чистѣйшія свѣтила предъ Нимъ нечисты, то тѣмъ болѣе чловѣкъ, рожденный женщиною, червь и моль, не можетъ быть правымъ предъ Нимъ (1—6).

Речь Иова (26). Замѣтивъ съ ироніею, какъ мало представленное Вилладомъ описаніе величія Божія помогаетъ разрѣшенію вопроса, Іовъ, въ доказательство того, что и самъ онъ хорошо знаетъ о величій Божіемъ, изображаетъ оное пространнѣе и въ самыхъ очевидныхъ фактахъ (1—4). Величіе Божіе видно не только въ небесахъ, какъ сказалъ Вилладъ (25, 2. 3), но и все подземное трепещетъ предъ Нимъ (5), и преисподняя Ему открыта (6).

Чудеса Его могущества видны на землѣ, которую Онъ повѣсилъ на ничемъ (7), и въ воздухѣ, гдѣ въ облакахъ держитъ Онъ воды (8), и за облаками, гдѣ Его престолъ (9). Богъ начерталъ предѣлы водамъ (10), потрясаетъ горы (11), утишаетъ волнуемое море (12), разчищаетъ воздухъ, помрачаетъ звѣзды (13). Но это описаніе, признается Іовъ, есть только легкое очертаніе величія Божія (14).

Первая рѣчь Іова ко всѣмъ друзьямъ (27. 28). Отвѣтивши Вилладу на краткое описаніе величія Божія болѣе пространнѣмъ изображеніемъ Творческаго могущества и силы (гл. 26), Іовъ возвращается къ рѣзкому и сильному обличенію его въ порокахъ и беззаконіяхъ, высказанному Елифазомъ (гл. 22), который хотѣлъ указать въ нихъ причину, почему рука Вседержителя такъ жестоко наказываетъ его. Іовъ съ клятвою утверждаетъ, что онъ никогда не согласится признать себя виновнымъ въ чемъ либо, тѣмъ болѣе, что самъ онъ сознаетъ, что лицемѣріе противно Богу и потому бесполезно для него самаго (27, 1—10). Такъ какъ, указывая на пороки Іова, друзья хотѣли тѣмъ объяснить дѣйствія Божественнаго Провидѣнія, опредѣляющаго жребій людей, Іовъ съ своей стороны предлагаетъ имъ свой взглядъ на это дѣло (11). Друзья смѣло и рѣшительно, какъ бы зная мысли самаго Бога, утверждали, что беззаконному человѣку отъ Бога назначена доля несчастная: ни дѣтямъ его пѣтъ счастья, ни ему самому, сколько бы ни усиливался устроить благополучіе, не будетъ пощады отъ Бога (12—23). Въ отвѣтъ на это Іовъ замѣчаетъ друзьямъ, что сужденія ихъ о раздаяніи Богомъ жребіевъ людямъ тогда только могутъ быть признапы заслуживающими вѣроятія, когда бы имъ было извѣстно,

откуда приходит Премудрость—источникъ всякаго знанія, чтобы они могли овладѣть ею и знать все сущее. Но человекъ достигъ искусства открывать въ тайникахъ и глубинахъ земли металлы и драгоценныя камни, что недоступно ни зоркому взору коршуна, ни отважной силѣ льва, и доставать ихъ не смотря на большія трудности (28, 1—11). А откуда приходит Премудрость, онъ не знаетъ, потому что она сокрыта отъ очей всего живущаго, и нельзя купить ее ни за какія драгоценности (12—22). Только одинъ Богъ знаетъ ее; Она всегда была съ Нимъ при твореніи и устройствѣ всего существующаго (23—27). Поэтому, не человекъ своимъ умомъ постигнуть то, что дѣлаетъ Богъ своею Премудростію; человекъ свойственно только благоговѣть предъ Богомъ,—въ этомъ его премудрость, и удаляться отъ зла,—въ этомъ его разумъ (28).

Вторая рѣчь Иова къ друзьямъ (29—31). Иовъ отстоявши свою невинность, защитившись отъ несправедливыхъ обвиненій, и ясно доказавши, что страданіе его такой предметъ, котораго умомъ человѣческимъ нельзя изъяснить, чувствуетъ облегченіе своей скорби. Пользуясь душевнымъ успокоеніемъ, теперь онъ высказываетъ все, что имѣлъ на душѣ и чего не могъ выразить въ спорѣ съ друзьями, подозрѣвавшими и укорявшими его въ порокахъ и беззаконіяхъ. Обращаясь къ прошедшей жизни, онъ съ горестію припоминаетъ минувшіе дни своего счастья, избражаетъ свою жизнь, когда пользовался особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ (29, 1—4), когда дѣти окружали его и было великое обиліе во всемъ (5. 6), когда всѣми былъ уважаемъ (7—11), и самъ не оставлялъ безъ помощи и защиты ни одного несчастнаго (12—17). При такомъ сча-

стливомъ положеніи своемъ, онъ ожидалъ продолжительной и спокойной старости (18). Все, по видимому, благопріятствовало этому: внѣшнее благосостояніе было упрочено (20), силы были крѣпки (21), уваженіе цитали къ нему всѣ, мнѣніемъ и совѣтомъ его дорожили, такъ что онъ былъ въ своемъ обществѣ какъ глава и какъ царь въ кругу воиновъ (22—25). Теперь же онъ сдѣлался посмѣшищемъ для младшихъ его лѣтами, для бѣдныхъ и самыхъ низкихъ людей, которые не стыдятся огорчать его разными клеветами (30, 1—15); теперь страшныя болѣзни сокрушили его (16—19); Богъ оставилъ его и ведетъ къ смерти, не внимая воплю и моленіямъ его (20—25). Какъ не плакать мнѣ, говоритъ Іовъ, когда вмѣсто ожидаемаго счастья, постигли меня скорби и болѣзни (26—31)? Какъ не плакать, когда я своимъ поведеніемъ не заслужилъ отъ Бога такихъ страданій? Око мое никогда не смотрѣло съ страстнымъ помысломъ на дѣвицу (31, 1—4); лукавство и коварство были чужды мнѣ (5—8); не чистая любовь къ чужой женѣ не оскверняла моего сердца (9—12); на своихъ рабовъ смотрѣлъ я, какъ на подобныя мнѣ созданія (13—15); бѣдному, вдовѣ и сиротѣ не отказывалъ въ помощи (16—23); на богатство не надѣялся и умноженію его не радовался (24, 25); богоотступному идолопоклонству не предавался (26—28); несчастіемъ врага не восхищался (29, 30); домъ мой былъ открытъ для всѣхъ странниковъ (31—32); лицемѣромъ я не былъ (33—34). Іовъ считаетъ себя столько безупречнымъ, что готовъ смѣло предстать на судъ Вседержителя и надѣется, что всякое обвиненіе, какое бы ни было подано его соперникомъ, послужить только къ его славѣ (25—37). Если что либо

изъ земли, принадлежащей ему, онъ приобрѣлъ не правильно съ обидою другихъ, то пусть, говоритъ, она за-растетъ куколемъ и волчцами (38—40)?

Рѣчи Эліуя (33—37).

Когда друзья умолкли, и Іовъ, между тѣмъ, съ большею противъ прежняго настойчивостію продолжалъ высказывать свою невинность предъ Богомъ, выступаетъ новый собесѣдникъ, младшій всѣхъ по возрасту—Эліуя, сынъ Варахіиловъ, Визитянинъ, изъ племени Рамова. Эліуя выступаетъ съ негодованіемъ какъ на Іова, такъ и на друзей его,—на Іова за то, что онъ считалъ себя правѣе Бога (разумѣется—въ своемъ дѣлѣ), а на друзей Іова за то, что они не нашли, что отвѣчать, а между тѣмъ обвиняли его (32, 1—5).

Въ пространномъ предисловіи (6—23) къ рѣчамъ своимъ Эліуя объясняетъ, почему онъ доселѣ оставался безмолвнымъ слушателемъ спора, происходившаго между Іовомъ и тремя друзьями его. Причина заключалась въ томъ, что онъ, какъ молодой лѣтами; боялся открывать свое знаніе предъ старцами, которые, предполагается, по своей многолѣтней опытности, должны быть мудры (6—8). Но въ то же время, представляя, что во всякомъ человѣкѣ есть дыханіе Вседержителево, дающее ему способность разумѣнія, Эліуя былъ убѣжденъ, что знаніе можетъ принадлежать не однимъ старикамъ (9—11). Потому совсѣмъ вниманіемъ слѣдилъ за сужденіями собесѣдниковъ, ожидая, что Іовъ будетъ опровергнутъ; но никто изъ собесѣд-

никовъ не опровергъ, всѣ умолкли, Іовъ остался побѣдителемъ (12—13). Хотя можно ожидать, что Іова вразумить самъ Богъ, хотя Іовъ и не къ Элію обращалъ свою рѣчь (14—15); но такъ какъ всѣ умолкли (16—17), то Элію, движимый внутреннимъ побужденіемъ, намѣренъ предложить Іову свои сужденія, и предложить безъ всякаго лицемѣрія и лести (21—23).

Слушая бесѣды друзей съ Іовомъ, Элію ожидалъ, что они будутъ разбирать рѣчи Іова (32, 12); но этого въ ихъ объясненіяхъ съ Іовомъ онъ не замѣтилъ. Поэтому, входя въ бесѣду съ Іовомъ, онъ извлекаетъ изъ его рѣчей три основныя положенія и разбираетъ каждое порознь въ отдѣльной рѣчи. Приступая къ этому разбору, Элію предваряетъ Іова, что онъ будетъ высказывать свои убѣжденія съ искреннимъ чистосердечіемъ, какъ свойственно одушевленному созданію Божію, и что его, какъ совершенно равнаго и подобнаго себѣ, Іовъ можетъ выслушивать безъ смущенія и страха, и спокойно возражать ему, если найдетъ что сказать противъ его мыслей (33, 1—7). Іовъ желалъ, чтобы явился самъ Богъ и рассудилъ его съ друзьями, но въ тоже время боялся поражающаго ужасомъ величія Его (сн. 9, 34. 13, 21). Элію, вызывая Іова на разсужденіе съ собою, какъ съ равнымъ ему, съ коимъ можетъ онъ говорить свободно, безъ всякаго страха, надѣется, что успеетъ вразумить его и тѣмъ заставить отказаться отъ требованія суда Всевышняго.

1. ПЕРВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И РАЗБОРЪ ЕГО (33, 8—33).

Ты говорилъ: *«чистъ я, безъ грѣха, — правъ, и нѣтъ вины во мнѣ»* (ср. 9, 21. 10, 7. 13, 18. 16, 17. 23, 10. 27, 5); *а Онъ, т. е. Богъ, выискалъ непріязнь противъ меня, считаетъ меня врагомъ Себѣ* (ср. 13, 24. 19, 11); *поставилъ въ колоду ноги мои и наблюдаетъ за всеми путями моими* (ср. 13, 27), (8—11).

Эліуй отвѣчаетъ: Вотъ въ этомъ-то и неправота твоя; ибо Богъ болѣе человѣка. Для чего препираться съ Тѣмъ, кто ни въ какихъ дѣлахъ своихъ не обязанъ давать отчетъ (12. 13)? Эліуй не укоряетъ Іова въ какихъ либо проступкахъ, не отрицаетъ и праведныхъ дѣлъ его, которыя Іовъ предъ симъ изобразилъ, но указываетъ Іову не правоту его въ томъ, что онъ, будучи безпредѣльно меньше Бога, отрицаетъ у Него право поступать съ своими тварями по Своему усмотрѣнію, — въ томъ, что онъ требуетъ отчета отъ Бога въ Его дѣйствіяхъ. Если бы можно было думать, что дѣйствія Вседержителя направлены не къ благу, а къ гибели человѣка, тогда Іовъ былъ бы правъ въ своемъ препирательствѣ съ Богомъ. Но Іовъ едва ли можетъ думать такъ о Богѣ. Впрочемъ, не чувствуя за собою никакой вины, заслуживающей наказанія, Іовъ усматривалъ въ дѣйствіяхъ Божіихъ въ отношеніи къ нему что-то непріязненное, враждебное. Поэтому, Эліуй, сказавши, что человѣкъ не вправе требовать отчетъ отъ Бога въ Его дѣйствіяхъ, представляетъ для примѣра два образца (14—18, 19—28), показывающіе, какъ поступаетъ Богъ съ человѣкомъ, когда хочетъ отвести душу его отъ грозящей ему гибели (29. 30), именно: или вразумляетъ

его своими откровениями во снѣ, или тяжкими болѣзнями, располагающими душу къ покаянію. Іову надо это знать, чтобы имѣть справедливое сужденіе о дѣйствіяхъ Вседержителя (31—33).

2. ВТОРОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И РАЗБОРЪ ЕГО (34).

Эліуй обращается къ собесѣдникамъ Іова и проситъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ обсудить слова, которыя говорилъ Іовъ (1—4).

Іовъ говорилъ: *Я правъ* (יָדָעְתִּי), но *Богъ отнялъ право мое* (נִשְׁפָּטָה מִי); *на правду свою* (עַל-מִשְׁפָּטַי) *я долженъ мять, мучительна стрѣла моя безъ вины* (34, 5. см. 13, 18. 9, 20. 21. 27, 2). Смысль тотъ: я правъ, и потому имѣлъ право быть свободнымъ отъ наказанія. Но Богъ отнялъ у меня это право, подвергнувъ страшному испытанію безъ всякой вины моей. Стало быть, Богъ поступаетъ не справедливо, заставляя меня считать себя виновнымъ предъ Нимъ, когда я невиненъ. Считая такое сужденіе о Богѣ богохульствомъ, которое свойственно только людямъ беззаконнымъ и нечестивымъ (7—9), Эліуй старается защитить правду Божию, и защищаетъ тѣмъ, что съ понятіемъ о Богѣ, какъ Творцѣ и Вседержителѣ, не согласно представленіе, чтобы Онъ поступалъ не справедливо и не воздавалъ каждому по дѣламъ его, и что если бы Онъ захотѣлъ когда либо губить безъ вины и законовъ, то вдругъ все бы погибло (10—15). Ненавидящій правду не можетъ управлять (17). Поэтому, если земному царю или вельможѣ неприлично упоминать объ ихъ недостаткахъ; тѣмъ болѣе будетъ дерзновенно обвинять въ неправосудіи Вседержителя, предъ Которымъ всѣ люди твореніе рукъ Его (17—19).

Его могущество, предъ Которымъ ничто не можетъ устоять (20), Его всевѣдѣніе, отъ Котораго зло и беззаконіе нигдѣ не могутъ укрыться (21—27), наконецъ Его милосердіе къ обиженнымъ (28), даютъ Ему возможность проявлять правосудіе, которое и въ разсужденіи народа и въ разсужденіи всякаго человѣка направляется къ одному, чтобы не возобладалъ надъ другими лицемѣръ и не было обмана народу (29. 20). Итакъ, вмѣсто того чтобы обвинять Бога въ неправосудіи, слѣдуетъ такъ говорить Ему: «Я несу наказаніе, — буду лучше; если что по невѣдѣнію допустилъ, — научи меня; если поступилъ не право, — впредь не буду», т. е. человѣкъ долженъ всегда быть покоренъ волѣ Божіей (31. 32). Думаешь ли, что Онъ по твоему разсужденію долженъ воздавать за все (33)? За тѣмъ, выражая увѣренность, что никто изъ здравомыслящихъ не одобритъ образъ мыслей Іова, свойственный людямъ нечестивымъ, Эліуй высказываетъ желаніе, чтобы оный былъ подвергнутъ тщательному испытанію, дабы ко грѣху (חַטָּאת), что свойственно всякому человѣку, не приложилъ преступления (עֲוֹן) и не наговорилъ еще больше противъ Бога (34—37).—Эліуй такимъ образомъ обвиняетъ Іова не въ порочной жизни, какъ друзья его, а въ богопротивномъ сужденіи о правосудіи Божіемъ.

3. ТРЕТЬЕ ПОЛОЖЕНІЕ И РАЗБОРЪ ЕГО (35).

Іовъ говорилъ: *если Богъ наказываетъ меня невиннаго; то отъ того, что я праведенъ, не больше имѣю пользы, какъ и отъ того, если бы я грѣшилъ* (1—4. сн. 9, 22. 10, 15. 34, 9).

Положеніе это имѣло у себя ту опасную сторону,

что беззаконные, видя бѣдственныя страданія праведниковъ и находя въ своемъ нечестіи и злодѣйствахъ, совершаемыхъ безнаказанно, свободный просторъ своеволю и страстямъ, могли безупречно предпочитать свой путь благочестивой жизни и привлекать къ нему взоры самихъ праведниковъ, — что Эліуй, повидимому, предполагалъ уже зѣ Іовѣ (слч. 34, 8. 9. 36. 36, 21). Видно, что во время Іова были люди, которые, свободно предаваясь всякимъ порокамъ и разврату, свои убѣжденія о Богѣ и взгляды на жизнь, соотвѣтствующіе ихъ поведенію, возводили въ теорію нравственнаго ученія. Это то, что у Псалмопѣвца (Пс. 1, 1) и въ нашей книгѣ (21, 16. 22, 18) называется *совѣтомъ нечестивыхъ*, *סוֹפֵרֵי רָעָה*. Эліуй выражаетъ опасеніе, чтобы Іовъ не присоединился къ этому сообществу, замѣчая въ мысляхъ его нѣкоторое склоненіе къ его ученію (34, 8. 9. 36, 21). Въ той мысли, что добродѣтель не даетъ никакихъ выгодъ и преимуществъ предъ грѣхомъ, или, какъ выражено въ 34, 9., нѣтъ человѣку пользы быть въ благоволеніи у Бога, такъ какъ Богъ подвергаетъ тяжкому наказанію и праведника, заключается представленіе, что праведный человѣкъ своею добродѣтелью дѣлаетъ какъ бы одолженіе какое Богу, за которое Богъ долженъ непременно заплатить соотвѣтственною цѣною. У Іова эта мысль и высказывалась не разъ, когда онъ жизнь человѣка сравнивалъ съ воинскою службою, или съ днями наемника, раба, которыхъ подневный трудъ тѣмъ услаждается, что они надѣются въ извѣстный срокъ получить заслуженную плату (7, 1. 2). Разбирая мысль Іова, Эліуй отвѣчаетъ: что касается до Бога, то ни грѣхъ не дѣлаетъ Ему какого либо урона, ни праведность не доставляетъ

какой либо выгоды; но для самаго чловѣка они не безразличны: порокъ ему вредить, а праведность приноситъ пользу (5—8). Ювъ, конечно, могъ указать противъ сего на стоны невинно угнетенныхъ, которые остаются долго безъ вниманія со стороны Вседержителя. Эліуй отвѣчаетъ, что если Богъ оставляетъ ихъ безъ вниманія, то потому, что не обращаются къ Нему съ молитвою о защитѣ (9—11). А если и прибѣгаютъ къ Нему, и Онъ не слышитъ, то потому, что прибѣгаютъ не съ смиреніемъ, а съ гордостію (12—13). Притомъ, никто не вправѣ осуждать Бога за свои страданія потому, что не видигъ еще, чѣмъ кончатся его страданія (14). Въ заключеніе, Эліуй высказываетъ свой взглядъ на отношеніе наказаній, испытываемыхъ людьми, къ Богу. Во первыхъ, по словамъ Эліуя, нынѣ Богъ наказываетъ не во гнѣвѣ Своемъ, а (подразумѣвается) въ видахъ любви, желающей спасенія и совершенства людямъ. Во вторыхъ, самое надменіе судить Онъ еще не со всею строгостію, въ видахъ, конечно, тойже любви. Поэтому, всякое рѣшительное сужденіе объ отношеніи наказанія къ правдѣ Божіей будетъ преждевременно и не основательно. Но то самое, что Богъ не во гнѣвѣ нынѣ наказываетъ, и что Онъ не судитъ еще надменія со всею строгостію, служитъ причиною, что Ювъ такъ много безразсуднаго высказалъ противъ Бога (15—16).

Разобравши главные мысли Юва, которыя высказывалъ онъ противъ Бога въ рѣчахъ своихъ, защищая свою правоту, Эліуй поставляетъ далѣе (36. 37) задачею своею показать Юву достоинство Создателя, имъ уничижаемое. Сужденія свои о Немъ беретъ онъ не изъ частныхъ явленій, представляющихся обыденному наблюденію, но изда-

лека לְמִצְחֶיךָ, какъ говоритъ онъ, изъ общихъ основныхъ представленій о Богѣ, какія можетъ имѣть человѣкъ непорочный въ образѣ мыслей. Эти представленія выражаетъ онъ въ краткихъ положеніяхъ, которыя порознь раскрываетъ и сопровождаетъ выводами изъ нихъ, направленными противъ образа мыслей Іова. Въ заключеніи выражаетъ основную свою мысль, которую именно хотѣлъ внушить Іову, вступивши въ бесѣду съ нимъ послѣ друзей его.

Первое положеніе. Великъ Богъ и всякому даетъ свое право т. е. всякому воздаетъ то, чего заслуживаетъ. Потому, какъ беззаконные, такъ и праведники получаютъ отъ него должное (5—8). Если Онъ допускаетъ праведникамъ испытывать бѣдствія, то для ихъ же совершенства, и посредствомъ страданій ихъ открываетъ имъ ухо для принятія вразумленія отъ Него. Если послушаютъ Его, то возвращаетъ имъ благополучіе (9—15). Прилагая это замѣчаніе къ Іову, увѣряетъ, что и къ нему возвратится прежнее счастье, только бы онъ оставилъ сужденія, свойственныя нечестивымъ, помня, что вина и судъ тѣсно связаны между собою (16. 17), и что ни богатство и никакая сила могущества не избавятъ его отъ гнѣва Божія (18. 19). Потому Іовъ долженъ всемирно беречься отъ нечестія, которое онъ готовъ уже предпочесть злостраданію (20. 21).

Второе положеніе. Богъ высокъ могуществомъ Своимъ, такъ что Владыки подобнаго Ему нѣтъ. Потому, Іову надобно думать не о томъ, худо или хорошо Онъ дѣлаетъ, а о томъ, какъ прославлять дѣла Его, видныя для всѣхъ смертныхъ (22—25).

Третье положеніе. Богъ великъ, неостижимъ и вѣченъ (26). Чудеса Его величія видны и въ капляхъ дождя, которыя льются съ небесъ и окропляютъ множество человѣковъ (27. 28), и въ облакахъ распростертыхъ какъ шатеръ (29), въ звѣздномъ небѣ, отгуда Онъ судить народы и шлетъ Свои повелѣнія на землю (30—33), въ громѣ съ молніею, въ которомъ слышится гласъ Его (37, 1—5), въ снѣгѣ и дождѣ, въ бурѣ и стужѣ (6—9), въ льдѣ и тучахъ, которыя въ рукахъ Его бываютъ то жезломъ наказанія, то источникомъ милости (10—13). Такъ какъ для насъ не постижимо, какъ все это Богъ производитъ, какъ, на примѣръ, свѣту облака повелѣваетъ Онъ блистать, какъ висятъ облака, какъ одежда нагрѣвается, когда Онъ посылаетъ тишину съ юга, и самъ Іовъ ничего изъ такихъ не можетъ намъ объяснить, то помышляя о дѣйствіяхъ Вседержителя, не постижимыхъ для насъ, не остается ничего, какъ только благоговѣть и смиряться предъ Нимъ. *Вседержитель! Ты не постигаемъ Его! Великъ Онъ могуществомъ; и въ судѣ и въ правдѣ не даетъ отчета. И такъ, да благоговѣютъ предъ Нимъ люди! Онъ не взираетъ ни на кого изъ высокоумныхъ* (14—24)!

Рѣчи Іеговы и отвѣты на нихъ Іова (38—42, 6).

Такъ какъ рѣчь Эліуя не достигла своей цѣли, — Іовъ не только не смирился, но и не отвѣтилъ на нихъ, то необходимо было, чтобы явился самъ Богъ, — какъ Іовъ давно сего желалъ, — и вразумилъ его. Іегова явился въ вихрѣ бурномъ и оттуда говорилъ къ Іову.

Въ двухъ рѣчахъ Своихъ Іегова не даетъ объясненія

Иову, почему такъ поступилъ Онъ съ нимъ т. е. подвергъ его тяжкому страданію, и какими законами или правилами вообще руководствуется Онъ, посылая счастье или несчастье людямъ, — Творцу не естественно давать твари отчетъ въ Своихъ дѣйствіяхъ. Иегова и не разсуждаетъ, т. е. не ведетъ нити мыслей своихъ такъ, чтобы одни изъ нихъ были выводомъ изъ другихъ, и чтобы слушающій Его убѣждался твердостію полагаемыхъ основаній, — Богу не свойственъ такой способъ доказательства. — Дѣла Творца говорятъ за Него яснѣе и тверже всякихъ доводовъ. Чтобы привести Иова къ сознанію своего не разумнаго дерзновенія и смиренію, Иегова указываетъ ему на дѣла Своей премудрости и Всемогущества въ твореніи міра и промышленности о немъ. Такъ какъ Иовъ не только не можетъ что либо подобное дѣлать, но не въ состояніи понять и объяснить, какъ все это дѣлается, то съ его стороны слишкомъ дерзновенно вступать въ состязаніе съ Богомъ и требовать отъ Него объясненія, почему и за что Онъ подвергъ его тяжкому испытанію, которое считаетъ не заслуженнымъ.

Первая рѣчь Иеговы (38. 39, 1—32).

Величественная рѣчь Божія течетъ такъ. Осудивъ велерѣчивое дерзновеніе затмить опредѣленіе вышняго Совѣта (38, 2), Богъ вызываетъ Иова показать свою мудрость и знаніе (3), и требуетъ отъ него объясненія: гдѣ онъ былъ при основаніи вселенной (4)? — кѣмъ и какъ устроена земля (5—7), море (8—11)? — можетъ ли онъ выводить утренній свѣтъ (12), сгоняющій съ земли злодѣевъ и украшающій ее разнообразіемъ цвѣтовъ (13—15)? — извѣстны ли ему глубины моря (16), преисподняя (17), широта земли

(17. 18), происхождение свѣта (19—21), снѣга, града, вѣтровъ (22—24), дождей и молніи (25—27), росы, льда, инея (28—30)?—онъ ли поставилъ на небѣ звѣзды и водить планеты (31. 32), даетъ законы облакамъ, молніи, воздушнымъ явленіямъ (33—38)?—онъ ли кормить льва, ворона и дѣтей ихъ (39—41)? Знаетъ ли онъ, по какимъ законамъ рождаются и живутъ лани (39, 1—4), дикіе ослы (5—8), буйволы (9—12) и строусы (13—18)?—онъ ли далъ коню мужество (19—25)?—его ли умомъ живутъ ястребъ (26) и орелъ (27—30)? Указавъ на всѣ эти дѣла всемогущества и премудрости Своей, являемыя въ твореніи и бытіи міра, которыхъ Іовъ не можетъ понять и объяснить, тѣмъ менѣе сдѣлать что либо подобное имъ, Іегова требуетъ отвѣта отъ него: будетъ ли онъ, какъ мятежникъ, порицающій дѣйствіе Вседержителя, состязаться съ Нимъ (31. 32)?

Отвѣтъ Іова. Іовъ сознаетъ свое ничтожество и отрицается отвѣчать Іеговѣ и впредь когда либо говорить что противъ Него (33—35).

Вторая рѣчь Іеговы (40. 41).

Такъ какъ Іовъ не только требовалъ объясненія отъ Бога, почему онъ страдаетъ, но еще обвинялъ Его въ несправедливости, считая себя невиннымъ, укорялъ Его въ томъ, что онъ поступаетъ съ нимъ не по правдѣ; то Іегова, для окончательнаго вразумленія Іова, въ другой разъ вызываетъ его къ объясненію (40, 1—3). Дѣло идетъ о правдѣ. Іовъ считалъ себя правымъ предъ Богомъ; но и Богъ не могъ поступать не праведно. На чьей же сторонѣ правда? Между людьми часто бываетъ: кто сидѣще, тотъ и правъ. Но это право, въ разсужденіи людей, не спра-

ведливое, потому что сила у людей не всегда соединяется съ внутреннею правотою; весьма часто или большею частію насиліе происходитъ отъ стремленія свои личные интересы поставить выше интересовъ всякаго другаго лица и даже интересовъ общества. Это право, очевидно, не справедливое. Въ Богѣ сила или могущество соединяется необходимо, по природѣ самаго Существа Божія, съ внутреннею правотою или святостію. Въ Богѣ право сильного есть право святаго, истиннаго, всеблагаго, и проч., т. е. справедливое право. Право Божіе или правда Божія имѣеть въ виду не личный интересъ или благо того или другаго существа въ частности, отдѣльно или независимо отъ блага всѣхъ другихъ существъ, какъ это бываетъ у людей, какъ это имѣлъ въ виду и Іовъ, опредѣляя весь кругъ своего бытія и счастья только предѣломъ настоящей своей жизни (7, 1—3. 7. 10, 20), но общее благо твореній Божіихъ, въ которомъ имѣють причастіе всѣ частныя твари на столько, на сколько способны принять по внутренней правотѣ своей. Правда Божія, которая не есть только отвлеченное представленіе идеи справедливости, но есть живое дѣйствіе или проявленіе творческой и промыслительной Силы въ мірѣ, не мыслима безъ Силы, безъ Всемогущества, для того чтобы она была правдою въ дѣйствительности, потому что въ мірѣ живыхъ и одушевленныхъ существъ, со времени открывшейся въ немъ вражды противъ Бога и правды, постоянно встрѣчается сильное противодѣйствіе ей. У Бога Всемогущество и правда—понятія синонимическія или тождественныя (Ис. 45, 24). Потому, Богъ, отвѣчая Іову на обвиненіе Его въ несправедливости, говоритъ: *такая ли у тебя мышца, какъ у Бога? и возречишь ли ты голосомъ такъ, какъ Онъ* (4)?

И за симъ продолжаетъ: *если ты можешь обложить себя величїемъ и славою, облечься въ блескъ и великолѣпіе (5), излить ярость гнѣва своего и смирить все высокомерное (6), унижить надменное и низложить беззаконныхъ на мѣсть ихъ (7), зарыть ихъ вѣсѣхъ въ землю и лица ихъ покрыть тьмою (8), тогда Я, увидѣвъ силу десницы твоей, восхваляю тебя, уступлю тебѣ Свое право (9).* Но чело-вѣку не дано такого могущества. Можетъ ли онъ производить такія дѣйствія въ нравственномъ мірѣ, если и въ средѣ не разумной природы подлѣ него встрѣчаются твари, облеченныя такою крѣпостію и силою отъ Творца, что онъ, при всемъ своемъ искусствѣ, не можетъ покорить ихъ своей власти безъ явной опасности жизни? Для примѣра Іегова представляетъ двухъ животныхъ, изъ которыхъ одного называетъ первенцемъ Своихъ твореній (40, 14), а другаго — царемъ между сынами гордости (41, 26). Вотъ, говоритъ, Гиппопотамъ, котораго Я сотворилъ, какъ и тебя; онъ ѣсть траву, какъ волъ и проч., описываетъ его устройство, образъ жизни, его неустрашимость, и въ заключеніе спрашиваетъ Іова: *въ глазахъ его кто можетъ взять его и въ тенетахъ проколоть носъ ему (10—19)?* Другое животное крокодилъ. Описываетъ устройство его пасти, крѣпость и плотность покрывающей его чешуи, силу мускуловъ, быстроту движеній, и также спрашиваетъ Іова: можетъ ли онъ на удѣ вытащить крокодила и обратить его въ рабы вѣчныя, забавляться имъ, какъ птичкою, и связать его для дѣтей своихъ?—Нѣтъ столь отважнаго, кто бы рѣшился взбудить его; а кто же тотъ, который устоялъ бы противъ Меня (30—41, 1—26)?

Отвѣтъ Іова (42, 1—6). Въ отвѣтъ на слова Іе-

говы, Іовъ исповѣдуетъ Его всемогущество (1. 2), сознаетъ прежнее свое неблагоразуміе и крайнюю ограниченность своего разумѣнія (3. 4), — выражаетъ радость, что своими глазами видѣлъ Того (תִּרְאֶה אֶת־יְהוָה сн. 19, 27), о комъ прежде только ухомъ слышалъ (5), — отрицается отъ всего, что говорилъ, и приноситъ покаяніе въ прахъ и пепѣль (6).

Эпилогъ (42, 1—17).

Послѣ рѣчей къ Іову, Іегова обращается къ Елифазу съ выраженіемъ Своего гнѣва на него и на двухъ друзей его за то, что говорили предъ Нимъ (אֲנִי, LXX—ἐνωπίον μου) не такъ вѣрно, какъ Іовъ; повелѣваетъ имъ просить Іова, чтобы онъ помолился за нихъ, и ради его ходатайства обѣщаетъ простить ихъ неразуміе. Друзья успѣшили исполнить повелѣніе Іеговы и принесли жертву всесожженія за себя; Іовъ помолился за нихъ; и Іегова помиловалъ ихъ (7—9).

Послѣ сего Іегова воздвигъ Іова отъ болѣзни. Братья и сестры и всѣ прежніе знакомые, оставившіе его во время болѣзни, собрались въ домъ его изъяснить ему свое сочувствіе и утѣшить послѣ перенесенныхъ имъ страданій; ѣли съ нимъ хлѣбъ въ домъ его, и каждый далъ ему по одной неситѣ и по одному золотому кольцу (10—11).

Іегова благословилъ его сугубымъ счастіемъ, удвоивъ прежнее богатство его; благословилъ его дѣтьми, вмѣсто умершихъ, давъ ему снова семь сыновъ и три дочери. Дочери отличались красотой и получили отъ отца наслѣдство между своими братьями. — Проживъ послѣ болѣзни сто сорокъ лѣтъ и видѣвъ потомство свое до четвертаго рода, Іовъ умеръ въ глубокой старости, насытившись жизнію (10—17).

II.

Книга Іова является между книгами еврейскаго народа, въ ряду тѣхъ, кои почитались у него священными. Доколѣ мы незнаемъ мѣста ея происхожденія, доколѣ намъ не извѣстно существованіе оригинала ея на другомъ языкѣ, имѣемъ право смотрѣть на еврейскій текстъ ея, какъ на первоначальный, основной, и не имѣемъ съ чѣмъ сравнивать ее, кромѣ тѣхъ книгъ, въ ряду которыхъ всегда, сколько извѣстно, занимала мѣсто.

Сравнивая книгу Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами, беремъ ее какъ произведеніе писателя, безъ отношенія къ тому, что онъ хотѣлъ передать въ ней мысли, сужденія и рѣчи другихъ лицъ, въ ней изображаемыхъ. Дѣйствительныя ли это лица или вымышленныя имъ, въ томъ и другомъ случаѣ не можемъ не признать, что авторъ долженъ былъ поставить ихъ въ извѣстный пунктъ времени и дать имъ положеніе, съ нимъ сообразное, для того, чтобы ихъ мысли и сужденія имѣли реальное значеніе. Но съ другой стороны, будемъ ли думать, что авторъ жилъ въ одно время съ ними, или предположимъ, что ихъ раздѣляетъ болѣе или менѣе значительное пространство времени, во всякомъ случаѣ, передавая мысли, сужденія и взгляды другихъ лицъ, переведенные чрезъ собственное его сознаніе, онъ пользовался для сего тѣмъ духовнымъ содержаніемъ, каковое могъ получить отъ своего образованія, принадлежа своему времени; вслѣдствіе чего, произведеніе, имъ написанное, есть его произведеніе, принадле-

жить его а не другому времени, и той странѣ, которая была его родиною и поприщемъ его дѣятельности.

Сравненіе книги Іова съ другими ветхозавѣтными книгами можетъ касаться содержанія ея, формы изложенія онаго и, наконецъ, языка. Какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ изложенія и въ языкѣ, она, какъ и всякая другая книга, должна носить печать своего времени, своего отечества и автора, давшего ей бытіе. Сравненіе книги Іова съ прочими ветхозавѣтными писаніями съ этихъ трехъ сторонъ всегда признавалось учеными изслѣдователями нашей книги, какъ первое и почти единственное условіе къ опредѣленію ея происхожденія. Относили происхожденіе ея къ періоду патріархальному до Моисея, или къ Моисееву времени, или ко временамъ Самуила, Давида и Соломона, Езекии, Манассіи, или позже — ко временамъ плѣна вавилонскаго и послѣ плѣна, полагали родину ея въ Палестинѣ, въ Сиріи, Аравіи, Идумеи, Египтѣ и проч., всегда основаніе для своихъ предположеній изслѣдователи указывали либо въ содержаніи, либо въ формѣ, либо въ языкѣ ея, сравнивая съ другими книгами. Но большею частію, если не всегда, въ этомъ сравненіи не достаетъ надлежащей полноты: брали наприм. во вниманіе одно какое либо изъ трехъ обстоятельствъ, оставляя другія; весьма часто останавливались на одномъ какомъ либо мѣстѣ или текстѣ изъ книги и на основаніи его заключали о времени или мѣстѣ происхожденія книги, ея авторѣ и проч. Такъ наприм. Фюрстъ, взявъ во вниманіе три мѣста изъ книги 9, 24. 12, 4—6. 23. 15, 19. 28, построилъ на нихъ заключеніе, что писатель ея жилъ во время іудейскаго царя Манассіи; Магнусъ, встрѣтивъ въ книгѣ Іова выраженія общія съ Исаіею,

заключилъ, что она написана во время Езекии и Исаи; Розенмиллеръ, Шлотманъ, Геферникъ, Кейль, Деличь и др., замѣтивъ въ нашей книгѣ сродство въ идеяхъ и языкѣ съ псалмами Давида и притчами Соломона, относили происхожденіе ея ко времени Соломона. Чтобы вѣриче и основательнѣе судить о происхожденіи нашей книги, не надо опускать изъ виду, по возможности, ни одного обстоятельства.

I. Сравненіе книги Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами по содержанию.

Если книга Іова произошла на одной почвѣ съ прочими ветхозавѣтными книгами и писателемъ ея былъ еврей, то, безъ сомнѣнія, она должна имѣть сродство съ ними въ содержаніи своемъ. Принадлежа извѣстному времени, авторъ ея естественно былъ знакомъ съ произведеніями еврейской письменности, до него явившимися, и слѣды этого знакомства должны быть примѣтны въ книгѣ, имъ написанной, — точно также, какъ слѣды знакомства съ его книгою могутъ быть примѣтны въ произведеніяхъ, послѣ нея написанныхъ. Слѣды эти въ томъ и другомъ случаѣ могутъ заключаться или въ сходныхъ мысляхъ и представленіяхъ, или въ одинаковыхъ образахъ и выраженіяхъ, или, наконецъ, въ подобныхъ оборотахъ рѣчи. Мѣста, заключающія въ себѣ сродство въ какомъ либо изъ этихъ отношеній, называются обыкновенно *параллельными*.

Параллельныя мѣста изъ книгъ

Бытія:

Іов. 4, 29. Чтоже обитающіе въ *домахъ изъ брениа*, которыхъ основаніе въ *прахъ* (רֶעָרָע). Быт. 2, 7: И со-

здалъ Господь челоѣка изъ праха (רָפָא) земнаго; 3, 29: прахъ (רָפָא) ты, и въ прахъ (אֶל-רָפָא) возвратишься. Что подь домомъ изъ брениа רָפָא רָפָא разумѣется у Іова тѣлесный составъ челоѣка, видно изъ сличенія съ Іов. 10, 9. 33, 6.

Іов. 18, 15: Сѣра (רָפָא) посыллется на жилище его. Намекъ на истребленіе Содома и Гоморры. Быт. 29, 24: сѣра רָפָא. Под. Пс. 10, 6. Пророкъ Іеремія угрожаетъ Идумеи (49, 18) и Вавилону (50, 40) участію Содома и Гоморры.

Іов. 19, 3. Вотъ уже разовъ десять רָפָא רָפָא Быт. 31, 7. Числ. 14, 22. Неем. 5, 12.

Іов. 27, 3: доколѣ еще дыханіе мое во мнѣ, и духъ Божій въ ноздряхъ моихъ, 32, 9. Мысль Быт. 2, 7.

Іов. 30, 19: и я сдѣлался, какъ прахъ и пепель, רָפָא רָפָא; Быт. 18, 27: я прахъ и пепель, רָפָא רָפָא.

Іов. 42, 17: И умеръ Іовъ въ старости, и насыщенный жизнью. Точно также повѣствуется объ Авраамѣ (Быт. 25, 8) и Исаакѣ (35, 29).

Левитъ:

Іов. 15, 20—30. Елифазъ изображаетъ участь нечестивыхъ, имѣя въ виду предназначеніе судьбы ихъ (въ лицѣ Израила) въ кн. Левитъ 26, 16—37. Приступая къ этому изображенію, Елифазъ напередъ извѣщаетъ Іова, что онъ намѣренъ показать ему, что мудрые возвѣстили какъ принятое отъ отцевъ своихъ (коимъ однимъ передана была земля и чужой не ходилъ среди ея), и что онъ самъ видѣлъ. По этому, слышанное отъ мудрыхъ (т. е. пророковъ іудейскихъ, бывшихъ хранителями слова Іеговы) онъ передаетъ съ добавленіемъ собственныхъ на-

блюденій, и отъ того картина участи Израиля, нарисованная Моисеемъ и примѣняемая Елифазомъ вообще къ нечестивымъ, нѣсколько затемняется; при всемъ томъ нельзя не примѣтить основныхъ чертъ ея въ указанномъ мѣстѣ нашей книги. **Іов. 15, 20:** Нечестивый самъ себя мучить во всѣ дни свои; **21:** гласъ ужасовъ въ ушахъ его; среди мира гремитъ, губитель идетъ на него; **22:** онъ не надѣется спастись отъ тьмы. **Лев. 26, 15;** если презрите Мои повелѣнія и если душа ваша возмущается Моими законами, **16:** то и Я поступлю съ вами такъ: пошлю на васъ ужасъ... **17:** и будутъ господствовать надъ вами непріатели ваши, и побѣдите, когда никто не гонится за вами; **ст. 35:** оставшимся изъ васъ пошлю въ сердца робость въ землѣ враговъ ихъ, и шумъ колеблющагося листа погонитъ ихъ, и побѣгутъ какъ отъ меча, и падутъ, когда никто не преслѣдуетъ.—**Іов. 15, 22:** онъ (нечестивый) и предусмотрѣвъ (אֶפְשׁוּרָא предопредѣленъ, предназначенъ) для меча. **Лев. 26, 23. 25:** Если и послѣ сего не исправитесь... то наведу на васъ мстительный мечъ... **Іов. 15, 23:** онъ скитается за кускомъ хлѣба: гдѣ взять? **Лев. 26, 26:** хлѣбъ, подкрѣпляющій человѣка, истреблю у васъ... **Іов. 15, 25:** за то, что онъ простиралъ противъ Бога руку свою, хотѣлъ показаться крѣпкимъ противъ Вседержителя, устремлялся противъ Него съ гордою выею... Въ означенной главѣ кн. Левитъ Моисей изображаетъ Израилю рядъ постепенно увеличиваемыхъ Іеговою казней, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ отступленіи отъ заповѣдей Іеговы, будетъ итти противъ Него, слч. **ст. 21.** Характеристическое выраженіе этого упорства въ **ст. 19:** и сломя гордое упорство ваше.

Иов. 31, 8 имѣеть въ виду Лев. 26, 16.

Иов. 31, 11 имѣеть въ виду Лев. 20, 10.

Второзаконія:

Иов. 2, 7: И поразилъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги его по самое темя его. Болѣзнь Іова означена словами изъ Второз. 28, 35: поразить тебя Господь злою проказою... отъ подошвы ноги твоей до самаго темени твоего.

Иов. 5, 14: И въ полдень ходять ощупью, какъ бы ночью; Втор. 28, 29: и ты будешь ощупью ходить въ полдень, какъ слѣпой ощупью ходить въ потьмахъ.

Иов. 5, 18: Онъ поразилъ (אֲפַיִם), но Его руки (יָדָיו) и уврачуютъ (יִרְפְּאוּ); Второз. 32, 39: Я поражаю (אֲפַיִם) и Я исцѣлю (אֲרַפֵּא) и никто не избавитъ отъ руки (יָדָיו) Моей.

Иов. 7, 4: Если я легъ, то говорю: скоро ли встану? И долго тянется вечеръ; ворочаюсь и пресыщаюсь тревогами до разсвѣта. Второз. 28, 67: отъ тренета сердца твоего, которымъ ты будешь объять, и отъ того, что будешь видѣть глазами своими, утромъ ты скажешь: о если бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о если бы наступило утро!

Иов. 8, 3—8: По мысли и обороту рѣчи сходно съ Второз. 32, 3—7.

Иов. 8, 8: ибо спроси у первобытнаго рода, כִּי־שֶׁאֵל־לֹא־יִשְׁאוּן־לְדֹרֵי־רִישׁוֹן־כִּי־שֶׁאֵל־לֹא־יִשְׁאוּן־לְמַיִם־רִאשׁוֹנִים сходно по мысли и выраженію съ Втор. 4, 32: ибо спроси у временъ прежнихъ, כִּי־שֶׁאֵל־לֹא־יִשְׁאוּן־לְמַיִם־רִאשׁוֹנִים.

Иов. 14, 17. Въ сверткѣ запечатано (еззаконіе мое כִּי־שֶׁאֵל־לֹא־יִשְׁאוּן־לְמַיִם־רִאשׁוֹנִים; Второз. 32, 34: не запечатано ли въ

хравлиницахъ моихъ (חֲתָתִי בְּאֵרֶצְיָדִי), подразумѣвается беззаконіе Израиля (слч. 16. 17).

Іов. 17, 6. Онъ поставилъ меня притчею (לְמִשְׁלָה) для (עֲמִי). Второз. 28, 37: И будешь ужасомъ, притчею (לְשִׁפְזָה) и посмѣшищемъ у всѣхъ народовъ (עַמֵּי כָּל). Подобн. 3 Цар. 9, 7.

Іов. 29, 6. И скала у меня источала ручьи елея. Втор. 32, 13. И питалъ его... елеемъ изъ твердой скалы.

Іов. 29, 22. 23. И капало на нихъ слово мое. И ждали меня какъ дождя, и какъ позднему отверзали уста свои. Второз. 32, 2. Полюетъ, какъ дождь, ученіе мое, какъ роса рѣчь моя... Осн 6, 3: Онъ придетъ какъ дождь къ намъ, какъ поздній, окропляющій землю. Оба представленія Второз. и Осн соединяются въ выраженіи Іова.

Іов. 31, 11: Ибо это (прелюбодѣяніе съ чужою женою) порокъ, חַיִּי, и судомъ преслѣдуемое преступленіе לְלִיָּהּ יָצָא. Іов. 31, 28: и это (боготвореніе свѣтилъ небесныхъ) было бы преступленіе достойное наказанія, יָצָא לְלִיָּהּ. Выраженіемъ לְלִיָּהּ יָצָא авторъ книги указываетъ на существующій кодексъ узаконеній, въ которомъ опредѣлены наказанія за то и другое преступленіе, которыя подлежатъ суду или преслѣдованію лицъ для суда поставленныхъ. לְלִיָּהּ יָצָא публичные суды, Исх. 21, 22. Оба эти преступленія означены въ законѣ Моисея, первое въ Лев. 20, 10, второе во Втор. 4, 19. Второе мѣсто изъ книги Іова 31, 28 говоритъ о боготвореніи свѣтилъ небесныхъ почти тѣми же словами, какъ оно выражено у Моисея (Втор. 4, 19). Первое преступленіе названо חַיִּי, такимъ словомъ которое въ кн. Лев. 18, 17. 19, 29. 20, 14 употребляется о грѣхахъ, отъ безстыдства происходящихъ.

Эта аналогія очевидно указывасть на зависимость нашей книги отъ Пятоннижія Моисеева.

Іов. 34, 19: Который не смотритъ на лица (אִישׁ אֶת־עֵינָיו לֹא־יִשְׁפֹּט). Второз. 10, 17: Богъ великій, сильный и страшный (слч. Іов. 34, 17 съ Втор. 10, 17), Который не смотритъ на лица (אִישׁ אֶת־עֵינָיו לֹא־יִשְׁפֹּט).

Иусца Навина:

Іов. 38, 23: Которыя (т. е. хранилища града) берегу на время тѣсное, на день брани и битвы. Намекъ на событіе, описанное въ кн. І. Нав. 10, 11. Градъ какъ орудіе наказанія Богомъ нечестивыхъ у Ис. 28, 17. 30, 30. Пс. 17, 13. 14.

Судей:

Іов. 27, 2. *Живъ Богъ!* Эта формула клятвы встрѣчается Суд. 8, 19. 1 Цар. 20, 3. 25, 26, съ тѣмъ различіемъ, что Іовъ говоритъ: אֱלֹהִים חַיִּים, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ: אֱלֹהֵינוּ יְהוָה. У Іереміи 22, 24. 44, 26. 46, 18 п у Іезекииля 14, 15 самъ Іегова клянется Собою: *живъ Я!*

1 Царствъ:

Іовъ 10, 4: Развѣ у Тебя очи плотскія? Развѣ Ты смотришь, какъ смотритъ смертный אִישׁ אֶת־רֵאשִׁיתוֹ? 1 Цар. 16, 7: Я смотрю не такъ, какъ человѣкъ לֹא־אֶשֶׁר יִרְאֶה הָאָדָם; ибо человѣкъ смотритъ на лице, а Господь смотритъ на сердце. Сходство въ мысли.

Іов. 13, 14: И душу мою пслагать въ руку мою (וְנַפְשִׁי אֶשְׂבֹּר בְּיָדִי). 1 Цар. 28, 21: וְנַפְשִׁי בְּכַפִּי (въ русск. переведено:) и подвергала жизнь свою опасности. Под. выраженіе въ Пс. 118, 109.

Іов. 18, 21: И вотъ мѣсто того, который не знаетъ

Бога (לֹא יָדַע אֱלֹהִים). 1 Цар. 2, 12: они (сыновья Илия) не знали Господа (לֹא יָדַעוּ אֱלֹהֵינוּ). יָדַע въ томъ же значеніи встрѣчается въ Пс. 9, 11. 35, 11. Ос. 8, 2.

Іов. 36, 7. И посадитъ וַיִּשְׂבֵּב ихъ (праведниковъ) съ царями на престолъ וַיִּסַּב на вѣкъ, и вознесутся. 1 Цар. 2, 8: изъ праха подъемлетъ онъ бѣднаго, изъ брениа возвышаетъ нищаго, посаждал לְהִרְשִׁיב съ вельможами, и престолъ וַיִּסַּב славы даетъ имъ въ наслѣдіе.

2 Царствъ:

Іов. 7, 20: Чтобъ я сталъ самъ себѣ въ тягость וַיִּשְׂבֵּב עָלַי לְמִשְׁכָּבִי; 2 Цар. 15, 33: то будешь мнѣ въ тягость: וַיִּשְׂבֵּב עָלַי לְמִשְׁכָּבִי.

3 Царствъ:

Іов. 4, 16. Тихое вѣяніе וַיִּזְמַזְמַ... и голосъ קוֹל слышу. Нѣкоторыя черты видѣнія Елифаза встрѣчаются при описаніи явленія Бога Илиа, 3 Цар. 19, 12,—еще болѣе при описаніи видѣнія у Даниила, гл. 10.

Псалмовъ:

Іов. 3, 16: Или какъ выкидыши зарытый, я не существовалъ бы, какъ тѣ младенцы, невидавшіе свѣта. Псал. 57, 9: какъ изверженный женою младенецъ, да не видятъ солнца (о беззаконныхъ).

Іов. 4, 9. Отъ дуновения (מִנְשֵׁמַת) Божія погибаютъ, и отъ духа шльва Его (רוּחַ שֶׁלֵּוָה) исчезаютъ. Въ Пс. 17, 16 оба выраженія соединены: отъ дуновения духа шльва Твоего (מִנְשֵׁמַת רִיחַ שֶׁלֵּוָה).

Іов. 4, 10. 11: Ревъ льва и голосъ рыкающаго!.. и зубы скимновъ сокрушены! Могучій левъ погибаетъ безъ корму, и дѣти львицы разсылаются. Дикіе звѣри, и осо-

бенно левъ, часто уподобляются въ псалмахъ и другихъ свящ. книгахъ для изображенія нечестивыхъ: Псал. 7, 3. 9, 30. 21, 14. 34, 17. 57, 7. Амос. 3, 8. Наум. 2, 12. 13. У Юва сводятся выраженія, въ этихъ мѣстахъ встрѣчающіяся.

Юв. 5, 3. Я видѣлъ глупаго укоренившагося, и тотчасъ проклялъ жилище его. Пс. 36, 35. 36: Видѣлъ я нечестиваго, грознаго, разширившагося, какъ укоренившееся вѣтвистое дерево: но онъ исчезъ, и вотъ нѣтъ его; ищущу его, и не нахожу. Сходство въ мысли и оборотѣ рѣчи.

Юв. 5, 20: *Во время голода спасетъ тебя отъ смерти, и на войнѣ отъ рукъ меча.* Пс. 32, 19: Онъ душу ихъ спасетъ отъ смерти, во время глада пренштаетъ ихъ. Оба бѣдствія Іеремія вызываетъ на своихъ гонителей, 18, 21: предай сыновъ ихъ голоду, и низложи ихъ мечемъ (на войнѣ, слч. конецъ стиха). *Отъ рукъ меча* מִיַּד יָדַי מִלֶּחֶם встрѣчается только въ Пс. 62, 11. Іерем. 18, 21. Езек. 35, 5. Въ другихъ книгахъ *уста меча* Исх. 17, 13. Числ. 21, 24 и *лице меча* Лев. 26, 37. Ис. 31, 8, также и въ нашей книгѣ 19, 29.

Ювѣ 5, 22: Опустошенію и голоду посмѣшся, и звѣри земнаго не убишся: ибо съ камнями полевыми союзъ у тебя; и звѣрь полевой въ мирѣ съ тобою. Имѣется въ виду Пс. 90 слч. ст. 7. 8. 12. 13.

Юв. 6, 4. Ибо стрѣлы (יָדָי) Вседержителевы во миѣ (יָדָי). Пс. 37, 3: ибо стрѣлы (יָדָי) Твои вонзились въ меня (יָדָי). Давидъ и Ювѣ изображаютъ свое угнетенное состояніе.

Юв. 6, 21: Увидѣли יָדָי страхъ (съ евр. бѣдствіе) и испугались (יָדָי). Такая же аллитерація въ Пс. 39, 4: *видятъ* многіе и начинаютъ *бояться* Господа.

Иов. 7, 10: *И мѣсто его уже не знаетъ его*, רָלָא וַיִּקְרַח עוֹד מִקְרָמָיו. Иовъ говоритъ о скоротечности жизни человѣческой. Этотъ же оборотъ рѣчи повторяется въ рѣчи Софара 20, 9: и мѣсто его (беззаконнаго) уже не усмотритъ его, לֹא תִשְׁרָכֵהוּ. Пс. 102, 16: Пронесется надъ нимъ вѣтеръ и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его, רָלָא וַיִּקְרַח עוֹד מִקְרָמָיו. Давидъ, какъ и Иовъ, изображаетъ скоротечность жизни человѣческой. כִּירִי значить *узнавать, признавать*. Слово это естественно идетъ въ Псалмѣ, гдѣ чело­вѣкъ сравнивается съ цвѣтомъ на полѣ. Пронесся надъ нимъ вѣтеръ, и—онъ увялъ. Хотя онъ есть еще, но его ужъ трудно узнать, онъ не похожъ на себя. У Иова образъ не имѣетъ такого соответствія съ предметомъ. Жизнь чело­вѣческая сравнивается съ облакомъ, которое уходитъ, исче­заетъ; такъ, говоритъ Иовъ, и снисшедшій въ преисподнюю не восходитъ, уже не возвращается въ домъ свой, и мѣсто его уже не узнаетъ его. Въ этомъ представленіи не кого и не чего узнавать. Очевидно, выраженіе перенесено въ книгу Иова изъ Псалма. Въ другомъ случаѣ 20, 9 авторъ вм. כִּירִי употребилъ שָׂרַר, согласно съ своимъ представленіемъ скоропроходящаго счастья беззаконныхъ.

Иов. 7, 17: *Что такое чело­вѣкъ, что ты столько цѣ­нишь его, и что обращаешь на него вниманіе Твое?* Псал. 143 (Давидовъ), 3: *что есть чело­вѣкъ, что ты знаешь его, и сынъ смертнаго, что обращаешь на него вниманіе?* Сходство совершенное въ мысли и оборотѣ, но образъ вы­раженія нѣсколько иной: *цѣнишь* תִּדְעָהוּ, *знаешь его* תִּדְעָהוּ, *обращаешь на него вниманіе*—у Иова תִּשְׂרָכֵהוּ לְפָנֶיךָ, въ Псал. תִּתְשַׁבְּהוּ. Въ этой рѣчи Иова встрѣчаются и другія

мысли сходны съ псалмомъ, но въ другихъ выраженіяхъ, наприм. ст. 7 Іов. слч. съ 4 Пс.

Іов. 8, 9: *ибо дни наши на земль какъ—тльнъ*. Нерѣдко въ Псалмахъ встрѣчается сравненіе жизни съ тѣнію: Пс. 101, 12. 143, 4. Но фраза эта слово въ слово встрѣчается въ 1 Пар. 29, 15, въ молитвѣ также Давида.

Іов. 8, 11—22. Мысль о судьбѣ нечестивыхъ раскрывается таже, что въ Пс. 36. Рѣчь Виллада начинается сравненіемъ участи ихъ съ увяданіемъ травы (ст. 11. 12), какъ и въ Псалмѣ ст. 2. קַצִּיר (трава въ русск. перев. Пс. 36, 2. Іов. 8, 12) означаетъ растѣніе, служащее изгородью для садовъ и жилищъ, за тѣмъ (поэтич. из.) и самое жилище, домъ (Ис. 34, 13). Это послужило автору основаніемъ для мыслей, въ ст. 14 и 15, потомъ въ ст. 16 и 17 выраженныхъ. Іов. 8, 18 слч. съ Пс. 36, 10. 35. 36; Іов. 8, 20 слч. Пс. 36, 17—24.

Іов. 8, 22: *облекутся въ стыдъ*. Пс. 34, 26: *облекутся въ стыдъ*. Въ евр. въ обоихъ мѣстахъ одно выраженіе: יִלְבָּשׁוּ בִּשְׂמֹנֶת, и въ обоихъ мѣстахъ прилагается къ нечестивымъ.

Іов. 10, 8—12. Представленіе образованія человѣка заключаетъ мысли, встрѣчающіяся въ Пс. 118, 73 и 138, 13. 15. 16. Іов. ст. 8: *Твои руки трудились надо мною, и сложили меня кругомъ въ одно*; Пс. 118, 73: *Руки Твои сотворили меня, и устроили меня*. Іов. ст. 10. 11. 12 слч. Пс. 138, 13. 15. 16. По обороту рѣчи и также по мыслямъ мѣсто это напоминаетъ Исаі. 64, 8.

Іов. 10, 20. 21. *Перестань же, и сложи съ меня тяжесть, чтобъ я порадовался не много, прежде нежели отыду, и уже не возвращусь...* Въ другомъ мѣстѣ Іова,

7, 19: доколѣ не отвратишь отъ меня взора, не дашь отдыха, чтобы... Пс. 38, 14: перестань взирать на меня гнѣвно, и я отдохну, *прежде нежели отойду*. Сходство въ мысли и оборотѣ рѣчи. $\text{בְּפָנֶיךָ אֵלֹהִים}$ *прежде нежели отойду* общее у Іова и въ Псалмѣ.

Іов. 12, 5: Онъ (человѣкъ честный, непорочный) заброшенная лампада въ мысляхъ счастливца, онъ, котораго *ноги готовы* $\text{בְּכֹן רַגְלֵי לְמַעְרָבִי}$ *поколебаться*. Пс. 37, 17. 18: Да не радуются обо мнѣ враги мои, и да не величаются надо мною, когда *поколеблется* $\text{בְּמַרְיָט בְּגִלִּי}$ *нога моя* בְּכֹן *часть*. Сходство въ мысли и отчасти въ выраженіи. Давидъ изображаетъ свое бѣдственное состояніе и молить Іегову вывести изъ онаго, чтобъ не радовались враги его. Выраженіе: *поколебались ноги* въ смыслѣ близости къ паденію встрѣчается и въ др. псалмахъ 65, 9. 120, 3.

Іов. 13, 26: И упрочиваешь мнѣ *грѣхи юности моей*. Пс. 24, 7: *грѣховъ юности моей*, и преступленій моихъ не воспоминай.

Іов. 14, 2: Какъ *цвѣтокъ* выходить и вянуть, и убѣгаетъ какъ *тлѣнь*, и не остается. Сравненіе человѣка съ цвѣткомъ напоминаетъ Пс. 89, 6; здѣсь встрѣчаются и другія сходныя мысли: слч. 3—12 съ Іов. ст. 1—6. Сравненіе съ *убытающею тлѣнію* въ Пс. 108, 23.

Іов. 14, 3: И меня ведешь на судъ съ Тобою. Пс. 142, 2: не входи въ судъ съ рабомъ Твоимъ.

Іов. 14, 4: О если бы происходилъ чистый отъ нечистаго! Ни одинъ. Пс. 50, 7: Се, въ беззаконіи я рожденъ, и во грѣхѣхъ зачала меня мать моя.

Иов. 14, 6: Уклони отъ него взоры, пусть онъ будетъ спокоенъ, чтобы ему, какъ наемнику, провести день свой съ удовольствіемъ. Пс. 38, 14. Перестань взирать на меня гнѣвно, и я отдохну.

Иов. 14, 16: Нынѣ Ты исчисляешь шаги мои. Пс. 138, 3: Всѣ стези мои Тебѣ извѣстны.

Иов. 15, 16. Человѣкъ, піющій беззаконіе, какъ воду. Въ Пс. 72, 10 о нечестивыхъ говорится: и пьютъ воду изъ полнаго.

Иов. 15, 27: Онъ покрылъ лице свое жиромъ своимъ, и чресла обложилъ тукомъ. Пс. 72, 4: Нѣтъ имъ огорченій до самой смерти и тѣло ихъ тучно. Кромѣ того, сходство между этимъ псалмомъ и 15 гл. Иова замѣчается въ изображеніи надмѣнія и дерзости нечестивыхъ. Пс. 72, 6. 8. 9 слч. съ ст. 25. 26 Иова, и въ изображеніи скоропреходящей участи ихъ: Иов. ст. 24 слч. Пс. 72, 18. 19; 31 Иов. слч. съ 20 ст. 72 Псалма.

Иов. 15, 35: Онъ зачалъ скорбь, и разродится суетою, и утроба ихъ приготовляетъ обманъ. Псал. 7, 15: Се (нечестивый) зачалъ неправду, былъ чреватъ злодѣйствомъ, и родилъ себѣ обманъ. Кто-то кому-то подражаетъ.

Иов. 17, 7: И притупилось *отъ горести* око мое. Псал. 6, 8: *изсохло отъ печали* око мое (מַעַשׂ עַיִן). Въ Псалмѣ עַיִן черезъ ה, а не черезъ ח.

Иов. 18, 19: Не будетъ у него сына, ни внука въ народѣ его, и никого не останется на мѣстѣ жительства его. Пс. 36, 38: Потомство нечестивыхъ истребится.

Иов. 19, 13: *Братьевъ моихъ* Онъ удалилъ отъ меня, и *знающіе* меня только чуждаются меня. 14: *Ближніе мои* отстали, и знакомые мои забыли меня. 17: *Дыша-*

ніе мое *опротивило* женѣ моей; и *единоутробнымъ* моимъ ласки мои. Это изображеніе страдальца напоминаетъ изображеніе также страдальца въ Псалмахъ: 87, 9: Ты удалилъ отъ меня знакомыхъ моихъ, содѣлалъ меня *отвратительнымъ* для нихъ; 19: Ты удалилъ отъ меня друга и искренняго; знакомые мои сокрылись во мракѣ;— 68, 9: Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ и *незнакомымъ* для сыновъ матери моей; и 37, 12: Искренніе мои и друзья, видя язву (עַל־פְּלָגָא и lepra) мою, *отступили*, *вдали стоятъ* ближніе мои. Черты страждущаго въ кн. Іова и въ псалмахъ сходны до буквы.

Іов. 19, 19: Гнушаются мною всѣ *соучастники тайнъ моихъ*, и сѣи, возлюбленные мною, *обратились противъ* меня. Псал. 54, 13—15: Ибо не врагъ злословитъ меня, я перенесъ бы то; не явный не *доброжелатель* мой *возстанетъ на меня*, я сокрылся бы отъ него; но ты, который былъ для меня тоже, что я, *друг мой* и *приближенный мой*, съ которымъ любилъ я *раздѣлять тайну*...

Іов. 19, 22: Почто вы преслѣдуете меня, какъ Богъ, и не можете насытиться *לֹא יִשְׂבַּע בְּבָרִי* моею плотію *בְּבָרִי*. Псал. 26, 2: Если будутъ наступать на меня злодѣи, чтобы пожрать *לֹא יִשְׂבַּע בְּבָרִי* плоть мою *בְּבָרִי*.

Іов. 19, 25 – 29. 16, 19. 20. Мысль выраженная въ этихъ мѣстахъ имѣетъ сходство съ мыслию въ Пс. 93, 16. 17: Кто возстанетъ за меня противъ злыхъ? Кто *станетъ за меня противъ дѣлающихъ беззаконіе*? Если бы не Господь былъ мнѣ помощникомъ; скоро душа моя *переселилась бы въ страну молчанія*.

Іов. 19, 29: Въ тотъ день *убойтесь меча*. *Мечь* חֶרֶב

какъ орудіе мщенія, которое Господь изощряетъ для наказанія беззаконныхъ, въ Пс. 7, 13. 16, 13.

Іов. 20, 7: Видѣвшіе его (нечестиваго, см. ст. 5), скажутъ: гдѣ онъ? Пс. 36, 10: Еще не много, и не будетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто, и нѣтъ его, — 36: но онъ исчезъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его и не нахожу.

Іов. 20, 23: Онъ пошлетъ на него жаръ гнѣва Своего, и одождитъ на него, въ пищу ему. Пс. 10, 6: Дождемъ прольетъ Онъ на нечестивыхъ горящіе угли, огонь и сѣру...

Іов. 20, 26: *На него ужасы*, עָלָיו אַיִם. Полная фраза этой мысли въ Пс. 54, 5: אַיִם מֵמָוֶת נִפְלְאוּ עָלַי смертные ужасы напали на меня.

Іов. 21, 14: Знать *путей твоихъ* мы не хотимъ (говорятъ беззаконные Богу). Пс. 24, 4: Укажи мнѣ, Господи, *пути Твои*.

Іов. 21, 18: Часто ли они (нечестивые) бываютъ соломинкою предъ *вѣтромъ* רֵיב, и *шелухою* קַמִּיץ уносиною вихремъ? Псал. 1, 4: Не такъ съ нечестивыми: они какъ *прахъ* קַמִּיץ развѣваемый *вѣтромъ* רֵיב.

Іов. 22, 11: И множество *водъ* покрыло тебя. *Вода* символъ бѣдствій, Пс. 17, 17. 31, 6. 123, 4. 5.

Іов. 22, 13. А ты говорилъ: что знаетъ Богъ? מַה יָדַע אֱלֹהִים? Елифазъ усвоитъ Іову слова нечестивыхъ, которыя встрѣчаются въ Пс. 72, 11: говорятъ (нечестивые): какъ же знаетъ Богъ, אֵיךְ יָדַע אֱלֹהִים. Подобн. въ Пс. 93, 7. Исаі. 29, 15

Іов. 23, 2: *Рука Его тяготѣетъ надъ* воздыханіями моими (... נָדַרְתִּי כְּבָדָה עָלַי, по переводамъ александрійскому,

сирскому и арабскому, которые читали η съ суффиксомъ не перваго, а третьяго лица). Пс. 31, 4: *ибо... тьмотьла надо мною рука Твоя*: $\eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta$.

Іов. 23, 11. 12: Нога моя твердо стояла на стезѣ Его; я держался пути Его, и неуклонялся. Заповѣди усть Его держался, и не отступалъ; глаголы усть Его хранилъ болѣ моего собственнаго устава. Всѣ выраженія встрѣчаются въ 118 Псалмѣ, который во многихъ мѣстахъ (наприм. ст. 20. 25. 27. 39. 51. 61. 69. 73. 75. 78. 154 и др.) напоминаетъ рѣчи страдальца Іова.

Іов. 24, 1. Почему Вседержителемъ не положены времена суда? И знающіе Его не видятъ дней Его? Пс. 7, 7. Давидъ молить Господа открыть судъ: Открой судъ, 10. да пресѣчется злоба нечестивыхъ, а преведника подкрѣни. Еще больше аналогіи представляеть Пс. 73, 10. 11. 20.

Іов. 24, 5: *Выходятъ на дѣло свое*, $\eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta$. Подобное выраженіе Пс. 103, 23: *выходитъ человекъ* $\eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta$ *на дѣло свое*.

Іов. 28, 13. *На земль живыхъ*, $\eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta \eta$. Это выраженіе встрѣчается въ Пс. 21, 13. 51, 7. Ис. 38, 11. 53, 8.

Іов. 29, 3: Когда свѣтильникъ Его свѣтло горѣлъ надъ главою моею, когда я при свѣтѣ его ходилъ среди тьмы. Пс. 17, 29: Ты возжигаешь свѣтильникъ мой; Господь Богъ мой просвѣщаетъ тьму мою.

Іов. 29, 12: *Ибо спасалъ я страдальца вопіющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему*. Пс. 71, 12: *ибо Онъ избавитъ помогающаго бѣднаго и унетеннаго безпомощнаго*.

Иов. 30, 9: Имъ-то нынѣ я сдѣлался пѣснию, и служу у нихъ запасомъ для разговора. Псал. 68, 13. О мнѣ разговариваютъ сидящіе у воротъ, поютъ въ пѣсняхъ пьющіе сикеру.—Болѣе сходства съ Плач. 3, 62. 63.

Иов. 30, 16: И нынѣ обливается у меня душа моя, *וַיִּשְׁפַּח אֶשְׁרֵי נַפְשִׁי*. Выраженіе это встрѣчается въ Пс. 41, 5: *דוּשָׁא מִיָּדָא מִיִּזְרִיחַ*, душа моя изливается, *וַיִּשְׁפַּח אֶשְׁרֵי נַפְשִׁי*.

Иов. 31, 4: Развѣ Онъ не видѣлъ путей моихъ, и не считалъ всѣхъ шаговъ моихъ? Подобная мысль выражена въ Пс. 138, 2. 3,

Иов. 31, 5—10.оборотъ рѣчи весьма сходный съ Пс. 7, 4—6. Если я то и то сдѣлалъ,... если я то и то сдѣлалъ,—то пусть....

Иов. 34, 14. 15: Если бы Онъ, помышляя о Себѣ, духъ Свой и дыханіе Свое бѣ Себѣ собралъ; то вдругъ умерла бы всякая плоть, и человѣкъ возвратился бы въ землю. Мысль Пс. 103, 29: Сокроешь лице Твое, смущаются; возмешь отъ нихъ духъ, умираютъ и въ прахъ свой возвращаются. Последнее полустиніе (человѣкъ возвратился бы въ землю) болѣе напоминаетъ Еккл. 12, 7.

Иов. 36. 16. И тебя изъ устъ *тлѣсноты* выведетъ на просторъ. Пс. 17, 20: онъ *вывелъ* меня на просторъ; Пс. 24, 17: изъ *тлѣсноты* моей *выведи* меня.

Иовъ 36, 18. 19. Ибо тебѣ должно бояться гнѣва; и большой выкупъ не избавитъ тебя. Уважить ли Онъ богатство твое? Нѣтъ!—ни золота, ни всѣхъ силъ могущества. Пс. 48, 6—8: Чего бояться мнѣ въ дни бѣдствія, когда злоба гонителей моихъ окружаетъ меня? О, надбюжіеся на силу свою, и хвалящіеся множествомъ богатства

своего! Человѣкъ отнюдь не освободить брата, не дать Богу выкупа за него. Дорогъ выкупъ за душу.

Іов. 36, 29. Ср. Пс. 103, 2. 104, 39.

Іов. 36, 30. Ср. Пс. 103, 2.

Іов. 40, 3: *Облечись въ блескъ и великолѣпіе*, יהיר תִּהְיֶה לְבָשֶׁת תִּלְבָּשׁ. Пс. 103, 1: *ты облеченъ величіемъ и благолюбіемъ*, יהיר יהִדָּר לְבָשֶׁת.

Іов. 40, 9. *Что спасаетъ тебя десница твоя* (תְּשׁוּיֶךָ לְיָדְךָ יְמִינְךָ). Пс. 97, 1: *спасла Его десница Его* (תְּשׁוּיַת־עַד-לָוֶה). Подобн. выраженіе Суд. 7, 2 (יָד), Ісаі. 63, 5 (זְרִיעֵי).

Притчей:

Іов. 31, 21: Грозилъ ли я рукою моею сирому, потому что видѣлъ помощь себѣ у воротъ?—Притч. 22, 22: не притѣсняй несчастнаго у воротъ.

Іов. 5, 12: И руки ихъ недовершаютъ дѣла (תְּרַשְׁיָהּ). תְּרַשְׁיָהּ встрѣчается у Іова 6, 13. 11, 6. 12, 16. 26, 3. 30, 22. Кромѣ того въ Притч. 2, 7. 3, 21. 8, 14. 18, 1, и еще у Ісаі. 28, 29, и Мих. 6, 9. Означаетъ *помощь, спасеніе, мудрость, советъ*. Въ этихъ значеніяхъ употребл. это слово въ кн. Іова.

Іов. 5, 17: *Блаженъ человекъ, котораго обличаетъ* (יְרִבְיָהּ) Богъ (אֱלֹהִים), *и наказанія Вседержителя не отвергай* (יִמְרֹסר שְׂדֵי אֱלֹהִים). Притч. 3, 11: *наказанія Іеговы не отвергай* (יִמְרֹסר יְהוָה אֱלֹהִים), сынъ мой; 12: *ибо Іегова учитъ* (יְרִבְיָהּ) того, *кого любитъ*.

Іов. 5, 19: *Бъ шести бѣдахъ спасетъ тебя, и въ семи зло не коснется тебя. Подражаніе Притч. 6, 16: шесть сихъ вещей ненавидитъ Іегова, и семь противныхъ душѣ*

Его. Подобн. оборотъ рѣчи съ численнымъ означеніемъ предметовъ встрѣчается (съ другими числами, три и четыре) въ тойже книгѣ Притчей 30, 15. 18. 21. Встрѣчается и въ другихъ книгахъ, Исаи. 17, 6. Амос. 1, 3. 6. 9. Мих. 5, 4; но только одни числа, безъ перечисленія предметовъ, въ общемъ понятіи означенныхъ. У Іова и въ Притчахъ эти предметы перечисляются въ послѣдующихъ стихахъ.

Іов. 5, 21: *И не будешь бояться* רָלֹא תִירָא опустошенія, *когда придетъ* (בִּי יָבוֹא). Подобный оборотъ рѣчи Притч. 3, 25: *Не будешь страшиться* (אֵל־תִּירָא) внезапнаго ужаса, и бури беззаконныхъ, *когда она придетъ* (בִּי תָבֵא).

Іов. 12, 13: У него *Премудрость* (חֵכְמָה) и *сила* (גְּבוּרָה); Его *совѣтъ* (עֲצָה) и *разумъ* (תְּבִינָה). Притч. 2, 6: Іегова даетъ *премудрость* (חֵכְמָה); изъ устъ Его знаніе и *разумныя* (תְּבִינָה); 8, 14: У Меня *совѣтъ* (עֲצָה) и основательность; Я умъ, у Меня *сила* (גְּבוּרָה). Но первое полустишіе буквально встрѣчается въ кн. пр. Даниила, 2, 20.

Іов. 13, 5: О, если бы только *молчали!* Это вамъ было бы вмѣнено *въ мудрость*, לְחֵכְמָה. Притч. 17, 28: И глупца, пока онъ молчитъ, сочтутъ *мудрецомъ* חֵכֵם. Замѣчаніе Іова имѣетъ въ виду изрѣченіе Притчей.

Іов. 15, 7: Развѣ ты первый изъ человековъ родился, и прежде *холмовъ произведенъ*, וְלִפְנֵי גְבוּרַת הַרְלָלָה. Притч. 8, 22: Іегова имѣлъ Меня въ началѣ пути Своего, прежде твореній Своихъ, искони,—25, *до холмовъ я родилась*, לִפְנֵי גְבוּרַת הַרְלָלָה. Вопросъ Елифаза, обращенный къ Іову, очевидно, имѣетъ ироническій смыслъ: развѣ Ты сама Премудрость, которая говоритъ о Себѣ, что родилась прежде

холмовъ? Зависимость нашей книги отъ книги Притчей очевидная.

Иов. 15, 24: Вдругъ устрашаетъ его нужда и тѣснота; одолеваетъ его, какъ царь хорошо снарядившійся для нападенія въ брани. Мысль приточная, Притч. 6, 11: И придетъ бѣдность твоя какъ наѣздникъ, и нищета твоя, какъ мужъ со щитомъ.

Иов. 17, 3: Поручись за меня предъ Тобою... Кто тотъ, кто дастъ мнѣ руку въ руку мою? Обрядъ поручительства, состоящій въ подачѣ руки другъ другу, не однократно упоминается въ Притчахъ, 6, 1. 11, 15. 17, 18. 22, 26.

Иов. 18, 5. 6. Дѣйствительно, свѣтъ у беззаконныхъ потухаетъ, и не свѣтло пламя огня его. Меркнетъ свѣтъ въ шатрѣ его, и свѣтильникъ его угасаетъ надъ нимъ. Мысль приточная. Притч. 13, 9: Весель свѣтъ праведныхъ, а свѣтильникъ беззаконныхъ гаснетъ. Под. 20, 20. 24, 20.

Иов. 20, 12—16. Мысли Притчей 20, 17. 23, 31. 32, только развитыя у Иова въ простой не приточной формѣ.

Иов. 21, 5: Положите *руку на уста*. Притч. 30, 32... то *руку на уста*. Полное выраженіе встрѣчается у Михея 7, 16. Это былъ обычай у древнихъ въ случаѣ удивленія или изумленія. У Ювенала Sat 1. *Digitо com-
pesce labellum*.

Иов. 26, 8. Подобная мысль въ Притч. 8, 28. 30, 4.

Иов. 27, 9. 10: Услышитъ ли Богъ вопль его, когда придетъ *блѣда* на него? Можетъ ли онъ утѣшаться Вседержителемъ, призывать Бога во всякое время?—Притч. 1, 26. 27: То и Я посмѣюсь вашей *блѣдѣ*; поругаюсь, когда

придетъ ужасъ вашъ, когда придетъ какъ буря ужасъ вашъ, и гибель ваша какъ вихрь пронесется, когда придетъ на васъ скорбь и горе.

Іов. 22, 10: За это *петли* вокругъ тебя, и *устрашаетъ тебя внезапный ужасъ*. Этотъ стихъ имѣеть въ виду Притч. 1, 26: И сохранить (Іегова) ногу твою отъ *петли*, 25; *не будешь страшиться внезапнаго ужаса*. 27: Не отказывай въ благодѣяніи, кому оно нужно. А Іову Елифазъ и объясняетъ постигшія его несчастія тѣмъ, что онъ отказывалъ въ благотвореніи обращающимся къ нему съ нуждою (Іов, 22, 6—9). Притчи обѣщаютъ благотворителю опору въ Іеговѣ (1, 26). Елифазъ указываетъ Іову воздаятеля или мстителя за его безчеловѣчіе въ Богѣ (Іов. 22, 12).

Іов. 26, 6: Нагъ предъ Нимъ шеолъ и нѣтъ покрывала Аввадону.—Притч. 15, 11: Преисподняя и Аввадонъ предъ Іеговою, тѣмъ наче сердца сыновъ челоувѣческихъ.

Іов. 28, 12—28. При изображеніи Премудрости имѣется въ виду изображеніе ея же въ кн. Притчей гл. 8. Мысли у Іова раскрываются тѣже, какіе и въ притчахъ, но мѣстамъ съ буквальною точностію. Слч. Іов. 28, 15—19 съ Притч. 8, 11: Премудрость лучше (3, 15 дороже) жемчуговъ и всѣ драгоцѣнности несравняются съ нею. Іов. 28, 25—27 слч. Притч. 8, 27—29. Наконецъ, 28 ст. Іова: Се, *страхъ Господень* есть *премудрость*, и удаленіе отъ зла *разумъ*. Притч. 1, 7: *Страхъ Іеговы* есть *начало знанія*; 9, 10: *Начало премудрости страхъ Іеговы*; и *знаніе святыхъ* есть *разумъ*; 15, 33: *Страхъ Іеговы* есть *наука премудрости*. Слч. 3, 7.

Іов. 31, 12: Ибо это (прелюбодѣяніе съ чужею женою) огонь, который поядаетъ все до преисподней, и который искоренилъ бы все добро мое. Мѣсто это напоминаетъ Притч. 6, 25—35, гдѣ прелюбодѣяніе съ чужею женою сравнивается съ огнемъ (ст. 27. 28), отъ котораго гибнетъ прелюбодѣй со всѣмъ своимъ состояніемъ.

Іов. 31, 29: *Радовался ли я о погибели врага моего, и восхищался ли, когда несчастье постигало его?—* Притч. 24, 17: *Когда упадетъ врагъ твой, не радуйся; и когда онъ споткнется, не давай веселиться сердцу твоему.*

Іов. 32, 9: Духъ רִיחַ есть въ человѣкѣ, и дыханіе (רִיחַ) Вседержителево дающее ему разумѣніе (רִיחַ). Быт. 2, 7: И вдунулъ въ него дыханіе (רִיחַ) жизни,— и Притч. 2, 6: Иегова даетъ премудрость, изъ устъ Его знаніе и разумѣніе (רִיחַ).

Іов. 34, 11: Ибо Онъ по дѣламъ человѣка платитъ ему. Притч. 24, 12: И воздастъ человѣку по дѣламъ его.

Іов. 37, 24: Онъ не взираетъ ни накого изъ высокоумныхъ. Притч. 16, 5. Противенъ Иеговѣ всякій надменный сердцемъ.

Іов. 38, 4—11. Представляетъ развитіе мыслей, изложенныхъ въ Притч. 8, 27—29. Нѣкоторыя выраженія почти буквально воспроизводятъ мысли Притчей. Іов. ст. 4: когда я основывалъ землю, ср. Притч. 8, 29: когда Онъ ставилъ основанія земли. Іов. ст. 8. 10. 11: Кто заградилъ берегами море, и провелъ ему черту (רִיחַ) въроятно взято у Іерем. 5, 22: я поставилъ песокъ границею морю, вѣчною чертою (רִיחַ) Мою, и поставилъ врата съ затворами, и сказалъ: доселѣ приходи, и не далѣе, и здѣсь

да положится надменіе волнъ твоихъ? Ср. Притч. 8, 29: когда Онъ полагалъ морю предѣлы его, чтобы воды не преступали вѣлвія Его. Іов. ст. 9: когда Я далъ ему (морю) облака вмѣсто одежды; ср. Прит. 8, 28: когда Онъ утверждалъ облака вверху, когда укрѣплялъ источники бездны.—Оборотъ рѣчи у Іова такой же, какъ въ Притч. 30, 4 гдѣ въ тѣхъ же или въ подобныхъ выраженіяхъ говорится объ основаніи земли. Іов. ст. 5: Кто назначилъ размѣры ея, или кто протягивалъ по ней вервь? Ср. Притч. 30, 4: Кто уставилъ всѣ предѣлы земли?—Послѣ вопроса въ 5 ст. 38 гл. Іов. и 4 ст. 30 гл. Притчей,—употреблено въ обоихъ мѣстахъ вопросное выраженіе: *знаешь ли*, עָדָה לִי? Въ 3 ст. 38 гл. Іова характеристическое выраженіе—*имлешь вѣдніе*—עָדָה לִי נִדְבָרַי встрѣчается въ первый разъ въ Притч. 4, 1, потомъ Ис. 29, 24, 1 Пар. 12, 32 и 2 Пар. 2, 12.

Екклезіаста:

Іов. 2, 21: *Наиъ я вышелъ изъ чрева матери моей, и наиъ возвращусь туда.* Екклез. 5, 14: *наимъ идетъ онъ назадъ, какимъ пришелъ, какимъ вышелъ изъ чрева матери своей.*

Іов. 3, 11—16. Подобная мысль у Екклесіаста 4, 2. 3: И призналъ я покойниковъ, тѣхъ, которые уже умерли, болѣе счастливыми, нежели живущихъ, которые живы еще. А тѣхъ и другихъ счастливѣе тотъ, кто еще *не существовалъ*, не видѣлъ злаго дѣла, которое дѣлается подъ этимъ солнцемъ.

Іов. 10, 20—22: Не малость ли дни мои? перестань же, и сложи съ меня тяжесть, чтобъ я порадовался не

много, прежде нежели отойду, и уже не возвращусь, въ землю тьмы и сѣни смертной.... гдѣ нѣтъ устройства, и такъ свѣтло, какъ во мракѣ. Іов. 14, 5. 6: Ежели опредѣлены дни ему (человѣку), число мѣсяцевъ его у Тебя; ежели Ты провелъ черты его, которыхъ онъ не преидеть, то уклони отъ него взоры, пусть онъ будетъ спокоенъ, чтобы ему, какъ наемнику, *провести день свой съ удовольствіемъ*. Екклез. 9, 7—10: Поди, ѣшь хлѣбъ твой въ веселіи и пѣй вино въ радости сердца, когда Богъ уже благоволитъ къ дѣламъ твоимъ. Одежды твои во всякое время да будутъ бѣлы, и да не оскудѣетъ елей на главѣ твоей. Наслаждайся жизнью съ женою, которую любишь, во всѣ дни жизни суетности, которую Онъ (Богъ) тебѣ далъ подъ симъ солнцемъ, на всѣ дни суетности твоей, ибо это участокъ твой въ жизни и въ трудѣ твоемъ, какимъ ты трудишься подъ симъ солнцемъ (слч. Іов. 7, 1—3). Все, что найдетъ рука твоя сдѣлать, дѣлай по силамъ твоимъ; потому что въ преисподней, куда ты пойдешь, нѣтъ ни дѣла, ни размышленія, ни знанія, ни мудрости. Под. мысль встрѣчается у Екклезіаста же въ 5, 17—19).

Іовъ 15, 32: *Не въ свой день скончається*. Подобный оборотъ рѣчи у Еккл. 7, 17. Къ чему *тебѣ умирать не въ свое время?*

Пр. Исаи:

Іов. 4, 3: И руки разслабленныя укрѣпляялъ, **וְיָדָיו** **וְיָדָיו** **וְיָדָיו**—4: колѣна гнувшіяся ты утверждалъ, **וְיָדָיו** **וְיָדָיו** **וְיָדָיו**. Исаі. 35, 3: укрѣпляйте ослабѣвшія руки, и утвердите колѣна гнущіяся, **וְיָדָיו** **וְיָדָיו** **וְיָדָיו** **וְיָדָיו** **וְיָדָיו**.

Иов. 6, 15: Братья мои обманываютъ какъ потокъ, какъ проходящiе ручьи въ долинахъ. Исаі. 58, 11: И ты (Израиль) будешь какъ источникъ, котораго воды не обманываютъ. Метафора эта встрѣчается еще у Исаі. 33, 16 и Иерем. 15, 18. У Иова эта метафора раскрыта подробно и изъяснена, 16—20 ст.

Иов. 7, 1: Не служба ли воинская (נִצְּחָה) человѣку на землѣ? Исаі. 40, 1. Исполнилось время воинской службы (נִצְּחָה) его (т. е. Израиля).

Иов. 4, 20. 21. Между утромъ и вечеромъ сокрушились бы, на вѣки погибли бы не замѣтно. Не исторглась ли бы тѣства ихъ у нихъ? Образъ смерти подобно представляется у Исаі. 38, 12: жилище мое снимается съ мѣста, и какъ шалашъ пастушескій уползетъ отъ меня... въ день и ночь Ты повелѣлъ мнѣ скончаться.

Иов. 7, 6: Дни мои идутъ скорѣе ткани. Исаі. 38, 12: Совершилъ я, какъ ткачъ, жизнь мою. Онъ велѣлъ отъ основы отрѣзать меня.

Иов. 9, 9: Онъ сокрываетъ *Медведицу, Оріона, Плеяды* и *тайныя горницы Юга*. 38, 31. 32: Ты ли связалъ *Плеяды* въ узелъ, или Ты распустилъ узы *Оріону*? Ты ли изводишь *зодіакальныя созвѣздія* (каждое) въ свое время, и водишь *медведицу* съ дѣтьми ея?—Исаі. 13, 10: Ибо звѣзды на небесахъ и *Оріоны* не дадутъ отъ себя свѣта. Амос. 5, 8: Сотворившій *Плеяды* и *Оріона*.

Иов. 10, 9: *Вспомни, что Ты обдѣлалъ меня какъ глину; и въ прахъ обращаешь меня. А предшествующій* 8 ст.: Твои руки трудились надо мною, и сложили меня *кѣругомъ* въ одно, и Ты губишь *меня*.—Исаі. 64, 8: Но, *Иегова, Ты Отецъ нашъ; мы глина, а Ты художникъ, обра-*

зовавший насъ, и всѣ мы дѣло руки Твоей. Это моленіе плѣннаго Израиля (63, 7—64) о томъ, чтобъ Іегова сжа-лился надъ нимъ, помянулъ его немощи и помиловалъ его. Между этою молитвою и рѣчью Іова (9—10 гл.) много сходнаго по духу, въ оборотахъ рѣчи, въ мысляхъ и даже выраженіяхъ: Ср. Іов. 9, 19—21. 28—31 съ Ис. 64, 5—6; Іов. 9, 17. 10, 3. 6. 14. 16. Ср. Ис. 63, 10 и др.

Іов. 12, 17: Онъ отводитъ совѣтниковъ, какъ добычу (LXX—*ἀιχμαλώτους*), и *судей* (שֹׁפְטֵי) *дѣлаетъ лупыми*. Исаи. 40, 23: Онъ низводитъ владыгъ (שֹׁפְטֵי, *вельможи* Суд. 5, 3. Пс. 2, 2. *начальники*—Притч. 8, 15. 31, 4) въ ничтожество, *дѣлаетъ чьмъ-то пустымъ* הָרֵי שֹׁפְטֵי *судей* שֹׁפְטֵי *земли*.

Іов. 12, 24. 25. Отъемлетъ сердце у главъ народа земли, и оставляетъ ихъ блуждать въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ пути. Ощупью ходятъ они какъ во тмѣ, а не въ свѣтѣ; и оставляетъ ихъ шататься подобно пьяному. Ис. 19, 13. 14. Обезумѣли князья Цоанскіе; обманулись князи Ноэскіе, совратили Египетъ съ пути главы племенъ его. Іегова влилъ въ него духъ опьяненія; и совращаютъ они Египетъ съ пути, во всѣхъ дѣлахъ его подобно тому, какъ пьяный бродитъ среди изверженій своихъ. Исаі. 59, 10: Какъ безъ глазъ ходимъ ощупью, спотыкаемся въ полдень, какъ въ сумерки.

Іов. 13, 17: Выслушайте внимательно שְׁמַעוּ שְׁמַעוּ слово мое. Исаі. 6, 9. Слушать слушайте שְׁמַעוּ שְׁמַעוּ.

Іов. 13, 26. 21, 1: Все пишешь горькое на меня. הָרָב въ смыслѣ судебномъ—*означать письменно простуики* у Исаі. 10, 1. 65, 6. Въ Пс. 149, 9: судъ написанный (כִּלְשֵׁט כְּתוּב).
(כִּלְשֵׁט כְּתוּב).

Иов. 13, 28: А онъ какъ червоточина распадается, какъ одежда, которую съѣдаетъ моль. Ис. 50, 9: всѣ они какъ одежда истлѣваютъ, моль съѣстъ ихъ. 51, 8: Ибо съѣстъ ихъ моль какъ одежду, и какъ волну съѣстъ ихъ червь.

Иов. 14, 11: Уходятъ воды изъ озера, и рѣка изсякаетъ и высыхаетъ: אֲזַל־מַיִם מִיַּד־יָדָיִם רַקְדָּהּ יִקְרַב רִיבָשׁ. Почти до буквы этотъ стихъ встрѣчается у Исаі. 19, 5: רַקְשֵׁת־מַיִם רַקְשֵׁת־מַיִם יִקְרַב רִיבָשׁ—И оскудѣютъ воды въ морѣ; и рѣка высохнетъ и изсякнетъ. У Исаіи этотъ стихъ стоитъ въ описательно-повѣствовательной рѣчи о бѣдствіяхъ, какія послѣдуютъ въ землѣ египетской. У Иова онъ употребленъ, какъ риторическое подобіе для уясненія предмета, о которомъ говорится въ ст. 12. Поэтому естественнымъ представляется, что изъ кн. Исаіи онъ перешелъ въ кн. Иова, но не наоборотъ.

Иов. 16, 17: При всемъ томъ, что обиды въ рукахъ моихъ нѣтъ עַל לֹא־הָמָס בְּכַפַּי, и молитва моя чиста. Исаі. 53, 9. Онъ не дѣлалъ обидъ עַל לֹא־הָמָס עָשָׂה, и не было обмана въ устахъ Его.

Иов. 16, 18. Земля! не закрой крови моей (אָרְצָה אֶל־הַדָּמַיִם). Исаіи 26, 21: земля покажетъ крови и не сокроеть... רַגְלֶיהָ הָאָרְצָה אֶת־הַדָּמַיִם וְלֹא־תִכְסֶה.

Иов. 20, 8: Улетитъ (о беззаконникѣ), какъ сонъ, и не найдутъ его; и будетъ прогнанъ, какъ *ночное видѣніе*. Исаі. 29, 7: И какъ бы сонъ, какъ бы *видѣніе ночное* будетъ полчище всѣхъ народовъ, воюющихъ противъ Аріила (говорится объ извѣстномъ поражении войска Сennaхери-мова подъ стѣнами Іерусалима, Ис. 37, 36. 37).

Иов. 20, 26: Будеть пожирать его *огнь*, котораго и раздувають. Исаі. 33, 11: Духъ вашъ есть огонь, который пожретъ васъ,—14: кто у насъ устоить предъ *огнемъ пожирающимъ*? Тоже выраженіе у Езек. 28, 18.

Иов. 21, 12: Громко поють подъ голосъ тимпана и цитры, и веселятся при звукѣ свирѣли. Исаі. 5, 12: И цитра и арфа, тимпанъ и свирѣль, и вино составляютъ пиршества ихъ; а на дѣйствованіе Іеговы не взирають, и дѣянія рукъ Его не созерцають, слч. Иов. 21, 14. 15. Тутъ же есть и другія аналогическія черты въ изображеніи нечестивыхъ у Іова и у Исаіи. Иов. ст. 13: и въ мигъ нисходятъ въ преисподнюю; Исаі. ст. 14: за то преисподняя расширитъ жадный свой зѣвъ. Иов. ст. 14. 15: они говорятъ Богу: отойди отъ насъ; и знать путей Твоихъ мы не хотимъ. Что такое Вседержитель и проч. Исаі. ст. 19: говорятъ: пусть бы поспѣшило, пусть бы скорѣе совершилось дѣло Его, посмотрѣли бы мы; и пусть бы приближилось и настало предположенное совѣтомъ святаго Израилева: тогда узнали бы мы...

Иов. 21, 20. И чтобы пилъ изъ *чаши гнѣва* Вседержителя. Выраженіе пророческое: Ис. 51, 17. Іер. 25, 15. 49, 12. Езек. 23, 31.

Иов. 21, 22: Бога ли учить мудрости (יִלְמַד דָּעַת), когда Онъ судить и горьнихъ? Исаі. 40. 14: Есть ли у Него такой Совѣтникъ, который бы вразумлялъ Его, иставлялъ Его на путь правды, и училъ Его вѣдѣнію (יִלְמַדוּהוּ דַעַת), и указалъ Ему путь благоразумія?

Иов. 24, 1. Почему Вседержителемъ не положены *времена*, и знающіе Его не видятъ *дней Его*? День Господа יוֹם יְהוָה пророческое выраженіе: Исаі. 2, 12. 13, 6. 9.

Иер. 46, 10. Езек. 30, 3. Иов. 1, 15. Амос. 5, 18. Апок. 16, 14.—**עֲתִיב**. *Время* (תע) человека или народа на языки пророковъ означаетъ определенное ему бѣдствіе, гибель, Исаі. 13, 22. Иер. 27, 7. Езек. 22, 3. 30, 3. Екклез. 9, 12.

Иов. 29, 14: Я облакался въ праведность, **יָצַדְתִּי לְבִשְׁתִּי**, плащемъ и увясломъ было мнѣ правосудіе. Образъ этотъ встрѣчается у Исаіи 59, 17: И онъ облакся въ праведность (**וַיִּלְבַּשׁ צְדָקָה**) какъ въ броню, и шлемъ спасенія на главѣ Его; и возлагаетъ на себя, вмѣсто одежды, ризу мщенія, и обложилъ Себя, какъ плащемъ, ревностію.

Иов. 33, 24. Освободи его отъ сошествія въ гробъ **פָּדַעְתָּהּ מִמָּוֶת**; Я нашелъ выкупъ **כִּפָּר**; 28: Онъ искупилъ душу мою отъ сошествія въ гробъ **פָּדָה נַפְשִׁי מִמָּוֶת** **כִּפָּר**.—**כִּפָּר** λύτρον, выкупъ, цѣна заглаженія, прощенія или выкупа, Ис. 43, 3: въ выкупъ **כִּפְרֶךָ** за тебя отдамъ... Мѣсто у Иова напоминаетъ Исаі. 43, 1: я выкупилъ тебя, **וְגָאַלְתִּיךָ**—по мысли, и Осіи 13, 14—по мысли и выраженію: Я искупилъ бы ихъ отъ руки преисподней, **מִיַּד שְׂאוֹל אֶפְדֶּה**, отъ смерти освободилъ бы ихъ **אֶפְדֶּה**. *ἀπαξ λεγόμεν.* (Иов. 33, 24) есть тоже что **פָּדָה** (28 ст.). Аналогія этого мѣста съ Исаіею усматривается еще въ томъ, что какъ Исаія говоритъ далѣе отъ лица Іеговы Израилію: *ты дорогъ въ глазахъ моихъ, Я люблю тебя* (43, 4), *Самъ заглаждаю преступленія твои и грѣховъ твоихъ не вспомню* (25); такъ Эліуй говоритъ Іову объ-искупленномъ, что онъ становится любезенъ Богу, Богъ возвращаетъ ему праведность (Иов. 33, 26) и грѣхи его забываются (27).

Иов. 36, 16: *И нисходящее на столъ твой будетъ исполнено тука.* Этотъ образъ употребленъ Исаіею для

представленія благоденствія Израиля послѣ избавленія его Мессією: 25, 6. 55, 2.

Иов. 40, 5—8: Излей ярость гнѣва своего, и воззри на все высокоумѣнное **כָּל־אֲנָא**, и смири **וְהִשְׁפִּילָהּ**; воззри на все высокоумѣнное **כָּל־אֲנָא**, унизь его, и низложи незаконныхъ на мѣстѣ ихъ; зарой ихъ всѣхъ въ землю **וְקָמַיְתָם בְּעָפָר**, лица ихъ обложи тьмою. Имѣется въ виду картина пораженія Иеговою всего высокоумѣрнаго, изображенная у Исаи 2, 12: День Иеговы воинствъ на все высокоумѣнное **כָּל־אֲנָא** и выпренное, и на все превознесенное, которое должно унизиться **וְהִשְׁפִּילָהּ**,—9: И падеть человекъ, и унижится мужъ... 10: Иди въ скалу, и укрывайся въ прахъ **וְהִתְחַבֵּאתָ בְּעָפָר**, отъ грозы Иеговы и отъ славы величествія Его.

Иов. 40, 9:....что помогаетъ тебѣ десница твоя, **יְמִינְךָ הִיאֲשֵׁרְתָּ לְךָ**. Это же выраженіе встрѣчается у Исаи. 59, 16. 63, 5. Пс. 97, 1. Во всѣхъ мѣстахъ изображается пораженіе Иеговою враговъ Θεократіи, въ связи съ избавленіемъ Израиля изъ плѣна. У Иова оно имѣетъ видъ указанія, какъ на примѣръ.

Пр. Осии:

Иов. 15, 2: Имѣтъ чрево, наполненное *восточнымъ* (**כִּי־רֵד** т. е. вѣтромъ). Осии 12, 2: Ефремъ ловить вѣтеръ, гоняется за *восточнымъ* **כִּי־רֵד**. Вѣтромъ означаетъ пустота, Притч. 11, 29.

Иов. 19, 6: И обложивъ меня своею сѣтію. Подобный образъ у Осии 7, 12: Я распростру надъ ними (надъ египтянами и ассиріянами) сѣть Мою. Под. Плач. 1, 13.

Иов. 27, 21: Подниметь его *восточный вѣтръ*, и уйдетъ, и вихремъ свѣтъ его съ мѣста его. Осии 13, 15:

Онъ (Ефремъ) цвѣтетъ между братьями; но придетъ вѣтръ восточный; дыханіе Іеговы понесется отъ пустыни, и иссохнетъ родникъ его и изсякнетъ источникъ его. Разграбить сокровищницы его со всякою прекрасною утварью. Выраженіе *восточный вѣтръ* у Іезек. 17, 10.

Іов. 29, 23: И какъ *позднему* (дождю) отверзали уста свои. У Осіи 6, 3 *поздній* дождь, какъ самый благодѣтельный, употребленъ для метафорическаго выраженія благодатнаго пришествія Мессіи.

Іов. 31, 33: Скрывалъ ли я, какъ Адамъ, проступки свои? Осіи 6, 7: А они, какъ Адамъ, преступаютъ завѣтъ.

Пр. Амоса:

Іов. 9, 8: И ходитъ по высотамъ моря, וַיֵּלֶךְ עַל-רִיבְוֹת הַיָּם. Напоминаетъ выраженіе у Амоса 4, 13: и ходитъ по высотамъ земли וַיֵּלֶךְ עַל-רִיבְוֹת אֶרֶץ. Кромѣ того, все описаніе величія Вседержителя у Іова 9, 8—9 содержитъ мысли, отчасти и выраженія, встрѣчающіяся въ приведенномъ стихѣ Амоса и 5, 8. 9. Слич. наприм. Іов. 9, 9 съ Ам. 5, 8. Это же описаніе у Іова имѣетъ аналогію и съ друг. пророками, Исаі. 44, 24 особенно Наум. гл. 1.

Іов. 18. 16: Снизу подсохнутъ корни его; и сверху увянутъ вѣтви его. Ам. 2, 9: И истребилъ Я плоды его вверху, и корни его внизу.

Пр. Михея:

Іов. 30, 29: Я сдѣлался брѣятомъ шакаламъ, и другомъ строусамъ. Мих. 1, 8: Поднимаю вой какъ шагалы, и стою какъ строусы. Въ этомъ смыслѣ (слич. Іов. 30, 25. 31) Іовъ называетъ своими братьями шакаловъ и строусовъ, своимъ воемъ и стономъ производившихъ потрясаю-

щее впечатлѣніе на живущихъ въ окрестности (Delitzsch, Bibl. Com. Iob. s. 376 not.).

Пр. Наума:

Іов. 9, 1—19. 26, 10. 11. 12. Напоминаетъ изображеніе гнѣва Божія у пр. Наума 1, 1—6.—Іов. 9, 4: Онъ могущъ силою... Наум. 1, 3: Іегова великъ могуществомъ. Іов. 9, 13: Богъ! не обратятъ вспять гнѣва Его, сн. 11. 12; Наум. 1, 2: Іегова силенъ въ ярости, 6: предъ яростію Его кто устоитъ? И кто стерпитъ жаръ гнѣва Его? Ярость Его льется, какъ огонь, и скалы распадаются отъ Него. Іов. 9, 5: Онъ низводитъ горы въ обветшаніе, такъ что не примѣчаютъ; Онъ превращаетъ ихъ въ гнѣвъ Своемъ; Наум. 1, 4. 5: горы дрожатъ отъ Него и холмы таютъ. Іов. 9, 6: Онъ потрясаетъ землю съ мѣста ея, такъ что столпы ея дрожатъ; Наум. 1, 5. земля трясется отъ Него, и вселенная и всё живущіе на ней. Іов. 9, 17: Опъ, Который въ *вихрь* бурномъ дышетъ на меня гнѣвомъ; Наум. 1, 3: въ *бурь* и *вихрь* путь Его.—Іов. 26, 12: Силою Своею волнуетъ море и умомъ Своимъ сражаетъ чудовища морскія (съ евр.); Наум. 1, 4: Онъ грозно взглянетъ на море, и изсушитъ его...

Пр. Софоніи:

Іов. 21. 30: Какъ *въ день гнѣва*. *День гнѣва* упоминается въ Притч. 11, 4. у Софоніи 1, 15. и у Іезек. 7, 19. У Софоніи подробное описаніе этого дня (1, 7—18); называется онъ еще днемъ Іеговы (ст. 8), у Езекиіля днемъ ярости Іеговы (7, 19) и также описывается подробно въ седьмой главѣ.

Пр. Аввакума:

Иов. 12, 6: Для кого Богъ—собственная рука его. Аввак. 1, 11: сіе могущество его—вотъ его богъ. Это Аввакумъ говоритъ о халдеяхъ (слч. ст. 6), которыхъ Іегова призвалъ для наказанія народа своего (слч. ст. 12). Между рѣчью Іова въ 12 гл. и Аввак. въ 1 гл. усматривается весьма замѣтная аналогія. Пророкъ изображаетъ этотъ народъ, какъ народъ хищный, свирѣпый, который ходитъ по пространству земли, чтобы завладѣть не своими селеніями (ст. 6); весь онъ выступилъ для злодѣйства (ст. 9), производитъ грабительство и притѣсненіе (ст. 10). Іовъ, вопреки убѣжденію друзей своихъ, что наказываются только нечестивые, представляетъ имъ наоборотъ, что спокойны шатры у грабителей, и безопасны жилища у раздражающихъ Бога, у тѣхъ, для кого Богъ—собственная рука его (12, 6). Пророкъ, видя этихъ грабителей, вопрошаетъ Іегову: для чего же ты смотришь на сихъ преступниковъ,—молчишь, когда беззаконникъ пожираетъ того, кто праведнѣе его (Авв. 1, 13)? Т. е. пророкъ исповѣдуетъ, что этому народу допущенъ такой успѣхъ отъ самаго Іеговы. О Іегова! Ты конечно на судъ воздвигнулъ его; Твердыня! Ты поставилъ его для наказанія (ст. 12). Не отъ Іеговы ли воинствъ это (2, 13)? Іовъ, сказавши о благоденствіи и безопасности грабителей, представляетъ друзьямъ своимъ, что и скотъ и птицы небесныя и рыбы морскія, вся земля скажутъ вамъ, что рука Іеговы творитъ сіе (Иов. 12, 7—9). За тѣмъ, представивъ, что во власти Іеговы все живущее на землѣ, говоритъ, что Онъ отводитъ народныхъ совѣтниковъ въ плѣнъ, ослабляетъ грозу царей, отводитъ въ плѣнъ свя-

щенниковъ, низлагаетъ утвердившихся въ силѣ, ослабляетъ поясъ могучихъ и пр. (14—25). Это описаніе сходно съ мыслью, выраженною у Авв. 1, 9. 10: и набрала плѣнныхъ какъ песку; и издѣвается онъ надъ царями, и владыки въ поруганіи у него; надъ всякою крѣпостію смѣется.... Это же мѣсто Іова имѣетъ аналогію съ Дан. 2, 20—22.

Іов. 19, 7: Вотъ я кричу: «обида!» и нѣтъ отвѣта; вошю, и нѣтъ суда. Авв. 1, 2: Долго ли, о Іегова, буду я вошіять, и Ты не внемлешь? взываю къ Тебѣ: «обида!» и не спасаешь? Подобн. у Іереміи, 20, 8: кричу: «обида и напасть!» У Іова не только это выраженіе, но и оборотъ всей рѣчи сходенъ съ приведеннымъ мѣстомъ Аввакума.

Іов. 29, 18: И говорилъ я: съ *гнѣдомъ моимъ* скончаюся. *Гнѣздо*—домъ и вообще вся обстановка, всё условіе жизни, при которыхъ Іовъ благоденствовалъ (Rosent. Schol. Iob. ad h. l.). Выраженіе это древнее, Числ. 24, 21. Изъ пророковъ встрѣчается оно въ первый разъ у Аввакума 2, 9 и потомъ у Іереміи 49, 16.

Пр. Авдія:

Іов. 18, 20: *О днѣ его.... День его* означаетъ время наказанія Божія, за тѣмъ—бѣдствіе всякаго рода, погибель Авд. 12; но встрѣчается и у другихъ свящ. писателей: Псал. 36, 13. 136, 7. Ис. 59, 19. Іер. 50, 27.

Пр. Іереміи:

Іов. 3, 3—11. 3: *Погибни день, въ который я родился, и ночь, которая сказала: «зачался человекъ»!* 4. *День тотъ да будетъ тмою; да не востребуетъ его Богъ свыше; и да не возсіятъ свѣтъ надъ нимъ!...* 6. *Ночь*

оная,—мракъ да обладаетъ ею, да не возвеселится она въ кругу дней года... 7. Да не входитъ въ нее *радость ликующая!*... 8. *Да проклянутъ* ее проклинаящiе день... 9. *Пусть* она чаеетъ свѣта, и не будетъ его... 10. За то, что *не затворила дверей утробы*, носившей меня, и *не сокрыла горести отъ очей моихъ!* 11. *Для чего я не умеръ въ утробѣ, изъ чрева исходилъ, и не скончался?*—Иерем. 20, 14—18: *Проклятъ тотъ день, въ который я родился, день, въ который родила меня мать моя, да не будетъ благословенъ! Проклятъ тотъ человекъ, который отцу моему принесъ вѣсть и сказалъ: у тебя родился сынъ...* И да будетъ съ тѣмъ человекомъ, какъ съ городами, которые разрушилъ Иегова и не пощадилъ, и пусть онъ слышитъ *по утру вопль, а въ полуденное время стонъ. Почему не убили меня въ самой утробѣ, такъ чтобы мать моя была мнѣ гробомъ, и чрево ея оставалось вѣчно беременнымъ? Для чего вышелъ я изъ утробы, чтобы видѣть горестъ и муку, и чтобы дни мои исчезали въ безславiи?*—Аналогiя этихъ параллельныхъ мѣстъ всегда обращала на себя вниманiе критиковъ и экзегетовъ, и никогда не опускалась изъ виду, когда дѣло касалось вопроса о времени происхожденiя нашей книги. Дѣйстви-тельно, сходство въ мысли, въ оборотѣ и въ тонѣ рѣчи, отчасти и въ самыхъ выраженiяхъ, такъ велико и такъ замѣтно, что никто никогда не отрицалъ зависимости одного мѣста отъ другаго. Изъ двухъ писателей одинъ, очевидно, подражаетъ другому. Какой же? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, обратимъ вниманiе на разности, представляющiяся въ томъ и другомъ мѣстѣ. Иеремiя проклинаяетъ день, въ который родился, не отдѣляя его отъ ночи, про-

клинаетъ и того человѣка, который возвѣстилъ отцу его, что у него родился сынъ. У автора нашей книги Іовъ проклинаетъ день, въ который родился, и ночь, въ которую зачался. Говоря о ночи, авторъ выразился: и ночь, *которая сказала*: зачался человѣкъ. Этотъ не совсѣмъ естественный оборотъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть изъясненъ, какъ желаніемъ удержать оборотъ второй части проклятiя у Іереміи: проклять тотъ человѣкъ, который сказалъ отцу: у тебя родился сынъ. Частное развитіе проклятiя дня (4. 5) и ночи (6—10) у Іова представлено полно, весьма изобразительно и въ соотвѣтствіи съ идеею дня и ночи; но въ концѣ (ст. 10 слч. съ 9) не выдержано: Іовъ проклинаетъ ночь за то, что не затворила дверей утробы, носившей его (слч. ст. 11), тогда какъ выше (ст. 3) онъ проклялъ не ночь, а день, въ который родился. Эта не выдержанность произошла отъ того, что первое полустишіе третьяго стиха (погибни день, въ который я родился) перенесено въ книгу Іова изъ кн. Іереміи буквально съ замѣною только глагола אָרַר (отъ אָרַר проклинать) другимъ глаголомъ יָאָבַד (отъ אָבַד изчезать, погибать). Сравнивая всю рѣчь Іова съ рѣчью Іереміи, нельзя не замѣтить, что первая заключаетъ распространеніе общихъ представленій послѣдней частными, вызванными поэтическимъ созерцаніемъ. Сравн. Іов. 3, 4—10 съ 3 ст., который парал. Іерем. 20, 14. 15; сравн. Іов. 3, 12 и слѣд. съ 11 ст., который парал. Іер. 20, 17. 18.

Іов. 9, 29—31. Я окажусь виновнымъ... Когда бы я омылся водою снѣжною, и очистилъ руки мои щелокомъ; тогда Ты въ ровъ погрузилъ бы меня, и возгнушались бы мною ризы мои. Іерем. 2, 22: хотя бы умылась мыломъ,

и много употребила на себя щелову, вина твоя все черна предъ лицемъ Моимъ.

Иов. 12, 4. Посмѣшищемъ сталь я для друга своего, за то что взывалъ къ Богу, чтобы Онъ услышалъ, — посмѣшищемъ честный человекъ, не порочный. — Иерем. 20, 7. 8: Я одѣлался вседневымъ посмѣяніемъ, всякъ ругается надо мною. Ибо лишь только начну говорить, долженъ поднимать вопль; кричу, «обида и напасть»! ибо слово Іеговы обратилось въ поруганіе мнѣ и въ повседневное порицавіе.

Иов. 15, 18: Развѣ ты слышалъ тайный совѣтъ Божій и привлекъ къ себѣ премудрость? — Иерем. 23, 18: кто стоялъ въ совѣтъ Іеговы, и видѣлъ и слышалъ слово Его?

Иов. 19, 24: Желѣзнымъ рѣзцомъ... Иерем. 17, 1: желѣзнымъ рѣзцемъ. — זֶרְזַרְזָרָא въ обоихъ мѣстахъ.

Иов. 21, 7—9: За что живутъ беззаконные, состарѣваются, и еще силами крѣпни? Дѣти ихъ въ устроенномъ, какъ и они, состояніи и проч. Иерем. 12, 1—2: Почему путь беззаконныхъ благоуспѣшенъ, и всѣ вѣроломные благоденствуютъ? Ты посадилъ ихъ, и они укореняются, растутъ и приносятъ плодъ. Под. Авв. 1, 1. 13. Пс. 72, 3. 93, 3. Но у Іереміи въ настоящемъ мѣстѣ обращаетъ на себя вниманіе начало главы: Праведенъ Ты, Іегова, чтобы я могъ судиться съ Тобою: только вотъ о чемъ спрошу Тебя: за чѣмъ путь нечестивыхъ и пр. Іеремія преслѣдуемый своими соотчичами, встрѣчается въ жизни съ тѣмъ же вопросомъ, какой занималъ Іова, подвергшагося тяжкому испытанію. Но Іеремія знаетъ уже напередъ, какъ бы по чьему-то опыту, что съ Богомъ судиться нельзя, потому что правда или правота всегда будетъ на

Его сторонѣ. Потому не объясненія требуетъ отъ Іеговы, какъ Іовъ, а грознаго вниманія къ беззаконнымъ, которые преслѣдуютъ его невиннаго. Но Іеремія могъ сказать это не въ виду какого либо чужаго опыта, а по убѣжденію смиреннаго и преданнаго Іеговѣ сердца своего. Если бы нужно было предостереженіе въ этомъ отношеніи, то могъ онъ получить его не изъ книги Іова, а изъ 142 псалма Давидова, въ которомъ молится предъ Іеговою страдалецъ, находящійся въ подобномъ совершенно положеніи. Сн. Пс. 142, 2 съ Іер. 12, 1; Пс. 142, 3 съ Іер. 12, 5. 6; Пс. 142, 12 съ Іер. 12, 3.

Іов. 27, 14. 15. Если сыны его умножаются, то подъ мечъ; и не будутъ насыщаться хлѣбомъ потомки ихъ. Оставшіеся по немъ смертію будутъ погребены, и вдовы ихъ не будутъ плакать. Іерем. 18, 21: Предай сыновъ ихъ голоду, и низложи ихъ мечемъ; пусть жены ихъ останутся бездѣтными и вдовами, и мужья ихъ поражены будутъ смертію. Подобн. Іер. 16, 3. 4. *Мечъ и голодъ* — казни, которыя постоянно у Іереміи и Іезекіиля возвѣщаются народу.

Іов. 30, 26: Ибо чаялъ я добра, а пришло зло; и ждалъ свѣта, а пришелъ мракъ. Подобн. оборотъ Іер. 14, 19: Ждемъ мира, а добра нѣтъ; времени исцѣленія, и се ужасы.

Іов. 32, 19—21. То, что Эліу говоритъ о сильномъ побужденіи вступить въ бесѣду съ Іовомъ и его друзьями, какое чувствуетъ онъ въ груди своей, напоминаетъ Іер. 20, 9.

Плача Іереміи:

Іов. 3, 24: И льются, какъ вода, стоны мои.—Пл. 2, 19: Изливай, какъ воду, сердце твое предъ лицомъ Господа.

Иов. 6, 4: Стрѣлы Вседержителевы во мнѣ, духъ мой пьеть жгучій ядъ ихъ; 16, 12 (7, 20) 13: Поставилъ меня цѣлюю для себя; окружили меня стрѣлы Его; Онъ пронзаетъ внутренности мои и не щадить.—Пл. 3, 12: Натянулъ лукъ Свой, и поставилъ меня цѣлюю для стрѣлъ; послалъ въ почки мои дщерей волчана Своего.

Иов. 9, 18: Пресыщаетъ меня горестями וַיִּשְׂבְּעֵנִי מִמְרִירִים, Пл. 3, 15: Онъ накормилъ меня горечами הַשְּׂבִיעַנִי בְּמִרְרִים.

Иов. 9, 34: Да отстранить отъ меня скипетръ Свой וְיִשְׁבֹּט, 21, 9. 13, 13.—Пл. 3, 1: я человекъ, угнетаемый жезломъ בְּשֵׁבֶט гнѣва Его. שֵׁבֶט въ значеніи жезла, которымъ Богъ наказываетъ (о бѣдствіяхъ) встрѣч. Пс. 88, 33. Исai. 10, 5.

Иов. 10, 16: Какъ левъ преслѣдуешь (ציד знач. insidarii) меня.—Пл. 3, 10: Онъ какъ левъ въ скрытномъ мѣстѣ.

Иов. 13, 21: Удали отъ меня руку Твою... Пл. 3, 3: На меня Онъ постоянно налагаетъ руку Свою всякій день.

Иов. 16, 4: И качалъ бы на васъ головою Моею.—Пл. 2, 15: и покачаютъ головою Своею.

Иов. 16, 7. 8: Да! наконецъ Онъ утомилъ меня... возстаютъ противъ меня изможденность моя, въ лице укоряетъ меня.—Пл. 3, 20: Обезсилѣла во мнѣ душа моя... 4: измодилъ тѣло мое и кожу мою, сокрушилъ кости мои. Под. Пс. 101, 24.

Иов. 16, 9: *Гнѣвъ Его терзаетъ, и вражески преслѣдуетъ меня; скрежещетъ на меня зубами своими; какъ непріятель мой острить на меня взоры Свои; 30, 31: Ты обратился въ свирѣпаго для меня. Гнѣвъ Иеговы, устремленный на отринутаго Израиля, изображенъ въ Пл.*

2, 2—4 и на самага Іеремію въ 3 гл.—*Скрежещеть зубами*, выраженіе встрѣч. въ Пл. 2, 16.—Пл. 2, 4: Какъ *врагъ* натянулъ лукъ Свой; уставился въ правой рукѣ Своей какъ нападающій. Ст. 5: Сдѣлался Господь какъ врагъ. 3, 10: Онъ для меня какъ медвѣдь выматривающій добычу, какъ левъ въ скрытномъ мѣстѣ.

Іов. 16, 10: *Разинули на меня пасть свою; ругаясь, бьютъ меня по щекамъ; всѣ* сговорились противъ меня.—Плач. 2, 46: *Разинули на насъ пасть свою всѣ* враги наши. 3, 30: Подставляетъ *бьющему* его щеку, и до сыта слышитъ *ругательства*. Подобн. Пс. 21, 14. 8. 34, 21.

Іов. 16, 11: Предалъ меня Богъ суду нечестивыхъ, и въ руки злобныхъ бросилъ меня.—Пл. 1, 14: Господь отдалъ меня въ такія руки, въ которыхъ не могу стоять прямо.

Іов. 16, 13: Излилъ на землю желчь мою. Пл. 2, 11: льется на землю печень моя.

Іов. 16, 15: *Власяницу сшилъ я на тѣло мое, и склонилъ голову мою въ прахъ*.—Пл. 2, 10: Сидятъ на землѣ, безмолствуютъ старцы дщери Сіонской, *пылью* осыпали свою главу, *опоясались власяницами*, *поникли къ землѣ головою своею* дѣвицы іерусалимскія.

Іов. 16, 16: Лице мое побагровѣло отъ плача, и на вѣждахъ моихъ *мракъ* смерти. Пл. 2, 11: Истомились отъ слезъ очи мои.

Іов. 17, 4: Ты закрылъ сердце ихъ отъ разумѣнія, и потому не дашь имъ восторжествовать.—Пл. 3, 65: Дай имъ покровъ на сердце, проклятіе твое имъ, преслѣ-слѣдуй во гнѣвѣ, и истреби ихъ изъ подъ небесъ, Іегова.

Иов. 17, 6: Онъ поставилъ меня притчею для народовъ, чтобы я сдѣлался предметомъ явнаго омерзения. Псал. 3, 45: Грязью и мерзостію Ты сдѣлалъ насъ среди народовъ. Под. Іер. 19, 8.

Иов. 19, 6: И обложилъ меня сѣтію.—Псал. 1, 13: Онъ раскинулъ сѣть у ногъ моихъ.

Иов. 19, 8: Онъ преградилъ мнѣ дорогу, такъ что не могу пройти, и положилъ тьму на стези мои.—Псал. 3, 9: Загородилъ путь мой тесаными камнями, изрылъ стези мои. 6: Въ темномъ мѣстѣ помѣстилъ меня какъ мертвецовъ вѣковыхъ.

Иов. 19, 9: Снялъ вѣнецъ съ главы моей. Псал. 5, 16: Упалъ вѣнецъ съ главы нашей.

Иов. 19, 10: Исторгаетъ надежду мою, какъ дерево, сн. 17, 15.—Псал. 3, 17. 18: И отчаялась о мирѣ душа моя, я забылъ про счастье. И сказалъ я: погибла надежда моя, и чаяніе мое отъ Іеговы!

Иов. 19, 11: И пылаетъ гнѣвъ Его на меня; Онъ представляетъ Себѣ меня какъ врага.—Псал. 2, 3. 4: И разордѣлся противъ Іакова, какъ огонь пламенѣющій..... Натянулъ лукъ Свой какъ врагъ.

Иов. 19, 20: Съ кожею моею и съ плотію моею срослись кости мои.—Псал. 4, 8: Кожа ихъ приросла къ кости ихъ. Но больше сходства съ Пс. 101, 6.

Иов. 27, 23: Всплеснуть о немъ руками, и посвистуть надъ нимъ съ мѣста своего.—Псал. 2, 15: Руками всплеснуть о тебѣ всѣ проходящіе путемъ, свиснуть и покачаютъ головою своею о дщери Іерусалима.

Иов. 30, 9: Имъ-то нынѣ я сдѣлался зѣвснїю, и служу у нихъ запасомъ для разговора.—Псал. 3, 14: Я сдѣлался

посмѣшищемъ всему народу моему, ежедневною пѣсною ихъ. 3, 62. 63: Рѣчи непріятелей моихъ и бесѣды ихъ обо мнѣ всякій день. Смотри, сидятъ ли они, стоятъ ли, я всегда для нихъ пѣсьнь. Под. Пс. 68, 13.

Іов. 30, 12. 13. *Уладили* (אֲבִירֵי) оградили, укрѣпили гибельныя дороги свои ко мнѣ; *изрыли стезю мою*. Пл. 3, 9: Тесанными камнями *преградилъ дороги мои, изрылъ стези мои*.

Іов. 30, 16: И нынѣ обливается у меня душа моя слезами; постигли меня дни скорби.—Пл. 1, 16: О семь я плачу, око мое изливается въ слезныхъ водахъ. 3, 48—51.

Іов. 30, 19: Повергъ меня въ грязь.—Пл. 3, 45: Грязью и мерзостію Ты сдѣлалъ насъ среди народовъ. 1, 17: Іерусалимъ сдѣлался мерзостію у нихъ.

Іов. 30, 20: Вопію къ Тебѣ и не отвѣтствуешь мнѣ; предстою, но Ты не обращаешь на меня вниманія. Пл. 3, 8: А если я взываю и вопію, не даешь доступа молитвѣ моей.

Іов. 30, 25: Какъ не плакать мнѣ въ тяжкой годинѣ? Какъ не скорбѣть душѣ моей убогой?—Пл. 1, 2: Горько плачетъ онъ (Іерусалимъ) ночью, и слезы его на щекахъ его. 3, 48: Ручьи воды спускаетъ гласъ мой (пророкъ о себѣ)...

Іов. 30, 26. И ждалъ я свѣта, а пришелъ мракъ.—Пл. 3, 2: Меня подвинулъ Онъ и повелъ тмою, а не свѣтомъ.

Іов. 30, 27: Внутренность моя кипитъ и не умолкаетъ; постигли меня дни скорби.—Пл. 1, 13: Послалъ съ высоты огонь въ кости мои, и сокрушаетъ ихъ.

Иов. 30, 28. 30: Хожу почернѣвъ, но не отъ солнца, и, стоя въ собраніи народа, жалуюсь.—Кожа моя почернѣла на мнѣ, и кость моя обгорѣла отъ жару.—Пл. 4, 8: Почернѣлъ больше угля видѣ ихъ (дѣтей дщери Сіоновой), ихъ не узнаютъ на улицахъ. Кожа ихъ приросла къ кости ихъ, стала суха какъ дерево.

Иов. 35, 15: Но какъ нынѣ еще не гнѣвъ Его наказываетъ... Пл. 3, 33: Онъ не отъ сердца своего наказываетъ и огорчаетъ сыновъ человѣческихъ... Ст. 37: *Кто сей держающій говоритъ* (... כִּי יִשְׁמַע) напоминаетъ оборотъ у Иова 38, 2. 42, 3.

Иов. 41, 20: Дщерь лука... Пл. 3, 15: дщерь лука... т. е. стрѣла. רֹחַ אֱשֶׁר־יִפְּץ встрѣчается только въ этихъ двухъ мѣстахъ.

Пр. Иезекіиля:

Иов. 3, 13—19 по обороту рѣчи и по мысли напоминаетъ плачевную пѣснь Иезекіиля о сошествіи Египта въ преисподнюю съ отходящими въ могилу, Иезек. 32, 18—30. Иов 3, 17. сл. Иез. 32, 22. 24...тамъ...

Иов. 5, 19—23 въ числѣ шести бѣдъ перечисляются четыре тяжкія казни, которыя у Иезекіиля 14, 21 Иегова намѣренъ послать на Іерусалимъ, чтобы истребить людей и скотъ.

Иов. 21, 19: *Вы говорите:* «Богъ бережетъ сынамъ его несчастіе его»; но да воздастъ ему самому... 21: Ибо какое ему дѣло до дома своего послѣ себя... Эта мысль раскрывается подробно у Иезекіиля въ 18 гл. Современники Иезекіиля держались того же убѣжденія, какое высказывали

друзья Иова, 20, 10. Въ ходу была поговорка: отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина (Иезек. 18, 3). Иезекіиль, также какъ и Иовъ, утверждаетъ, что каждый долженъ наказываться самъ за себя, только Иовъ говоритъ предположительно, а Иезекіиль возвѣщаетъ какъ откровеніе Иеговы (сн. ст. 1). Предвидя возраженіе, Иезекіиль говоритъ: вы скажете: «не правъ путь Господа. Мой ли путь не правъ?»—отвѣчаетъ отъ имени Иеговы,— не ваши ли пути не правы? (ст. 25). Впрочемъ, мысль о наказаніи дѣтей за отцовъ встрѣчается и у Іереміа 31, 29. 30,—что естественно, потому что Іеремія пророчествовалъ въ одно время съ Иезекіилемъ.

Иов. 22, 6—9. Изображеніе Иовомъ своей праведности почти во всѣхъ чертахъ сходно съ изображеніемъ праведника у Иезекіиля, 18, 7—12,

Пр. Даниїла:

Иов. 4, 13. Во время думъ *изъ* (или *послѣ*) *видѣній* *ночныхъ* (בְּחִזְיוֹנַי לַלַּיְלָה) происходящихъ... *Ночныя видѣнія*, какъ способъ непосредственнаго дѣйствія Божія на людей для ихъ вразумленія и наставленія, у Иова упоминаются какъ дѣло обычное, 7, 14. 33, 15. Въ книгѣ пр. Даниїла они служатъ также обычнымъ способомъ откровенія тайнъ Божіихъ: сонъ Навоходоносора гл. 2, другой гл. 4; *ночныя видѣнія* חִזְיוֹנַי לַלַּיְלָה Даниїла 7, 7. 13. Откровеніе, о которомъ рассказываетъ Елифазъ 4, 13—17, было впрочемъ не во снѣ, а въ бодрственномъ состояніи послѣ сна или предъ сномъ. Въ описаніи его есть нѣкоторыя черты, сходныя съ видѣніемъ Даниїла въ 10 гл. Иов. 4, 14: ужасъ объялъ меня и трепеть, и всѣ кости мои

потрясъ. Дан. 10. 7. 8: великій ужасъ напалъ на нихъ... не осталось силы во мнѣ, цвѣтъ лица моего перемѣнился ужасно... 16: въ видѣніи опомъ все члены мои потряслись... Іов. 4, 16: и голосъ слышу; Дан. 10, 9: и слышу потому голосъ словъ его.

Іов. 5, 1: Къ кому изъ святыхъ אֱלֹהֵי обратишься? Святые здѣсь и 15, 15 разумѣются Ангелы, см. Дан. 8, 13: אֱלֹהֵי אֲנֹכִי. Мысль о ходатайствѣ Ангеловъ, о ихъ посредничествѣ предъ Богомъ, выраженная здѣсь и въ рѣчи Эліуя 33, 23 имѣетъ основаніе въ той близости ихъ къ Богу, въ какой они представлены у пр. Даніила 7, 10, и въ томъ участіи, какое они принимаютъ, по представленію того же пророка, въ судьбѣ народовъ и самаго Даніила. Частный случай этого ходатайства представленъ у пр. Захаріи 1, 10.

Іов. 9, 12: Вотъ схватить, кто возбранить Ему? Кто скажетъ Ему: «что Ты дѣлаешь»? Дан. 4, 32: И все живущіе на землѣ являются какъ ничто предъ Нимъ (см. Исаі. 40, 17: все народы предъ Нимъ какъ ничто); и по волѣ Своей Онъ дѣйствуетъ и въ небесномъ воинствѣ, и у живущихъ на землѣ; и не кому удержать руку Его, и сказать Ему: «что Ты дѣлаешь»?—Навуходоносоръ и Іовъ въ болѣзни своей сходятся въ исповѣданіи владычества Божія, и приходятъ къ одному убѣжденію, что все дѣла Царя небеснаго истина, и пути правосудіе, и что Онъ можетъ смирить ходящихъ въ гордости. Дан. 4, 34. слч. Іов. 37, 24. 39, 34. 35. 42, 2—6.

Іов. 12, 13—22. Раскрывается мысль таже, какая у Даніила 2, 20—22, по мѣстамъ до буквального сходства. Іов. 12. 13: У Него премудрость и сила חֵכְמָה וְגִבּוּרָה.

Дан. 2, 20: Ибо Его премудрость и сила **חַכְמָתָא וְגִבּוּרְתָא דְּהוּא** **הוּא הַיְיָ**. — Далѣе, Дан. ст. 21: Онъ измѣняетъ времена и лѣта; Онъ низвергаетъ царей, и поставляетъ царей; даетъ мудрость мудрымъ и знаніе умѣющимъ разсуждать. Мысли сходныя съ Іов. 16—21: У Него могущество и премудрость... Онъ ослабляетъ грозу царей и обвязываетъ чресла ихъ поясомъ... Отнимаетъ языкъ у вѣрующихъ въ себя, и старцевъ лишаетъ смысла... Наконецъ Іов. 22 ст.: Глубокое выносить изъ тьмы **מִגְלֵה עֲמֻקּוֹת מִיַּיְהוָה**, и что во тьмѣ изводитъ на свѣтъ **וַיַּצֵּא לְאוֹר צִלְמֹתָא**. Дан. 22 ст.: Онъ вскрываетъ глубокое **הוּא גָלָא עֲמֻקְתָא** и сокровенное; знаетъ что во тьмѣ **וַיֵּדַע מָה בְּהַשְׁוֵכָא**, и свѣтъ у Него (или, съ Нимъ) живетъ **וְהָיָה יוֹרָא עִמָּיה שְׂרָא**.

Іов. 33, 23: Ежели есть за него Ангелъ посредникъ, *одинъ изъ тысячи* **אַחַד מִיְּאַלְפֵי**. — Дан. 7. 10: *Тысячи тысячъ* **אַלְפֵי אַלְפֵי** служили Ему...

Іов. 34, 20: И сильнаго прогоняютъ *не рукою* **לֹא בְיַד**. Дан. 2, 34: отторгся камень *безъ рукъ* **לֹא בְיָדוֹ**.

*Псалмовъ позднѣйшаго времени — конца плѣна
и послѣ плѣна.*

Іов. 16, 7: Да! наконецъ Онъ утомилъ меня; 8: и возстаетъ противъ меня изможденность моя. Пс. 101, 24: Утомилъ Онъ на пути силы мои. Изъ того же Псалма стихъ 6 сходенъ по мысли и по буквѣ съ Іов. 19, 20: Съ кожею моею и *съ плотію моею*, **וּבְבִשְׂרִי**, *срослись* **דָּבְקָה** *кости мои* **עַצְמֵי**. Пс. 101, 6: *Кость моя* **עַצְמֵי** *прильпнула* **כָּזָבְקָה** *къ плоти моей* **לְבִשְׂרִי**.

Псаломъ этотъ относится къ концу плѣна вавилонскаго. Страждущій плѣнникъ (Израиль) молить Іегову сжалиться надъ Сіономъ, ибо пришло время помиловать его

(сн. ст. 14). Въ Псалмѣ этомъ много выраженій, которыя встрѣчаются въ книгѣ Плачь и въ книгѣ Іова. Черты страждущаго во всѣхъ трехъ произведеніяхъ имѣютъ много сходнаго.

Іов. 5, 16: *Чтобъ угнетенному (съ свр.) была надежда, а злоба затворила уста свои.* Пс. 106, 42: *Добрые видятъ и радуются, а всякое нечестіе заграждаетъ уста свои.* רָעַלְתָּהּ קַפְצָהּ פִּיהָ. Въ Псалмѣ читается совершенно также, только вмѣсто עָלְתָהּ тамъ עָלָהּ.

Изъ того же 106 Псалма ст. 40 встрѣчается у Іова 12, 21. 24. *Онъ изливаетъ посрамленіе на знатныхъ, и оставляетъ блуждать въ пустынь, идъ нить пути.* שִׁפָּה בְּיוֹ עַל-קְדוֹבִים וַיַּתַּעַם בְּתוֹהוּ לֹא דָרָה. У Іова два полустішія этого стиха раздѣлены промежуточною рѣчью о дѣйствіяхъ Вседержителя въ управленіи народами; 12, 21. *Изливаетъ посрамленіе на знатныхъ,* שִׁפָּה בְּיוֹ עַל-קְדוֹבִים... 24: *и оставляетъ блуждать въ пустынь, идъ нить пути,* וַיַּתַּעַם בְּתוֹהוּ לֹא דָרָה. Ниже въ 25 ст. выраженіе: *шататься подобно пьяному,* בְּשִׁכּוֹר, сходно съ выраженіемъ въ томъ же Псалмѣ ст. 27: *шатаются какъ пьяный* בְּשִׁכּוֹר.

Іов. 33, 19—30. Эліуй говоритъ о вразумленіи людей чрезъ болѣзни сходно съ Пс. 106, 14—28, гдѣ излагаются подобныя мысли. Іов. 19 ст.: иногда онъ вразумляется болѣзнію на ложѣ своемъ; Пс. 17 ст.: безразсудные страдали за незаконные пути свои и за неправды свои. Іов. 20 ст.: и становится хлѣбъ противенъ вкусу его, и душѣ его пища любимая; Пс. 18 ст.: отъ всякой пищи отвращалась душа ихъ. Іов. 22 ст.: и приближается ко гробу душа его, и жизнь его къ ангелу смерти; Пс.

18 ст.: они приближались къ вратамъ смерти. Іов. 26 ст.: но молится Богу и (становится) любезенъ Ему, взираетъ съ веселіемъ на лице Его, и Онъ (Богъ) возвращаетъ чело-вѣку праведность; ст. 28: (тогда чело-вѣкъ говоритъ сн. 27 ст.) Онъ искупилъ душу мою отъ сошествія въ гробъ, и жизнь моя видитъ свѣтъ;—Пс. 19. 20 ст.: Но воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствія ихъ; послалъ слово Свое и исцѣлилъ ихъ, и избавилъ ихъ отъ могилы,—ст. 14: извелъ изъ тьмы и тѣни смертной и расторгнулъ узы ихъ. Въ кн. Іова это мѣсто дополняется представленіями, встрѣчающимися у Исаи 43, 1. 4. 25.

Псаломъ 106 написанъ послѣ возвращенія евреевъ изъ плѣна вавилонскаго, какъ это видно изъ ст. 2 и 3. Что говорится здѣсь не объ избавленіи отъ египетскаго рабства, видно изъ ст. 11.

Іов. 5, 10: Онъ даетъ дождь на лице земли, и посылаетъ воды на лица полей. Пс. 146, 8: Онъ покрываетъ небо облаками, готовитъ для земли дождь, произращаетъ на горахъ траву. Слѣдующій 9 стихъ Псалма: даетъ скоту *пищу* его, и *дѣтямъ ворона*, *когда они кричатъ*,— по мысли сходенъ съ 41 ст. 38 гл. Іова: кто доставляетъ *ворону добычу* его, *когда птенцы его взываютъ къ Богу?*— Псаломъ этотъ написанъ послѣ возвращенія евреевъ изъ плѣна вавилонскаго, что видно изъ 2 ст. этого Псалма и изъ 1 ст. слѣдующаго, который въ еврейскомъ текстѣ составляетъ съ нимъ одинъ, по счету, 147 Псаломъ.

Іов. 8, 21: Наполнить уста твои смѣхомъ, и гортань твою пѣснію радостною *עַד-יִמְלֵא שְׂחֹק פִּיךָ וּרְשָׁפֹתֶיךָ תִּרְעָעָה*. Подобное выраженіе въ Пс. 125, 2: тогда уста наши

полны были веселія и языкъ нашъ пѣнія אָז וַיִּמְצְא שְׂהוֹרֵק וַיִּבְרַח רִגְלוֹ וַיִּשְׂרֹבֶנָה רִגְלוֹ. Псаломъ этотъ содержитъ пріятныя воспоминанія плѣнныхъ сыновъ Сіона о томъ времени, когда они возвращались изъ Вавилона на свою родину.

Іов. 29, 10: И языкъ ихъ прилипалъ къ гортани ихъ וַיִּלְשֹׁן־לָהֶם לְהַפְּקֵם דְּבָרָה. Это выраженіе встрѣчается въ Пс 136, 6 и ранѣе у Іезек. 3, 26.

Пр. Захаріи и 1 Паралипоменонъ:

Іов. 1, 6. Когда сыны Божіи пришли предстать предъ Іегову... *Сыны Божіи* בְּנֵי הָאֱלֹהִים 2, 1. 38, 7 Ангелы, сн. Пс. 28, 1. *Предстать предъ Іегову* לְהִתְנַצֵּב עַל-יְהוָה, —образъ представленія небесныхъ силъ тотъ же, какой у пр. Захаріи 6, 5: это четыре небесныхъ духа, которые, *представъ предъ Господа*, וַיִּתְנַצְּבוּ אֲדָרָן, *исходятъ* וַיִּצְאֹת, сн. Іов. 1, 12 и *отомель* אֲנִי. —Пришель и *сатана*. שָׂטָן въ значеніи злаго духа, кромѣ нашей книги, встрѣчается только у Захаріи 3, 1 и 1 Паралип. 21, 1, въ книгахъ, написанныхъ послѣ плѣна вавилонскаго. Въ другомъ значеніи встрѣчается оно весьма рано. Числ. 22, 22: И сталъ ангель Господень на дорогѣ, чтобы воспрепятствовать ему (Валааму), וַיִּשְׂטֵן לִי ср. 32 ст. Значеніе общее—*противодѣйствія*, безъ отношенія къ лицу противодѣйствующему. Пс. 108, 6. 7: поставь надъ нимъ начальникомъ нечестиваго, и *противникъ* (שָׂטָן) да станетъ у него по правую руку; когда будетъ судиться, пусть выдетъ виновнымъ. Здѣсь *противникъ* (שָׂטָן) есть обвинитель въ порядкѣ обыкновеннаго человѣческаго суда, но не злой духъ. Приходилось употребить שָׂטָן при изображеніи видѣнія пр. Михея, 3 Цар. 22, 19—23, но употреблено הָרִיבָה.

Іов. 8. 9: *Ибо тьнь — дни наши на земль.* 1 Пар. 29, 15: *какъ тьнь дни наши на земль.*

Пр. Малахи:

Іов. 21, 15: Что такое Вседержитель מֵהַשָּׁמַיִם, что мы должны служить Ему לְעַבְדָּתוֹ? И какая намъ польза отъ того לְעַבְדָּתוֹ, что мы будемъ прибѣгать къ Нему לְעַבְדָּתוֹ? — Малах. 3, 14: Вы говорите: «безполезно служить (עֲבַד) Богу, и какая выгода изъ того לְעַבְדָּתוֹ, что мы хранимъ פִּי שְׂמֵרָתוֹ Его заповѣди, и ходимъ съ мрачнымъ лицомъ предъ Іеговою воинствъ». Іов. ст. 16: Видишь! Не въ ихъ ли рукѣ счастье ихъ?—Совѣтъ нечестивыхъ будь далекъ отъ меня!—Малах. ст. 15: И потому гордецовъ мы считаемъ счастливыми; живущіе беззаконно благоденствуютъ, и, тогда какъ искушаютъ Бога, остаются невредимы.— מֵהַשָּׁמַיִם. Подобный оборотъ встрѣчается въ устахъ Фараона, Исх. 5, 2: מֵהַשָּׁמַיִם, и въ устахъ нечестивыхъ, Пс. 11, 5. Притч. 30, 9.

Изъ свода параллельныхъ мѣстъ видно, что книга Іова имѣетъ сродство почти со всѣми ветхозавѣтными, каноническими книгами, начиная съ первой—книги Бытія, и оканчивая послѣднею—книгою пророка Малахи. Сродство это заключается въ мысляхъ, представленіяхъ, образахъ, выраженіяхъ и оборотахъ рѣчи, общихъ у нея съ другими книгами.

Какъ объяснить это сродство?—Возможны слѣдующія три предположенія: или 1) наша книга древнѣе всѣхъ ветхозавѣтныхъ книгъ, такъ что всѣ сходныя съ нею мѣста въ другихъ книгахъ произошли изъ нея; или 2) наша книга явилась позже однихъ и раньше другихъ книгъ; въ такомъ случаѣ сходныя мѣста—одни вошли въ нее изъ

предшествующихъ ей книгъ, а другія—изъ нея въ послѣдующія книги; или наконецъ 3) наша книга явилась позже всѣхъ книгъ: въ такомъ случаѣ сходныя мѣста вошли въ нее изъ всѣхъ прочихъ книгъ. Первое изъ этихъ предположеній не можетъ быть принято, какъ самое не состоятельное. Въ книгѣ нашей встрѣчаются ясныя намеки на Моисеевъ законъ, какъ это мы видѣли при сличеніи параллельныхъ мѣстъ: Іов. 15, 20—30 съ Лев. 26, 16—37; Іов. 31, 11. 28 съ Лев. 20, 10. Второз. 4, 19. Кругъ идей и представлений, входящихъ въ содержаніе книги Іова, далеко не соразмѣренъ съ кругомъ тѣхъ понятій и познаній, которыя свойственны патриархальному времени до Моисея. Остаются, такимъ образомъ, возможными два предположенія, второе и третье.

Чтобы рѣшить, какой изъ двухъ книгъ принадлежитъ первоначальность относительно параллельныхъ мѣстъ, въ нихъ встрѣчающихся, естественный способъ для этого—анализъ параллельныхъ мѣстъ. Этимъ способомъ, при сводѣ параллельныхъ мѣстъ, мы открыли нѣсколько аналогій, въ которыхъ первоначальность принадлежитъ не нашей книгѣ, а другимъ книгамъ. Мѣста эти: Іов. 15, 20—30 парал. Лев. 26, 16—37; Іов. 31, 11. 28 парал. Лев. 20, 10, Втор. 4, 19; Іов. 7, 10. 20, 9 парал. Ис. 102, 16; Іов. 13, 5 парал. Притч. 17, 28; Іов. 15, 7 парал. Притч. 8, 22. 25; Іов. 14, 11. парал. Исаи. 19, 5; Іов. 3, 3—11 парал. Іерем. 20, 14—18. Изъ этихъ аналогій мы уже имѣемъ право заключить, что и всѣ другія мѣста изъ книгъ до книги пророчествъ Іереміи включительно имѣютъ свою первоначальность въ тѣхъ книгахъ, а не въ книгѣ Іова, и что всѣ тѣ книги, по происхож-

денію своему предшествуютъ нашей книгѣ. Такое заключеніе, основанное на одномъ или двухъ мѣстахъ изъ книги, можетъ, конечно, показаться слишкомъ поспѣшнымъ. Но анализъ всѣхъ параллельныхъ мѣстъ потребовалъ бы слишкомъ много работы и многихъ томовъ сочиненія; а въ иныхъ случаяхъ оказался бы не удобопримѣнимымъ къ нашей священной и достойной глубокаго уваженія книгѣ... Поэтому, обратимся къ другому способу—не анализа, а синтеза параллельныхъ мѣстъ.

Обратимъ вниманіе на тотъ видъ, въ какомъ являются въ нашей книгѣ параллельныя мѣста прочихъ книгъ. Въ этомъ отношеніи естественно предполагать, что у всякаго писателя свой характеръ и свой приемъ въ пользованіи мыслями и выраженіями другихъ писателей. Коль скоро примѣчается, что мѣста изъ однихъ книгъ являются въ одноѣ видѣ, а изъ другихъ въ другомъ, можно думать, что эти мѣста первоначально принадлежатъ нашему писателю, а тѣ другому. Впрочемъ, у одного и того же писателя заимствованія изъ другихъ писателей могутъ являться въ разныхъ видахъ; но если въ этихъ видахъ усматривается общій характеръ отношенія писателя къ параллельнымъ мѣстамъ разныхъ книгъ, то всѣ другія не подходящія подъ этотъ характеръ мѣста должны считаться его собственностію.

Параллельныя мѣста изъ другихъ книгъ являются въ нашей книгѣ въ слѣдующихъ видахъ:

1. Во всей книгѣ Іова не встрѣчается ни одного мѣста изъ другихъ книгъ, которое бы представляло полный стихъ (изъ двухъ или трехъ полустижій), буквально воспроизведенный; встрѣчаются только полустижія, но заключающія

въ себѣ полную и круглую мысль, большею частію съ легкимъ измѣненіемъ въ грамматическомъ построеніи рѣчи, приспособительно къ контексту рѣчи. Наприм. Притч. 3, 11: *Наказанія Вседержителя не отвергай* (5, 17) ¹⁾; Псал. 101, 6: *кость моя прильпнула къ плоти моей* (19, 20). Таковыхъ мѣстъ вообще не много, но встрѣчаются они изъ книгъ, какъ до плѣна такъ и послѣ плѣна происшедшихъ: Быт. 18, 27 (30, 19), Второз. 28, 35 (2, 7), Втор. 10, 17 (34, 19), 1 Цар. 28, 21 (13, 14), 2 Цар. 15, 33 (7, 20), Псал. 6, 8 (17, 7), Псал. 41, 5 (30, 16), Пс. 102, 16 (7, 10), Пс. 103, 1 (40, 5), Исаі. 59, 16 (40, 9), Плач. 3, 15 (9, 18), Псал. 136, 6 (29, 10), Псал. 106, 42 (5, 16), Пс. 125, 2 (8, 21), 1 Пар. 29, 15 (8, 9).

2. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ 14, 11. нашей книги встрѣчается цѣлый стихъ изъ Исаіи 19, 5, но съ другимъ значеніемъ, отличнымъ отъ того, какое онъ имѣеть у Исаіи.

3. Встрѣчаются еще два стиха въ буквальный видѣ, но полустигшія ихъ раздѣлены вставочною рѣчью самаго автора нашей книги: Исаі. 35, 3 (4, 3. 4) и Псал. (послѣ плѣн.) 106, 40 (12, 21. 24).

4. Иногда изъ текста другой книги встрѣчается не полное предложеніе, а только часть его, — выраженіе, заключающее въ себѣ опредѣленную мысль, и приставленное къ другому подлежащему или къ другой мысли, иногда отличной отъ той, какая въ параллельномъ мѣстѣ другой книги. Псал. 103, 23: *выходитъ на дѣло свое* (24, 5); Притч.

---

¹⁾ Въ скобкахъ показываются параллельныя мѣста въ книгѣ Іова.

8, 22: *прежде холмовъ Я родилась* (15, 7); 1 Цар. 2, 12 (18; 21), Пс. 34, 26 (8, 22), Пс. 97, 1 (40, 9).

5. Встрѣчаются изъ текста другихъ книгъ предложенія совершенно сходныя по буквѣ, но съ замѣною какого либо слова или выраженія, съ опущеніемъ какихъ либо словъ или съ вставкою другихъ, въ параллельномъ мѣстѣ не находящихся. Прит. 3, 25: *не будешь страшиться* внезапнаго ужаса, и бури беззаконныхъ, когда она *придетъ* (5, 21: *не будешь бояться* опустошенія, когда *придетъ*); Второз. 4, 32 (8, 8), Второз. 28, 29 (5, 14), Псал. 102, 16 (20, 9), Пс. 143, 3 (7, 17), Пс. 31, 4 (23, 2).

6. Встрѣчаются только мысли и представленія изъ текста другихъ книгъ, но съ удержаніемъ оборота рѣчи, нѣкоторыхъ словъ и выраженій: Пс. 38, 14 (10, 20. 21), Пс. 72, 11 (22, 13), Пс. 103, 29 (34, 14. 15), Притч. 9, 10 (28, 28), Притч. 24, 17 (31, 29), Дан. 10, 7—9. 16 (4, 13—17),—или только словъ и выраженій: Быт. 2, 7 (4, 19), Быт. 2, 7 (32, 9), Втор. 32, 39 (5, 18), Втор. 28, 37 (17, 6), 1 Цар. 16, 7 (10, 4), 1 Цар. 2, 8 (36, 7), Пс. 32 19 (5, 20), Пс. 37, 3 (6, 4), Пс. 24, 7 (13, 26), Пс. 138, 3 (14, 16), Пс. 37, 17. 18 (12, 5), Пс. 54, 13—15 (19, 19), Исаі. 53, 9 (16, 17), Ис. 26, 21 (16, 18), Ис. 29, 7 (20, 8), Ис. 40, 14 (21, 22), Ис. 59, 17 (29, 14), Ос. 13, 14 (33, 24), Ис. 2, 12 (40, 6—8), Аввак. 1, 2 (19, 7), Дан. 4, 32 (9, 12).

7. Иногда встрѣчается одно выраженіе, получившее извѣстную типичность въ употребленіи у свящ. писателей: *на земля живыхъ*—Псал. 21, 13 (28, 13), *руку на уста*—Притч. 30, 22 (21, 5), *чаша тѣва Божія*—Ис.

51, 17: *Іерем.* 25, 15. 49, 19, *Іезек.* 23, 31 (21, 30), *день Господень*—*Ис.* 2, 12 и др. (24, 1), *время* или *времена*—*Ис.* 13, 22 и др. (24, 1), *железъ* въ смыслѣ вары Божіей—*Ис.* 10, 5. *Псал.* 88, 33. *Плач.* 3, 1 (9, 34); *восточный вѣтръ* или просто *восточный*—въ особомъ смыслѣ—*Осіи* 13, 15. *Іезек.* 17, 10 (27, 21), *сатана*—*Зах.* 3, 1. 1 *Пар.* 21, 1 (1, 6); сюда же можно отнести выраженіе—*слушая слушалъ* *Исаі.* 6, 9 (13, 17), *пишутъ* въ смыслѣ судебн. *Ис.* 10, 1 и др. (13, 26. 21, 1) и мн. др.

8. Иногда только образы изъ другихъ книгъ, безъ объясненія: *воинская служба* *Исаі.* 40, 1 (7, 1), *ткань* *Исаі.* 38, 12 (7, 6), или съ изъясненіемъ: *обманчивый потокъ*—*Ис.* 58, 11 (6, 15—20), и др.

9. Иногда въ одномъ выраженіи сходятся выраженія изъ двухъ и болѣе мѣстъ: *Ис.* 17, 20. 24, 17 (36, 16), *Притч.* 2, 6. 8, 14. *Дан.* 2, 20 (12. 13), *Быт.* 2, 7. *Притч.* 2, 6 (32, 9).

10. Иногда мысль другой книги передается въ книгѣ Іова въ другой формѣ и въ другихъ выраженіяхъ; но внутреннее содержаніе мысли въ параллельныхъ мѣстахъ такъ сходно, что нельзя не замѣтить сродства и отношенія между ними. Напримѣръ: *Псал.* 17, 29: *Ты возжгаешь свѣтильникъ мой; Господь Богъ мой просвѣщаетъ тьму мою.* Ср. *Іов.* 29, 3: *когда, говоритъ Іовъ, свѣтильникъ Ею свѣтло горѣлъ надъ главою моею, когда я при свѣтѣ Ею ходилъ среди тьмы.*—*Притч.* 17, 28: *и глупца, пока онъ молчитъ, сочтутъ мудрецомъ; благоразуменъ затворяющій уста свои.* Ср. *Іов.* 13, 5: *О, если бы вы, говоритъ Іовъ своимъ друзьямъ, только молчали! Это вамъ было*

бы вмѣнено въ мудрость. Подобныхъ мѣсть въ книгѣ Іова много: Пс. 89, 6 (14, 2), Пс. 142, 2 (14, 3), Пс. 50, 7 (14, 4), Пс. 38, 14 (14, 6), Пс. 10, 6 (20, 23), Пс. 48, 6—8 (36, 18, 19), Притч. 22, 22 (31, 21), Притч. 6, 11 (15, 24), Притч. 1, 26, 27 (27, 9, 10), Притч. 24, 12 (34, 11), Притч. 16, 5 (37, 24), Екклез. 4, 2, 3 (3, 11—16), Исаі. 40, 23 (12, 17), Ис. 51, 8 (13, 28), Ис. 33, 11 (20, 26), Ам. 2, 9 (18, 16), Мих. 1, 8 (30, 29), Іер. 2, 22 (9, 29—31), Іер. 20, 7, 8 (12, 4), Іер. 23, 18 (15, 8), Іер. 18, 21 (27, 14, 15), Іер. 20, 9 (32, 19—21), Плач. 3, 10 (10, 16), Пс. 3, 20 (16, 7, 8), Пс. 146, 8 (5, 10), Пс. 146, 9 (38, 41).

11. Иногда мысль другой книги является въ нашей книгѣ съ перестановкою нѣкоторыхъ понятій, не измѣняя своего смысла. Наприм. Пс. 1, 4 (21, 18).

12. Мысль другой книги является въ книгѣ Іова развитою и распространенною. Наприм. Пс. 36, 38: *племя нечестивыхъ истребится.* Ср. Іов. 18, 19: *не будетъ у него (нечестиваго) сына, ни внука въ народъ его, и никого не останется на мѣсть жительства его.* Притч. 13, 9 (18, 5, 6), и др.

13. Или, наоборотъ, мысль, въ другой книги пространно раскрытая, у Іова излагается сжато и кратко. Притч. 6, 25—35 (31, 12), Пс. 36, 10, 36 (20, 7), Іезек. 18, 1—18 (21, 19, 21), и др.

14. Мысль, въ другой книгѣ содержащаяся въ одномъ полустижіи, у нашего писателя разлагается на два полустижія: Притч. 15, 11: *преисподняя и Аваддонъ предъ Іеговою* (подразумѣвается—открыты); ср. Іов. 26, 6: *наизъ*

предъ Нимъ шеолъ, и нѣтъ покрывала Авaddonу. Подобн. Пс. 17, 16 (4, 9).

15. Иногда цѣлыя мѣста изъ другихъ книгъ проходятъ чрезъ рѣчь книги Іова, въ томъ же или измѣненномъ порядкѣ мыслей, и часто съ удержаніемъ нѣкоторыхъ выраженій: Лев. 26, 16—37 (15, 20—30), Пс. 36 (8, 11—12), Пс. 72 (15), Притч. 1, 25—27 (22, 10—12), Притч. 8 (28, 12—28), Притч. 8, 27—29 (38, 4—11), Еккл. 9, 7—10 (10, 20—22. 14, 5. 6), Исai. 5, 12. 14. 15 (21, 12—15), Іер. 12, 1—2 (21, 7—9), Іер. 20, 14—18 (3, 3—11), Пс. 1. 2. 3 (16, 4—16), Дан. 2, 20—22 (12, 13—22), и др.

16. Въ одной и той же главѣ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, при развитіи какой либо идеи, комбинируются разные мѣста, мысли и выраженія изъ разныхъ книгъ, или изъ одной, но встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстахъ; мысли и выраженія одного мѣста влетаютъ въ мысли и выраженія другаго мѣста. Примѣры этого представляютъ слѣдующія мѣста изъ книги Іова: 19, 13. 14. 17, гдѣ сводятся Пс. 87, 9. 68, 9. 37, 12; Іов. 38, 4—11 гдѣ сходятся мысли и выраженія изъ Притч. 8, 27—29. 30, 4. Іер. 5, 22; Іов. 33, 19—30. Ис. 43, 3. 4. 25. Осii 13, 14. Пс. 106, 14—28; Іов. 9, 1—19. Ам. 4, 13. 5, 8. 9. Ис. 44, 24. Наум. 1; и мн. др. Образцомъ такого сочетанія и совокупленія мыслей и выраженій изъ разныхъ книгъ и мѣстъ можетъ служить почти каждая глава въ книгѣ Іова. Возьмемъ наприм. 21 гл. Въ ней ст. 5=Притч. 30, 22; ст. 7. 9=Іер. 12, 1. 2; ст. 12=Ис. 5, 12; ст. 13=Ис. 5, 14; ст. 14=Пс. 24, 4; ст. 15. 16=Малах. 3, 14. 15; ст. 15=Ис. 5, 19; ст. 18=Ис. 1, 4; ст.

19=Иезек. 18, 3 и сл.; ст. 20=Ис. 51, 17; ст. 22=Ис. 40, 14.—Возьмемъ еще 19 гл.: ст. 3=Быт. 31, 7; ст. 6=Ос. 7, 12; ст. 7=Авв. 1, 2; ст. 8=Пл. 3, 9; ст. 9=Пл. 5, 16; ст. 10=Пл. 3, 17. 18; ст. 11=Пл. 2, 3. 4; ст. 13. 14. 17=Пс. 89, 9. 68, 9. 37, 12; ст. 19=Пс. 54, 13—15; ст. 20=Пс. 106, 6; ст. 22=Пс. 26, 2; ст. 24=Иер. 17, 1; ст. 25—29=Пс. 93, 16. 17; ст. 29=Пс. 7, 13.

Для наглядности представимъ примѣръ комбинаціи въ отрывкѣ 12 гл. 13—25 ст. Въ этомъ отрывкѣ раскрывается та самая идея, которая выражена кратко пр. Данииломъ въ 2, 20—22. Тема этого отрывка выражена тѣми же словами у Іова и пр. Даниила: *У Него премудрость и сила* (Іов. 12, 13. Дан. 2, 20), что равносильно другому выраженію Іова въ 16 ст.: *у Него могущество и премудрость*.

Іов. ст. 13: *У него премудрость и сила;*

Его совѣтъ и разумъ.

ст. 17: *Онъ отводитъ совѣтниковъ какъ добычу (LXX: ἀρχαλάβτους), И судей дѣлаетъ глупыми.*

Ст. 18: *Ослабляетъ грозу царей, и обвязываетъ чресла ихъ поясомъ.*

Ст. 19: *Онъ отводитъ священниковъ какъ добычу (LXX:*

Дан. 2, 20: *У Него премудрость и сила.*

Притч. 8, 14: *У Меня совѣтъ... 2, 6: изъ устъ Его... разумъ.*

Исаі. 40, 23: *Онъ низводитъ владыкъ въ ничтожество, дѣлаетъ члмъ-то пустымъ судей земли.*

Дан. 2, 21: *Онъ низвергаетъ царей, и поставляетъ царей.*

Иер. 48, 7: *Хамось поидетъ въ плънъ, священники его и*

ἀρχαλώτους) и низлагаетъ ут-
вердившихся въ силѣ.

Ст. 20: *Отнимаетъ языкъ
у върующихъ въ себя,
И старцевъ лишаетъ смысла.*

Ст. 21: *Изливаетъ посрам-
леніе на знатныхъ;*

И ослабляетъ поясъ могу-
чихъ.

Ст. 22: *Глубокое выноситъ
изъ тьмы,*

*И что во тьмѣ изводитъ
на свѣтъ.*

Ст. 23: *Размножаетъ наро-
ды и губитъ ихъ.*

Распростираетъ народы и
уводитъ ихъ.

Ст. 24: *Отъемлетъ сердце
у главъ народа земли,*

князья его вмѣстѣ. 49, 3: *Мал-
хомъ идетъ въ плъкъ, священ-
ники его и князья его вмѣстѣ.*

Ис. 44, 25: *Я разоблачу
знаменія обманщиковъ, и об-
наружу безсмысліе волшебни-
ковъ, заставлю мудрецовъ
уйти со стыдомъ, и знаніе
ихъ покажу смѣшнымъ.*

Пс. 106, 40: *Онъ изли-
ваетъ посрамленіе на знат-
ныхъ=*

Дан. 2, 22: *Онъ вскрываетъ
глубокое и сокровенное; знаетъ
что во тьмѣ, и свѣтъ у Него
живетъ.*

Второз. 33, 5. 21: *главы
народа. Исаі. 24, 4. 42, 5:
народъ земли.*

Ис. 19, 13. 14: *Обезумѣли
князья цоанскіе, обманулись
князья ноескіе, совратили
Египеть съ пути главы пле-
менъ его. Иегова влилъ въ него
духъ опьяненія, и зашатаетъ-*

*И оставляет блуждать
въ пустынь, идь нтъ пути.*

Ст. 25: *Ощупью ходятъ они,
какъ въ тьмь, а не при свѣтъ.*

И оставляетъ ихъ *шатать-*
ся подобно пьяному.

ся Египеть, во всѣхъ дѣлахъ
своихъ, какъ шатается пья-
ный среди своихъ изверженій.

*— И оставляет блуждать
въ пустынь, идь нтъ пути.*
Пс. 106, 40.

Ис. 59, 10: *Какъ безъ глазъ
ходимъ ощупью; спотыкаемъ
въ полдень, какъ въ сумерки.*

Пс. 106, 27: *шатаются
какъ пьяный.*

Изъ этого обозрѣнія усматривается слѣдующее:

1. Нѣтъ ни одной книги, изъ которой бы параллельныя мѣста являлись въ книгѣ Іова съ особымъ характеромъ, отлично отъ другихъ книгъ; потому, нѣтъ основанія думать, что какое либо мѣсто, параллельное въ другой книгѣ, перешло въ нее изъ книги Іова.

2. Общій характеръ, съ какимъ являются въ книгѣ Іова параллельныя мѣста друг ихъ книгъ, — такой, который показываетъ, что авторъ нашей книги пользовался другими книгами по памяти, какъ отлично усвоившій себѣ содержаніе ихъ.

3. Представленныя нами комбинаціи (въ такомъ же видѣ встрѣчающіяся въ каждой главѣ, особенно 3—38 гл.) мѣсть, разсѣянныхъ въ разныхъ книгахъ или частяхъ ихъ, — мыслей и выраженій изъ разныхъ мѣсть свящ. книгъ, служатъ яснымъ признакомъ первоначальности этихъ мѣсть, мыслей и выраженій, не въ нашей книгѣ, а въ прочихъ книгахъ, и могли быть только при отличномъ знаніи свящ. книгъ, при самомъ точномъ и вѣрномъ сохраненіи въ памяти содержанія ихъ, при необыкновенно жи-

вой мыслящей силѣ, способной, съ быстротою мысли, тою или другою идеей приводить въ сознание изъ памяти все, что хранилось въ ней относящагося къ извѣстной идеи; или, иначе сказать, эти комбинаціи предполагаютъ такое глубокое усвоеніе содержанія священныхъ книгъ, при которомъ автору, по вызову той или другой идеи, само собою, не вольно приходило въ его мысль, складывалось въ его представленія и выраженія то, что находилось въ разныхъ мѣстахъ свящ. книгъ относящагося къ ней. Мѣста свящ. книгъ, въ которыхъ встрѣчаются мысли и выраженія объ одномъ и томъ же предметѣ, до того вплетаются въ нашей книгѣ одно въ другое, что весьма часто нѣтъ никакой возможности разпознать, какое изъ нихъ служило первоисточникомъ для автора въ томъ или другомъ мѣстѣ; и потому, при сводѣ параллельныхъ мѣстъ намъ доводилось указывать аналогію въ двухъ различныхъ книгахъ для одного мѣста нашей книги. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ, когда въ мышленіи автора на ту или другую идею сводились или сходились разные мѣста свящ. книгъ, отлично усвоенныя его памятью, и претворившіяся въ содержаніе мыслящаго сознанія его.

Если теперь мѣста изъ прочихъ книгъ, параллельныя съ нашею книгою, сличимъ между собою, то откроемъ тѣ идеи, около которыхъ группировались, которыя вызывали изъ памяти автора сходныя мысли, представленія и образы другихъ книгъ, иногда вмѣстѣ съ ихъ выраженіемъ и оборотами рѣчи. Эти идеи суть: идея страждущаго праведника, идея нечестивыхъ или беззаконниковъ, идея Вседержителя, управляющаго судьбою людей, идея чловѣка, какъ созданія Божія, идея премудрости, идея преисподней и проч., тѣ самыя идеи, которыя составляютъ основу со-

держанія нашей книги и въ умѣ автора ея, конечно, предшествовали тому развитію, какое дано имъ въ книгѣ. Сводъ параллельныхъ мѣстъ, относящихся къ раскрытію этихъ идей, можетъ привести къ замѣчаніямъ, имѣющимъ важный интересъ въ нашемъ вопросѣ.

1. При сличеніи параллельныхъ мѣстъ между собою, нельзя не примѣтить, что въ изображеніи главнаго лица нашей книги, праведнаго Іова, его болѣзни, душевнаго настроенія, чувствъ и мыслей, сходятся тѣ мѣста изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, въ которыхъ изображаются или Израиль, по временамъ подвергавшійся страданію по опредѣленію Іеговы, или другіе страдальцы, принадлежавшіе ветхозавѣтной церкви, или вообще ветхозавѣтные праведники, подвергавшіеся испытаніямъ со стороны Іеговы. Аналогія является здѣсь до такой степени очевидною, что невольно представляется,—или образъ страдальца Іова, съ его чувствами и мыслями, предстоялъ въ умѣ священныхъ писателей, начиная съ Моисея, когда они изображали народъ израильскій и бывшихъ среди его праведниковъ въ подобномъ положеніи, или на-оборотъ, авторъ нашей книги хотѣлъ въ страдальцѣ Іовѣ отобразить черты всѣхъ страдальцевъ, представить, такъ сказать, идеаль страждущаго праведника

Болѣзнь Іова означена словами Второзаконія 28, 35 (Іов. 2, 7): *и поразилъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги его по самое темя его*. За тѣмъ въ изображеніе страдальца Іова вошли изъ Пятокнижія Моисеева слѣдующія мѣста, относящіяся къ Израилю: Второз. 28, 67 (7, 4), 32, 34 (14, 17), 28, 37 (17, 6), 32, 13 (29, 6). Изъ повѣствованія Пятокнижія о частныхъ лицахъ къ Іову

примѣнено выраженіе Авраама: и я сдѣлался *какъ прахъ и пепель* (Гов. 30, 19. Быт. 18, 27), и потомъ—выраженіе Бытописателя о смерти Авраама и Исаака: и *умеръ Иовъ въ старости и насыщенный жизнію* (Гов. 42, 17. Быт. 25, 8. 35, 29).

По тому же началу въ изображеніи Іова встрѣчаются слѣдующія мѣста изъ Псалмовъ: 38, 14 (10, 20. 21. 7, 19. 14, 6), 37, 17. 18 (12, 5), 37, 12. 87, 9. 19. 68, 9 (19, 13. 14. 17), 142, 2 (14, 3), 21, 14 (16, 10), 6, 8 (17, 7), 54, 13—15 (19, 19), 93, 16. 17 (19, 25), 31, 4 (23, 2), 17, 29 (29, 3), 68, 13 (30, 9), 41, 5 (30, 16), 7, 4—6 (31, 5—10), 17, 20 (36, 16), 24, 17 (36, 16), 48, 6—8 (36, 18. 19), 24, 7 (13, 26), 101, 6 (19, 20), 101, 24 (16, 7. 8), 118 (23, 11. 12 и др. мн.), 106, 14—28 (33, 19—30), 125, 2 (8, 21). Указываемъ только на тѣ мѣста (стихи) въ Псалмахъ и главахъ Іова, которыя представляютъ наибольшую аналогію въ буквальномъ выраженіи, между тѣмъ какъ сродство въ мысляхъ простирается часто на многіе окружающіе стихи (см. выше въ параллел. Псалм.). Нѣкоторые же Псалмы въ цѣломъ составѣ своемъ представляютъ положеніе страждущаго праведника, его мысли и чувства, до такой степени сходно съ положеніемъ Іова, что возбуждали иногда въ изслѣдователяхъ предположеніе, не изображаютъ ли они страждущаго Іова (Пс. 6, 38. 68. 87), или по крайней мѣрѣ не принадлежатъ ли одному писателю съ книгою его имени (Пс. 87). Указанные Псалмы содержатъ или молитву о избавленіи оставленнаго Іеговою Израиля отъ враговъ и изъ плѣна вавилонскаго (Пс. 93. 101), или изліяніе предъ Богомъ мыслей и чувствъ праведника, при видѣ торже-

ствующаго въ мірѣ нечестія (Пс. 7. 54. 93. 142), или во время тяжкаго испытанія посланнаго отъ Бога (Пс. 6. 17. 21. 31. 37. 38. 41. 48. 68. 87). Нѣкоторые изъ этихъ Псалмовъ пророческаго характера, предъизображаютъ Мессію, невинно преслѣдуемаго отъ враговъ и страждущаго за грѣхи человѣческіе (17. 21. 68 и др.).

По тому же началу сходятся въ изображеніи Іова мѣста изъ кн. пророка Исаіи: 63, 7—64, 12 (гл. 9 и 10)— молитва плѣннаго Израиля о томъ, чтобъ Іегова сжалился надъ нимъ и помиловалъ его, и 43, 1—4. 25—27 (33, 24. 28)—обѣщаніе Іеговы возвратить Израилю прежнія милости. Изображеніе *раба Іеговы*, 50, 6. 8. 9 (16, 10. 13, 18. 19. 31, 36), 53, 9 (16, 17) представляетъ столько аналогіи съ Іовомъ, что нѣкоторые изъ изслѣдователей и экзегетовъ думали видѣть въ Іовѣ именно олицетворенное изображеніе этого *раба*, или *святое сѣмя Израиля*. Кромѣ того, въ жалобѣ Іова на свою горькую жизнь (Іов. 7, 6: *дни мои идутъ скорѣе ткани*) встрѣчается выраженіе изъ молитвы больнаго Езекии (Исаі. 38, 12).

По тому же началу въ изображеніи Іова встрѣчаются выраженія пророковъ: Михея 1, 8 (30, 29), Аввакума 1, 2 (19, 7), Іереміи 20, 14—18 (3, 3—11), 20, 7. 8 (12, 4), въ которыхъ они жалуются предъ Іеговою на свое горестное положеніе во время невниманія къ нимъ народа и преслѣдованій отъ него. Рѣчь Іова (3, 3—11), пораженнаго лютыми страданіями, открывается проклятіемъ дня своего рожденія, весьма сходнымъ по мысли, выраженію и обороту рѣчи, съ проклятіемъ также дня своего рожденія пр. Іеремію (20, 14—18).

Но болѣе всѣхъ книгъ представляетъ аналогіи въ этомъ отношеніи книга Плачь. Въ этой книгѣ пророкъ Іеремія оплакиваетъ или несчастіе своего народа, отвергнутаго Іеговою и отведеннаго въ плѣнь (гл. 1. 2. 4. 5) или собственное свое горе при видѣ разореннаго города, при гоненіи отъ враговъ и безчувствіи своихъ соотчичей (гл. 3). Съ той и другой картины, съ картины страждущаго Израиля и съ картины страждущаго пророка перенесены многія черты на страдальца Іова. Съ первой картины: 2, 19 (3, 14), 2, 2—5. 16 (16, 9), 2, 46 (16, 10), 1, 14 (16, 11), 2, 11 (16, 13), 2, 10 (16, 15), 2, 11 (16, 16), 5, 17 (17, 7), 1, 13 (19, 6), 5, 16 (19, 9), 2, 3. 4 (19, 11), 4, 8 (19, 20), 1, 16 (30, 16), 3, 45. 1, 17 (30, 19) 1, 2 (30, 25), 1, 13 (20, 27), 4, 8 (30, 28. 30). Со второй картины: 3, 12 (6, 4. 16, 12. 13. 7, 20), 3, 15 (9, 18), 3, 1 (9, 34), 3, 10 (10, 16), 3, 3 (13, 21), 3, 20 (16, 7. 8), 3, 10 (30, 31), 3, 65 (17, 4), 3, 45 (17, 6), 3, 6. 9 (19, 8), 3, 14. 62. 63 (30, 9), 3, 9 (30, 12. 13), 3, 8 (30, 20), 3, 2 (30, 26), 3, 33 (35, 15), 3, 48 (30, 25). Хотя нѣкоторыя выраженія въ указанныхъ мѣстахъ книги Плачь встрѣчаются и въ другихъ книгахъ, ей предшествовавшихъ, наприм. въ Псалмахъ и пр. Ісаіи; но въ указанныхъ мѣстахъ встрѣчаются и такія представленія и выраженія, которыя не повторяются въ другихъ книгахъ. Если взять цѣльное изображеніе страждущаго Израиля и пророка Божія въ книгѣ Плачь, то между этимъ изображеніемъ и изображеніемъ страдальца Іова въ нашей книгѣ открывается замѣчательная аналогія.

2. Послѣ идеи праведнаго страдальца большое развитіе въ книгѣ Іова получила идея нечестивыхъ или безза-

кошниковъ, которые одни по убѣжденію собесѣдниковъ Іова, наказываются Богомъ и терпятъ всякаго рода несчастія, а по мнѣнію Іова, хотя должны бы наказываться Богомъ, но они-то и благоденствуютъ, тогда какъ праведникъ нерѣдко отъ нихъ же терпитъ обиды и поруганія. Доказывая свое убѣжденіе, друзья Іова ссылаются на примѣры прежнихъ временъ (потребленіе беззаконныхъ потокомъ, Іов. 22, 15. 16 сн. Быт. 6, 7, огнемъ и жупеломъ Іов. 18, 15. 22, 20 сн. Быт. 29, 24), на наблюденія отцовъ (Іов. 8, 8—20 сн. Пс. 36), на собственное наблюденіе и болѣе всего на свидѣтельство мудрыхъ (Іов. 15, 18), подъ коими разумѣются пророки народа еврейскаго, изрекавшіе суды Божіи на нечестивыхъ. Софаръ, изобразивши непрочное счастье нечестивыхъ, въ одной рѣчи своей заключаетъ: *вотъ доля беззаконному чловьку отъ Бога, и участь изреченная ему Всемогущимъ* (Іов. 20, 29). Поэтому естественно ожидать, что въ изображеніи нечестивыхъ и ихъ участи въ нашей книгѣ встрѣтятся мысли и выраженія о томъ же предметѣ изъ другихъ священныхъ книгъ. И встрѣчаются почти изъ всѣхъ книгъ, начиная съ Пятокнижія, наприм. Лев. 26, 16—37 (15, 20—30), Второз. 28, 29 (5, 14),—въ обоихъ мѣстахъ предначертаніе—такъ сказать—судьбы нечестивыхъ. Но такъ какъ изображеніями нечестивыхъ и беззаконниковъ особенно богаты псалмы и книги пророческія; то наиболѣе встрѣчаются представленія и образы изъ этихъ книгъ. Такъ, для изображенія нечестивыхъ берутся образы и выраженія изъ Пс. 7, 3. 9, 30. 21, 14. 34, 17. 57, 7. Амос. 3, 8. Наум. 2, 12. 13 (4, 10. 11), Пс. 72, 10 (15, 16); Пс. 72, 4 (15, 27), Пс. 72 (15—изображеніе дерзости и над-

менія нечестивыхъ), 7, 15 (15, 35), Аввак. 1, 11 (12, 6), и др. Своропреходящее счастье порочныхъ, наказаніе отъ Бога и бѣдствія ихъ постигающія изображаются тѣми же мыслями, въ тѣхъ же картинахъ, оборотахъ рѣчи, иногда даже выраженіяхъ, какія встрѣчаются въ псалмахъ и пророческихъ книгахъ: Пс. 36, 35. 36 (5, 3), Пс. 102, 16 (20, 9), Пс. 36 (8, 11—22), Пс. 34, 26 (8, 22), Пс. 36, 38 (18, 19), 36, 10. 36 (20, 7), Пс. 10, 6 (20, 23), Пс. 1, 4 (21, 18), Ис. 29, 7 (20, 8), Ис. 33, 11 (20, 26), Ис. 5, 12. 14. 19 (21, 12. 14. 15), Ис. 51, 17. Иерем. 25, 15. 49, 19. Иезек. 23, 31 (21, 20), Ис. 2, 12 (40, 6—8), Ос. 13, 15 (27, 21), Амос. 2, 9 (18, 16), Иер. 18, 21 (27, 14. 15), мечь и голодъ, весьма часто повторяющіеся въ кн. Іова какъ казни Божіи нечестивымъ, обычныя выраженія у прор. Іереми и Іезекіиля, коими они грозятъ народу іудейскому, своими беззаконіями переходившему мѣру долготерпѣнія Божія. Въ изображеніи участи беззаконныхъ встрѣчаются мысли и изъ кн. Притчей, 6, 11 (15, 24), 13, 9 (18, 5. 6), 1, 26. 27 (27, 9. 10), 16, 5 (37, 24) и др. Дерзскія мысли противъ Бога, какія въ надмѣни своемъ питають нечестивые, въ книгѣ Іова передаются съ словъ Пс. 93, 7. 72, 11. Ис. 29, 15 (22, 13) и Малах 3, 14. 15 (21, 15). Предубѣжденіе относительно воздаянія дѣтямъ за грѣхи отцовъ, высказываемое друзьями Іова (20, 10. 21, 19) было въ ходу во время Іереми и Іезекіиля, изображено въ ихъ книгахъ (Иер. 31, 29. 30. Иезек. 18, 3) и разоблачено пр. Іезекіилемъ (18 гл.) тѣми же мыслями, которыя повторяются у Іова (21, 19—21).

3. Идея Вседержителя, правящаго судьбою людей и

народовъ, составляетъ третій предметъ, который раскрывается въ книгѣ Іова въ связи съ главнымъ вопросомъ о воздаяніи. Такъ какъ эта идея въ свящ. книгахъ, изображающихъ ееоократію, имѣетъ всестороннее раскрытіе, составляя главный предметъ ихъ, то изъ нихъ вошли въ книгу Іова тѣ представленія о Богѣ, которыя соотвѣтствовали идеѣ автора. Богъ Творецъ вселенной, устроившій все существующее Своею премудростію, Притч. 8, 27—29 (38, 4—11), держитъ въ порядкѣ свѣтила небесныя и движетъ ими, Ис. 13, 10. Амос. 5, 8 (9, 9. 38, 31. 32); предъ Нимъ открыта преисподняя, Притч. 15, 11 (26, 6); Его Духомъ живетъ все и движется, такъ что если бы отнялъ духъ Свой, то все сущее обратилось бы въ ничтожество Пс. 103, 29 (34, 14. 15); въ дѣйствіяхъ совершенно свободенъ, такъ что никто не можетъ возбранить Ему или остановить Его, Ис. 14, 27. Дан. 4, 32 (9, 12); но воздаетъ каждому по дѣламъ его, Притч. 24, 12 (34, 11) и не смотритъ на лица, Второз. 10, 17 (34, 19); обращаетъ самый внимательный взоръ на человѣка, Пс. 143, 3 (7, 17); видитъ всѣ пути его, Пс. 138, 23 (31, 4); не какъ человѣкъ, Онъ видитъ внутреннія расположенія сердца человѣческаго, 1 Цар. 16, 7 (10, 4); Онъ поражаетъ и врачуетъ, Второз. 32, 39 (5, 18); отвращается отъ высокоумныхъ, Притч. 16, 5 (37, 24); низвергаетъ царей и поставляетъ ихъ, Дан. 2, 21 (12, 22); отнимаетъ сердце у главъ народа, Ис. 19, 13. 14. 59, 10 (12, 24. 25); совѣтниковъ народныхъ отводитъ въ плѣвъ, Ис. 40, 23 (12, 17; во гнѣвъ Онъ страшенъ, приводитъ въ трепеть и ужасъ все существующее, Наум. 1, 1—6 (9, 1—9. 26, 10—12); отъ духа гнѣва Его исчезаетъ нечестивый, Пс. 17, 16 (4, 9), и проч.

4. Въ раскрытіе идеи чловѣка, какъ созданія Божія, вошли представленія изъ кн. Бытія, Псалмовъ, пр. Исаіи и Екклезіаста. Чловѣкъ созданъ изъ брєнія и праха, но дыханіе Божіе въ ноздряхъ его, Быт. 2, 7. 3, 19 (4, 19. 27, 3. 32, 9); онъ дѣло рукъ Творца, который образовалъ его какъ глину, Псал. 138, 13. 15. 118, 73. Исаі. 64, 8 (10, 8—11); нечистъ, причастенъ грѣху отъ рожденія своего, Псал. 50, 7. 3 Цар. 8, 46 (14, 4. 15, 4); дни чловѣка идутъ подобно ткани, Исаі. 38, 12 (7, 6); самъ онъ подобенъ цвѣтку, который увядаетъ,—тѣни, которая уходитъ, Псал. 89, 6 (12, 2); распадается какъ червоточина, какъ одежда, которую съѣдаетъ моль, Исаі. 50, 4. 51, 8 (13, 28); жизнь чловѣка на землѣ подобна воинской службѣ, которая имѣетъ свой срокъ, 40, 1 (7, 1. 14, 14); она коротка; чловѣку опредѣлены дни, дальше которыхъ жить не будетъ; рождается онъ для наслажденія благами жизни, а послѣ срока отходить въ преисподнюю, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни радости, Еккл. 9, 7—10 (7, 1—3. 10, 20—22. 14, 5. 6).

5. Въ изображеніи Премудрости (Іов. 28, 12—28) тѣже самыя мысли, по мѣстамъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какія въ книгѣ Притчей, гл. 8.

6. Въ изображеніи шеола—преисподней (Іов. 3, 13—19. 7, 7—10. 10, 21. 22. 14, 10—15. 16, 22. 17, 13—15. 26, 5. 6. 28, 22. 30, 23) сходятся представленія его въ другихъ книгахъ, Быт. 37, 35. Исх. 16, 30. Пс. 6, 6. 88, 49. 139, 8. Притч. 9, 18. 2, 18. 15, 11. 21, 16. Еккл. 9, 10. Исаі. 5, 14. 14, 9. 11. 18. 38, 18. Іезек. 32, 19—30.

Такимъ образомъ сравненіе книги Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами привело насъ къ открытію, что книга Іова имѣеть большое сродство со всѣми почти каноническими ветхозавѣтными книгами, не только до плѣна вавилонскаго, но и послѣ плѣна произшедшими, состоящее въ сходствѣ многихъ мыслей, представленій, образовъ, выраженій и оборотовъ рѣчи. Сличеніе мѣстъ прочихъ книгъ съ параллельными имъ мѣстами нашей книги привело къ убѣжденію, что первоначальность ихъ принадлежитъ не нашей книгѣ, а тѣмъ книгамъ, и что авторъ воспроизводилъ ихъ въ своемъ твореніи по памяти, по вызову идей, входившихъ въ содержаніе его творенія. Наконецъ, сличеніе мѣстъ прочихъ книгъ, параллельныхъ нашей книгѣ, между собою, привело къ открытію, что идеями вызывавшими изъ памяти автора сходныя мысли, представленія и образы изъ другихъ книгъ, были тѣ самыя идеи, которыя составляютъ основу содержанія его творенія. Послѣ сего приходимъ къ заключенію, что наша книга получила свое происхожденіе не прежде, какъ въ періодъ послѣ плѣна вавилонскаго.

Чтобы еще ближе опредѣлить время ея происхожденія, обратимъ вниманіе на слѣдующія аналогіи:

1. Мѣста изъ Псалмовъ послѣ плѣна вавилонскаго написанныхъ, Пс. 106, 40. Пс. 125, 2 и Пс. 146, 8 не сомнѣнно вошли въ нашу книгу изъ самыхъ этихъ псалмовъ, а не наоборотъ, такъ какъ они являются въ такомъ же отношеніи къ тексту нашей книги, въ какомъ и мѣста изъ книгъ до плѣна вавилонскаго. Что псалмы эти написаны послѣ плѣна вавилонскаго, не подлежитъ сомнѣнію, но въ какое именно время, тотчасъ ли по возвращеніи

евреевъ изъ плѣна, во время ли Дарія Истаспа, или при Нееміи, опредѣлить трудно.

Мѣсто изъ книги Паралипоменонъ, 1 пар. 29, 15 буквально встрѣчающееся въ кн. Іова 8, 9, строго судя, не можетъ быть вѣрнымъ указателемъ на время происхожденія нашей книги. Хотя книги Паралипоменонъ относятся ко времени Ездры и большею частію составленіе ихъ приписывается этому ученому книжнику; но молитва Давидова, въ которой находится указанная цитата, могла быть извѣстна писателю нашей книги и не изъ книги Паралипоменонъ, а изъ другаго, и можетъ быть, того же самаго источника, изъ котораго авторъ Паралипоменонъ заимствовалъ ее.

2. Употребленіе имени сатана (שָׂטָן) для злаго духа, не встрѣчающееся въ книгахъ до плѣна вавилонскаго, а только въ книгахъ послѣ плѣна происшедшихъ—пр. Захаріи 3, 1 и 1 Парал. 29, 1, указываетъ нашей книгѣ происхожденіе послѣ плѣна вавилонскаго. Говоря это, мы не раздѣляемъ того мнѣнія ¹⁾, что представленіе о сатанѣ нашей книги вошло въ еврейскую теологію изъ Мидоперсидской теологіи и потому оно позднѣйшаго происхожденія—послѣ плѣна. Сатана въ книгѣ Іова вовсе нетаковъ, какъ Ариманъ Зендавесты, отличается отъ Аримана тѣмъ, что онъ ниже Іеговы, сознаетъ Его власть во всемъ, и противъ Его воли ничего не можетъ дѣлать. Тѣмъ не менѣе признаемъ вѣрнымъ, что представленіе сатаны въ нашей книгѣ и въ книгахъ пророка Захаріи и Паралипоме-

¹⁾ См. *Heiligst.* Comment. in Iob, Proaem. p. XVIII. *Keil*, Lrb. d. h. k. Einl, s. 363.

нонь поздняго происхожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что идея сатаны, какъ злаго духа, обольщавшаго людей къ отпаденію отъ Бога (Быт. 3. Втор. 32, 7. Пс. 105, 37), возмущавшаго внутренній миръ въ душѣ человѣка (1 Цар. 16, 14), возбуждавшаго въ ней мысли и намѣренія противныя Богу (2 Цар. 24, 1 сн. 1 Пар. 21, 1), склонявшаго ложныхъ пророковъ прорекать на погибель людей (3 Цар. 22, 21. 22), и по волѣ Божіей причинявшаго физическія бѣдствія людямъ (2 Цар. 24, 16. 4 Цар. 19, 35), существовала въ еврейской теологіи съ ранняго времени; но представленіе небесныхъ силъ, добрыхъ и злыхъ, въ собраніи предъ Іеговою въ первый разъ является въ видѣніи пр. Михея (3 Цар. 22, 19--23). Но здѣсь злой духъ представляется не обвинителемъ или навѣтникомъ на праведныхъ предъ Іеговою, а только врагомъ людей, склоннымъ дѣлать все не доброе для погибели ихъ (ст. 22. 23). Съ видомъ клеветника и навѣтника на праведныхъ предъ Іеговою, съ видомъ сатаны, въ какомъ представляется у Іова (1, 6), злой духъ является въ видѣніи пр. Захаріи (3, 1). Захарія видѣлъ великаго священника (Исуса, сн. ст. 8), стоящаго предъ ангеломъ Іеговы, и сатану, стоящаго по правую руку его, *чтобы обвинять его*. И сказалъ Іегова сатанѣ: сатана! Запрещаетъ тебѣ Іегова, запрещаетъ.... (ст. 2). Положеніе сатаны предъ Іеговою и отношеніе къ нему Іеговы совершенно тѣже, какъ и въ книгѣ Іова, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что тамъ Іегова выслушиваетъ клевету сатаны на Іова и допускаетъ подвергнуть его испытанію (Іов. 1, 11. 12), здѣсь запрещаетъ, повелѣваетъ умолкнуть, а первосвященника Исуса облечь, вмѣсто измаранныхъ, въ одежды свѣтлыя (Зах. 3, 3. 4).

Въ видѣнiяхъ пр. Захарiи усматривается и еще одна черта, показывающая отношенiе духовныхъ существъ къ мироправленiю Божiю сходно съ книгою Iова. Захарiя видитъ нѣсколько мужей сидящихъ на коняхъ рыжихъ, пепельнаго цвѣта (צִרְיָוֹן, LXX — ψαροί) и бѣлыхъ, и спрашиваетъ у Ангела: кто это? Ангелъ отвѣчаетъ: это тѣ, коихъ послалъ Iегова пройти землю; а они говорятъ Ангелу Iеговы: *ходили мы по земль*, и вотъ вся земля живетъ мирно и спокойно (Зах. 1, 6—9). Въ другой разъ Захарiя видитъ четыре колесницы, запряженныя конями разныхъ мастей, и спрашиваетъ: кто это? Ангелъ отвѣчаетъ ему: «Это четыре духа небесные, которые, *представъ предъ Господа* всей земли, теперь *исходятъ...* съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы *пройти землю*,—и потомъ они проходятъ земли сѣверныя и южныя (6, 1—8).

Изъ этихъ чертъ слагается слѣдующее представленiе объ отношенiи высшихъ духовныхъ существъ къ мироправленiю Божiю или частице къ управленiю народами: небесные духи посылаются отъ Бога въ разныя страны земли, чтобы пройти землю и видѣть, какъ живутъ народы; потомъ они возвращаются и *предстаютъ предъ Iеговою*, для того чтобы повѣдать, какъ живутъ на землѣ. Это же представленiе о небесныхъ духахъ и въ книгѣ Iова (1, 6—8. 2, 1—3). Правда, въ книгѣ Iова не сказано, для чего пришли предстать предъ Iегову Ангелы; но самое выраженiе—*предстать предъ Iегову* (1, 6. 2, 1), которое у пр. Захарiи (6, 5) употреблено объ Ангелахъ, *исходившихъ отъ Iеговы* (ст. 5) и *проходившихъ землю* (ст. 7¹, и *удовлетворившихъ духу Iеговы* (ст. 8 слч. 1, 9),—затѣмъ—вопросъ Iеговы, обращенный къ сатанѣ (Iов. 1, 7. 8.

2, 2. 3), и отвѣтъ сатаны (1, 7. 2, 2) показываютъ, что цѣль представленія ихъ предъ Іеговою была таже, съ какою духи небесные у пр. Захаріи приходили предстать предъ Іегову (1, 8. 9. 6, 5). Такъ какъ вниманіе автора нашей книги, по требованію главнаго предмета ея, обращено на одного сатану, то о цѣли представленія добрыхъ духовъ предъ Іеговою умолчано.—Подобнымъ образомъ у пр. Захаріи (3 гл.) не сказано, что съ сатаною предстояли предъ Іеговою и ангелы; но присутствіе ихъ тамъ очевидно: и сказалъ (Іегова) *стоящимъ предъ Нимъ*: снимите съ него (Исуса) измаранныя одежды (3, 4). Ктожь эти стоящіе предъ Іеговою, какъ не духи небесные—Ангелы, изъ которыхъ одинъ показываетъ Захаріи видѣніе и отвѣчаетъ ему на его вопросы? Отсюда заключаемъ, что представленіе небесныхъ духовъ въ Совѣтъ Іеговы въ книгѣ Іова и у пр. Захаріи тождественно.

Въ послѣдовательномъ откровеніи людямъ тайны домостроительства Божія можно примѣтить, что со времени Іезекилевыхъ видѣній начинается выясняться людямъ отношеніе духовныхъ силъ къ Θεократіи (Іезек. гл. 9 и 10). Въ видѣніяхъ пр. Даниїла Ангелы изъясняютъ ему смыслъ видѣній (7, 16. 8, 16. 9, 22),—между небесными духами являются князи народовъ, и архангелъ Михаилъ ведетъ съ ними борьбу за народъ Божій (Дан. 10, 13. 20. 21. 11, 1. 12, 1). Въ видѣніяхъ пр. Захаріи открывается общій характеръ служебнаго участія небесныхъ духовъ въ Θεократіи, и вмѣстѣ съ этимъ показывается характеръ злаго духа, съ какимъ является онъ въ отношеніи людей среди небесныхъ духовъ предъ Вседержителемъ. Дальнѣйшее раскрытіе отношенія духовнаго міра, свѣтлаго и тем-

наго, къ Теоократіи послѣдуетъ въ новозавѣтномъ откровеніи.

3. Останавливаемся предъ послѣднимъ мѣстомъ аналогіи—изъ книги пр. Малахіи 3, 14. 15. Буквального сходства между этимъ мѣстомъ и параллельнымъ ему въ книгѣ Іова 21, 15. 16 нѣтъ, но сходство въ мысли, въ оборотѣ рѣчи и отчасти въ контекстѣ весьма замѣтно.

Іовъ:

Ст. 14. 15: Они (нечестивые) говорятъ Богу: что такое Вседержитель, что мы должны *служить* (722) Ему? *И какая намъ польза отъ того, что мы будемъ прибѣгать къ Нему?*

Ст. 16: *Видишь! «не въ ихъ ли рукѣ счастье ихъ»!*—*Совѣтъ нечестивыхъ* будь да легъ отъ меня!

Пр. Малахія:

Ст. 14: Вы говорите: *безполезно служить* (722) *Богу, и какая выгода изъ того, что мы хранимъ Его заповѣди, и ходимъ съ мрачнымъ лицемъ предъ Іеговою воинствъ?*

Ст. 15: И потому *гордецовъ* мы считаемъ счастливыми; живущіе беззаконно благоденствуютъ, и тогда какъ искушаютъ Бога, остаются невредимы.

Различіе между рѣчью, какую авторъ нашей книги влагаетъ въ уста Іова, и рѣчью пр. Малахіи касается главнымъ образомъ личнаго отношенія ихъ къ нечестивымъ, разсужденія которыхъ они передаютъ. Малахія беретъ слова нечестивыхъ непосредственно изъ устъ ихъ, и относится къ нимъ во второмъ лицѣ: *вы говорите*. Іовъ говоритъ вообще о нечестивыхъ и, передавая разсужденія ихъ, относится къ нимъ въ третьемъ лицѣ: *они говорятъ*. Поэтому представляется, что авторъ книги Іова взялъ раз-

сужденія нечестивыхъ изъ книги пр. Малахіи, какъ готовую формулу ихъ, и внесъ въ свою книгу. Надобно замѣтить, что авторъ не рѣдво и въ другихъ мѣстахъ прибѣгаетъ къ готовымъ формуламъ выраженія въ другихъ книгахъ, когда хочетъ передать разсужденія людей незаконныхъ. Такъ, въ слѣдующей 22 гл. Елифазъ, отвѣчая Іову, представляетъ ему, что онъ разсуждаетъ о Богѣ точно такъ, какъ нечестивые, ст. 13: а ты говорилъ: *что знаетъ Богъ? можетъ ли онъ судить сквозь мракъ?*—Іовъ нигдѣ не высказывалъ такихъ сужденій; но слова эти взяты какъ готовая формула безбожныхъ сужденій, высказываемыхъ нечестивыми, изъ Пс. 72, 11. Исаі. 29, 15. Пс. 93, 7. По аналогіи можно заключать, что и въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ—Іов. 21, 14 авторъ беретъ разсужденіе нечестивыхъ изъ кн. пр. Малахіи 3, 14.

Въ книгѣ пр. Малахіи встрѣчается еще одно мѣсто, близко сопригающееся нашей книги. Въ 2, 17 пр. Малахіа говоритъ сынамъ Израиля: *досаждаете вы Іеговъ словами своими. Вы скажете: «чѣмъ мы досаждаемъ»? Тѣмъ, что говорите, будто всякій дѣлающій зло угоденъ Богу, и Онъ благоволитъ къ такимъ; или иначе: «идѣ Богъ правосудія?»* То есть: во время Малахіи были люди, которые—видя, что живущіе незаконно благоденствуютъ, гордецы и надменные живутъ счастливо, и даже въ то время, когда съ презрѣніемъ относятся къ дѣйствіямъ Вседержителя, остаются невредимы, безъ всякаго возмездія, между тѣмъ какъ праведные и благочестивые бѣдствуютъ и терпятъ притѣсненія и поруганія отъ нечестивыхъ,—говорили: гдѣ же правосудіе Божіе? не видно ли, напротивъ, что Богу болѣе угоденъ нечестивый, чѣмъ правед-

ный? И потому—далѣе—заключили, что нѣтъ никакой пользы служить Богу, хранить Его заповѣди, ходить съ мрачнымъ лицомъ предъ Иеговою воинствъ (3, 14). Отъ частныхъ явленій возводили взоры свои и къ общему міровому порядку вещей. Видя, что народъ еврейскій, который одинъ называется народомъ Божиимъ и у котораго одного хранится истинная вѣра, находится въ крайнемъ уничиженіи и порабощеніи у другихъ народовъ, между тѣмъ какъ другіе народы, не знающіе Иегову, благоденствуютъ, говорили: если Иегова любитъ Свой народъ, то въ чемъ же Онъ проявилъ Свою любовь къ нему? Если Едомъ, братъ Іакова, также разорень; за то Едомъ надѣется опять возстановить разоренное, построить разрушенное; а у Іакова такой надежды нѣтъ (Малах. 1, 2—4). Само собою понятно, что такія сужденія производили въ современномъ пророку Малахіи обществѣ религиозное охлажденіе, подрывали благоговѣніе и почтеніе къ Иеговѣ, уваженіе къ святилищу, къ жертвѣ и вообще къ предписаніямъ закона Моисеева (1, 6—10. 12—14. 2, 8. 3, 4. 7. 8). Нечестіе видимо торжествовало; съ потерєю страха Божія, проникали въ народъ самые губительные и грубые пороки: волхвованіе, прелюбодѣйство, ложная клятва, удержаніе платы у наемника, притѣсненіе вдовы, сироты и иноземца (3, 5). Выступая съ проповѣдію вразумленія, пророкъ Малахіа въ книгѣ своей изображаетъ Бога, какъ праведнаго Судію, Который воздастъ какъ народамъ такъ и всякому человѣку по дѣламъ ихъ. Если, говоритъ Малахіа, Едомъ надѣется опять возстановить разоренное, построить разрушенное; то Иегова говоритъ: *они построятъ, а Я разрушу; и будутъ называть ихъ областію нече-*

ствя, народомъ, на который *Иегова* вѣчно гнѣвается; ваши глаза увидятъ это, и вы скажете: великъ *Иегова* и за предѣлами *Израиля* (*Малах.* 1, 4. 5). Тѣмъ которые, видя благоденствіе нечестивыхъ и страданіе праведныхъ, спрашивали: *гдѣ Богъ правосудія?*—пророкъ отвѣчаетъ, что скоро придетъ *Господь*, придетъ какъ огонь переплавляющій, чтобы произвести судъ (*Мал.* 3, 1. 2. 4),— вотъ наступаетъ день, пылающій какъ печь, когда всѣ гордецы и всѣ дѣлающіе беззаконіе будутъ соломой, и попадутъ ихъ, говоритъ *Иегова* воинствъ, день оный грядущій, который не оставитъ у нихъ ни корня, ни вѣтвей (*Малах.* 4, 1). Тѣмъ, которые говорили, что нѣтъ никакой выгоды служить Богу, потому что Онъ не обращаетъ вниманія на вѣрныхъ рабовъ Своихъ, а покровительствуетъ только тѣмъ, которые дѣлаютъ зло (2, 17), пр. *Малахія* замѣчаетъ, что въ то время, какъ нечестивые разсуждаютъ такъ о своемъ счастьи, боящіеся *Иеговы* говорятъ другъ другу: «*Иегова* вникаетъ и слышитъ, и пишется книга памятная предъ лицемъ Его о боящихся *Иеговы* и чтущихъ имя Его». И будутъ они, говоритъ *Иегова* воинствъ, *Моими* въ тотъ день, въ который *Я* сотворю Мою собственность; и *Я* буду беречь ихъ, какъ человекъ бережетъ сына своего, почтительнаго къ себѣ (3, 16. 17).

Если теперь обратимся къ нашей книгѣ, то не можемъ не примѣтить въ ней самаго близкаго, глубокаго сродства съ книгою пророка *Малахія*. Послѣдній вопросъ, разрѣшеніемъ котораго оканчивается проповѣдь ветхозавѣтныхъ пророковъ,—*гдѣ Богъ правосудія?*—есть вопросъ и нашей книги. Предъ нимъ разстилается въ нашей книгѣ таже широкая дѣйствительность, какъ и въ

книгъ пр. Малахіи, представляющая въ судьбѣ частныхъ лицъ и въ судьбѣ народовъ явленія счастья и несчастья, стоящая въ видимомъ противорѣчій съ понятіемъ о небесномъ Правосудіи. Іовъ тѣми же чертами описываетъ самонадѣянное счастье гордыхъ и надменныхъ, какъ и пр. Малахіи (Малах. 3, 14. 15 слч. Іов. 21, 8—16; 24, 22—24). Не видя между людьми справедливаго распредѣленія жребіевъ, видя напротивъ, что нечестивымъ Вседержителемъ посылаетъ благоденствіе, а праведники страдаютъ, Іовъ вопіетъ: *почему Вседержителемъ не положены времена суда и знающіе Его не видятъ дней Его* (24, 1)? Друзьямъ Іова, которые убѣждены, что страдаютъ одни только нечестивые, представляется, что Іовъ судитъ о Богѣ, какъ безбожникъ, когда говоритъ, что *Богъ не вникаетъ въ дѣла земныя и сквозь мракъ не можетъ знать о томъ, что дѣлается на землѣ* (22, 13. 14). Эліуй находитъ въ разсужденіяхъ Іова мысли нечестивыхъ, что человѣку нѣтъ никакой пользы быть въ благоволеніи у Бога (34, 9), и нѣтъ никакой выгоды быть праведнымъ, а не грѣшникомъ (35, 3); Эліуй находитъ, что Іовъ вошелъ въ сообщество людей беззаконныхъ (34, 8), держится мыслей, свойственныхъ людямъ худымъ (34, 36) и готовъ предаться нечестію, лишь бы не страдать (36, 21). Конечно, во всѣ времена было такое сообщество; и во дни Ноя, и во дни Давида, и во дни пр. Іереміи были нечестивые и безбожные, самонадѣянные и гордые; и когда бы ни жилъ Іовъ, вопросъ о страданіи праведника и благоденствіи нечестивыхъ всегда былъ вопросомъ жизни; но по сличеніи нашей книги съ книгою пр. Малахіи, нельзя не притти къ мысли, что прекрасный цвѣтъ древней священной письменности—разумѣемъ

книгу Іова — *возросъ на почвъ еврейской во дни Нееміи и Малахіи, и что въ современномъ имъ обществѣ авторъ нашей книги нашелъ тѣ мотивы, которые вызвали его къ созданію столь высокаго, проникнутаго духомъ и мыслию пророковъ, произведенія.*

Сличая содержаніе книги Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами, нельзя не обратить вниманія на разнообразныя свѣдѣнія изъ области естествознанія, которыя замѣтны въ ней болѣе, чѣмъ въ другихъ священныя книги.

Познанія естественныя пріобрѣтались человѣчествомъ постепенно; потому мѣра и характеръ ихъ могутъ иногда служить указаніемъ на время, къ которому должно относиться литературное произведеніе, ихъ содержащее. Съ другой стороны, предметы естествознанія, которыхъ касается литературное произведеніе, принадлежа по преимуществу той, а не другой странѣ, могутъ также иногда указывать на мѣсто, гдѣ жилъ авторъ произведенія. На этомъ основаніи нѣкоторые изъ изслѣдователей (Гирцель и Гитцигъ) нашей книги, встрѣчая въ ней обстоятельное описаніе иппопотама и крокодила, водившихся въ Египтѣ, заключали, что книга Іова написана въ Египтѣ. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе мѣры и характера свѣдѣній по части естествознанія, сообщаемыхъ нашею книгою, при сравненіи ихъ съ свѣдѣніями, встрѣчающимися въ другихъ священныя книгахъ, если бы и не приводило къ какимъ либо положительнымъ результатамъ въ разрѣшеніи нашей

задачи, может служить для характеристики самого писателя.

Свѣдѣнія по естествознанію, примѣчаемыя въ книгѣ Іова, относятся къ разнымъ отраслямъ его.

1. Къ области *зоологіи*. Изъ царства животныхъ въ книгѣ Іова упоминаются слѣдующіе: а) изъ домашнихъ животныхъ: *овца, верблюдъ, оселъ, волъ* или *быкъ* (1, 3. 6, 5. 14, 3. 21, 10. 11. 24, 3. 42, 12), которые только упоминаются, какъ предметы домашняго хозяйства, но безъ всякаго описанія или замѣчанія объ ихъ природѣ и свойствахъ. За тѣмъ б) *левъ, львица и скименъ* (רַפְּיָר) — молодой львенокъ начинающій охотиться (сн. Іезек. 19, 2. 3). Въ 4, 10. 11 изображена свирѣпость этихъ животныхъ и отчаяніе, когда имъ нестаетъ корма; въ 38, 39. 40 — забота львицы, ищущей добычи своимъ дѣтямъ, когда они лежатъ въ логовищахъ или сидятъ въ тѣни кустовъ въ засадѣ (Іерон. ad insidias), приучаясь сами къ ловлѣ. Под. Пс. 16, 12. 57, 7. Наум. 2, 12. 13. Пс. 103, 21. в) *Дикій оселъ* или *онагръ* אֲפָרָה (39, 5 אֲפָרָה ἄπαξλεγ.), быстрого животного; по 6, 5. 24, 5. 39, 5 — онъ живетъ въ странахъ пустынныхъ, гористыхъ, гдѣ есть солонцоватыя источники, питается всякою зеленью, которую находитъ въ горахъ, подымается рано утромъ для поисковъ себѣ корма. Считался свирѣпымъ и неуязвимымъ, не способнымъ къ прирученію и потому былъ символомъ челоуѣка жестокаго и своенравнаго (Быт. 16, 11. Осіи 8, 9); отсюда въ 11, 12 встрѣчается народная поговорка: *сынъ дикаго осла въ челоуѣка переродись* (Rosent. Schol. Iob. ad 11, 12. Heiligst. Comm. ad l. c.). г) *Буйволъ* בַּיָּוֹל. По изображенію свящ. книгъ, животное лѣсное, сви-

рѣпное и не укротимое, подобное быку, какъ онагръ ослу (Второз. 33, 17. Исаи 34, 7. Пс. 28, 6). Въ кн. Іова 39, 9—22 изображается онъ животнымъ весьма сильнымъ, котораго человекъ никогда не можетъ обратить въ услуженіе себѣ, при обработываніи земли и собраніи съ нея плодовъ, подобно волу. д) *Конь* פָּרָס. Въ 39, 19—25 изображается мужество, величавость, смѣлость, легкость и смѣтливость воинскаго коня. Простой конь упоминаетъ Быт. 47, 17. Исх. 14, 9. Второз. 17, 16. е) *Лань* или *оленья самка* חֲזִירִים упоминается во многихъ мѣстахъ свящ. книгъ (Второз. 12, 15. 14, 5. 3 Царст. 4, 23. Быт. 49, 21. Пс. 17, 34. 2 Цар. 2, 18. 22, 34. Пѣсн. 2, 9. 17, 8, 14. Ис. 35, 6. Авв. 3, 19), водилась въ Сиріи (Wiener, Biblisches Real-Wörterbuch B. 1. s. 494). Въ кн. Іова 39, 1—4 говорится объ образѣ рожденія самками дѣтей и воспитаніи ихъ. ж) *Шакалы* חֲמִילִים отъ חָמַל, — звѣрь пустыни (Ис. 13, 22. 43, 20. 34, 13), питающій дѣтей грудью (Пл. 4, 3), по изъясненію Р. Танхума (Lex. Gesen.) — дикая собака извѣстная своимъ воемъ. Въ кн. Іова 30, 29 также какъ у пр. Михея 1, 8 съ именемъ этого животнаго соединяется представленіе о тяжеломъ плачевномъ воѣ, которымъ оно навело тоску на окрестныхъ жителей. з) *Орелъ* כַּשְׂפָּרִית. Не рѣдко упоминается въ свящ. книгахъ или при изчисленіи животныхъ чистыхъ и нечистыхъ, или для изображенія нравственныхъ свойствъ въ людяхъ Исх. 19, 4. Втор. 32, 11. Іезек. 17, 3. Дан. 4, 30. Іер. 4, 13. 48, 40. Притч. 23, 5. 30, 17. Пс. 102, 5. Мих. 1, 16 и мн. др.). Въ кн. Іова 39, 27—30 описывается образъ жизни этой птицы: орелъ дѣтаетъ высоко, вьетъ гнѣзда на возвышенныхъ мѣстахъ, живетъ на ска-

лахъ, почуветь на зубцахъ каменныхъ горъ и утесовъ; оттуда высматриваетъ себѣ добычу; глазъ его видитъ далеко; питается кровью; гдѣ убитые, тамъ и онъ. и) *Ястребъ* זרזירъ упоминается Лев. 11, 16. Втор. 14, 15 между нечистыми животными. Въ нашей книгѣ 39, 26 Иегова говоритъ Иову: *твоимъ ли умомъ летаетъ ястребъ, расширяетъ крылья свои на полдень?* Одни изъ толковниковъ относятъ это выраженіе къ тому, что ястребъ, предъ наступленіемъ зимы, по природному своему инстинкту ища теплаго воздуха, улетаетъ въ южныя страны. Другіе, слѣдуя Григорію великому, объясняютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что ястребъ, когда мѣняетъ перья (линяетъ), имѣетъ обыкновеніе обращаться расширенными крыльями къ той части неба, которая теплѣе, т. е. къ югу (*Rosenmüll. Schol. ad 39, 26 Job. Win. R. W. V. 1. s. 451*). и) *Воронъ* זרזירъ, Быт. 8, 7. Лев. 11, 25. Втор. 14, 14. Въ книгѣ Іова 38, 41 также какъ въ Пс. 146, 9 говорится о заботливости, съ какою воронъ, побуждаемый инстинктомъ, добываетъ кормъ для своихъ птенцовъ, когда они голодны. к) *Аистъ* רִיבִּיבִּיבִּי (ria). Такъ названъ отъ любви къ дѣтямъ и честности взаимныхъ отношеній между дѣтьми и родителями, примѣчаемыхъ въ семействѣ аистовъ и прославленныхъ древними (*Plin. N. N. X. 23; Aelianus in histor. animal. III, 22. X, 16*), въ противоположность страусу, называемому у Арабовъ нечестивою птицей по причинѣ жестокости къ дѣтямъ (*Heiligst. Comm. ad Job. 39, 13*). Объ аистѣ упоминается Лев. 11, 19. Втор. 14, 18. Пс. 103, 17. Іер. 8, 7. Зах. 5, 9. Въ кн. Іова 39, 13 прямое замѣчаніе касается только того, что аисты имѣютъ перья и пухъ. л) *Страусы* צִנְעָנָה (отъ צָנָה *звукъ, крикъ, плачь,*

стонъ издавать); такъ названы или отъ свиста крыльевъ, когда лѣтаютъ, или отъ стона, похожаго на дѣтскій плачь, который они издають иногда по ночамъ (Lex. Gesen.). Последнее имѣется въ виду въ 30, 29 такъ же какъ и у Мих. 1, 8. Смысль Іов. 39, 13, гдѣ о страусѣ говорится рядомъ съ аистомъ, тотъ, что, хотя страусъ имѣетъ перо и пухъ аиста, но совсѣмъ не походитъ на него по отношенію къ своимъ дѣтямъ; «ибо онъ оставляетъ землѣ яйца свои, и на пескѣ согрѣваетъ ихъ, забывая, что нога проходящихъ можетъ раздавить ихъ, и звѣрь полевой растоптать ихъ; жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ не къ своимъ; и у него нѣтъ опасенія, что трудъ его будетъ напрасенъ, потому что Богъ не далъ ему мудрости, и не удѣлилъ ему благоразумія; а когда взмахнетъ крыльями къ верху, посмѣвается коню и всаднику его», ст. 14—18. О жестокости страуса къ дѣтямъ упоминается въ Плач. 4, 3. Глупость страуса у восточныхъ вошла въ поговорку: «глупѣе страуса» (*Win. R. W. V. II. s. 540—542*). м) *Моль* שׂוּ, насѣкомое, изъядающее шерстяныя матеріи (Ис. 50, 9. 51, 8. Пс. 38, 12); у свящ. писателей употребляется для выраженія непрочности человѣческой жизни, которая сравнивается съ одеждою, съѣдаемою молью. Тоже свойство усвоится моли и въ кн. Іова 4, 19. 13, 28. Но и самой моли существованіе не прочно. Гнѣздо свое заводитъ она въ источенныхъ волокнахъ одежды, которое тотчасъ уничтожается вмѣстѣ съ нею, коль скоро коснется рука очищающаго или выбивающаго одежду. Отсюда выраженіе у Іова: *онъ* (т. е. беззаконникъ) *строитъ домъ свой какъ моль*, 27, 18,—*сынъ человѣческій—моль*, 25, 8. в) *Паукъ* שׂוּבָּע. Въ 8, 14, счастіе нечестивыхъ сравни-

вается съ паутиною, которую ткеть паукъ въ жилище себя. Под. Ис. 59, 5. о) *Червь* חֲרָבָה, который заводится тамъ, гдѣ есть гвѣніе и разложеніе, въ ранахъ живыхъ организмовъ и въ разлагающихся трупахъ, потому называется иногда могильнымъ червемъ, Іов. 17, 14. 21, 26. 25, 6. Св. Исх. 16, 24. п) *Аспидъ* אֲסִיפִי, одна изъ ядовитыхъ змѣй, противостоящая всякому заклинанію (Пс. 57, 5. Іер. 8, 17), въ высшей степени злая (Пс. 90, 13) и по сильному дѣйствию яда (Втор. 32, 33) весьма опасная (Ис. 11, 8). Ядъ ея считается самымъ ужаснымъ на востоцѣ, гдѣ водится эта порода змѣй (Win. R. W. B. II. s. 412. 414). У Іова указывается на свойство и дѣйствіе яда этой змѣи, 20, 14—16. р) *Жидна* אֲרִיִּסָה, также ядовитая порода змѣй (Ис. 59, 5), водящихся въ Египтъ (Ис. 30, 6). У Іова 20, 16 указывается на убійственный ядъ ея. с) *Белемонтъ* בֵּלְמוֹנִי (египетское P-he—mont *водяной быкъ*). Аристотель называетъ его гипнопотамомъ, другіе естество-испытатели—нильскимъ конемъ отъ мѣста, гдѣ водится это животное. Аристотель, Плиній и Діодоръ Сицилійскій описываютъ его, какъ животное земноводное, согласно съ Іовомъ (Win. R. W. B. II. s. 156. 157). Въ 40, 10—19 кн. Іова изображается устройство его организациі, образъ жизни, его пища, сила, неустрашимость и неприступность. Въ др. книгахъ не встрѣчается это животное; но названіе בֵּלְמוֹנִי прилагается къ животнымъ четвероногимъ дикимъ и полевымъ, на сушѣ живущимъ (Втор. 32, 24. Авв. 2, 7). т) *Морское чудовище* תַּיִם, морской звѣрь, большая рыба, въ греч. χῆτος (Быт. 1, 21. Ис. 27, 1), змѣй (Исх. 7, 9. Втор. 32, 33. Пс. 90, 13), драконъ (Іер. 51, 34), крокодилъ (Іезек. 29, 3), представляющій

образъ Египта (Ис. 51, 9. Иезек. 29, 3. 32, 2). У Иова 7, 12 только упоминается о немъ, съ замѣчаніемъ, что противъ него поставляютъ стражу. у) *Левіаганъ* לָוִיאָן. Въ 40, 20—41, 26 подробно описывается его организація, крѣпость и плотность его органовъ, особенно чешуи, страшный видъ, не уязвимость никакимъ оружіемъ, движеніе его въ морѣ, дѣлающее его похожимъ на кипящую пучину, наконецъ—его безстрашіе и неуловимость. Полагаютъ, что это крокодилъ, тоже самое морское чудовище, которое въ 7, 12 названо לָוִיאָן. Крокодилы водятся въ Африкѣ и Америкѣ, но преимущественно въ Нилѣ, Иез. 29, 3 (*Attian. Marc. XII, 15. Plin. VIII, 37*). Описаніе его древними естество-испытателями согласно съ описаніемъ нашей книги (см. Win. R. W. V. I. s. 685. 686).

2. Изъ области *Ботаники* въ книгѣ Иова упоминаются:

а) вообще *дерево* עֵץ 14, 7—12 съ замѣчаніемъ о его возрожденіи, послѣ срубки, отъ корней, при содѣйствіи влаги; ср. Пс. 1, 3.—б) *Тростникъ* סָפְסָף (отъ סָפַף sorpsit, hausit), называвшійся такъ отъ всасыванія воды, безъ которой онъ жить не могъ. Это свойство его выражается въ кн. Иова 8, 11. Растѣніе это тоже, что *bibula rarygus*—Lucan. IV, 136,—*тростникъ* Ис. 35, 7. По свидѣтельству Плинія XII, 21—26, Египтяне выдѣлывали изъ него одежды, обувь, корзины, разнаго рода посуду, особенно судна для млаванія. Исх. 2, 3. Ис. 18, 2.—в) *Виноградная лоза* עֵפֶר Иов. 15, 33 ср. Быт. 40, 9. Ис. 7, 23. 24, 7. 32, 12.—г) *Маслина* זַיִן Иов. 15, 33 ср. Суд. 9, 9. Втор. 8, 8.—д) *Ситникъ*, אֵפֶר 8, 11, по мнѣнію бл. Иеронима (Commen. ad Ies. 40, 16), всякое болотное растѣніе (Быт. 41, 2. 18), служащее пищею для скота.—е) *Трава* עֵבֶר, 8, 12 растѣніе

служившее пищею скоту, Іов. 40, 15 (Пс. 103, 14), и употреблявшееся (вѣроятно—изъ породы дикихъ кактусовъ) для изгороди; отсюда רִצְוֹן означало *домъ, жилище* Іов. 8, 16. 17 (Ис. 34, 13. 35, 17).—ж) *Лебеда* בַּלְבָּל (*ἀπαξ λεγόμεν*), Іов. 30, 4 растѣніе въ родѣ салата, сырыми и вареными листьями котораго питались бѣдные (Lexic. Gesen.). з) *Дрокъ* רִצְוֹן , растущій въ пустынныхъ мѣстахъ Аравіи, имѣеть желтые цвѣты и горькій корень, служащій однако же пищею для бѣдныхъ Іов. 30, 4 ср. 3 Цар. 19, 4. 5. Пс. 119, 4 (Lex. Gesen.)—и) *Терніе* רִצְוֹן Іов. 30, 7 тернь, терновый кустъ, Соф. 2, 9. Притч. 24, 31.—і) *Пшеница* רִצְוֹן Іов. 31, 40 хлѣбное растеніе, въ полѣ растущее, Исх. 9, 33. Втор. 8, 8. Пс. 80, 17. Ис. 28, 25. Іоил. 1, 11.—к) *Ячмень*, Іов. 31, 40 רִצְוֹן , Лев. 27, 16. Руо. 1, 22. 2, 17. Іоил. 1, 11.—л) *Волчецъ*, רִצְוֹן Іов. 31, 40 тернь, терновникъ и всякій колючій кустъ, Притч. 26, 9.—м) *Куколь* רִצְוֹן (*ἀποξ λεγόμεν*) негодная трава, плевель.

3. Изъ области *Минералогіи* встрѣчаются названія разныхъ металловъ и дорогихъ камней съ легкимъ указаніемъ на ихъ различіе, источникъ и способъ добыванія.

Изъ металловъ упоминаются: а) קָצָר 22, 24 въ русск. переводѣ—*блестящій металлъ*,—общее названіе металла, золота или серебра, какъ онъ получается изъ рудниковъ, въ неочищенномъ видѣ.—б) זָהָב 28, 1, 6,—собственное названіе золота, которое *добывается въ песчинкахъ* עֲפָרֵי זָהָב 28, 6,—*плавится въ слитки* 28, 1, образующіе *чистое золото* זָהָב פָּגִיר (ср. 3 Цар. 6, 20. 21, 7. 2 Пар. 4, 20. 22. 9, 20).—в) כֶּסֶף 28, 17. 31, 24 *золото*, сохраняемое въ сокровищахъ (Притч. 25, 12. Пѣсн. 5, 11. Дан. 10, 5), оттуда *офирское золото* כֶּסֶף אוֹפִיר

какъ самое дорогое по выдѣлкѣ изъ него разныхъ предметовъ (Іов. 22, 24. 28, 16. ср. Пс. 44, 10. Ис. 13, 12. 1 Пар. 29, 4).— г) קֶסֶף серебро 22, 25, которому есть источныя жилы מִן־אֶרֶץ въ землю, 28, 1.— д) קָדִישׁ мѣдь, которая выплавляется изъ камня 28, 2. (Плиній въ Hist. natur. XXXIV, 1. XXXVI, 27. Aes sit ex lapide aereo, quem vocant cadmiam; et igne lapides in aes solvuntur; бл. Иеронимъ: et lapis calore solutus in aes vertitur.). е) בְּרִזָּל желѣзо, которое получается изъ земли (רֶצֶף), Іов. 28, 2; изъ него выдѣлывались грифеля для вырѣзыванія словъ на камнѣ, желѣзные рѣзцы 19, 24.— ж) עִפְרָה свинецъ или олово, изъ котораго выливались разные предметы, Іов. 19, 24.

Изъ дорогихъ камней упоминаются: а) סַפִּיר сапфиръ 28, 6; камни—изъодо сапфира 28, 16; упоминается о немъ Исх. 28, 18. 39, 11. Іезек. 28, 13.— б) שֹׁהַב Ониксъ дорогой 28, 16. По свидѣтельству Плинія XXXVII, 20, родина его въ Индіи, въ другихъ мѣстахъ рѣдко встрѣчается, и самый дорогой тотъ, который имѣетъ зеленый цвѣтъ чистаго моря. Упоминается Быт. 2, 12. Исх. 15, 27. Іезек. 28, 13.— в) בְּרִזָּל топазъ Eθiopiā 28, 19. Іезек. 28, 13. Плиній VI, 34 упоминаетъ объ островѣ на красномъ морѣ, гдѣ находились топазы.— г) רֶמֶסֶת Іов. 28, 18 кораллы, камни краснаго цвѣта (Lexic. Gesen.). Упоминаются у Іезек. 17, 16.— д) בְּרִזָּל ($\text{\xi\pi\alpha\lambda\lambda\acute{\iota}\lambda\epsilon\gamma\omicron\mu\omicron\iota}$) Іов. 28, 18 кристаллъ; по свидѣтельству Плинія (Н. Н. XXXVII, 2), подобенъ льду. Изъ выраженія нашей книги: кораллы и кристаллъ не пойдутъ въ счетъ—видно, что послѣдніе два рода камней, сравнительно съ другими выше поименованными, не имѣли значительной цѣнности и были самыми обыкновен-

ными въ употребленіи.—е) כִּסְפִיתִים *жемчугъ*, принадлежалъ къ числу самыхъ дорогихъ камней, Іов. 28, 18; упомин. Притч. 3, 15. 8, 11. 20, 15. 31, 10. Плач. 4, 7.—ж) כִּסְפִיתִים (*ἀπαξ λεγόμεν.*), Іов. 28, 18; LXX—*ύαλος, стекло, хрусталь, прозрачная смола*; вѣроятно, какой либо изъ дорогихъ камней, отличающихся своею прозрачностію (כִּסְפִיתִים *rigus fuit*), потому что поставляется въ ряду съ золотомъ (не алмазь ли?).

Въ 28, 1—11 описывается рудокопство, посредствомъ коего добывались металлы и дорогіе камни изъ нѣдръ земли.

4. Изъ области *Астрономіи*. Не всѣ выраженія, относящіяся въ нашей книгѣ къ описанію неба и земли, должны считать за астрономическія понятія, выражающія современныя автору представленія о сихъ предметахъ. Такія выраженія, какъ: 22, 14 *небесный кругъ (Богъ ходитъ по немъ)*,—37, 18 *небеса твердыя, какъ литое зеркало*,—36, 30 *покрылъ Себя корнями моря* (т. е. дномъ моря надзвѣзднаго),—37, 3 *блестаніе Ею* (молнія) *на крылахъ земли* (Иеронимъ: *super terminos terrae*), и другія подобныя, суть не что иное, какъ поэтическія изображенія тѣхъ представлений, какія возбуждались въ душѣ непосредственнымъ воззрѣніемъ. Независимо отъ сего, въ книгѣ нашей встрѣчаются такія свѣдѣнія, которыя выражаютъ опредѣленные понятія о землѣ, о небѣ, планетахъ и проч.

Въ 26, 7 говорится, что земля повѣшена на ничемъ, сѣверъ распростертъ на пустотѣ. Хотя въ другомъ мѣстѣ 38, 6 говорится о *подножій столповъ земли* и о *краеугольномъ камнѣ*, положенномъ въ основаніе ея, но эти и другія въ ряду съ ними стоящія, ст. 4. 5. 7, образныя пред-

ставленія творенія Богомъ нашей земной планеты (на подобіе сооруженіа обыкновеннаго зданія) не исключаютъ мысли объ основаніи ея на ничемъ, какую имѣлъ авторъ. Совершенно такое же, какъ въ нашей книгѣ, представленіе о землѣ встрѣчается у Аристотела (*de Coelo*, Lib. II. cap. XIV, ad Casaub. p. 290), который представлялъ ее имѣющею фигуру шара, у Цицерона (*Tuscul. V, 24*) и Овидія (*Fast. VI, 269: Terra pilae similis, nullo fulcimine nexa*). Представляя землю повѣшенною на ничемъ, авторъ нашей книги виѣстѣ съ этимъ представляетъ, что сѣверная часть ея, сѣверное полушаріе высоко подымается въ пустотѣ, אֶל־לֵוַי (Быт. 1, 2)—въ пустомъ пространствѣ. Объясненіемъ этому представленію отчасти можетъ служить Ис. 14, 13. Полагаютъ, что оно вышло изъ Вавилоніи. На сѣверъ отъ Вавилоніи возвышались до облаковъ горы Арменіи, казавшіяся для жителей долинъ послѣднимъ предѣломъ земли (Rosenmull. Schol. ad Isai. 14, 13).

38, 33. Земля управляется небомъ, которое въ свою очередь само живетъ по законамъ, установленнымъ отъ Творца. Конечно, тутъ рѣчь не о законахъ притяженія и тяготѣнія, которые въ то время не могли быть извѣстны. Авторъ видитъ взаимныя отношенія свѣтилъ небесныхъ и явленій, происходящихъ въ небесномъ пространствѣ и на землѣ; но законы этихъ отношеній, по его представленію, извѣстны одному Богу, который движетъ всемъ Своею премудрою и всемогущею волею (гл. 26. 38. 39).

Изъ свѣтилъ небесныхъ упоминаются *солнце* 31, 26. 37, 21, *луна* 25, 5. 31, 26 и *звѣзды* 25, 5. Кромѣ того

а) *Пляды* מַגְרָף 9, 9. 38, 31. Характеристическое выраженіе 38, 31: *ты ли связалъ пляды въ узелъ?*—указы-

ваетъ на составъ этаго созвѣздія. Это куча звѣздъ, болѣе 400, на пространствѣ не болѣе диска мѣсяца въ полнолуніе, сгруппировавшихся, какъ щиплята около насѣдки, вокругъ Алькіоны, самой блестящей между ними звѣзды. Созвѣздіе это находится на восточной части неба, въ затылкѣ тельца. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, группа плеядъ признается центромъ, связующимъ мириады неподвижныхъ звѣздъ. Нѣкоторые видятъ намеги на это въ приведенныхъ словахъ кн. Іова о связующей силѣ плеядъ (Космосъ Венеры, стр. 27). Плеяды упоминаются въ кн. Амоса 5, 8.

б) *Оріонъ* זִיָּוֹן 9, 9. 38, 31, большое и великолѣпное созвѣздіе, стоящее съ плеядами въ одной линіи. Восточные (арабы, сирійцы и халдеи) представляли его себѣ какъ гиганта, воюющаго противъ Бога и закованнаго на небѣ. Этимъ объясняютъ выраженіе 38, 31: *ты ли распустилъ узы Оріону?* Узы—это звѣзды, которыми Оріонъ представляется связаннымъ, находящіяся вокругъ него въ значительномъ разстояніи и дающія этому созвѣздію видъ, совершенно противоположный предшествующему (*Win. B. W. V. II. s. 527. Heiligst. Comm. in Job. p. 260*). Упоминается у Ис. 13, 10. Ам. 5. 9.

в) *Медвѣдица* שִׁוֵּן 9, 9 или שִׁוֵּן 38, 32—созвѣздіе, находящееся на сѣверномъ полюсѣ. Три звѣзды въ хвостѣ большой медвѣдицы, находящіяся на лѣво въ дугообразной линіи, у арабовъ доселѣ называются *дочери медвѣдицы* (*Heiligst. Comm. in Job. p. 261*). Отсюда выраженіе: *и водилъ медвѣдицу съ дѣтьми.*

г) *Змій рлзвыи* שִׁוֵּן 26, 13.—Разумѣютъ *sidus Draconis*,—это между большою и малою медвѣдицею разными

извилинами тянущаяся по небу полоса звѣздъ; отсюда названіе *קָוַשׁ בְּרַחַם zmiy p̄zvyty*. Его же разумѣютъ подъ именемъ *левіаѳана לְרִיתָן* въ 3, 8; и выраженіе Іова— *готовые возбуждать левіаѳана* объясняютъ изъ индійской мифологіи, по которой левіаѳанъ или драконъ представляется какъ бы готовымъ подняться и пожрать солнце и луну. Вѣрили, что заклинатели умѣли возбуждать его и назадъ прогонять, и этимъ объясняли солнечныя и лунныя затмѣнія (*Win. R. W. V. II. s. 527*).

д) *Тайныя горницы юга תְּהִרֵי תַּמָּן 9, 9 penetralia austri*—звѣзды южнаго неба, которыя на нашъ взоръ никогда не являются, но какъ бы въ покояхъ и тайныхъ мѣстахъ скрываются (*Schultens*).

б) *Зодіакальныя созвѣздія מְרִירָה 38, 32*. О зодіакальныхъ знакахъ упоминается мимоходомъ въ 4 Цар. 23, 5, гдѣ они называются *מְצִלֹת*, *стоянки* или *остановки*, въ которыхъ солнце во время своего движенія (важущагося) какъ бы останавливается; съ арабскаго названіе зодіака означаетъ *circulus palatiorum*. Полагаютъ, что въ кн. Іова *מְרִירָה* читается вмѣсто *מְצִלֹת*, что легко могло быть чрезъ перемѣну *ל* ва *ר* (*Gesen. Thes. II. 869. Win. R. W. V. II. s. 526—529*). Выреченіе: *ты ли изводишь зодіакальныя созвѣздія въ свое время*—соотвѣтствуетъ представленію древнихъ о неподвижности земли; при такомъ представленіи казалось, что двѣнадцать небесныхъ знаковъ или созвѣздій одинъ за другимъ, по порядку, въ свое время или въ свой мѣсяць выводятся изъ небснаго пространства предъ взоры земныхъ наблюдателей.

5. Изъ области *Геологіи*. Сюда относятся представленія объ образованіи земли 38, 4—7, морей 8—11, объ

отношеніи морей къ океанамъ 16, о шеолѣ, который во внутренности земли подъ водами 17. 26, 5,—о металлическихъ жилахъ и колодцахъ внутри земли 28, 4. Конечно, тутъ нѣтъ геологическихъ понятій въ собственномъ смыслѣ; видно только стремленіе понять и такъ или иначе объяснить себѣ строеніе земли.

6. Изъ области *метеорологии* и *физики*. Выраженія нашей книги о предметахъ, къ этой области относящихся, не заключаютъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о нихъ; большею частію они поставлены въ вопросной формѣ, не объясняющей явленія, а только требующей объясненія на нихъ. Какъ поднимаются пары и изъ нихъ образуются облака (26, 8. 37, 27)?—Какъ висятъ облака? Какъ держится вода въ нихъ, и они не разсѣдаются? Какъ они распространяются, движутся по воздушному пространству, образуютъ тучи, и обремененныя влагою, льютъ съ высоты дождь (26, 8. 37, 27—29. 37, 11. 12. 38, 25—27. 37)?—Какъ образуется роса, ищей, снѣгъ, градъ, ледъ (38, 22. 28. 29)?—Какъ обращаются въ камень воды и дѣлается твердою поверхность морей (38, 30)?—Какъ изходитъ громъ, и отъ него раздается эхо (37, 2—4)?—Какъ образуется молнія и по какому пути свѣтъ ея простирается до краевъ земли (37, 15. 38, 25, 35. 27, 26. 37, 3)?—Какъ образуется буря, какъ разносится по землѣ вѣтеръ (38, 24. 37, 9)?—Откуда приходитъ свѣтъ, откуда тьма? Гдѣ свѣтъ расходится съ тьмою (38, 19. 20. 24)?—Какъ послѣ ночи наступаетъ утро? Какъ появляется заря? Какъ свѣтъ производитъ на землѣ разнообразныя цвѣта (38, 12—14)?—Какъ образуются воздушныя явленія (38, 36.

שָׁרִי отъ שָׁרָה видѣлъ, φαινόμενον)? — Изъ 28, 25 можно заключать, что во время писателя нашей книги была известна тяжесть воздуха.

7. Изъ области *физиологии*. Физиологическихъ понятій не много встрѣчается въ книгѣ Іова. — Отношеніе тѣла къ душѣ представляется, какъ у пр. Ісаи (38, 12), подь образомъ палатки, поддерживаемой тетивою (4, 21 רֶבֶץ *веревка*). *Историлась тетива* — означаетъ выходъ души изъ тѣла, смерть; *снялся шатеръ* — человекъ умираетъ, Іов. 5, 24. 8, 22. 15, 34 и др. Подобн. Іер. 10, 20. Притч. 14, 11 (Восточный образъ представленія, Schol. Rosenmüll. ad Isai. 38, 12). Въ 10, 10, говорится объ образованіи и развитіи зародыша въ матерней утробѣ: *вымля меня какъ молоко, сушилъ какъ творогъ*. Подобныя представленія объ образованіи зародыша встрѣчаются у Пливія (Hist. Nat. VII, 13), Лактанцій находитъ у Аристотеля (de Orific. Dei cap. XII). Ст. 11: *одѣлъ меня кожею и плотію и скрѣпилъ костями и жилами*. Въ 21, 24: *мозгъ костей его не высыхаетъ* (ср. Ис. 58, 11. 66, 14. Притч. 3, 8). Кромѣ того встрѣчаются названія разныхъ органовъ человеческого тѣла: *голова, сердце, кровь, печень* и проч.

Всѣ эти свѣдѣнія по части естествознанія, которыя мы распредѣлили по группамъ примѣнительно къ нынѣшней классификаціи и названію наукъ, не показываютъ въ себѣ научнаго характера, и, если имѣть въ виду состояніе естествознанія, какимъ оно представляется въ сочиненіяхъ Аристотеля «о небѣ», «о произведеніи и разрушеніи», «метеорологія», «о механическихъ проблемахъ», «о жи-

отныхъ», «о частяхъ животныхъ», «о растеніяхъ» и проч., то, ни по объему, ни по характеру, не могутъ итти въ сравненіе съ нимъ. При всемъ разнообразіи и весьма замѣтномъ богатствѣ ихъ, онѣ не возвышаются надъ простѣйшими наблюденіями и эмпирическимъ знаніемъ, — свѣдѣнія описательнаго свойства, въ которыхъ не замѣтно еще интеллектуальнаго отношенія къ фактамъ и явленіямъ природы. Кромѣ того, при самомъ возвышенномъ направленіи своемъ къ раскрытію дѣлъ творческой премудрости и всемогущества, онѣ не отдѣляются еще строго отъ мифологическаго элемента (напр. 3, 8. 26, 13. 38, 31). Эти свѣдѣнія вообще носятъ характеръ восточнаго естествознанія, во всѣхъ явленіяхъ природы видящаго тайную силу Творца и Вседержителя, но еще не проникающаго во внутреннюю, непосредственную связь ихъ и взаимное отношеніе.

Сравнивая физическія свѣдѣнія нашей книги съ свѣдѣніями по естествознанію, какія встрѣчаются въ другихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ, находимъ слѣдующее:

а) Почти всѣ предметы физическаго міра, коихъ касается писатель нашей книги, встрѣчаются въ тѣхъ или другихъ священннхъ книгахъ, какъ это видно изъ указанныхъ нами параллельныхъ мѣстъ. По части зоологіи, ботаники и минералогіи въ другихъ книгахъ встрѣчается много такихъ особей, которыя не упоминаются въ нашей книгѣ. Но въ другихъ книгахъ встрѣчаются одни только названія; въ нашей книгѣ къ нѣкоторымъ изъ нихъ присоединяются генетическія поясненія и даже цѣлыя описанія. Описанія наприм. иппопотама и левіаѳана, не имѣютъ подобнаго себѣ образца въ другихъ свящ. книгахъ.

Свѣдѣній изъ области астрономіи въ нашей книгѣ больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Въ прочихъ книгахъ упоминаются только *поясы* и *оріонъ* (у Исаи и Амоса); въ нашей книгѣ, кромѣ ихъ, *медвѣдица съ дѣтьми*, *драконъ* и *тайныя горницы юга*. О зодіакальныхъ знакахъ упоминается только въ четвертой книгѣ Царствъ, написанной не ранѣе второй половины плѣна вавилонскаго (25, 27); но самое названіе зодіака, употребленное въ книгѣ Царствъ, могло бы остаться сомнительнымъ безъ пояснительныхъ терминовъ, которыми обставлено это названіе въ нашей книгѣ.

б) Предметы изъ физическаго міра упоминаются въ священныхъ книгахъ при описаніи творенія міра (Быт. гл. 1 и 2), при изчисленіи породъ животныхъ и птицъ, раздѣляемыхъ закономъ на чистыхъ и нечистыхъ (Лев. 11, 2—46. Втор. 14, 4—20), при описаніи устройства скинии (Исх. гл. 25—31), храма Соломонова (3 Цар. гл. 7 и 8. 2 Пар. гл. 2—5); при описаніи естественныхъ произведеній разныхъ странъ, ведшихъ торговлю съ Тиромъ—у пр. Іезекіиля (гл. 27), и проч. Упоминаются также для выраженія нравственныхъ представленій о людяхъ; особенно такими представленіями въ формѣ сравненій и подобій богата книга Притчей (наприм. 5, 5. 6. 7, 22. 11, 22 и др.), еще болѣе книга Псалмовъ (1, 3. 9, 30. 10, 1. 11, 7. 16, 12 и др.), также пророческія книги и наша книга. Кромѣ того, свѣдѣнія изъ области міра физическаго употребляются въ священныхъ книгахъ, какъ богатый матеріалъ, для представленія творческой силы, благодати, премудрости и всемогущества Вседержителя, Творца вселенной, правящаго всѣмъ міромъ. Въ этомъ отношеніи въ священныхъ книгахъ замѣчается нѣкоторая постепенность въ употребле-

ніи такъ называемаго космологическаго доказательства. Въ древнѣйшихъ книгахъ по преимуществу выступаетъ историко-теологическій методъ раскрытія понятій о Богѣ. Моисей, утверждая въ избранномъ народѣ познаніе Іеговы, постоянно обращаетъ вниманіе народа на тѣ благодѣянія, которыя даровалъ Онъ его отцамъ и ему самому, — на тѣ дивныя дѣла, какія совершилъ Онъ, изводя его изъ рабства египетскаго. Только въ не многихъ мѣстахъ (наприм. Втор. 32, 11. 32), когда изображаетъ народу благопопечительность о немъ Іеговы, прибѣгаетъ къ сравненіямъ оной, взятымъ отъ предметовъ видимой природы. Понятно, почему такъ было. Когда Іегова жилъ почти видимо среди своего народа, не было надобности раскрывать предъ нимъ книгу природы и указывать въ ней письмена, говоряція о Вседержителѣ. Со времени Соломона, обладавшаго большими свѣдѣніями по естествознанію (3 Цар. 4, 33), подъ именемъ *мудрости* выступаетъ естественное міросозерцаніе и съ нимъ вмѣстѣ космологическій методъ раскрытія понятій о Богѣ. Въ Притчахъ Соломона мы встрѣчаемъ изображеніе Премудрости по очертанію дѣлъ Творца, явленныхъ Имъ въ твореніи и устройствѣ міра видимаго (Притч. 8, 23—30. 30, 4). Пророки—Исаія (40, 21—31. 44, 24—27. 45, 5—8. 48, 12. 13. 50, 2. 3), Іеремія (10, 10—13), Іоиль (2, 10), Амосъ (4, 13. 5, 8. 9. 9, 5. 6), Наумъ (1, 3—8) и др. прибѣгали часто къ видимому міру, какъ къ доказательству или ясному свидѣтельству о Богѣ Вседержителѣ, и изображали Его величіе, силу и могущество тѣми дѣлами творенія и промышленности, какія видимы въ окружающемъ насъ мірѣ. Но всѣ эти изображенія отрывочнаго свойства. Пророки прибѣгали

къ нимъ, какъ въ дополненію своихъ возвышенныхъ представлений о Іеговѣ, взятыхъ изъ исторіи Теоократіи. Цѣльное космологическое раскрытіе представленія о Богѣ Вседержителѣ, теодиція основанная на созерцаніи природы и міра физическаго является намъ въ книгѣ Іова. Іовъ говоритъ: *спроси у скота, и научить тебя,—и у птицы небесной, и возвѣститъ тебѣ,—или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя,—и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто изъ всего этого не позналъ бы, что рука Іеговы творитъ сіе,—что въ Его рукъ душа всего живущаго и духъ всякой плоти человѣческой* (12, 7—10)? И—эта идея естественнаго Богопознанія раскрывается во многихъ мѣстахъ нашей книги (наприм. 26, 5—14. 28, 1—28. 36, 26—27, 24); но полное, цѣльное, систематически построенное раскрытіе этой идеи является въ рѣчи Іеговы, гл. 38—41. Подобныя, имѣющія видъ цѣльности, но болѣе краткія и сжатые космологическія представленія о Богѣ Вседержителѣ, встрѣчаются въ псалмахъ 138, приписываемомъ Давиду, 146, 147 и 148 написанныхъ послѣ плѣна вавилонскаго, въ которыхъ псалмопѣвецъ призываетъ всю тварь въ славословію Бога Вседержителя. Въ особенности же замѣчательна въ этомъ отношеніи аналогія между рѣчью Іеговы въ нашей книгѣ (38—41 гл.) и 103 псалмомъ, въ которомъ идея Вседержителя раскрывается большею частію въ тѣхъ же самыхъ фактахъ и явленіяхъ физической природы, по мѣстамъ до буквального сходства, какіе представлены въ рѣчи Іеговы съ гораздо большею полнотою. А псаломъ этотъ относятъ ко времени послѣ плѣна вавилонскаго.

Замѣчанія эти однакожь не даютъ намъ твердыхъ

основаній для заключенія, что книга наша написана послѣ плѣна вавилонскаго, хотя нѣкоторыя изъ физическихъ свѣдѣній (наприм. по астрономіи) не сомнѣнно указываютъ на позднее происхожденіе ея.

Соображая свѣдѣнія изъ міра физическаго, встрѣчающіяся въ нашей книгѣ, мы не находимъ въ нихъ основанія, почему бы надлежало заключать, что книга написана въ другой какой странѣ, напримѣръ въ Египтѣ, а не въ Палестинѣ, въ сѣверной или южной части Палестины, а не въ Іерусалимѣ. Предметы и явленія физическаго міра, упоминаемые, а иныя съ нѣкоторою обстоятельностью описанные въ нашей книгѣ, принадлежатъ разнымъ странамъ. Авторъ могъ ихъ описывать или какъ бывший очевидецъ, или какъ хорошо знакомый съ описаніями или разсказами другихъ.

Если свѣдѣнія изъ области естествознанія, встрѣчающіяся въ книгѣ Іова, сопоставляемыя съ свѣдѣніями о физическомъ мірѣ, разбѣянными въ другихъ священныя книгахъ, не могутъ служить данными для опредѣленія времени и мѣста происхожденія нашей книги, то они служатъ не сомнѣннымъ свидѣтельствомъ о томъ, что писатель нашей книги съ отличнымъ знаніемъ священной еврейской литературы соединялъ въ себѣ обширное и многостороннее образованіе въ области естествознанія, само собою разумѣется, въ той степени его развитія, на какой оно стояло на востокѣ. Это былъ весьма образованный человѣкъ.

---

2. Сравненіе книги Іова съ прочими ветхо- завѣтными книгами по изложенію.

1. Богатое и разнообразное содержаніе книги Іова группируется около одного вопроса—о причинѣ счастья и несчастья на землѣ, составляющаго предметъ спорнаго разсужденія между Іовомъ и его друзьями, оконченнаго рѣшеніемъ Іеговы. По этому, книга Іова въ изложеніи своемъ представляетъ: 1) умствование, разсужденіе объ извѣстномъ предметѣ, и 2) разговоръ, свободное изложеніе убѣжденій, взглядовъ, сужденій и разнаго рода познаній о предметѣ нѣсколькихъ лицъ, имъ заинтересованныхъ. Въ немъ въ началѣ и концѣ, частію и въ самой книгѣ присоединяются историческія свѣдѣнія, касающіяся повода къ разговору, личности разговаривающихъ собесѣдниковъ и судьбы главнаго лица, первоначальной и послѣдней.

Умствование или разсужденіе, излагаемое въ нашей книгѣ, называется въ ней самой $\text{לִשְׁפָּר} (27, 1. 29, 1; 13, 12 \text{ וְעַתָּה לִשְׁפָּר} \text{ пепельныя т. е. пустыя разсужденія}). Подъ именемъ } \text{לִשְׁפָּר, согласно съ Притч. 1, 1—6. Еккл. 12, 9 разумѣется свободное, самостоятельное разумѣніе предмета посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ мышленія, свойственныхъ нашему разсудку. Первая степень умствования выражается въ краткихъ изрѣченіяхъ, заключающихъ въ себѣ замѣчанія или мысли о предметахъ, большею частію практическаго направленія, по сближенію ихъ съ другими предметами, съ ними сходными или имъ противоположными. Отсюда и эти изрѣченія, какъ первый плодъ умствования, называются въ свящ. книгахъ также } \text{לִשְׁפָּר, } \text{פָּרוֹמִיּוֹת} (Притч. 10, 1. 25, 1. 26, 7. 9. Еккл. 12, 9.$

3 Цар. 5, 12 и др.). Въ наукѣ называются они *гномами* (γνώμη), подъ которыми разумѣются остроумныя, мѣткія, направленные къ нравственной дѣли мнѣнія, выраженные въ формѣ простыхъ положеній. У всѣхъ народовъ интеллектуальное развитіе начиналось гномическою мудростію, изрѣченія которой обыкновенно живутъ въ народѣ чрезъ всю его исторію въ формѣ пословиць или поговорокъ. — Высшая степень умствования заключаетъ въ себѣ всестороннее по возможности обозрѣніе предмета, сводъ всѣхъ представленій о немъ, разложеніе и обобщеніе ихъ, выводъ изъ нихъ заключеній или подведеніе ихъ подъ общія высшія представленія, и потомъ—приведеніе всѣхъ добытыхъ такимъ образомъ при помощи анализа и синтеза познаній въ систему, подъ которой разумѣется стройное, логическое изложеніе мыслей и сужденій о предметѣ, по ихъ внутренней связи и отношеніямъ, какія они имѣли въ процессѣ мышленія. Это самостоятельное умствование на языкѣ священныхъ писателей получило со времени Соломона названіе חכמה *мудрость*, подъ которою разумѣется всякое знаніе, свойственное человѣку, имѣющему дыханіе Вседержителя, дающее ему разсудительность (חכמה, Іов. 32, 8. 9), способность взвѣшивать и испытывать все (Еккл. 12, 9), разбирать слова или понятія, какъ уста извѣдываютъ пищу себѣ (Іов. 12, 11. 12), подводить познаваемое подъ общія начала, или дѣлать изъ нихъ выводы (Іов. 30, 3). Книга наша представляетъ зрѣлый плодъ этой мудрости, свободное самостоятельное умствование о предметѣ, изслѣдованіе его со всѣхъ сторонъ, можно по всей справедливости сказать—*философское разсужденіе*. Друзья Іова, разрѣшая вопросъ, его занимавшій, каждый выходитъ изъ

своего начала, и представляет Іову выводы изъ нихъ, подтверждая ихъ доводами, взятыми или изъ общихъ всѣмъ извѣстныхъ истинъ, или изъ свидѣтельства мудрыхъ, или изъ наблюденія предковъ, или изъ собственного наблюденія—изъ области фактовъ имъ извѣстныхъ. Ища разрѣшенія вопроса, Іовъ не останавливается ни предъ однимъ изъ доводовъ, приводимыхъ друзьями, объясняетъ смыслъ и примѣненіе общихъ истинъ (наприм. гл. 9. 19), требуетъ повѣрки свидѣтельствъ (12, 11), анализируетъ представляемые факты (21, 7—34), представляетъ свои, свидѣтельствующіе о противномъ (12, 17—25. 24, 1—25 и др.). Эліуй, вступившій въ бесѣду, когда всѣ умолкли, отвлекаетъ изъ рѣчей Іова главные положенія, анализируетъ каждое особо и дѣлаетъ изъ нихъ выводы, показывающіе ихъ несообразность (гл. 33—35), ставитъ свои положенія и выводитъ изъ нихъ заключенія, направленные противъ сужденій Іова (гл. 36. 37). Наконецъ, рѣчи Іеговы заключаютъ догматическое разрѣшеніе вопроса, къ которому не могли привести Іова друзья его, относясь къ своему предмету съ односторонней точки зрѣнія.

Всѣ эти разсужденія изложены въ формѣ разговора или собесѣдованія. Каждый изъ собесѣдниковъ, доказывая Іову одно общее положеніе, выходитъ одинъ за другимъ съ своею мыслію, раскрывая ее доводами, съ своей точки зрѣнія взятыми. Іовъ даетъ отвѣтъ отдѣльно каждому изъ нихъ. Болѣе другихъ твердости, знанія и логической разсудительности показываетъ Елифазъ. Въ рѣчахъ Виллада больше остроумія чѣмъ логической силы; въ рѣчахъ Софара больше ораторства, чѣмъ мысли; потому доводы обоихъ друзей были слабѣе, чѣмъ Елифаза, и Вилдадъ въ

третьей своей рѣчи ограничился только повтореніемъ мысли Елифаза (гл. 25); а Софаръ въ третьемъ кругѣ рѣчей совѣмъ не нашелся, что отвѣчать. Весь ходъ разсужденій и вообще вся постановка содержанія книги, при чрезвычайномъ обиліи и разнообразіи мыслей, отличается не обыкновенною логическою стройностію. Нельзя ни объ одной части сказать, что она лишняя или не на своемъ мѣстѣ, — нельзя исключить ни одного отдѣла, не нарушивъ логической связи въ цѣломъ. Совершенно не основательно мнѣніе тѣхъ критиковъ (Геферника, Шлоттмана, Элера и др.)¹⁾, которые рѣчи Эліуя (32—37 гл.) считаютъ постороннею, позднею прибавкою, разрывающею связь рѣчей Іова съ рѣчами Іеговы и дѣлающею послѣднія излишними. Ходъ разсужденій такой. Іовъ страдаетъ и не знаетъ за что. Друзья доказываютъ, что страдать можетъ только грѣшникъ, а потому Іову надлежитъ обратиться къ Богу и просить у Него помилованія. Іовъ утверждаетъ, что страдаютъ не одни нечестивые, напротивъ гораздо чаще можно видѣть, что нечестивые благоденствуютъ, а праведные страдаютъ, и потому не можетъ признать, что страданія его заслуженныя. Друзья сперва пригробенно намскали Іову, что онъ беззаконникъ и потому страдаетъ; потомъ, видя твердое убѣжденіе его въ той мысли, что Богъ въ распредѣленіи жребіевъ людямъ не сообразуется съ своею правдою, объявили открыто, что онъ грѣшникъ и за грѣхи свои несетъ наказаніе отъ Бога. Іовъ защищаетъ свою невинность и требуетъ суда отъ Бога, чтобы показано

---

¹⁾ См. Кейля Lehrbuch d. hist. kritisch. Einleit. in d. Kan. u. apokryph. Schr. s 369. 370.

было, за что терпитъ онъ жестокия и не справедливыя страданія. Выступаетъ Эліуй, который не обвиняетъ Іова въ грѣхахъ или преступленіяхъ, какъ его друзья, но не одобряетъ самаго домогательства, не свойственнаго твари, чтобы Богъ объявилъ ему причину страданія, — какъ будто Богъ долженъ кому-нибудь давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и какъ будто можно думать, чтобы Онъ былъ несправедливъ. Когда убѣжденія Эліуя не произвели на Іова своего дѣйствія, тогда является Іегова и, указывая на дѣла творенія и промысленія о мірѣ, свидѣтельствующія о высочайшей Его премудрости и непредѣлельномъ могуществѣ, для Іова не постижимыя и не возможныя, приводитъ его къ убѣжденію, что человѣкъ долженъ безусловно покоряться волѣ Вседержителя, какава бы судьба съ нимъ не послѣдовала. Въ этомъ ходѣ разсужденій рѣчи Эліуя не только не излишни, но существенно необходимы, составляя логическій переходъ отъ мыслей Іова къ догматической рѣчи Іеговы. При стройности цѣлаго и внутренней логической связи всѣхъ частей, каждая рѣчь представляетъ отдѣльное, полное, логически построенное цѣлое. Въ каждой рѣчи можно отличать общее положеніе, развитіе его въ частныхъ мысляхъ, положеніяхъ или противоположеніяхъ, и выводъ изъ нихъ. При чемъ въ рѣчахъ каждаго изъ собесѣдниковъ примѣчается свой особый приемъ логическаго построения, аналитической или синтетической, или смѣшанной. Рѣчи, напримѣръ, Эліуя совершенно иначе построены, чѣмъ другія рѣчи; рѣчи Іова иначе, чѣмъ рѣчи Елифаза или Виллада. При этомъ нельзя не удивляться глубокому пониманію писателя, съ какимъ поставлены рѣчи Іеговы, если смотрѣть на нихъ съ обыкновенной человѣческой точки

врѣнія. Логика рѣчей Іеговы отличается отъ логики всѣхъ прочихъ рѣчей. Это не логика мысли и слова, но логика дѣла. Іегова не доказываетъ Іову свою мысль, какъ его друзья, но указываетъ на дѣла, которыя яснѣ всякой мысли, краснорѣчивѣ всякаго слова, убѣдительнѣ всякаго логическаго довода и вывода, говорятъ о премудрости и правдѣ Божіей. Какъ въ этой части, такъ и во всемъ произведеніи видѣнь не только великій умъ, съ необыкновенною широтою охватывающій самыя разнообразныя явленія міра физическаго и нравственнаго, и съ чрезвычайною глубиною проникающій въ ихъ связь и основанія, но и высокой пророческій духъ, ясно видящій своего Вседержителя сквозь свѣтозарный облакъ дѣлъ Его творенія и промысленія.

Если сравнивать книгу Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами по изложенію, то можемъ остановиться на двухъ книгахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе средства съ нею въ этомъ отношеніи. Это 1) *Книга Притчей*, собраніе краткихъ изрѣченій заключающихъ въ себѣ замѣчанія о разныхъ явленіяхъ въ области практической жизни и правила благоразумія въ разныхъ отношеніяхъ, въ какія поставленъ человекъ, какъ членъ государства, общества и семейства. Такихъ краткихъ приточныхъ изрѣченій много и въ нашей книгѣ, особенно въ рѣчахъ Елифаза (наприм: 4, 8. 5, 6. 7. 15, 20. 22, 10. 22 и др.). 2) Но гораздо болѣе сходства въ изложеніи своемъ наша книга имѣетъ съ книгою *Екклесіастъ*, которая представляетъ родъ философскаго разсужденія о верховномъ благѣ человека съ аналитическимъ обзоромъ разныхъ направленій жизни, ищущей счастья въ земномъ порядкѣ вещей, и

разныхъ теорій счастья, построеваемыхъ на основаніи такихъ или другихъ понятій объ отношеніи между внутреннею и ви́шнею жизнью человѣка. Разсужденіе это—плодъ многосторонняго наблюденія надъ жизнью и глубокаго соображенія началъ съ послѣдствіями, проведеннаго психологическимъ анализомъ чрезъ внутреннее сознаніе, построено въ логической формѣ философскаго трактата.

2. Книга Гоа представляетъ не просто разговоръ между лицами, въ ней упоминаемыми, но разговоръ соединенный съ дѣйствіемъ,—не отвлеченное отъ дѣйствительности діалогическое разсужденіе о предметѣ ихъ занимавшемъ, но разсужденіе введенное въ самую дѣйствительность, ею вызванное и среди ея веденное. Это *Драма*, въ которой всѣ лица являются не только разсуждающими, но и дѣйствующими, чувствующими, стоящими въ жизненномъ отношеніи къ предмету своего разсужденія. Поэтому, чрезъ все произведеніе проходитъ не одинъ логическій методъ построенія, но въ тѣсной, внутренней, глубокой связи съ психологическимъ.

Исходнымъ пунктомъ этой *Драмы* служитъ отчаянный вопль великаго праведника Гоа, послѣ лишенія всего состоянія своего и всѣхъ дѣтей, подвергшагося самымъ тяжкимъ и не выносимымъ для человѣческой природы физическимъ и нравственнымъ страданіямъ. Среди этихъ страданій, не видя въ жизни ничего отраднаго и не зная, что ожидаетъ его впереди, праведникъ проклинаетъ день своего рожденія и желаетъ смерти, которая, если не обѣщаетъ ему утѣшенія, по крайней мѣрѣ прекратитъ его страданія. Но у праведника, у котораго отнято все, что

могло бы услаждать горечь жизни, сохранилось одно чувство, которое служить послѣднею опорю духовнаго бытія его; это—чувство своей правоты, убѣжденіе въ своей невинности и не заслуженности испытываемыхъ имъ тяжкихъ страданій. Но его друзья, въ участіи которыхъ ожидалъ получить нравственную поддержку, усиливаются всѣмъ запасомъ своего знанія и опытности, съ рѣзкою заносчивостію и иногда раздражительностію, безъ всякой жалости къ страдальцу, лишить его этой послѣдней опоры. Вотъ это-то чувство своей правоты составляетъ основной мотивъ всей драмы; оно даетъ тонъ всему произведенію, каждой рѣчи и каждому монологу. Іовъ всею силою чистой и безукорной совѣсти борется за него,—борется съ предубѣжденіями друзей, съ ихъ холодностію къ нему, съ ихъ надмѣнностію и раздражительностію, съ ихъ укоризнами и несправедливыми обвиненіями,—борется съ самимъ собою—съ своими внутренними чувствами и помыслами вѣрующей въ своего Создателя, но Имъ отверженной души, любящаго всѣхъ, но ни въ комъ не находящаго живаго участія сердца, и—ни на одно мгновеніе не даетъ потускнуть ему или поколебаться. Убѣжденный въ своей невинности, онъ не можетъ понять, почему Богъ послалъ ему такія тяжкія страданія,—Богъ, который, какъ Существо благое, долженъ быть милостивъ къ Своему слабому созданію,—назначивъ ему короткій срокъ жизни, не долженъ лишать возможности насладиться благомъ жизни. Эта непостижимость страданій, эта тайна судьбы томить душу праведника, для котораго становится загадкою самая жизнь и цѣль ея. При всемъ томъ онъ остается столько твердымъ въ убѣжденіи относительно своей невинности, что

скорѣе готовъ допустить произволь и несправедливость въ Богѣ, чѣмъ признать себя виновнымъ въ чемъ либо, готовъ предстать на судъ предъ Богомъ и настойчиво требуетъ отъ Бога этого суда. Богъ является, и, показавъ праведнику, что никому не свойственно требовать отъ Творца своего отчета въ Его дѣлахъ, оправдываетъ его въ глазахъ друзей и осуждаетъ послѣднихъ, безъ жалости и состраданія, по не разумной ревности о Богѣ, не справедливо порицавшихъ невиннаго страдальца. Чувство правоты торжествуетъ въ Іовѣ.

Въ этой не многосложной по числу лицъ принимающихъ участіе въ дѣйствіи, не широкой по охвату фактовъ сцѣпляющихся въ событіи, но въ высшей степени богатой психологическимъ содержаніемъ своимъ драмѣ, затрогиваются самыя первыя и основныя чувства души человеческой, самыя чувствительныя струны сердца нашего. Авторъ умѣлъ поставить и изобразить ихъ, сочетать одно съ другимъ, перейти отъ одного къ другому, съ глубокимъ знаніемъ человеческого сердца. Ни въ одной чертѣ, ни въ одномъ словѣ не чувствуется какой либо неестественности или изысканности; и отъ того всѣ картины, изображающія положеніе Іова, всѣ его рѣчи производятъ живое, потрясающее впечатлѣніе. Его чувства мгновенно возвышаются, трогаютъ, двигаютъ внутреннія волненія сердца. Характеръ Іова — характеръ праведника, вѣрующаго въ силу добра, какъ въ силу самаго Бога. Отъ того Іовъ, стоя за свое чувство, не столько борется съ представленіями своихъ друзей, которыя не казались ему сильными, сколько выступаетъ противъ Самаго вѣчнаго Блю-

стителю правды и истины въ мірѣ. *Развѣ*, говоритъ Іовъ, *на челоуѣка жалоба моя* (21, 4)? *Предъ Вседержителемъ хотѣлъ бы я говорить, Ему представить мои доказательства* (13, 3). Всѣ монологи, сюда относящіеся (7, 11—21. 10, 2—22. 13, 19—28. 14, 1—22. 19, 25—29. 31, 35—40) проникнуты тѣмъ дерзновеніемъ, какое свойственно праведнику, имѣющему чистую совѣсть. Тонъ каждаго изъ бесѣдующихъ лицъ соотвѣтствуетъ характеру ихъ. Елифазъ, какъ предначинатель разговора и старецъ, выдерживаетъ тонъ опытнаго и мудраго учителя и друга; какъ получившій самъ откровеніе, свои сужденія высказываетъ съ пророческимъ достоинствомъ, осторожно, умѣренно, съ полнымъ искусствомъ; указывая причину страданій въ грѣхахъ людей, намеками наводитъ Іова на сознаніе своей вины, и только въ послѣдней рѣчи, не выдержавъ себя предъ ясными доводами Іова о страданіи праведныхъ и благоденствіи нечестивыхъ, является строгимъ обличителемъ Іова, котораго подозрѣвалъ, какъ челоуѣка знатнаго и богатаго, въ большихъ не всѣмъ извѣстныхъ грѣхахъ. Сколько Елифазъ показываетъ въ себѣ степенности, спокойствія и обдуманности, столько Вилдадъ отличается заносчивостію и самоувѣренностію; не имѣя ни опытности, ни знанія Елифаза, онъ опирается на авторитетъ древнихъ; тонъ рѣчи его сухой и дидактическій, съ притязаніемъ на учительство и знаніе дѣла. Софаръ раздражительный и обидчивый; въ пылкой не разумной ревности за справедливость дѣйствій Творца, готовъ съ перваго слова обличать Іова въ грѣхахъ и беззаконіяхъ. Отличная отъ всѣхъ трехъ личность Эліуя представляетъ образецъ ума свѣтлаго и яснаго. Не обладая спокойствіемъ

и сдержанностію Елифаза, Эліуі проникнуть искреннимъ участіемъ къ страдальцу и въ тоже время глубокою ревностію о достоинствѣ Творца. Какъ младшій изъ всѣхъ возрастомъ, не обладая опытностію, но съ сильнымъ діалектическимъ дарованіемъ и свѣжими познаніями, съ юношескимъ воодушевленіемъ высказываетъ свое убѣжденіе, проникнутое глубокимъ благоговѣніемъ къ Творцу.

Впрочемъ, къ цѣли сочиненія нашего не относится разборъ драматическихъ характеровъ, представленныхъ въ нашей книги; намъ нужно было только показать, что это произведеніе дѣйствительно имѣетъ характеръ драматическій. Въ этомъ согласны почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи нашей книги. Нѣкоторые до того были убѣждены въ драматическомъ построеніи его, что пытались раздѣлить его на акты и сцены (Beza, Mercier и др.). Люд. Бридель, Гейлигштедтъ и Деличь ¹⁾ думали видѣть въ словахъ Эліуя 37, 1. 2 указаніе на дѣйствительное явленіе грома и молніи въ ту минуту, когда онъ говорилъ о Творцѣ, откры-

---

¹⁾ *Гейлигшт.* Com. in Job. ad 37, 1. *Деличь*, Bibl. Com. d. V. Job s. 448. *Бульеръ* представлялъ въ 37, 1 сценическое указаніе на громъ и молвію, а въ 22 ст.—на явленіе Іеговы въ свѣтзарномъ блескѣ на сцену дѣйствія. Inter verba Elihu, dum haec loqueretur, tonitru exauditum. Ad cujus caecum murmur, mox in fragorem horrendum et fulgur erupturum, circumstantes jubet contremiscere. Scilicet jam—jam adest Deus e coelo, longam litem dirempturus, et tremendo majestatis apparatu obloquentes consternaturus. Vide caput sequens. Cujus ex decore praenunciatus sit Elihu, hujus capituli tota oratione, praesertim vs. 22. En machinam tali scena et Dramate dignam. Sic apud Poetas adventus Deorum per tonitrua passim signatur. *Bouillier*.

ваушемъ въ нихъ свое величіе.—Но еще Лейбницъ замѣтилъ, что это драматическое произведеніе не назначалось для представленія (*Schmidt, Zeitschr. f. Gesch. 1847. s. 436*). У евреевъ, сколько извѣстно, никогда не было театра. Естественнѣе полагать, что произведеніе это самую натурою вещей сложилось въ драматическое, подобно тому, какъ Платоновъ Федонъ, заключая предсмертный разговоръ Сократа съ друзьями, сложился самъ собою въ Трагедію.

Хотя у евреевъ не было драматическихъ представленій, какъ не было и театра, не смотря на то, въ священной литературѣ еврейской встрѣчается одно произведеніе, которое болѣе, чѣмъ наша книга, имѣетъ драматическаго характера и построенія. Это Пѣснь Пѣсней. Предметъ ея взаимная любовь двухъ молодыхъ лицъ, которые стремятся другъ къ другу, встрѣчаютъ препятствія, наконецъ достигаютъ другъ друга. Въ этомъ произведеніи можно отличать то, что въ обыкновенныхъ драматическихъ произведеніяхъ называется *актами* и *явленіями*; перемѣняется мѣсто дѣйствія, такъ что во всемъ произведеніи можно отличать отъ трехъ до пяти актовъ; вводится въ дѣйствіе хоръ; монологъ составляетъ особенно замѣтную часть въ немъ и преобладаетъ надъ разговоромъ. Изображая любовь, какъ *пламень Божій* (Пѣсн. 8, 6. 7), какъ естественное чувство, освященное въ народѣ еврейскомъ высокимъ таинственнымъ значеніемъ (Быт. 12, 7 слч. Галат. 3, 16), въ формѣ самаго лучшаго изъ проявленій ея—между женихомъ и невѣстой, это высокохудожественное произведеніе относится къ тому времени, когда въ обществѣ еврейскомъ, вслѣдствіе грубаго разврата, глубокаго низпаденія

въ чувственность, это чувство было извращено въ природѣ человѣческой, когда необходимо было изображеніемъ истиннаго характера этого чувства отвращать людей отъ грубыхъ, развращенныхъ проявленій его. Это изъясненіе буквально-историческаго смысла «Пѣсни Пѣсней» не устраняетъ того таинственнаго значенія, какое даютъ ей христіанскіе толкователи.

3, Богатому содержанію, полному мыслей и чувствъ, въ нашей книгѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ выраженіе его: слогъ, образъ рѣчи, подборъ словъ и проч. Не смотря на строго-логическую послѣдовательность изложенія идей, не смотря на разнообразіе душевныхъ состояній изображаемыхъ въ книгѣ лицъ, мысли текутъ съ необычайною легкостію и быстротою, и, при всемъ обилии и плодovitости ихъ, ни одна мысль не выходитъ безъ глубокой идеи, въ ней заключающейся, не высказана какъ либо всколзь или не полно, почему бы читателю надобно было задуматься чтобы понять смыслъ ея, хотя каждая заставляетъ вдуматься въ себя, чтобы изчерпать глубину и богатство сокрытой въ ней идеи. Какъ истинный художникъ, писатель умѣлъ самымъ разнообразнымъ расположеніемъ духа дать правильный тонъ и цвѣтъ. Съ одинаковымъ мастерствомъ онъ изображаетъ грусть и плачь, страданіе и отчаяніе, спокойствіе души, сердечный миръ, и наконецъ—величіе и силу Божества. Изъ свящ. книгъ ветхаго завѣта болѣе всѣхъ представляютъ сходства въ этомъ отношеніи съ нашею книгою псалмы Давида, Асафа и другихъ пѣвцовъ, послѣдняя часть кн. пророка Исаи, 40—66 гл., и плачь Іереміи. Для выраженія своихъ мыслей, ав-

торъ весьма часто беретъ образы изъ этихъ книгъ, но у него почти всегда они рисуются полнѣе и рельефнѣе. Обладавая творческимъ воображеніемъ, онъ на каждомъ шагу творитъ и новые образы для своихъ идей, которые отличаются также полнотою и удивительнымъ многообразіемъ, относясь къ разнымъ областямъ предметной дѣйствительности. Образы эти просты и естественны, всегда новы и живы, и въ то же время величественны. Сравнивая ихъ съ образами въ другихъ священныхъ книгахъ, въ формальной постановкѣ ихъ и особенно въ полнотѣ и округленности, нельзя не примѣчать вліянія школы, извѣстныхъ правилъ, которыми свящ. писатель руководствовался, поставляя образы въ полное соотвѣтствіе съ мыслию. Весьма не рѣдко образъ является въ рѣчи полною развитою метафорою. Но нигдѣ образъ не стоитъ особнякомъ съ своею мыслию, какъ исключительно для нея одной вызванный; каждый образъ, совокупно съ своею мыслию, по извѣстной ассоціаціи, вызываетъ слѣдующую мысль или другой образъ; отъ чего, при богатомъ и роскошномъ разнообразіи идей и образовъ, слышится къ рѣчи самая стройная гармонія многообразныхъ звуковъ, видится чудное сочетаніе цвѣтовъ и тѣней съ неуловимыми переходами отъ однихъ къ другимъ. Фраза или подборъ словъ отличается высокимъ благородствомъ, вкусомъ и изяществомъ и въ то же время величавою солидностію и силою; ни слишкомъ коротка и отрывиста, какъ наприм. у пр. Наума, Софоніи и отчасти Осіи, ни пространна, какъ у пр. Іезекіиля, и отчасти Даніила; вездѣ въ полустішии, состоящемъ изъ трехъ, четырехъ словъ выражается полное предложеніе или круглая мысль. Вообще, рѣчь его, скажемъ съ Фюр-

стомъ, всегда вѣрна себѣ, полна блеска, полна важности и чистоты въ выраженіи, полна красоты и художества, и—цѣлое, потому, есть образцовое произведеніе древности».

4. Въ механическомъ построеніи этого произведенія усматриваютъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, особаго рода трилогію, или искусственное разложеніе мысленнаго матеріала, которымъ обладалъ свящ. поэтъ, на три части. Книга раздѣляется на прологъ, рѣчи и эпилогъ; прологъ также на три части: изображеніе Іова до испытанія (1, 1—5), первое испытаніе (1, 6—22) и второе испытаніе (2, 1—10); въ эпилогъ также три части: примиреніе Іова и друзей его съ Богомъ (42, 7—9), торжество сродниковъ и знакомыхъ по случаю выздоровленія Іова (10—11) и возвращеніе Іову прежняго счастливаго состоянія (12—17). Основная часть книги—мы назвали ее разсужденіемъ—раздѣляется также на три части: разговоръ Іова съ тремя друзьями (гл. 3—31), рѣчи Эліуя (гл. 32—37) и рѣчи Іеговы (38—42, 6). Разговоръ состоитъ изъ трехъ рядовъ рѣчей (гл. 3—14, 15—21, 22—31); каждый рядъ изъ трижды двухъ рѣчей. Рѣчи Эліуя также состоятъ изъ трехъ частей: предисловія или вступленія (32 гл.), разбора основныхъ (*трехъ*) положеній Іова (33—35) и изложенія его собственныхъ (*трехъ*) положеній (36—37). Въ рѣчахъ Іеговы также три части: призывъ Іова къ вниманію (38, 1—3. 40, 1. 2), рѣчь Іеговы къ нему (38, 4—49, 32; 40, 3—41, 26) и отвѣтъ Іова (39, 33—35; 42, 1—6). Въ построеніи каждой рѣчи можно примѣчать также тричастный составъ: вступленіе или предисловіе заключающее какую либо оговорку, обращеніе къ лицу, къ которому направлена рѣчь,

или объясненіе предмета, о которомъ будетъ говоритья; за тѣмъ самое изложеніе предмета; и наконецъ выводъ изъ него, направленный къ мысли собесѣдника; рѣчи Іова весьма часто оканчиваются обращеніемъ къ Богу, монологомъ въ собственномъ смыслѣ.

Это трехчастное разчлененіе всего произведенія, не встрѣчающееся въ другихъ свящ. книгахъ, по механизму своему, нѣсколько походитъ на алфавитный способъ расположенія священныхъ стихотвореній, какой примѣчается въ Псалмахъ 24, 33, 36, 110, 111, 118, 144, въ Притч. 31, 10—31 и въ книгѣ Плачь 1, 2, 3 и 4 гл. Изъ нихъ наиболѣе представляютъ искусственнаго механизма въ построеніи своемъ тѣ стихотворенія, въ которыхъ или каждое полустихіе начинается слѣдующею буквою еврейскаго алфавита, Пс. 110 и 111, или на каждую букву алфавита приходится по три стиха, съ нее начинающіеся, Плач. 3 гл., или по 8 стиховъ, начинающихся съ одной и той же буквы, Псал. 118 ($22 \times 8 = 176$ стиховъ).

5. Книга Іова, за исключеніемъ пролога и эпилога, написана стихами, по законамъ еврейскаго стихосложенія. Каждый стихъ состоитъ изъ двухъ членовъ (Distichon); самое малое число можно насчитать во всей книгѣ трехчленныхъ (Tristichon) стиховъ (3, 4. 5. 6. 9. 4, 16. 19. 5, 5. 6, 4. 10. 7, 4. 11. 20. 9, 24. 10, 1. 3. 15. 17. 22 и т. д.), четырехчленныхъ ни одного. Каждый членъ состоитъ отъ трехъ до четырехъ словъ, и весьма рѣдко до пяти. Эта равномѣрность подала бл. Іерониму поводъ думать, что книга Іова написана экзаметрическими стихами. Если сравнивать книгу Іова въ этомъ отношеніи съ дру-

гими такъ называемыми у евреевъ поэтическими книгами (Псалмами, Притчами и Пѣсню Пѣсней) и съ книгами пророковъ, писанными еврейскимъ стихосложениемъ (Плачь Іереміи, Исаіи, Осіи 4—14 гл., Амоса 1—2 гл., и др.), то ни одна изъ нихъ не представляетъ такой художественной обработки, какъ наша книга. Изъ трехъ видовъ параллелизма, коимъ въ еврейской поэзіи соединяются между собою члены стиховъ, въ нашей книгѣ господствуетъ параллелизмъ синтетическій, состоящій въ прогрессѣ мыслей, подобно тому, какъ въ книгѣ Притчей наиболѣе видѣнъ параллелизмъ антитетическій, въ Псалмахъ—синонимическій. Вторая часть стиха заключаетъ не простое логическое развитіе мысли первой части, но почти всегда усиленіе ея или углубленіемъ въ содержаніе ея, или новою мыслию съ ней сродною и болѣе сильною, или болѣе рельефнымъ представленіемъ первой мысли (наприм. 4, 9. 14. 20. 5, 8. 18. 25. 7, 8. 10. 8, 3. 14. 16. 9, 4. 6. 11. 30. 10, 2. 4. 5. 6. 11, 3. 14, 10 и т. д.). Прогрессъ мыслей весьма часто простирается на цѣлый рядъ стиховъ (наприм. 3, 4—5; 3, 6—9; 3, 11—12; 3, 21—22; 8, 14—18; 10, 9—12; 11, 15—19; 12, 9—10; 22, 6—9), и на цѣлые отдѣлы, развивающіе одну какую либо идею (наприм. 12, 17—25; 15, 20—35; 19, 6—22; 20, 5—29; 31, 1—34). Вообще можно сказать, что прогрессъ мысли, замѣтный какъ въ стихахъ, такъ и въ цѣлыхъ отдѣлахъ, составляетъ характеристическую черту въ складѣ мышленія писателя и въ расположеніи мыслей въ его твореніи. Нѣкоторое сходство въ этомъ отношеніи съ нашею книгою можно находить отчасти въ Пѣсни Пѣсней, а болѣе въ книгѣ «Плачь». Антитезы почти не примѣтны въ нашей

книгъ; синонимическія сочетанія членовъ, заключающія простыя повторенія тойже мысли въ другихъ выраженіяхъ или въ другомъ оборотѣ рѣчи, рѣдко можно встрѣчать.

Со времени Кёстера, въ 1831 году написавшаго сочиненіе «о Строфахъ или параллелизмѣ стиховъ еврейской поэзіи» и въ тоже время представившаго опытъ разложенія книгъ Іова и Екклесіаста на строфы, вниманіе ученыхъ было обращено на эту сторону изложенія нашей книги. Кёстеръ предполагалъ, что отношеніе между строфами такое же, какъ и между членами стиховъ. «Какъ стихи состоятъ изъ соединенія параллельныхъ членовъ, такъ равно строфы образуются чрезъ соединеніе параллельныхъ стиховъ по тѣмъ же законамъ синонимы, антитеза и синтеза. Параллелизмъ этотъ основывается обыкновенно на мысляхъ, весьма рѣдко на словахъ» (Köster, d. Buch Job. s. VIII) ¹⁾. Не соглашаяся съ этимъ началомъ, Эвальдъ въ 1851 году открылъ несомнѣнные въ книгѣ нашей признаки строфическаго построенія ея и указалъ начало для разложенія книги на строфы въ общемъ законѣ построенія человѣческой рѣчи, по коему строфа должна заключать или замыкать въ себѣ опредѣленную цѣльно развитую мысль. Строфы книги Іова состоятъ изъ неравнобѣрнаго

---

¹⁾ In stropharum structura eam in universum legem observatam invenies, quae in versuum compositione locum habet. In his singula membra, sive sint synonyma, sive antithetica, sive synthetica, in orbem quendam recurrunt; haud aliter strophae versibus vel synonymis, vel antitheticis, vel syntheticis in orbem recurrentibus constituuntur. *Weurich. Handbuch d. hist. Krit. Einl. Havernicks, Theil 3. s. 37.*

числа стиховъ, сообразно съ тѣмъ, какъ и мысль, по содержанию своему, по отношенію ея къ главному предмету, и по расположенію духа того лица, которому она усвоится, можетъ выразаться короче и пространнѣе. Въ этомъ отношеніи Эвальдъ различаетъ въ книгѣ Іова четыре разряда строфъ: 1) Строфы въ тѣхъ отдѣлахъ книги, въ которыхъ излагаются жалобы или плачевныя изліянія Іова, коими весьма не рѣдко оканчиваются пространныя рѣчи Іова; строфы эти обнимаютъ иногда около 8 стиховъ: гл. 3, 3—10; 11—19, 20—26; гл. 30. 1—8; 9—15; 16—22; 23—31; иногда до 7 стиховъ: гл. 16, 18—гл. 17; гл. 19, 6—20; иногда до 5 и 6 стиховъ: гл. 7, 1—6; 7—11, 12—16; 17—21; гл. 10, 2—7; 8—12; 13—17; 18—22; гл. 13, 23—гл. 14 (первыя три строфы изъ 6, а остальные двѣ изъ 5 стиховъ).—2) Строфы, заключающія въ себѣ изображенія какихъ либо особенностей или частныхъ, которыя представляются какъ бы вставленными въ теченіи цѣлой рѣчи; въ одномъ и томъ же изображеніи ихъ бываетъ одна, двѣ и даже три; обнимаютъ иногда до 7 стиховъ: гл. 9, 4—40; гл. 12, 13—25, гл. 15, 20—26, 27—28, 29—33, потомъ еще два ст. въ заключеніи; гл. 18, 5—11, 12—18; потомъ еще три ст.; гл. 20, 4—11, 12—18, 19—25; потомъ четыре ст. въ заключеніи; иногда до 6 стиховъ: гл. 8, 7—12; иногда до 8 стиховъ: гл. 31, 1—8, 9—15, 16—23, 24—32, 33—40; до 9 стиховъ: гл. 8, 11—19; до 10 стиховъ: гл. 5, 8—17, 18—27; гл. 21, 6—15, 17—26; гл. 26, 5—14; гл. 27, 14—23; гл. 29, 2—10, 11—20; потомъ въ заключеніи 21—25; до 11 стиховъ: гл. 28, 1—11, 12—22, потомъ 23—28; и наконецъ до 12 стиховъ: гл. 38—40; въ этихъ главахъ

строфы такъ раздѣляются: гл. 38, 4—15, 16—27, 28—38; гл. 38, 39 —гл. 39, 30. гл. 40, 10—19, и т. д.—3) Строфы, заключающія въ себѣ живые и быстрые доводы, вводимые какъ бы бѣгло въ спокойное теченіе рѣчи и выражающіе мысль кратко и сжато; обнимаютъ до 5 стиховъ: 4, 2—11, 12—5, 7; иногда до 4 стиховъ: 9, 21—10, 2; 21, 2—5, 27—30, 31—34; 23, 10—24, 25; иногда до 3 стиховъ: 6, 2—13, 16—18, 19—21, 22—24, 25—27, 28—30; 13, 1—22; наконецъ до 2 стиховъ: 9, 2—3, 11—20; 12, 2—3, 7—12.—4) Наконецъ, строфы, заключающія въ себѣ краткое замѣчаніе или внезапное воззваніе и восклицаніе, встрѣчающіяся въ рѣчи въ видѣ интермендіи, состоятъ изъ одного стиха 9, 29. 13, 13. 21, 16. 24, 13, или изъ двухъ—трехъ стиховъ, 12; 4—6. ¹⁾—Изложеніе книги по строфамъ можно видѣть въ изъясненіяхъ и переводахъ Кёстера, Шлотмана, Эвальда и Дилльмана.

Указавъ отличительныя черты въ изложеніи нашей книги и тѣ священные памятники еврейской письменности, къ которымъ она приближается по своему изложенію, не можемъ умолчать о затрудненіяхъ, какія встрѣчаемъ для опредѣленія по нимъ времени происхожденія ея. Затрудненія эти происходятъ: 1) отъ малаго—сравнительно говоря—числа литературныхъ памятниковъ, съ которыми можетъ быть дѣлаемо сравненіе; 2) отъ не установившагося у изслѣдователей опредѣленія времени происхожденія свя-

¹⁾ Jahrbücher der Biblischen Wissenschaft v. H. Ewald, III Jahrb. 1850—51, s. 116.—121: über Liedwenden (Strophen) im B. Iob.

ценныхъ книгъ, съ которыми наша книга имѣеть нѣкоторое сходство по характеру изложенія своего, какъ наприм. книги Егглезіастъ, Пѣснь Пѣсней и другихъ; 3) отъ не установившихся въ священной критикѣ началъ для опредѣленія формальнаго строя свящ. Писаній, показывающаго принадлежность ихъ тому или другому вѣку; наконецъ 4) отъ полного и совершеннаго отсутствія свѣдѣній о школѣ въ еврейскомъ народѣ, какъ такой образовательной силѣ, коею двигалась мысль развивающагося послѣдовательно интеллектуальнаго сознанія, выработывались формы для письменнаго выраженія ея и правила для построенія рѣчи. Произведеніе, о которомъ идетъ у насъ разсужденіе, по художественной обработкѣ своей какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ до самыхъ мелчайшихъ подробностей, представляетъ такой высокій образецъ литературнаго творчества, которому подобный трудно указать у самыхъ классическихкихъ народовъ не только древняго, но и новаго міра. Между тѣмъ историкъ литературы находится въ крайнемъ недоумѣніи, отыскивая, какими примѣрами и правилами руководствовался писатель, чтобы приготовить себя къ созданію столь художественнаго произведенія. Не сомнѣнно одно, что не на чужой почвѣ воспитался этотъ творческій духъ; съ какими бы произведеніями классической древности ни сравнивать книгу Гова, какъ сравнивають ее, напримѣръ, съ греческими трагедіями Софокла и Еврипида, самородность и независимость ея отъ указываемыхъ образцовъ видны во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ представленной выше аналогіи нашей книги съ прочими священными книгами можемъ съ совершенною увѣренностію заключить, что этотъ творческій духъ образовался на почвѣ еврейской,

подъ вліяніемъ боговдохновенныхъ пророговъ и священ-ныхъ поетовъ, и что ихъ творенія, не-одно вчастности, но всѣ въ совокуности, служили для него примѣрами и образцами, помощію коихъ выработалась обладающая такими совершенствами, многосложная форма его произведе-нія. Строгое и весьма рѣдко встрѣчаемое въ такой сте-пени въ произведеніяхъ человѣческихъ единство между идеею и формою,—высота абстрактнаго міросозерцанія, свойственная человѣческому духу на послѣднихъ—самыхъ высшихъ степеняхъ умственнаго развитія,—драматическая форма изложенія, являющаяся обыкновенно у культурныхъ народовъ позже всѣхъ другихъ родовъ поэзіи,—уточен-ная искусственная механика внѣшняго построенія рѣчи (трилогія), нисколько впрочемъ не нарушающая естествен-ности,—высокое художество въ выраженіи мысли,—пра-вильный, представляющій не подражаемое сочетаніе зако-новъ логики съ законами поэзіи стихъ,—составляя отли-чительныя черты разсматриваемой нами книги; указываютъ на происхожденіе ея въ послѣднемъ періодѣ развитія еврей-ской письменности, до коего доходила она—разумѣемъ—не какъ плодъ вдохновенія пророческаго, а какъ произведе-ніе народнаго генія. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній пе-ріодъ библейской письменности—періодъ послѣплавный ме-нѣе, чѣмъ другіе ему предшествовавшіе, обращаетъ на себя вниманіе библиологовъ и критиковъ; въ слѣдствіе чего укоренилась привычка видѣть въ немъ мало производи-тельной силы.

---

3. Сравненіе книги Іова съ прочими ветхо- завѣтными книгами по языку.

Въ языкѣ книги Іова обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія явленія.

1. Въ книгѣ Іова есть нѣсколько словъ, которыя встрѣчаются только въ Пятокнижій; напримѣръ; קְסִיטָה *кесита* 42, 11. Быт. 39, 19; מְלֶמֶץ *малость* 4, 12. 26, 14 сн. מְצֻפֵּשׁ Исх. 32, 25; מְשֻׁשׁ *ощупаль* 5, 14. 12, 25. сн. Втор. 28, 29. Быт. 27, 12. 21. 22. 31, 34. 37; מְצִיטָה *тростникъ* 39, 24 сн. Быт. 24, 17; מְשֻׁשׁ רֶמֶשׂ *ядъ змѣиный* 20, 16 сн. Второз. 32, 33; מְשֻׁשׁ *болотное растленіе* 8, 11 сн. Быт. 41, 2; מְשֻׁשׁ *прислуга* 1, 3 сн. Быт. 26, 14; מְשֻׁשׁ *кустарникъ* 30, 4. 7. сн. Быт. 2, 5. 21, 16; מְשֻׁשׁ *поднимающійся паръ* 36, 27 сн. Быт. 2, 6, и др. сл. Отсюда нѣкоторые изслѣдователи выводили заключеніе, что книга наша имѣетъ древность по крайней мѣрѣ равную Пятокнижью Моисееву ¹⁾.

2. Встрѣчаются въ книгѣ Іова слова, которыя у нея общи съ книгою Притчей Соломоновыхъ; напримѣръ: מְשֻׁשׁ *ликовалъ, радовался* 20, 18. 39, 13 сн. Прит. 7, 18; מְשֻׁשׁ *управленіе* 37, 12 сн. Прит. 1, 5. 11, 14; מְשֻׁשׁ *открылъ* 5, 2 сн. Прит. 20, 19; מְשֻׁשׁ *обременилъ* 33, 7 сн. Притч. 16, 26; מְשֻׁשׁ *несчастіе* 12, 5 сн. Прит. 24, 22; מְשֻׁשׁ *былъ притѣсняемъ у воротъ* 5, 4 сн. Прит. 22, 22; מְשֻׁשׁ *аваддонъ* 26, 6 сн. Прит. 15, 11. 27, 30; מְשֻׁשׁ 5, 12 сн. Притч. 2, 7. 3, 21. 8, 14. 18, 1 и

¹⁾ См. Hävernick's Handbuch d. hist. kritisch. Einl. in d. A. T. 3 Theil, s. 337. 338.

др. сл. Отсюда, между прочимъ, многіе заключали, что книга Іова написана въ вѣкъ Соломона ¹⁾.

3. Гезеніусъ въ своей исторіи еврейскаго языка приводитъ изъ нашей книги нѣсколько примѣровъ такихъ словъ, которыя встрѣчаются только въ позднѣйшихъ произведеніяхъ священной еврейской литературы, или—такого значенія древнихъ словъ, съ какимъ они являются у писателей плѣна вавилонскаго или послѣ плѣна. Таковы: רָשָׁע 1, 7. 2, 2 *имя злаго духа*, сн. 1 Пар. 21, 1. Зах. 3, 1; רָשָׁע (халд.) въ значеніи—*началъ говорить*, 3, 1. 34, 1 сн. Дан. 2, 20. 3, 9. 19. 24. 26. 28. 4, 16. 27; רָשָׁע *мысли свидѣніями возбуждаемыя* 4, 13. 20, 2. 33, 15. св. Дан. 2, 29. 30. 4, 16; רָשָׁע въ значеніи—*причины* 5, 8. сн. Дан. 2, 30 (употребляется въ этомъ же значеніи въ Исх. 18, 16); רָשָׁע *опредѣлялъ, назначилъ, отсчиталъ* (тоже что *ассигновалъ*), съ ל для означенія лица, на которое простирается дѣйствіе (халд.), 7, 3. сн. Дан. 1, 5; רָשָׁע *на равнѣ съ.., подобно какъ* (халд.) 9, 26. 21, 8. сн. Еккл. 2, 16. 7, 11. Дан. 2, 18. 43. 6, 22. 7, 13. 21; רָשָׁע въ знач. *повелѣлъ* 9, 7. сн. Есѣ. 1, 17. Неем. 13, 9. 2 Пар. 24, 8; רָשָׁע въ знач. *приказалъ, повелѣлъ, указалъ* (Халд.) 34, 13. 36, 23 сн. 2 Пар. 36, 23. Езд. 1, 2; רָשָׁע *дѣланіе* (Халд.) 34, 25 сн. Дан. 4, 34. Сюда же Гезеніусъ причисляетъ совершенно арамейское выраженіе 36, 2: רָשָׁע לִי יָצִיר *подожди меня не много*. Кромѣ словъ Гезеніусъ приводитъ фразы позднѣйшаго происхожденія: 9, 12: *кто скажетъ ему: что ты дѣлаешь?*

¹⁾ См. Keil, Lehrbuch d. hist. krit. Einl. in d. kanon. und apocryph. Schrift. d. A. T. 1859. s. 363. 364.

сн. Дан. 4, 32; 14, 9: מַיִם רַיַח *запахъ воды* сн. Дан. 3, 27. רֵיחַ נִיר *запахъ огня*; 15, 21: בְּשָׂלוֹם *среди мира* т. е. внезапно, сн. בְּשָׂלוֹמָה Дан. 8, 25. 11, 21. 24; 34, 20: לֹא בְיָד *не рукою*, сн. Дан. 8, 25: לֹא בְיָדָם *не рукою*, и 2, 34: לֹא בְיָדָיו *безъ рукъ или не руками*, и др.

Бернштейнъ, также какъ и Гезеніусъ, указываетъ еще въ орфографіи и грамматическихъ формахъ слѣды арамейскаго вліянія на языкъ писателя нашей книги. Таковы: замѣненіе $\aleph$ буквою ϵ въ רָחַץ 4, 10; замѣненіе $\aleph$ буквою $\aleph$ въ словахъ רֵישִׁין (вм. רֵאשִׁין) 8, 8, רֵיחַ (вм. רֵאחַ), или употребленіе $\aleph$ вмѣсто ϵ въ словѣ מַיִם (вм. מֵיִם) 7, 5. 16,—вмѣсто $\aleph$ въ מַלְאִכִּים (вм. מַלְאִכִּים) 40, 21; окончаніе множественнаго числа на ין: מַלְאִכִּין (встрѣч. 7 разъ); חֲסִידִין 24, 22; אֲחֵרִין 31, 10; замѣненіе дагеша буквою ϵ въ קָנְיָי вм. קָנְיָי; образованіе винительнаго падежа при глаголахъ дѣйствительныхъ предлогомъ ϵ : 8, 8. 9, 11. 12, 23. 19, 28; שֶׁ вм. אֲשֶׁר; הֵן вм. הֵן, הֵן 41, 4.

Отсюда какъ Гезеніусъ, такъ и Бернштейнъ заключаютъ, что книга наша написана не раньше, какъ въ концѣ плѣна вавилонскаго ¹⁾.

Изъ представленныхъ примѣровъ средства нашей книги по языку съ книгами Моисеевыми, съ Притчами Соломоновыми и съ позднѣйшими книгами, мы выводимъ два заключенія: 1) писатель нашей книги былъ хорошо знакомъ съ книгами Моисея и съ Притчами Соломона и въ извѣст-

¹⁾ *Gesenius*, Geschichte d. hebräisch. Sprache und Schrift. Lpz, 1815. s. 34. 35. *Bernstein* in Keil und Tzschirners Analecten für das Studium der exegetischen und systemat. Theologie. Bd. 1. st. 3. s. 1—6.

пой мѣрѣ усвоилъ себѣ слова и выраженія ихъ; 2) жилъ онъ и написалъ свое произведеніе въ тотъ періодъ еврейской исторіи, когда, вслѣдствіе политическихъ столкновений, языкъ арамейскій имѣлъ сильное вліяніе на отечественный языкъ евреевъ. Изъ представленныхъ Гезеніусомъ и Бернштейномъ примѣровъ можно съ одинаковою достовѣрностію выводить какъ то, что писатель жилъ въ концѣ плѣна вавилонскаго, прежде чѣмъ появились произведенія послѣднѣшняго періода, пр. *Захаріи*, *Паралипоменонъ*, *Ездры* и *Нееміи*, такъ и то, что онъ жилъ и написалъ свою книгу послѣ этихъ произведеній. Примѣчаемая Фюрстомъ удивительная свѣжесть и сила языка, прибавимъ къ этому—правильное лексическое и грамматическое построеніе его (за исключеніемъ весьма не многихъ случаевъ, подобныхъ вышеприведеннымъ), вмѣстѣ съ изяществомъ рѣчи, свойственнымъ цвѣтущему періоду еврейской письменности, нисколько не устраниаютъ послѣдняго предположенія, также какъ и перваго. Языкъ послѣднѣшнихъ пророковъ, Аггея, Захаріи и Малахіи, не смотря на потерю чистоты и смѣшеніе съ чуждыми нарѣчіями въ ихъ время народной рѣчи, очень близокъ къ языку древнихъ пророковъ, жившихъ за долго до плѣна вавилонскаго. Это объясняется глубокимъ знакомствомъ ихъ съ писаніями древними, изученіе которыхъ состояло въ связи съ ихъ пророческимъ служеніемъ. И въ писателѣ нашей книги мы уже видѣли человѣка, глубоко знакомаго съ священными еврейскими книгами, начиная съ книгъ Моисеевыхъ, и въ то же время—человѣка отличающагося богатствомъ и силою духовныхъ дарованій; потому, нисколько не удивительно, что произведеніе его, при очевидныхъ признакахъ

поздняго своего происхожденія, сохранило въ себѣ свѣ-
жесть древней еврейской рѣчи въ лучшую пору ея. Въ
еврейскомъ народѣ это явленіе тѣмъ менѣе представляется
удивительнымъ, что книжное обученіе и послѣ плѣна, какъ
и до плѣна, ограничивалось изученіемъ закона Моисеева,
пророковъ и прочихъ свящ. книгъ.

Но вниманіе критика должно обращать на себя не
только то, что есть общаго въ языкѣ нашей книги съ про-
чими книгами, но и то, что есть въ ней отличнаго отъ
нихъ, ей одной принадлежащаго. Мы разумѣемъ такъ на-
зываемыя ἀπαξ λεγόμενα въ книгѣ Іова.

Фюрстъ ¹⁾ замѣчаетъ, что такъ называемыхъ ἀπαξ
λεγόμενα въ книгѣ Іова болѣе, чѣмъ во всѣхъ прочихъ
еврейскихъ книгахъ вмѣстѣ взятыхъ. Таковыхъ словъ въ
книгѣ нашей можно насчитать болѣе 110. Одни изъ нихъ
или происходятъ изъ еврейскихъ корней, которые какъ
самы такъ и производныя отъ нихъ слова встрѣчаются въ
священныхъ книгахъ, или образованы изъ такихъ словъ,
которыя употребляются въ свящ. книгахъ, но корень ихъ
или потерявъ или находится въ другихъ сродныхъ съ ев-
рейскимъ языкахъ семитическаго племени. Другія чисто
арамейскія слова, или происходящія отъ арамейскихъ кор-
ней. Третьи арабскаго происхожденія. Четвертыя наконецъ
не извѣстнаго происхожденія, хотя корня ихъ ищутъ или
въ арабскомъ или въ арамейскомъ.

1. Слова еврейскаго происхожденія: חֵטְא (5, 13)
хитрость (к. חֵטְא унотр. во мн. м.); חֵטְא (6, 10; въ

¹⁾ Geschichte der biblisch. Literatur, II. B. s. 423.

муж. ф. ל-ה встрѣч. въ Ис. 47, 7. Иер. 6, 24. Мих. 4, 9. Иезек. 15, 14) *мучение, боль*; מָס (6, 14) *страждущій, иставяющий* (отъ מָסַס); מַחְנֵק (7, 15) *удавление, смерть* (отъ רָנַק *стѣснялъ и былъ тѣсенъ*); מִפָּאֵץ (7, 20) *нападение* (отъ פָּאֵץ встрѣч. во мн. м.); הִתְפַּלֵּץ (9, 6) *былъ потрясенъ, потрясся* (отъ פָּלַץ встрѣчается только въ производныхъ словахъ); הִתְחַף (9, 12) *схватилъ, похитилъ* (тоже что חָפַף); מִמְרֵי־יָם (9, 18) *горечи, горести* (отъ מֵרַר); מִפֶּה (11, 20) *дыхание* (отъ פָּה дуть); בְּפִתּוֹתַי (12, 6) *безопасность* (отъ פָּתַח часто употр.); יְצִרֵי־ם (17, 7) *образы, члены тѣла* (отъ весьма употр. יָצַר образовалъ); אִמְצָא (17, 9) *сила* (отъ אָמַץ *былъ силенъ*; какъ корень такъ и производныя отъ него весьма часто встрѣчаются въ Библии); מִלְכָּדָה (18, 10) *сльть, силокъ* (отъ לָכַד *ловилъ, взялъ*); מִשְׁבִּיגָה (19, 4) *заблуждение* (отъ שָׁבַג или שִׁבַּג); נָגַע (20, 18) *трудомъ нажитое, трудовое* (נָגַע *трудился*); הִצְהִיר (24, 11) *дѣлалъ масло* (кор. צָהַר *блисталъ*); הִלְהִי (29, 6) *шаги* (отъ הָלַךְ *итти*); פָּרָה־ם (30, 12) *злое порождение, сбродъ* (отъ פָּרַח *выскокилъ, вырвался*); נָתַס (30, 13) *взрылъ землю* (сродн. съ נָתַץ и נָתַשׁ, оба евр. гл.); נָקַר (31, 3) *чужая, неприязненная судьба, несчастіе* (отъ נָקַר *былъ чужой*); מִסָּר (33, 16) *увѣщаніе, наставленіе* (отъ יָסַר); מִפְּלָטָא (37, 16), *полетъ, пареніе* (объ облакахъ, отъ פָּלַט или פָּלַשׁ *вспилъ, виспѣлъ*); מִפְּלִאֲרֵי מִן (37, 16) *чудеса* (отъ פָּלַא *отдѣлилъ*); מִמְרֵי־יָם (38, 5) *мѣри, мѣрило* (кор. מָדַד *протянулъ, мѣрилъ*); מַעֲדָנוֹת (38, 31) *узы* (вм. מַעֲדָנוֹת отъ עָנַד *связалъ*, встрѣч. два раза: Прит. 6, 21. Іов. 31, 36); הִאֲבִיר (39, 26) *поднялся вверхъ* (отъ сущ. אֲבָרָה *крыло* птицы, встрѣч. въ разн. кн.); יִסֹר (39, 32 или 40, 2) *обличитель, укоритель, пори-*

цатель; חָדַד (40, 7) *низложилъ, contrivit* (срод. въ евр. и араб.); חָבֵר (40, 25) *товарищъ, союзникъ* (отъ חָבַר *связалъ, соединилъ*); חָאָבָה (41, 14) *ужасъ, страхъ* (отъ חָאָב *томился*); חָקָבָר (41, 19) *инилъ* (отъ חָקַב *инилъ*); חָדָד (41, 22) *острый* (отъ חָדַד *былъ острымъ*); חָבָבָה (42, 13) *семь* (т. ч. חָבָבָה).

2. Слова арамейскаго происхожденія: חָדָדָה (3, 4) *свѣтъ, свѣтъ дневной* (отъ חָדָד *текъ, а по употребленію арамеевъ значить—сіялъ, былъ свѣтлымъ*); חָבָבָה (3, 5) *облака, тучи* (халд. חָבָבָה Дан. 7, 13); חָבָרָה (3, 5) *помраченіе* (к. полагають въ сирскомъ חָבָר *покрылъ*); חָבָבָה (4, 10) *выбилъ зубы* (т. ч. חָבָבָה *встрѣч. въ самыхъ древнихъ книгахъ, Лев. 14, 45. Суд. 6, 3; по обычаю арамеевъ חָבָבָה *измѣн. въ חָבָב**); חָבָבָה (6, 17), *изсыхалъ отъ жару* (говорится о ручьяхъ, во время зимы наполняющихся водою, а лѣтомъ изсыхающихъ; сл. халд.); חָבָבָה (7, 4) *бессоница, ворочанье бессоннаго на постелѣ* (кор. въ халд.); חָבָבָה (9, 26) *съ быстротою лѣтълъ, стремился* (сирск.); חָבָבָה (10, 10) *свернувшееся молоко, сыръ* (сродныя въ сирск. и халд.); חָבָבָה (10, 22) *рядъ, порядокъ* (к. халд.); חָבָבָה (12, 5) *мысль, помышленіе, мнѣніе* (халд. חָבָבָה *думалъ, Дан. 6, 4*); חָבָבָה (13, 17) *показаніе, объясненіе со стороны кого нибудь* (халд. חָבָבָה *показалъ Дан. 2, 11. 16. 24. 27*); חָבָבָה (15, 24), *суматоха, схватка боевая, штурмъ, съ сирск. война*; חָבָבָה (16, 5) *утѣшеніе, утѣшительныя слова* (халд. חָבָבָה Дан. 4, 11); חָבָבָה (24, 6) *собиралъ позднюю жатву* (сирск. חָבָבָה); חָבָבָה (26, 10), *описалъ кругъ, округилъ* (сирск.); חָבָבָה (30, 25) *скорбѣлъ, плакалъ* (халд.); חָבָבָה (31, 40), *негодная трава, плевелъ* (к. халд.); חָבָבָה (34, 8) *общество, сообщество* (халд. Дан. 7, 20 חָבָבָה);

שְׁכָרִי (38, 36) *явление, феноменъ* (отъ халд. סְכָרָא *смотреть*); עָרוּד (39, 5) *дикий оселъ, онагръ* (т. ч. халд. עָרָד Дан. 5, 21); שָׁרִיר (40, 11) *твердый, крепкій* (халд.); דָּרַב (41, 14) *скакалъ* (хал.); שָׁרְיָה (41, 18) *латы, панцырь* (отъ халд. שָׁרְיָא *разршиль*).

3. Слова арабскаго происхожденія: רָטַב (8, 16) *сочный, свѣжій*, и רָטַב (24, 8) *былъ влажнымъ*; עָשׂ (9, 9) тоже что עִישׂ (38, 32) у арабовъ такъ называлась *большая медведица*; אֲבָה (9, 26) *тростникъ, папирусъ* (вмѣсто корабли желанія слѣдуетъ перевести *корабли тростниковыя*); מִזִּיחַ (12, 21) *поясъ*; בִּימָה (15, 27) *жиръ*; מִנְלָה (15, 29) *изобиліе, богатство, владѣніе*; מִרְדָּה (16, 13) *желчь*; קָנְצִי (18, 2) *нетли* (отъ арабск. קָנַצַּ *охотился, ловилъ*); הָכַר (19, 3) *былъ несправедливъ, фальшивилъ*; בִּיד (21, 20) *погибелъ*; עָטִין (21, 24) *пристанище для скота* (отъ араб. عָطִين); מִיחַ (21, 24) *мозгъ* (отъ араб. مِخ); פָּרְשָׁו (26, 9) *распростеръ, распространилъ*; רִפְפָּה (26, 11) *трепеталъ*; זְכוּבָה (28, 17) *стекло, кристаллъ*; גְּבִישׁ (28, 18) *ледъ, кристаллъ*; אֲבָה (33, 7) *бремя, важность, авторитетъ*; טָהַר (33, 9) *чистый, безвиный* (отъ араб. تَهَر); זָהַר (33, 20) *былъ противенъ, возбуждалъ отвращеніе*; פָּדַעַ (33, 24) *освободилъ*; רִטַּפַּשׁ (33, 25) *снова зеленѣлъ, юнѣлъ, возродился*; פֶּשׁ (35, 15) *глупость, дурачество* (отъ араб. فَشًّا *открыто, публично болталъ, злословилъ, хвастался*); שָׁפַק (36, 18) *наказаніе* (отъ араб. شَفَق); מִאֲמָצִי (36, 19) *силы, средства* (отъ араб. أَمَّا *довольно часто встрѣчающагося въ свящ. книгахъ*); מְרִי (37, 9) *сѣверные вѣтры* (отъ араб. مَرِي *часто встрѣчающагося въ свящ. книгахъ*); רִי (37, 11)

орошение, влага; הַרְרִים (37, 11) *нагрузилъ, обременилъ*; הַחֲלָה (38, 9) *пелена*; אָגַל (38, 28) *мн. אָגָלְךָ хранилища (росы)*; בְּמִרְוֹת (38, 32) *знаки зодиака*; מִשְׁטָר (38, 33) *господство, владычество*; יָרוֹק (39, 8) *зелень*; רִנָּה (39, 23) *звучалъ, звукъ издавалъ*; מִבְּטִיל (40, 13) *железный пруть*; שֵׁפָה (40, 26) *острое оружіе*; עֲבִישָׁה (41, 10) *чиханіе*; בִּידוּד (41, 11) *искра*; תּוֹתָח (41, 22) *дубина, булава*; יְמִימָה (42, 12) *голубка*.

4. Слова, коихъ корень не извѣстенъ, но имѣють родственныя слова или въ арабскомъ и арамейскомъ, или въ еврейскомъ, арабскомъ и арамейскомъ, и проч: חֲלֵב־מָרָה (6, 6) *не вкусная пища*, по Таргуму—желтокъ яичный; корня ищутъ въ арабск. и сирскомъ;— סִלְדָה (6, 10) *отрицался, отвергался отъ чего*; одни считаютъ это слово арабскимъ, другіе — халдейскимъ; אֲלָר (16, 15) *кожа* (въ арабскомъ и сирскомъ имѣеть тоже значеніе); שִׁפְרָה (26, 13) *блескъ, красота* (שִׁפַר въ араб., сирск. и халд.); מִלְחָה (30, 4) *соль* (מִלַח араб. *соль*, встрѣч. въ Пятозн., מִלַח халд. *путь соль*, Ездр. 4, 14); נַחַר (39, 20) *хранъ* (кор. въ араб. и сирск.); נְחִירִים (41, 12) *ноздри* (сродн. съ арабск. и сирск.); נִקְרָה (10, 1) *опротивѣла*, и נִקְרָה (8, 14) *былъ отрѣзанъ, уничтоженъ* (производятъ отъ נִקַר и не употреб. קָרַט); קָבֵן (19, 17) *волялъ, дурно пахнулъ*; указываютъ корень въ арабск. קָבַן; שִׁיאו (20, 6) *величіе, возвышеніе* (кор. не извѣст.); בְּהִיר (37, 21) *яркій, лучезарный* (кор. не извѣст.); אִרְשָׁ (7, 5) *врязь, пыль* (происхожденіе этого слова темное).

5. Слова, имѣющія корень въ эѳіопскомъ: חֲלָה (4, 18) *хула, неправое, ошибка*; צִבְיָה (20, 22) *изобиліе*.

Чѣмъ объяснить такое множество ἀπὸ λέγουμενх въ книгѣ Іова? Эвальдъ и Фюрстъ ¹⁾ объясняютъ тѣмъ, что авторъ писалъ свое произведеніе не въ Іерусалимѣ (Эвальдъ), а въ Авранѣ (Фюрстъ), который считается родиною саги объ Іовѣ и граничить съ Сирією, Аравією и Идумеею. Но какъ существованіе саги объ Іовѣ есть ни больше, ни меньше, какъ ученое предположеніе, такъ и происхожденіе нашей книги въ Авранѣ есть одна догадка. Если и предположить, что книга наша написана въ Авранѣ, что Авранъ былъ такою областью, которая, будучи окружена Сирією, Аравією, Идумеею и Палестиною, въ языкѣ племени, въ ней жившаго, представляла смѣсь языковъ сирскаго, арабскаго и еврейскаго, то трудно понять, какимъ образомъ писатель, хотя бы онъ былъ еврей изъ Іерусалима, пользуясь матеріаломъ для выраженія своихъ мыслей изъ туземнаго народнаго говора, въ языкѣ своей книги сохранилъ въ такой чистотѣ идиомъ еврейскаго языка. Всѣ слова, какъ арамейскія, такъ и арабскія, по замѣчанію самаго Фюрста, являются въ нашей книгѣ въ одеждѣ еврейской, какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи. Это заставляеть насъ предполагать происхожденіе нашей книги не за предѣлами Палестины, а въ Палестинѣ, и въ самой Палестинѣ искать объясненія для множества арабизмовъ и арамеизмовъ, въ ней встрѣчающихся. «Впрочемъ, говоритъ Фюрстъ, ограничивая первое свое предположеніе, въ устахъ народа, который всегда былъ больше семитиче-

---

¹⁾ *Ewald*, Die Dichter d. A. V. Th. III. Das. V. Iob, s. 64.
Fürst, Gesch. d. bibl. Literat. V. II. s. 423.

скимъ, чѣмъ спеціально-еврейскимъ (?), смотря потому— съ арамейскимъ или арабскимъ населеніемъ онъ обращался, находился бѣльшій или меньшій запасъ словъ арамейскаго или арабскаго происхожденія, коимъ писатели жившіе въ Іудеѣ рѣдко пользовались, а жившіе на сѣверѣ и востокѣ Палестины чаще». Не извѣстно, какихъ писателей разумѣетъ Фюрстъ. Изъ пророковъ, жившихъ до Манассіи царя іудейскаго, одинъ только Наумъ происходилъ изъ Галилеи (изъ г. Елвеса, Наум. 1, 1); но его языкъ считается классическимъ и свободнымъ отъ халдаизмовъ. Изъ писателей, жившихъ на востокѣ Палестины, можно указать развѣ на одного пр. Михея, если вѣрно, что отечественный городъ его Марасеи находился въ восточныхъ предѣлахъ Палестины; но его языкъ отличается классическою чистотою. Вѣрно, однакожь, то, что народъ еврейскій, находясь въ соціальныхъ сношеніяхъ съ восточными—арабскими и сѣверными—арамейскими племенами, въ продолженіе своего существованія, заимствовалъ отъ нихъ слова, которыя не замѣтно входили въ его языкъ и обращались въ устахъ его. Этимъ объясняется вообще лексическій составъ еврейскаго языка, въ который вошло множество словъ арабскаго и арамейскаго происхожденія. Но чтобы объяснить такое обиліе иноземныхъ словъ въ произведеніи одного писателя, какового не представляетъ ни одна изъ свящ. книгъ еврейскихъ, надобно предположить въ исторіи народа такую эпоху, въ которую особенно былъ силенъ наплывъ иноземцевъ въ его страну. Такую эпоху представляетъ намъ вѣкъ Ездры, Нееміи и Малахіи. Въ это время сближеніе евреевъ съ сосѣдними племенами было такъ велико, что евреи отдавали дочерей своихъ за сы-

новой иноплеменныхъ народовъ, а у нихъ брали дочерей за сыновей своихъ и за себя (Ездр. 10, 2. Неем. 13, 25). Между этими народами книга Нееміи называетъ Аммонитянь, Моавитянь и Филистимлянь (23). Пр. Малахія называетъ вообще *дочерьми бога чужаго* тѣхъ иноплеменницъ, которыхъ Іуда бралъ за себя (Малах. 2, 11). Вслѣдствіе близкихъ связей народа еврейскаго съ народами иноплеменными, наплывъ въ Іудею и въ Іерусалимъ чужеземной рѣчи былъ такъ силенъ, что Неемія, возвратившись въ тридцать второе лѣто царствованія Артаксеркса въ Іерусалимъ, нашелъ въ Іерусалимѣ дѣтей, которые говорили по азотски, или *языкомъ другихъ народовъ*, и не умѣли говорить по іудейски (Неем. 13, 24). Языкъ Моавитянь и Аммонитянь, также какъ Идумеевъ, древнихъ Мадианитянь и Амаликитянь, заселявшихъ пустынную и отчасти каменистую Аравію ¹⁾, былъ языкъ арабскій, какъ вообще языкъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ на востокъ и югъ отъ Палестины. Если теперь предположимъ, что книга Іова написана въ вѣкъ Ездры, Нееміи и Малахіи, то происхожденіе въ ней арабизмовъ объясняется само собою. Происхожденіе арамеизмовъ объясняется или тѣмъ же сближеніемъ іудеевъ съ арамейскими племенами, или продолжающимся со времени плѣна вавилонскаго политическимъ вліяніемъ ихъ на еврейскій народъ и его языкъ.

Что касается до *ἀπαξ λεγόμενα* еврейскаго происхожденія, то они объясняются самымъ характеромъ своимъ.

¹⁾ Win. R. W. V. I. s. 77. *Верховскій*, Библ. Словарь, т. 1, стр. 119. *Клейнкеръ* называетъ Аммонитянь и Моавитянь прямо арабами (Bibel-Lexik. v. D. *Schenkel*, V. I. 115), конечно по языку.

Слова эти образованы изъ существовавшихъ еврейскихъ, по образцу другихъ, имъ подобныхъ, и выражаютъ большею частію отвлеченныя понятія. Въ исторіи языковъ замѣчаютъ, что когда языкъ умираетъ, перестаетъ давать изъ себя новые корни, производительною силою писателей онъ продолжаетъ еще изводить изъ существующихъ корней новые отпрыски для выраженія отвлеченныхъ понятій. Такимъ образомъ самый характеръ еврейскихъ ἀπαξ λεγόμενα указываетъ на позднее происхожденіе какъ ихъ, такъ и самой книги.

Впрочемъ, если бы мы указали источникъ ἀπαξ λεγόμενα' овъ книги Іова, то вопросъ нашъ былъ бы разрѣшенъ только вполнину. Этихъ ἀπαξ λεγόμενα' овъ во всей Библии, включая сюда и книгу Іова, едвали можно насчитать до 200 словъ. Между тѣмъ, ἀπαξ λεγόμενα въ исторіи развитія языка и еврейской письменности—явленіе самое обыкновенное. Всякій или почти всякій писатель, выступая съ своимъ произведеніемъ послѣ другихъ писателей, ему предшествовавшихъ, вносилъ въ него новыя слова, не встрѣчавшіяся въ прежнихъ произведеніяхъ, взятая изъ устъ своего народа или у другихъ народовъ. Эти слова, пока не входили въ произведенія другихъ послѣдующихъ писателей, были ἀπαξ λεγόμενα. По этому, ἀπαξ λεγόμενα книги Іова своею многочисленностію свидѣтельствуютъ о томъ, что она явилась весьма поздно, при заключеніи библейскаго періода. Будь она написана въ вѣкъ Соломона, или даже во время Манассіи, тогда останется не объяснимымъ, почему изъ живой и богатой содержаніемъ рѣчи ея слова, составляющія ея собственность, не перешли въ произведенія другихъ писателей, послѣ Соломона и послѣ Ма-

нассіи жившихъ, особенно если представимъ при этомъ, что тѣ мысли, представленія и выраженія, которыя указали мы въ сводѣ параллельныхъ мѣстъ изъ книгъ, послѣ Соломона и послѣ Манассіи произшедшихъ, вошли въ нихъ изъ книги Іова, т. е. если представимъ, что книга Іова пользовалась большимъ уваженіемъ и извѣстностію у свящ. писателей. Къ этому должно присовокупить еще то, что ἄπαξ λεγόμενα относятся не къ означенію какого либо спеціальнаго круга предметовъ, или особаго рода идей, но къ выраженію понятій и представленій входящихъ въ область общаго сознанія.

Такимъ образомъ сравненіе книги Іова съ прочими ветхозавѣтными книгами, по *содержанію, изложенію и языку*, приводитъ насъ къ заключенію, что она написана въ вѣкъ Ездры, Нееміи и пр. Малахіи, т. е. около 440 г. до христіанской эры. Какъ изъ обширнаго и глубокаго знакомства съ священными книгами еврейскаго народа, такъ и изъ свойства языка нашей книги видно, что писателемъ ея былъ еврей. Что касается до мѣста происхожденія книги, то предыдущія изслѣдованія даютъ основаніе съ вѣроятностію предполагать, что она написана въ Палестинѣ и даже въ Іерусалимѣ.

А. Ф.

(Продолженіе будетъ.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

(Продолженіе).

III.

Съ вопросомъ о происхожденіи какого либо литературнаго произведенія не разлученъ вопросъ о томъ, откуда авторъ взялъ матерію (sujet) для своей трактации. Если предметомъ сочиненія служитъ лице, то вопросъ получаетъ слѣдующія выраженія: изъ области ли фантазіи или изъ дѣйствительнаго міра взято это лице? Если это лице есть дѣйствительное, историческое; то какой націи или странѣ принадлежитъ оно, и въ какой исторической эпохѣ относится?

I. Въ книгѣ Іова, сказали мы, авторъ изображаетъ страданія праведника этого имени и споръ его съ друзьями о причинѣ его страданій, разрѣшенный самимъ Богомъ. Дѣйствительная ли это исторія, или вымышленная авторомъ для нагляднаго раскрытія какой либо поучительной мысли? Существовалъ ли на свѣтѣ когда-нибудь Іовъ? Такое или иное разрѣшеніе этого вопроса не безразлично для рѣшенія нашей задачи. Если Іовъ не существовалъ; то книга наша есть произведеніе фантазіи автора, хотя и поучительное. Если Іовъ есть лице дѣйствительное и исторія о немъ не вымышленна; то книга наша содержитъ въ себѣ воспроизведеніе живой дѣйствительности.

Прежде всего обратимся съ этимъ вопросомъ къ самой книгѣ, и посмотримъ, какъ авторъ относился къ Іову и къ другимъ лицамъ, въ ней разсуждающимъ.

Авторъ передаетъ свѣдѣнія объ Іовѣ, какъ о лицѣ нѣкогда существовавшемъ (1, 1), и сказаніе о немъ составляетъ такими подробностями, какія свойственны повѣствованію о лицѣ дѣйствительномъ, историческомъ: указываетъ страну, въ которой жилъ Іовъ, изображаетъ его благочестіе, семейный бытъ, означаетъ число дѣтей, описываетъ имущество, до постигшаго его несчастія (1, 1—5); съ такою же подробностію описываетъ состояніе его и послѣ болѣзни, означая числами удвоенное сравнительно съ прежнимъ имущество и вновь родившихся у него дѣтей, называя притомъ дочерей его по именамъ (42, 10—17). Это въ прологѣ и эпилогѣ книги. Совершенно согласно съ прологомъ въ самой книгѣ (гл. 29 и 31) авторъ изображаетъ нравственный характеръ Іова, его благосостояніе, положеніе въ обществѣ, среди котораго жилъ, и уваженіе, какимъ пользовался до своего несчастія. И то, что говорится въ 30 гл. о противоположномъ состояніи послѣ постигшихъ его несчастій, во время болѣзни, не представляетъ никакого противорѣчія возможной дѣйствительности. Болѣзнь, которой подвергся Іовъ, извѣстна была въ древности подъ именемъ *египетской* (Второз. 28, 27) *злой проказы* (עַרְבָּרָא Второз. 28, 35); у римскихъ писателей называлась *Elephas morbus*¹⁾; существовала во время Оригена (с. Cels. VI, 5); существуетъ и доселѣ въ Египтѣ подъ древнимъ названіемъ *Елефантіазиса*. Формы, въ ка-

¹⁾ Луcretіи de rer. nat. VI. 1112. 1113: Est Elephas morbus, qui propter flumina Nili—gignitur Aegypto in media nec praeterea usquam.

ныхъ авторъ нашей книги изображаетъ болѣзнь Іова (2, 7. 8. 7, 4. 5. 13, 14. 16, 8. 16. 17, 7. 19, 17. 20. 30, 10. 17. 27. 30) тѣже самыя, въ какихъ *Елефантіазисъ* является въ Египтѣ и нынѣ по описанію врачей ¹⁾. Всѣ

¹⁾ *Pruner*, Krankheiten d. Or. s. 326 sq. На основаніи его составлено описаніе *Елефантіазиса* у Кейля въ *Handbuch d. bibl. Archaeologie*, В. II. § 114. Нѣсколько замѣчаній объ *Елефантіазисѣ* находится у Эвальда (*Die Dichter, d. Buch Iob*, s. 22. 23) и въ *Real-Encyclop. f. protest. Theolog. v. Herzog*, В. I. s. 627. По этимъ описаніямъ, *Елефантіазисъ* является въ слѣдующей формѣ. У пораженнаго имъ распухаетъ все тѣло и его оконечности (слч. Іов. 2, 7); кожа дѣлается багровою или совсѣмъ черною (слч. 30, 30) и по мѣстамъ складывается какъ у слона; распухшія оконечности становятся похожими на ноги слона (слч. 16, 8); отъ чего болѣзнь эта и называется *слоновьею*. Разложеніе въ пораженномъ организмѣ совершается быстро; тѣло покрывается нарывами, которые обращаются въ язвы или раны; въ нихъ заводятся черви и изъ нихъ постоянно сочится гной; больной присыпаетъ ихъ пепломъ или пылью, чтобы не давать насѣкомымъ растравлять ихъ; почему Іовъ говоритъ (7, 5): *тѣло мое одѣто червями и пыльными глыбами*. Во всемъ тѣлѣ ощущается нестерпимый зудъ, заставляющій больного искать черепка или другаго орудія для чесанія кожи (слч. Іов. 2, 8). Проникая внутрь органовъ, раны эти обнажаютъ ихъ до костей (34, 21); мясо отваливается кусками, а при высшемъ развитіи отпадаютъ цѣлые члены— носъ, пальцы на рукахъ и ногахъ и проч. Изъ рта постоянно бѣжитъ слюна (слч. 7, 19; вслѣдствіе разложенія внутреннихъ частей, дыханіе дѣлается зловоннымъ, и вообще все тѣло, пораженное гніющими ранами, распространяетъ отъ себя отвратительный запахъ (слч. 19, 17. 30, 10). Глаза принимаютъ страждущій видъ и непрестанно испускаютъ слезы; способность зрѣнія ослабѣваютъ (слч. 16, 16. 17, 7). Внутри чувствуется жгучій жаръ и не утолима жажда (слч. 30, 27), боль въ костяхъ, особенно усиливающаяся по ночамъ (слч. 30, 17). Больной теряетъ сонъ; ночь для него особенно

*

эти историческія подробности въ изображеніи Іова показываютъ, что авторъ хотѣлъ представить въ своей книгѣ подь именемъ Іова лице дѣйствительное, историческое.

Говоря о друзьяхъ Іова, авторъ не только называетъ каждаго по имени, но и означаетъ мѣста жительства ихъ: *Елифазъ ѳеманитянинъ, Вилдадъ савхейнинъ и Софаръ наамитянинъ* (2, 11). А говоря объ Эліуѣ, четвертомъ собесѣдникѣ, называетъ по имени его отца, страну, въ которой жилъ, и племя, изъ котораго происходилъ: *Эліуи, сынъ Варахиловъ, вузитянинъ, изъ племени Рамова* (32, 2), — чѣмъ, по видимому, намекается на то, что современнымъ читателямъ книги было извѣстно племя Рамова вмѣстѣ съ страной, въ которой оно жило.

При такой обстановкѣ лицъ, входящихъ въ повѣствованіе нашей книги, дающей имъ характеръ историческій, не можемъ думать, что событія, относящіяся къ сверхъестественному міру, какъ разсужденіе и опредѣленіе Іеговы объ Іовѣ въ собраніи небесныхъ силъ, и потомъ явленіе Іеговы Іову, дающія разрѣшеніе всей трудной задачѣ нашей книги, суть вымышленное авторомъ дополненіе къ подлинной исторіи, которая безъ него не могла бы имѣть развязки и разъясненія съ той точки зрѣнія, на какую поставилъ себя авторъ. Отвергать подлинность этихъ событий можно въ томъ только случаѣ, когда бы мы рѣшились отказаться совершенно отъ всякой вѣры въ сверхъ-

мучительна (сл. 7, 4); отъ бессонницы и разстроеннаго воображенія горячечный бредъ, ужасающіе призраки (сл. 7, 14); больной бываетъ не радъ своей жизни и готовъ на самоубійство (ст 15). Болѣзнь продолжается иногда многіе годы и въ рѣдкихъ случаяхъ проходитъ сама собою. Средствъ противъ нея доселѣ не найдено.

естественное откровеніе. Когда бы мы всё повѣствованія библейскихъ книгъ о непосредственномъ обращеніи Бога съ своими избранными, о видѣніяхъ относящихся къ высшему духовному міру, также рѣчи пророковъ, возвѣщаемыя отъ имени Іеговы, признали за свободный вымыселъ святыхъ пророковъ. Но если мы въ рѣчахъ пророковъ принимаемъ истинное слово Іеговы, если въ видѣніяхъ боговдохновенныхъ прозорливцевъ признаемъ дѣйствительное откровеніе высшей божественной Силы; то нѣтъ основанія дѣлать исключеніе для нашей только книги, которая всегда считалась въ ряду священныхъ, богодухновенныхъ писаній. Стоя далеко отъ той грани, которая отдѣляетъ небесное отъ земнаго, сверхъестественное отъ естественнаго, мы не можемъ только понять, какимъ образомъ Невидимое и Непостижимое даетъ Себя чувствовать, слышать и разумѣвать, и какимъ образомъ слово божественное облекается въ слово человѣческое. Но эта непостижимость для насъ одинаково относится къ видѣніямъ пророка Іліи, прор. Михея, пророковъ Іереміи, Іезекіиля, Даниїла, Захаріи и др., какъ и къ видѣніямъ, въ нашей книгѣ описаннымъ, одинаково относится къ слову Іеговы, бывшему къ Исаіи пророку, къ Іереміи, къ Іезекіилю и проч., какъ и къ слову Іеговы, бывшему къ праведному Іову изъ вихря бурнаго.

Предположеніе о дѣйствительности лица Іова и исторической подлинности повѣствованія о немъ нашей книги, извлекаемое изъ характера этого повѣствованія, подтверждается яснымъ и несомнѣннымъ свидѣтельствомъ двухъ богодухновенныхъ писателей, принадлежащихъ одинъ ветхому, а другой новому завѣту. Пр. Іезекіиль въ 14, 14.

20 говорить объ Іовѣ, какъ о лицѣ извѣстномъ современникамъ своею высокою праведностію вмѣстѣ съ другими двумя праведниками древняго міра, Ноемъ и Данииломъ, въ исторической дѣйствительности которыхъ никто никогда не сомнѣвался. Ап. Іаковъ въ краткомъ своемъ замѣчаніи объ Іовѣ приводитъ на память читателямъ всю исторію Іова, изложенную въ нашей книгѣ: *вы слышали, говоритъ, о терпѣніи Іова и видѣли конецъ онаго отъ Господа; ибо Господь весьма милосердъ и сострадателенъ* (Іак. 5, 11).

Въ христіанской церкви отъ самыхъ первыхъ временъ ея сохраняется преданіе объ Іовѣ, какъ лицѣ извѣстномъ своимъ терпѣніемъ и страданіемъ по навету исконнаго клеветника. Въ Постановленіяхъ апостольскихъ четыре раза упоминается объ Іовѣ, какъ о лицѣ прославленномъ Богомъ за его праведность и терпѣніе, наравнѣ съ великими ветхозавѣтными праведниками ¹⁾).

При этихъ свидѣтельствахъ получаетъ не малую важность и свидѣтельство постороннее. Коранъ дважды упоминаетъ объ Іовѣ, въ гл. 21 и 38. Въ гл. 21 ст. 83 и 84 говоритъ о постигшемъ его несчастіи и о возвращеніи ему милосердымъ Господомъ потеряннаго семейства чрезъ нарожденіе новаго. Въ 38 гл. посвящаетъ пять стиховъ, 40—44, воспоминанію объ этомъ, какъ онъ называетъ Іова, *превосходномъ слугъ*, котораго сатана подвергнулъ болѣзнямъ и мученіямъ, и который любилъ обращаться къ Богу. Мы увидимъ далѣе, что на востокѣ отъ глубокой

¹⁾ *Постанов. апост.* въ русск. перев. І. Н. Казань, 1864, стр. 144. 238. 273. 306.

древности сохраняется живое преданіе объ Іовѣ и что мусульманскія племена до нынѣ чтутъ съ особеннымъ благоговѣніемъ мѣста подвиговъ Іова и его могилу.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Іовъ есть лице дѣйствительное и книга его имени содержитъ подлинную исторію ¹⁾).

II. Гдѣ жилъ Іовъ?—Страна, въ которой жилъ Іовъ, называется въ нашей книгѣ *אֶרֶץ-עֻץ* земля *Уцъ*, въ переводѣ LXX—*χώρα ἡ Ἀβσιτιδῆς* страна *авситидійская* (1, 1). Въ книгѣ не показано географическое положеніе этой страны; между тѣмъ съ многократными въ теченіи времени передвиженіями народовъ и политическими переворотами, особенно въ югозападной части Азіи, много разъ измѣнялись названія земель, и имя *Уцъ* или *Авситида* давно утратилось въ памяти поколѣній, такъ что только при помощи изслѣдованія и соображеній можетъ быть рѣшенъ вопросъ, какая изъ существующихъ на географической картѣ мѣстностей была отечественною страной Іова.

Хотя географическое положеніе земли *Уцъ* не указано въ нашей книгѣ; но встрѣчаются нѣкоторыя частныя замѣчанія, коихъ, по нашему мнѣнію, нельзя опускать изъ виду при отысканіи страны, въ которой жилъ Іовъ. Тако-

---

¹⁾ Эвальдъ замѣчаетъ, что вымыселъ исторіи съ лицомъ никогда не существовавшимъ изъ одной головы поэта не свойственъ древнимъ народамъ, что такой обычай начинаетъ появляться мало по малу только въ послѣднихъ столѣтіяхъ древней письменности, а воплѣ выступаетъ не раньше, какъ въ новѣйшее время *Das B. Iob*, s. 15. 16).

выми частными замѣчаніями мы считаемъ слѣдующія:

1) Іовъ называется великимъ между *всѣми сынами Востока* אִיּוֹב הַגָּדוֹל מִכָּל בְּנֵי מִזְרָח (1, 3). По употребленію אִיּוֹב הַגָּדוֹל въ Библии (Быт. 29, 1. Іезек. 25, 4. 10. Іерем. 49, 28. 3 Цар. 4, 30), выраженіемъ этимъ означаются страны, лежавшія на востокъ отъ Палестины, начиная отъ Месопотаміи и Вавилоніи (включая всю Аравію), до самаго Египта. Стало быть, землю Уць надобно искать на пространствѣ, занимаемомъ этими странами. 2) Въ 1, 19 говорится, что *альтеръ великій пришелъ отъ пустыни*, съ еврейскаго — *ab ulteriore regione deserti*, изъ странъ лежащихъ по ту сторону пустыни; въ 37, 9 говорится, что отъ Юга *приходитъ буря*. Сп. Ис. 21, 1. Іер. 4, 11. 13, 24. Осі. 13, 15. Зах. 9, 14. Стало быть, земля Уць находилась около сѣверныхъ предѣловъ, пустынной Аравіи, или въ самыхъ этихъ предѣлахъ. 3) По 1, 15. 17 Савейне и Халдеи дѣлаютъ набѣги на пасущіяся стада Іова и угощаютъ ихъ; можно полагать, что племена эти жили не далеко отъ предѣловъ земли Уць. 4) Друзья приходятъ къ Іову каждый изъ своего мѣста, Елифазъ изъ Темаца, Вилдадъ изъ Савхен, Софаръ изъ Наамы и Эліуй изъ Буза (2, 11. 32, 2). Надобно полагать, что эти мѣстности были не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣстожителства Іова. 5) О гишнопотамѣ въ 40, 18 замѣчается, что онъ *стоитъ смѣло, хотя бы Іорданъ поднимался ко рту его*. Гишнопотамъ вошелъ въ Нильскихъ водахъ. Естественно полагать, что не другая рѣка, а Іорданъ, употреблена въ рѣчи потому, что изъ болѣе значительныхъ рѣкъ была ближайшая къ той мѣстности, гдѣ жилъ Іовъ, и извѣстная. 6) Изъ многочисленныхъ стадъ скота, мелкаго и крупнаго (1, 2. 42, 12),

принявъ во вниманіе, что Іовъ велъ осѣдлую жизнь и что 500 а послѣ 1000 паръ воловъ употреблялись для воздѣлыванія земли, должно заключать, что страна Іова отличалась большимъ плодородіемъ. Замѣчаніе это весьма важно въ томъ отношеніи, что на томъ пространствѣ, гдѣ ищемъ землю Уцъ, покрытомъ песками, горными хребтами и голыми утесами, не много можно указать мѣстностей, имѣющихъ плодородную почву. Изъ 30, 3. 6. можно вывести еще заключеніе, что мѣстность эта была равнинная. Вотъ все, что въ нашей книгѣ имѣетъ видъ признаковъ для указанія страны, въ которой жилъ Іовъ.

Обращаясь къ свящ. книгамъ ветхаго завѣта, мы встрѣчаемъ упоминаніе о *земль Уцъ* только у пр. Іереміи, въ книгѣ его пророчествъ 25, 20, и потомъ въ книгѣ Плачь 4, 21. Взявъ чашу изъ рукъ Іеговы съ виномъ ярости, чтобы напоить изъ ней всѣ народы, пр. Іеремія предлагаетъ се сперва Іудѣ, потомъ Фараону царю египетскому, далѣе—всей Аравіи и всѣмъ царямъ *земли Уцъ*, царямъ земли Филистимской, царямъ Едома, Моава, сыновъ Аммоновыхъ, царямъ Тира и Сидона, царямъ на островахъ, которые за моремъ, Дедану, Өемѣ и Бузу, всѣмъ бритоусымъ, всѣмъ царямъ Аравіи, царямъ разныхъ племенъ живущихъ въ пустынѣ, царямъ Зимврія, Елама, Мидіи и всѣмъ царямъ Сѣвера, близкимъ другъ къ другу и дальнимъ, всѣмъ царствамъ, какія есть на землѣ, и послѣ всѣхъ царю Вавилонскому (Іерем. 25, 15—26). Предполагая, что пр. Іеремія перечисляетъ страны по географическому порядку ихъ, нѣкоторые думали, что земля Уцъ находилась между Египтомъ и Іудеею, на востокъ отъ Іудеи и на юговостокъ отъ Іудеи (*Herbst. Hist. krit. Einl.*

in d. Schr. d. A. T. Thl. II. Abthl. 2. s. 181). Хотя въ изчисленіи странъ пр. Іереміи можно примѣчать нѣкоторыя географическія группы, въ коихъ смѣжныя страны поставлены въ рядъ (земля филистимлянъ, Едомъ, Моавъ и Аммонъ; Тиръ, Сидонъ и острова на морѣ; Деданъ, Оема, Бузь; Зимврій, Еламъ, Мидія и проч.); но порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ эти группы одна за другой, не соответствуетъ строго географическому положенію ихъ. Это видно изъ того, что послѣ земли филистимской, Едома, Моава и Аммона, Іеремія перечисляетъ страны лежавшія на сѣверѣ, — Тиръ, Сидонъ и острова, которые за моремъ; а за тѣмъ возвращается къ предѣламъ Едома, и перечисляетъ страны, находившіяся на сѣверовостокѣ отъ него, — Деданъ, Оему и Бузь, и т. д. Аравія дважды упоминается въ этомъ изчисленіи. Деданъ сопредѣльный съ Идумеєю (Іер. 49, 8. Іезек. 25, 13), поставленъ не вслѣдъ за Идумеєю, а послѣ Тира и Сидона съ островами за моремъ. Нельзя не замѣтить, что Дамаскъ или Арамъ въ этомъ изчисленіи совсѣмъ не упоминается, тогда какъ въ пророчествахъ на иноземные народы, гл. 46—51, сказано и ему грозное слово въ ряду съ другими народами, въ 25 гл. поименованными. Такимъ образомъ изъ порядка перечисленія народовъ въ 25 гл. пр. Іереміи, безъ другихъ данныхъ, нельзя ничего вывести о географическомъ положеніи земли Уцъ. Изъ этого мѣста Іереміи (ст. 20) можно видѣть пока только одно, что земля Уцъ, дававшая у себя мѣсто владѣніямъ многихъ царей, была не малою страной.

Въ книгѣ Плачь 4, 21 говорится: *радуйся и веселись дочь Едома, живущая въ землѣ Уцъ*. На основаніи этого мѣста нѣкоторые думали искать Уцъ въ Идумеѣ, полагая,

что земля Уцъ есть не что иное, какъ область Идумеи. Но это предположеніе ясно опровергается предшествующимъ мѣстомъ изъ книги пророчествъ Іереміа, гдѣ Едомъ упоминается отдѣльно отъ земли Уцъ (25, 21), Едомъ послѣ земли филистимской, а земля Уцъ послѣ Аравіи (слч. 20 ст. съ 21). Можно съ достовѣрностію полагать, что въ приведенномъ мѣстѣ книги Плачь Идумеяне называются жителями земли Уцъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ у пр. Іереміа 49, 8 они же называются *жителями Дедана*, который, какъ извѣстно изъ Быт. 25, 3. 6, находился въ Аравіи, и племя жившее въ немъ въ приведенномъ мѣстѣ кн. Іерем. 25, 23 считается народомъ отдѣльнымъ отъ Едома. Т. е. Идумеяне, пользуясь опустошеніемъ, произведеннымъ халдеями въ близкихъ къ нимъ странахъ, проникли и въ Деданъ и въ землю Уцъ, и тамъ водворились. Изъ приведеннаго мѣста книги Плачь можно заключать, что земля Уцъ находилась не далеко отъ предѣловъ Идумеи.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ мѣстъ пр. Іереміа и кн. Плачь, въ которыхъ упоминается о землѣ Уцъ, мы получаемъ два представленія, — что земля Уцъ была не малою страной, и что она должна находиться не далеко отъ предѣловъ Идумеи. И — пока только.

Первоначальное названіе свое древнія страны получали отъ имени родоначальниковъ тѣхъ племенъ, которыя въ нихъ селились. Именемъ Уцъ въ книгѣ Бытія называются три лица: старшій сынъ Арама, сына Симова (Быт. 10, 23: *сыны Арама: Уцъ, Хуль, Геверъ и Машъ*), старшій сынъ Нахора, брата Авраамова, отъ Милки (Быт. 22, 21: *Милка родила Нахору сыновъ: Уца первенца его, Вуза,*

Кемула, Кеседа, Хазо и проч.), и сынъ Дишана, внукъ Сеира Хорреинина, жившаго съ племенемъ своимъ на горѣ Сеиръ (Быт. 36, 28: *сѣи сыновья Дишана: Уцъ и Арранъ*). Полагая, что отъ одного изъ этихъ лицъ земля Уцъ получила свое названіе, одни искали ее въ Сиріи, странѣ Арамеевъ (Исаі. 7, 8), другіе въ сѣверной части пустой Аравіи около береговъ Евфрата и предѣловъ Мессопотаміи, въ южной части коей, въ Харранѣ, жилъ Нахоръ (Быт. 11, 31); третьи въ Идумеѣ, называвшейся землею Сеиръ до поселенія въ ней Исава родоначальника Идумеевъ (Быт. 36, 8. 20. 30); соотвѣтственно сему и Іова почитали или арамеемъ или нахоритомъ или идумеяниномъ. Изъ трехъ этихъ предположеній послѣднее пользовалось наибольшимъ предпочтеніемъ какъ въ древности, такъ и въ новое время; между тѣмъ, оно менѣе двухъ прочихъ можетъ считаться состоятельнымъ.

Страна, въ которой обитали Хорреи до поселенія въ ней Исава съ своимъ племенемъ, называлась вообще землею *Сеиръ* (Быт. 36, 30). И невѣроятно, чтобы какому-нибудь ничтожному участку земли дано было названіе отъ Уца, который былъ сыномъ самаго младшаго (Дишана) изъ семи старѣйшинъ Хорреевыхъ (ст. 21. 30). Еще не вѣроятнѣе то, чтобы это названіе могло удержаться послѣ того, какъ сыны Исаовы прогнали Хорреевъ изъ земли Сеиръ, истребили ихъ и поселились вмѣсто ихъ (Второз. 2, 12).

Второе мнѣніе, защищаемое Розенмиллеромъ и Умбрейтомъ, опирается главнымъ образомъ на свидѣтельство Птоломея о мѣстожителствѣ Айситовъ. Въ своей географіи (V. 18) онъ помѣщаетъ ихъ между девятью большими

племенами или племенными группами, въ его время (около 150 г. по Р. Х.) населявшими сирійскія стени. Три изъ нихъ занимали восточную сторону этихъ степей къ Евфрату, или у его западнаго берега: *Καρχαβηνοί* на сѣверѣ, *'Αισίται* въ срединѣ и *'Ορχηνοί* на югѣ. Еще частнѣе говоритъ онъ о положеніи Айситовъ въ слѣдующемъ выраженіи: *τὰ δὲ παρὰ τὴν Βαβυλωνίαν ὑπὸ μὲν τοῖς Καρχαβηνοῖς 'Αισίται* (по другимъ кодексамъ *'Αισεῖται*). Пользуясь такимъ географическимъ положеніемъ Айситовъ, Розенмиллеръ находитъ въ немъ съ одной стороны возможность сблизить ихъ съ мѣстопробываніемъ (Месопотамією) Уца, старшаго сына Нахорова, съ другой стороны — удобство объяснить нападеніе на стада Іова халдеевъ и сабеевъ, обитавшихъ въ близкомъ сосѣдствѣ, первые на сѣверѣ, а вторые на югѣ, съ странюю Айситовъ. Но эти *'Αισίται* или *'Αισεῖται* то же ли, что библейскіе *'Αουσίται*? Хотя Бохартъ и послѣ него Спангеймъ усиливается доказать, что въ текстѣ Птолемея слѣдуетъ читать не *'Αισίται* а *'Αουσίται*, но сомнѣніе критики нисколько этимъ не разсѣвается. Весьма не вѣроятно, чтобъ Идумеяне, по Плач. 4, 21, могли распространить свое заселеніе до береговъ Евфрата, почти подъ стѣны Вавилона, тогдашней грозы народовъ. А если бы по какому либо особенному счастью и попали туда, то не чему было бы имъ *радоваться* и *веселиться* въ этой странѣ дикой и безплодной. Такимъ образомъ, подъ странюю Айситовъ, о которыхъ говоритъ Птоломей, слѣдуетъ разумѣть что-нибудь другое, но не ту землю Уць, о которой говорится въ кн. пророка Іереміи и въ кн. Плачь, въ которой жилъ Іовъ. Если же мы передвижемъ эту Айситиду изъ

сѣверныхъ предѣловъ пустой Аравіи въ южныя части ея— въ Аравіи счастливой, какъ хотятъ нѣкоторые держащіеся втораго предположенія, то нахоритское происхожденіе Іова, какъ и самой страны, будетъ болѣе, чѣмъ сомнительнымъ (Schol. Rosenm. in Iob. Proleg. § V).

Къ сказанному не лишнимъ считаемъ присовокупить, что въ исторіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы отъ Уца первенца Нахорова, или отъ Уца Хорреянина какая либо страна получила свое происхожденіе и называлась ихъ именемъ. Страна могла потерять древнее свое названіе отъ наплыва въ нее поколѣній, другимъ племенамъ принадлежавшихъ; но исторія должна бы сохранить преданіе о тѣхъ аборигенахъ, которые первые сдѣлали ее страной обитаемою.

Остается первое предположеніе, что земля *Уцъ* получила свое названіе отъ Уца сына Арамова (Быт. 10, 23). Это предположеніе имѣетъ на своей сторонѣ свидѣтельства древнихъ писателей. Въ древностяхъ іудейскихъ кн. 1. гл. 6. § 4. Іосифъ Флавій говоритъ: «У Арама, отъ котораго произошелъ народъ арамейскій, называемый у грековъ сиріанами, было четыре сына, изъ которыхъ первый Уцъ основалъ Трахонитиду и Дамаскъ; находится же она между Палестиною и Целе-Сирією (*Ὀυτος μὲν κτίζει τὴν Τραχωνίτιν καὶ Δαμασκόν: μέση δὲ ἐστὶ τῆς Παλαιστίνης καὶ κοίτης Συρίας*). Такъ какъ въ означенномъ мѣстѣ Іосифъ Флавій говоритъ о происхожденіи народовъ, отъ племени Симова распространившихся по Азій, то въ выраженіи его—*κτίζει* должно разумѣть не одно основаніе какого либо города или наименованіе извѣстной мѣстности городомъ, но и заселеніе ея своимъ племенемъ, съ которымъ соединялось, по родо-

вому праву, и обладаніе ею. Поэтому, Евсевій, повторяя сказаніе Іосифа Флавія, повѣривъ его съ сохранившимся преданіемъ, въ кн. De Originibus XI. 2. 6 говоритъ: Nus, Trachonidis conditor, inter Palestinam et Coelesyriam tenuit imperium; unde fuit Jobus. Евсевій говоритъ не о другой странѣ, а о той, въ которой жилъ Іовъ, и которая получила свое происхожденіе отъ Уца, сына Арамова. Согласно съ Іосифомъ, но еще съ большею опредѣленностію для нашей задачи говоритъ бл. Іеронимъ въ книгѣ еврейскихъ преданій, дѣлая замѣчаніе на 23 ст. 10 гл. Бытія: Us (сынъ Арама) Trachonitidis et Damasci conditor, inter Palestinam et Coelen Syriam tenuit principatum: a quo Septuaginta Interpretes in libro Iob, ubi in Hebraeo scribitur terra Us, regionem Ausitidem, quasi Usitidem, transtulerunt. Свидѣтельство этихъ трехъ лицъ въ такихъ вопросахъ, какъ изслѣдуемый нами, имѣетъ перво-степенный авторитетъ. Свидѣтельство Іосифа Флавія на сто лѣтъ древнѣе темнаго и не опредѣленнаго сказанія Птоломеева объ Айситахъ. Если Евсевій не съ строгою критикою относился къ передаваемымъ имъ сказаніямъ древнихъ писателей, за то обладалъ самыми богатыми источниками, что бы имѣть всевозможныя свѣдѣнія изъ нихъ по части древностей. Бл. Іеронимъ, съ строгою критикою провѣряя сказанія Евсевія о библейскихъ предметахъ, и въ особенности относящихся къ священной географіи и этнографіи, не оставлялъ безъ замѣчанія или исправленія тѣхъ изъ нихъ, которыя, по собственному его дознанію, были не согласны съ древнимъ преданіемъ. Свидѣтельство бл. Іеронима, согласное съ Іосифомъ и Евсевіемъ, даетъ нашему вопросу окончательное рѣшеніе, что страна авситидійская или Уситида, въ которой жилъ Іовъ, получила

свое название отъ Уца старшаго сына Арамова. Изъ свидѣтельства всѣхъ трехъ видно, что страна эта заключала въ себѣ Трахонитиду съ Дамаскомъ отъ предѣловъ Палестины до Целесиріи ¹⁾).

Послѣ столь яснаго выраженія бл. Иеронима о землѣ Уцѣ, не можетъ не удивлять мнѣніе его о родѣ Іова, высказанное въ тѣхъ же еврейскихъ преданіяхъ, въ примѣчаніи къ 21 ст. 22 гл. Бытія. *Primogenitus Nachor fratris Abraham de Melcha uxore ejus, filia Aran, natus est Us: de cujus stirpe Iob descendit, sicut scriptum est in exordio voluminis ejus: vir fuit in terra Us, nomine Iob.* Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ бл. Иеронимъ снѣнннть сдѣлать выводъ изъ него, что не справедливо думаютъ тѣ, которые производятъ Іова отъ Исава, основываясь на прибавленіи въ концѣ книги (въ греческой Библии), по коему Іовъ считается четвертымъ отъ Исава. Увлеченный этою полемикою, бл. Иеронимъ не замѣтилъ собственнаго противорѣчія. Не замѣтнымъ же показалось оно ему вслѣдствіе того, что въ пер-

¹⁾. *Bochartus* (Phaleg I. II. c. VIII), *Michaëlis* (Spicileg. Geograph. Hebraeor, ceterae, P. II. p. 126). и *Plinius* (Iobi natura et virtut, p. 37), находя около Дамаска долину покрытую деревьями и садами, которую туземцы называютъ el-Gula, принимали ее за ту самую страну, которая въ Библии называется землею Уцѣ. Мнѣніе это, основанное единственно на созвучіи словъ **אֲרָץ** и Gula, потому уже не правдоподобно, что долина эта могла быть—пожалуй—роскошнымъ, помѣстьемъ частнаго владѣльца, но не землею, на которой находились многія царства подъ управленіемъ особыхъ царей (Иерем. 25, 20). Название Gula у арабовъ, по замѣчанію Ропзенмиллера, есть нарицательное, общее всякому низменному мѣсту, окруженному горами, долиноѣ дамаской *кат' ἐξοχῆν* (Proleg. in Iob. p. 29). Съ этимъ именемъ встрѣчается много мѣстностей въ различныхъ частяхъ Аравіи (*Iakut* unter d. W. Bibl. Comm. Delitzsch, s. 351).

вомъ мѣстѣ вниманіе его исключительно было обращено на происхожденіе имени страны, называвшейся *авситидійскою* или *Уситидою*, а во второмъ на происхожденіе *Иова*. Не смотря на это случайное противорѣчіе, замѣчаніе бл. Іеронима о землѣ *Уцъ*, пополняющее и поясняющее историческое повѣтствованіе Іосифа Флавія, какъ замѣчаніе, основанное на еврейскихъ преданіяхъ, нисколько не теряетъ своей силы и значенія.

По выразетію Евсевія и бл. Іеронима, *обладаніе* (*imperium, principatus*) *Уца* простиралось отъ Палестины до Целесиріи. Выраженіе это можно считать равносильнымъ выразенію Іосифа Флавія—*κτιζει*, т. е. принимая его въ смыслъ не только владычества *Уца*, но и заселенія его племени. Въ тѣ времена, къ которымъ относится владычество *Уца*, составлявшего только третью генерацию послѣ *Ноя*, иначе и не могло быть. Какъ начальникъ рода, *Уцъ* простиралъ свое владычество (*tenuit imperium*) только на тѣхъ, которые отъ него народились, т. е. на свое племя. По этому, земля *Уцъ*, гдѣ жили *Уситы*, означаетъ не мѣстность, но страну, находящуюся между Палестиной и Целесиріей. Но этими выраженіями не опредѣляются еще въ точности географическіе предѣлы земли *Уцъ*, указывается крайняя черта ея съ сѣверной и съ западной стороны, но до какихъ предѣловъ простиралась она на востокъ и югъ,—подлежитъ изслѣдованію. Притомъ, что называется Целесирією, коею опредѣляется граница ея съ сѣверной стороны,—требуется также поясненія.

Целесирія составляла всегда часть Сиріи. Въ указаніи предѣловъ Сиріи географы обыкновенно затрудняются, по-

тому что политическій объемъ ея постоянно измѣнялся. Но по природному составу своему, какъ страна, въ которой жили Арамеи, она простиралась отъ Палестины и Аравіи на сѣверъ до горы Тавра, между средиземнымъ моремъ и Евфратомъ, включая въ свои предѣлы Месопотамію и Вавилонію. Въ библейское время Дамаскъ всегда считался главнымъ городомъ Арама (Исаі. 7, 8). *Целесирією* (Κολησυρία) пазывалась часть древней Сиріи, богатая водою и плодородная долина, находившаяся между Ливаномъ и Антиливаномъ (Win. Bibl. R. W. V. 1. s. 555. В. II. s. 232). Поэтому, антиливанскія горы образовали сѣверную границу Уситиды, и Дамасскій округъ по эту сторону антиливанскихъ горъ составлялъ сѣверную часть ея. Другую часть земли Уць составляла Трахонитида.

Трахонитида получила названіе отъ базальтовой формациі своей почвы; соотвѣтственно своему названію она предполагаетъ страну, покрытую каменными массами вулканическаго происхожденія. Названіе это не встрѣчается въ библейскихъ книгахъ; въ первый разъ о Трахонитидѣ упоминается въ евангеліи Луки 3, 1. У Юсіфа Флавія встрѣчается нѣсколько разъ. Въ древн. іуд. XV. 10. 1. Юс. Флавій говоритъ, что Кесарь прибавилъ къ владѣнію Ирода *Трахонъ, Ватанію и Авраитиду*; тутъ же говоритъ, что *Трахонитяне*, будучи людьми самыми злыми, опустошали непрестанно лежащія около Дамаска поля; все ихъ упражненіе состояло въ одномъ разбоѣ; они не имѣли ни городовъ, ни земель; обитали въ подземныхъ вертепахъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ; проходъ лежалъ къ нимъ самый узкій, чрезъ который можно было проползти по одному человеку и т. д. Ироду отдана была Кесаремъ эта страна для

того, что бы онъ обуздалъ обитавшихъ въ ней рязбойниковъ и оградилъ безопасность сосѣдей. Изъ этаго видно, что Трахонитида находилась вблизи Дамаска. Въ XVII. 2. § 13. Иос. Фл. говоритъ, что *Трахонитида* сопредѣльна съ *Ватанею*, и что Иродъ построилъ въ Ватанеѣ крѣпость *Ваоуру* для обороны отъ *Трахонитянъ* какъ жителей той страны, такъ и іудеевъ, проходившихъ изъ Вавилона въ Иерусалимъ для жертвоприношеній. Въ XVII. 8. § 1: Иродъ назначилъ (Ирода) Антипу четверовластникомъ *Галилеи и Ширей*; а Филиппа брата Архелаева объявилъ четверовластникомъ *Гавланитиды, Трахона, Ватанеи и Пеніады*. Въ XX. 7. §: Клавдій пожаловалъ Агриппу четверовластіемъ Филипповымъ и *Ватанею*, прибавивъ къ онымъ *Трахонитиду* и *Авилу*, составлявшую прежде четверовластіе Лисаніево. Въ III. 3. § 5 о войнѣ іуд. перечисливши области, составляющія іудею, прибавляетъ: «по сихъ главными считаются между пограничными имъ . . . *Гамалитида* и *Гавланитида, Ватанея* и *Трахонитида*, которыя суть часть царства Агриппина». Изъ этихъ мѣстъ слѣдуетъ заключить, что подъ Трахонитидою разумѣется страна лежащая на юго-востокъ отъ Дамаска, на сѣверо-востокъ отъ Ватанеи, заключающая въ себѣ самую дикую часть вулканической страны, нынѣ el Ledscha называемой, и частию горный хребетъ Аврана или Хаурана (Haugan). Но такое опредѣленіе географическаго положенія Трахонитиды противорѣчитъ опредѣленію ея самимъ же Иосифомъ Флавиемъ, выраженному въ вышеприведенномъ мѣстѣ (1. 6. § 4), гдѣ говорится о ней: μέση δε ἐστὶ τῆς Παλαιστίνης καὶ κοίτης Συρίας. По Евангелію Луки 3, 1 Иродъ Антипа былъ четверовластникомъ въ Галилеѣ, а Филиппъ, братъ его, въ

Итуреть и *Трахонитской области* (Τραχωνίτιδος χώρας¹⁾). Если сличить это мѣсто съ вышеприведеннымъ Юсифа Флавія XVII. 8. § 1; то слѣдуетъ заключить, что какъ подъ *Галилею* Евангелія Луки разумѣется Галилея и Пирея (сѣверная часть древняго Галаада), составлявшія тетрархію Ирода Антипы, такъ и подъ *трахонитскою* страню разумѣются *Трахонитида*, *Гавланитида*, *Ватанея* и *Пеніада*, составлявшія по Юсифу тетрахію Филиппа. Стало быть, Трахонитида имѣетъ два значенія, *тѣсное* и *широкое*. Кромѣ 1. 6. § 4, у Юсифа Флавія можно встрѣчать и другія мѣста, въ которыхъ Трахонитида принимается въ широкомъ смыслѣ. Въ Древн. іуд. XV. 10. § 3 говорится, что, по смерти Зенадора, Кесарь отдалъ Ироду его владѣніе, весьма не убогое, находившееся между Трахонитидою и Галилею, именно *Улаоу* и *Панеаду*. Это двѣ не большія области, находившіяся на сѣверѣ отъ Галилеи, послѣдняя близъ истоковъ Іордана. Точнѣе было бы сказать, что они находятся между Галилеею и Гавланитидою, когда за Гавланитидою слѣдуетъ еще большая страна Ватанея, прежде Трахонитиды въ тѣсномъ смыслѣ. Но такъ какъ за Улаою къ востоку начинается большое базальтовое пространство; то подъ Трахонитидою въ широкомъ смыслѣ и разумѣется все

¹⁾ Блажен. Иеронимъ отождествляетъ обѣ эти страны. Въ книгѣ de situ et nominibus locorum hebraicorum, подъ *Trachonitis* говоритъ онъ: Trachonitis regio, sive Ituraea, cujus tetrarcha fuit Philippus, juxta Evangelium Lucae. Est autem trans Bostram Arabiae civitatem in deserto, contra australem plagam, quasi ad Damascum respiciens. Тоже самое подъ *Ituraea*: Ituraca et Trachonitis regio, cuius tetrarcha fuit Philippus; Trachonitis autem dicitur terra juxta desertum Arabiae, quod Bostrae jungitur.

это пространство. Самъ Юсифъ Флавій въ соч. о войнѣ іуд. III. 10. § 7 подъ именемъ Трахонитиды обобщаетъ все другія провинціи, входившія во владѣніе Филиппа, называя его *Трахонитскимъ* четверовластникомъ: «прежде, говорить, не знали, что озеро сіе (Фіала) есть источникъ Іордана; но нашель сіе Филиппъ *Трахонитскій четверовластникъ* (διὰ τοῦ τετραρχήσαντος Τραχωνιτῶν ἡλέγχθη Φιλίππου). Окончательное удостовѣреніе въ этомъ получаемъ у Плинія (Н. Н. V. 18), который говоритъ, что десять городовъ Декаполиса лежатъ внутри обширныхъ и раздѣленныхъ на особыя царства тетрархій Трахонитиды.

Такимъ образомъ Трахонитида, основателемъ которой Юсифъ Флавій называетъ Уца, сына Арамова, означаетъ Трахонитиду въ обширномъ смыслѣ, все базальтовое пространство на восточной сторонѣ Іордана, на югѣ ограниченное горами галаадскими, на сѣверѣ сопредѣльное Дамаску; восточный же предѣлъ ея составляютъ темная базальтовая полоса el—Ledscha и аврапская возвышенность, тянущаяся отъ el—Ledscha до Бостры и Салхи. Изъ текста Юсифа Флавія 1, 6. § 4 можно заключать, что Дамаскъ не составлялъ особой части въ странѣ Уца, а былъ какъ бы главнымъ городомъ ея. Что о Дамаскѣ говорится какъ о городѣ, а о Трахонитидѣ, какъ о странѣ, это видно изъ опредѣленія—*μῆσιν δὲ ἐξί τῆς Παλ. καὶ κ. Συρ.*, которое относится не къ Дамаску, а къ Трахонитидѣ. Слѣдовательно, сѣверною границею Трахонитиды какъ земли Уцовой Юсифъ полагаетъ прямо Целесирію. Почему Евсевій, говоря объ основаніи Уцомъ Трахонитиды, и не упоминая о Дамаскѣ, выражается, что владѣніе его было между Палестиною и Целесирію. Что сѣверо-восточная часть

Трахонитиды называлась по преимуществу этимъ именемъ, объясняется свойствомъ самаго дѣла. Названіе это ведетъ свое начало не отъ лица, коего родъ жилъ въ странѣ, не отъ какого либо историческаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на политическое существованіе ея, но отъ особеннаго свойства и вида почвы ея. Та часть страны, въ которой это свойство наиболее замѣтно и даетъ ей видъ отличающій ее отъ другихъ частей, и усвоила себѣ по преимуществу это наименованіе.

Принимая въ соображеніе очерченныя нами границы Трахонитиды, не трудно объяснить, какимъ образомъ на этомъ пространствѣ въ вѣкъ Іереміи могли помѣститься многія области съ особыми царями (Іер. 25, 20). Объясняется также и порядокъ, которому слѣдовалъ пр. Іеремія въ исчисленіи народовъ, коихъ онъ долженъ былъ напоить изъ чаши гнѣва Вседержителя: сначала поименованы имъ большія страны, окружающія Палестину, Египетъ, Аравія, земля Уць или Арамея, а потомъ изчисляются народы, которые жили въ этихъ же странахъ (кроме Египта). Это объясненіе тѣмъ большаго заслуживаетъ вѣроятія, что въ означенномъ исчисленіи странъ не упомянутъ Дамаскъ.

На очерченномъ пространствѣ Уситиды въ вѣкъ Іосифа Флавія находилось нѣсколько областей: Гавланитида, Ватанея, Авранитида, Трахонитида (въ тѣсномъ смыслѣ) и пр. Названія эти принадлежатъ позднему времени; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышатся звуки библейскихъ наименованій. Таковы: *Ватанея* и *Авранитида*. Названіе *Ватанея* передѣлано, по арамейскому произношенію, изъ *Басанъ* или *Васанъ*, (אבסא вм. אבש), вѣроятно въ періодъ

послѣ плѣна вавилонскаго, потому что до этого времени встрѣчается еще древнее названіе (Иер. 50, 19). *Авра-нитида* — это древній *Авранъ*, о которомъ упоминаетъ пр. Іезекіиль при опредѣленіи сѣверовосточнаго предѣла обѣтованной земли (Іезек. 47, 16. 18). Первая изъ этихъ странъ *Ватапея* или *Васанъ* заслуживаетъ особеннаго вниманія, бромѣ историческаго своего значенія, и потому, что изъ перечисляемыхъ въ предѣлахъ Трахонитиды областей она находится въ срединѣ и занимаетъ обширное пространство, такъ что прочія составляютъ какъ бы только окраины ея.

Васанъ (צפון) получилъ свою извѣстность со времени занятія евреями обѣтованной земли, какъ царство Ога васанскаго. Оно находилоя на восточной сторонѣ Іордана. Границы его опредѣляются очень точно въ священныхъ книгахъ. Оно простиралося отъ Галаада на югѣ, до горы Ермонъ на сѣверѣ (Втор. 3, 10. 14; Нав. 12, 5; 1 Пар. 5, 23), и отъ іорданской долины на западѣ до Салхи и предѣла гессурскаго и маахскаго на востокѣ (Втор. 3, 10. Нав. 12, 4. 5). Такимъ образомъ древнее царство Васанское включало въ свои предѣлы то самое пространство, которое у евангелиста Луки 3, 1 называется *Трахонитидос χώρα*, на которомъ по Іосифу Флавію находились Гавлонитида, Ватапея, Авранъ и Трахонитида въ тѣсномъ смыслѣ. Въ составъ древняго Васанскаго царства входила область *Аргосъ* съ 60 укрѣпленными городами (Втор. 3, 4. 5. 3 Пар. 4, 13); по Іосифу Флавію, VIII. 2. § 3. (сн. 3 Пар. 4, 13), она занимала пространство, на которомъ впоследствии находились Голадинъ и Гавлонитида. Въ сѣверной части Васана, около южныхъ границъ Дамаска

находился *Авранъ* (Иезек. 47, 16. 18), известный впоследствии у греческих писателей под именем Авранитиды. Васанъ имѣлъ множество городовъ; въ Библии упоминаются *Астаровъ* (Нав. 21, 27. 1 Цар. 6, 71), *Едрея*, *Голанъ*, *Салха*, *Маханаимъ* (Нав. 13, 30). При занятіи евреями обѣтованной земли, царство Васанское, послѣ пораженія Ога, царя его (Числ. 21, 33—35; Втор. 3, 1—3), поступило въ ихъ владѣніе и, по раздѣлу, досталось полуболю Манассіину (Нав. 12, 3—5). Прежніе жители этой страны назывались Рефаимами (Втор. 3, 11), о которыхъ извѣстно только то, что они были люди рослые и принадлежали къ племени Аммореевъ (Втор. 3, 8) или потомковъ Хамовыхъ. Полагая видѣть въ предѣлахъ Васанскаго царства нѣкогда бывшее населеніе племени Уцова, мы не опасаемся противорѣчія себѣ, когда во время Моисея встрѣчаемъ здѣсь Хананеевъ. Въ продолженіе 1000 лѣтъ могли быть вытеснены аборигены, и мѣсто ихъ заняли пришельцы; но для насъ важно уже то, что въ сосѣдствѣ съ этою страной во время Давида живутъ еще потомки древнихъ Уситовъ, образуя сильное царство подъ именемъ $\text{עֲשֵׂתָּוּ$ רְשִׁיטָּוּ (2 Цар. 8, 5). Важно и то, что въ царствованіе Іиуя, Азаиль, царь Дамаска, опустошилъ всю васанскую страну и, начиная отъ Галаада, *отрѣзалъ* ее отъ Израильтянъ въ собственное владѣніе (4 Цар. 10, 32. 33). Слѣдовательно, во время пр. Іереміи вся эта страна, вмѣстѣ съ Дамасскою Сирією, могла называться *землею Уца*, и имѣть на территоріи своей нѣсколько областей, управляемыхъ особыми царями (Іер. 25, 20). Страна эта прорѣзана многими горами (Ис. 67, 16); горы ея покрывались дубовыми рощами (Иез. 27, 6); между горами разстилались

широкія равнины, представлявшія роскошныя пастбища для скота; въ древности особенно славились своею тучностію волы и коровы васанскіе (Пс. 21, 12. Амос. 4, 1). Богатая пастбища Васана пророки не рѣдко употребляютъ какъ образъ для представленія будущаго благоденствія сыновъ Израиля подѣ непосредственнымъ покровительствомъ Іеговы (Пс. 67, 16. Мих. 7, 14. Іер. 50, 19).

Опредѣливши страну, называвшуюся *землею Уцъ*, будемъ искать въ ней мѣста жительства Іова. Въ этомъ изслѣдованіи помогаетъ намъ преданіе, сохранившееся у христіанскихъ и арабскихъ писателей, и до нынѣ живущее въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ обиталъ Іовъ. Но что бы отыскать эти мѣста, нуженъ руководитель—очевидѣць. Таковымъ можетъ служить для насъ I. G. Wetzstein, въ 1860 году посѣтившій оныя. Ветцштейнъ, нашедши страну, на которую живой голосъ туземцевъ, вмѣстѣ съ нѣмыми памятниками, уцѣлевшими отъ древности, указываетъ какъ на родину Іова, сводитъ сказанія древнихъ писателей, христіанскихъ и арабскихъ, свѣряетъ ихъ съ живымъ преданіемъ и тѣми мѣстностями, на которыя они указываютъ, и приходитъ къ заключенію, что указываемая живымъ голосомъ туземцевъ мѣстность есть именно та самая, въ которой живъ Іовъ. Пользуясь прекраснымъ изслѣдованіемъ ¹⁾ Ветцштейна, изложимъ результаты его въ порядкѣ, принятомъ нами. Прежде, чѣмъ стать вмѣстѣ

¹⁾ Заглавіе этого изслѣдованія: Das Iobs—Kloster in Hauran und die Iobs—sage. Написано оно по желанію Делича и помѣщено въ концѣ Комментарія его на кн. Іова. Къ изслѣдованію приложена маленькая карта окрестностей монастыря Іова.

съ Ветцштейномъ на благословенную почву Іова, пересмотримъ указанія на нее древнихъ писателей.

Сказаніе о мѣстѣ жительства Іова встрѣчается въ первый разъ у Евсевія. Въ *Onomasticon* подѣ *Καρυαίτι* онъ говоритъ: «Astaroth Karnaim есть въ настоящее время (ок. 310 ч.) очень большая деревня (*κώμη μεγάλη*) по ту сторону Іордана въ провинціи Аравіи, которая называется Ватанею. Здѣсь, прибавляетъ Евсевій, по преданію (*ἐκ παραδόσεως*) мѣсто жительства (*οἶκος*) Іова. Блажен. Іеронимъ, переводя это мѣсто въ своемъ сочиненіи, извѣстномъ подѣ заглавіемъ: *Liber de situ et nominibus hebraicorum locorum* ¹⁾, оставляетъ его безъ всякаго измѣненія, и мѣсто жительства Іова—Astaroth называетъ *vicus grandis*, тоже что *κώμη μεγάλη*. Подѣ Astaroth Karnaim Евсевій, какъ и Іеронимъ, разумѣютъ не тотъ древній *תִּירְזַשׁ*, который былъ столицею Ога царя васанскаго (Втор. 1, 4), такъ какъ о немъ говорятъ особо подѣ 'Αστάρωθ. Ветцштейнъ подѣ Astaroth Karnaim разумѣетъ находящійся нынѣ въ *Гедурь* не большой, не превышающій 40 футовъ вышины, значительно отвѣсный холмъ, называемый *Tell' A'stara*, котораго площадь образуетъ почти круглую плоскость, имѣющую въ діаметрѣ до 425 шаговъ; на ней замѣтны слѣды фундамента бывшаго здѣсь зданія и ограды. Ту же самую мѣстность подѣ Astaroth Karnaim разумѣетъ Ритеръ (*Erdkunde, Syria, 819*).

¹⁾ *Liber de situ et nominibus locorum hebraicorum* есть не что иное, какъ переводъ *Onomasticon*'а Евсевія, впрочемъ такой, что въ немъ блаж. Іеронимъ *иное* опускаетъ, что не находилъ достойнымъ памяти, а *многое* измѣняетъ, что, по его собственному изслѣдованію, казалось не точнымъ. Потому, указанія Евсевія съ переводомъ бл. Іеронима имѣютъ значеніе критическаго изслѣдованія.

Одно здѣсь приводить въ недоумѣніе, какимъ образомъ на такой малой мѣстности могла находиться *χώμη μεγάλη*—Евсевія и *vicus grandis*—Иеронима. Но изъ этого затрудненія помогаетъ выйти блаж. Иеронимъ, переводя другое топографическое замѣчаніе Евсевія подь 'Ασταρώθ Καρνάειμ. «Еще доселѣ есть, говорится 'въ *Onomastikon*'Ѣ, двѣ деревни съ этимъ названіемъ въ Ватанеѣ, которыя лежатъ на разстояніи 9 миль одна отъ другой и находятся *μεταξύ Αδαρων και Αριλῆς*. Блаженный Иеронимъ (подь *Astaroth Karnaim*) вмѣсто двухъ деревень ставитъ въ переводѣ *duo castella*, чрезъ что та *χώμη μεγάλη* получаетъ точное опредѣленіе, согласное съ указываемымъ для нея мѣстомъ. Подь другимъ Астаротомъ географы разумѣютъ небольшую деревню, называемую нынѣ *Tell—Astari*. Судя по близкому положенію ея къ *Adara*, нѣкоторые думаютъ, что этотъ Астаротъ есть именно тотъ древній Астаротъ,—столица Ога царя васанскаго, который находился въ Едреи (Втор. 1, 4) или близъ Едреи (Нав. 9, 10. 12, 4. 13, 12), на что по видимому намекаетъ и блажен. Иеронимъ въ замѣчаніи подь *Astaroth*.

Трудно, конечно, поручиться за соотвѣтствіе мѣстностей съ нынѣшними ихъ названіями мѣстамъ древнимъ съ другими или только подобно-звучащими наименованіями. Но изъ указаній Евсевія и блаж. Иеронима мы получаемъ то несомнѣнное свѣдѣніе, что Іовъ жилъ въ Ватанеѣ; упоминаемая ими мѣстности, Астаротъ, Авиль или Авила, Адаръ или Адра, могутъ при другихъ указаніяхъ способствовать къ точному опредѣленію мѣстности, въ которой жилъ Іовъ.

Послѣ Евсевія и Иеронима, Ветцштейнъ находитъ указаніе на страну Іова у средневѣковыхъ писателей, *Еге-зиппа*, *Сануто* и *Вильгельма* Тирскаго.

Евгезиппъ (de distanc. loc. terr. sanct.) говорить: «Одна часть страны есть земля Hus, изъ которой былъ Ювъ; называется также и Sueta, почему Вилдадь названъ Suhite». Гдѣ искать эту мѣстность, показываетъ Marino Sanuto (de secretis fid. cruc.): «Sueta есть отечество Виллада Сухита. Ниже отъ этого города (civitas) имѣють обыкновеніе сарацины изъ Арама, Месопотаміи, Аммона и всего востока собираться около источника Фіала (Fiale) и, по причинѣ пріятности мѣста, цѣлое лѣто ведутъ тамъ торговлю и разбиваютъ цвѣтныя палатки». Въ другомъ мѣстѣ говорить онъ: «fontem Fialeu Medan i. e. aquas Dan a Saracenis nuncupari».

Что это за озеро Fiale, называемое Medan? У Іосифа Флавія (о войнѣ Іуд. III. 10 § 7) Фіаломъ называется не большое озеро Ram, коего подземное теченіе тетрархъ Филиппъ считалъ источникомъ Іордана, выходящимъ на поверхность земли. Если принять этотъ Фіаль за Фіаль Сануто, то окрестность озера Ram, отечество Юва и Виллада, будетъ у южной подошвы Ермона. Такъ и представлялъ Евгезиппъ. «Рѣка Данъ, говорить онъ, изъ своего источника течетъ подъ землею до равнины Meldan, гдѣ она пробивается на поверхность земли. Названіе это равнина получила отъ торговой площади, тамъ находящейся, которую Сарацины называютъ Meldan. Тамъ собирается въ началѣ лѣта множество народа съ товарами и много парянскаго и арабскаго войска, что бы охранять и защищать людей и стада, имѣющія тамъ впродолженіе лѣта богатая пастбища. Слово Meldan есть сложное изъ mel и dan.»

Хотя сказанія Евгезиппа и Сануто объ отчизнѣ Іова и Виллада какъ нельзя болѣе согласны между собою; но Ветцштейнъ находитъ ихъ въ явномъ противорѣчїи съ свойствомъ указываемой ими страны, которая никогда не могла быть мѣстомъ для большой и продолжительной ярмарки. Окрестности Фіэла (нынѣ Ram) усѣяны безчисленными кратерами; слѣдовательно не могли представлять богатой почвы для скота. Окрестности большого водоема Іордана (El Huleh ¹⁾) отравлены болотными лихорадками; слѣдовательно, не могли быть прїятнымъ мѣстомъ для собранія народовъ впродолженіе цѣлаго лѣта. Въ сказанїи Евгезиппа и Сануто Ветцштейнъ видитъ смѣшеніе двухъ мѣстностей, находящихся въ разныхъ странахъ, происшедшее отъ незнанія языка и географїи.

Какая жъ это другая мѣстность, которую Евгезиппъ и Сануто смѣшали съ вышеописанною? Разрѣшеніе этого вопроса находимъ у третьяго средневѣковаго писателя, *Вильгельма турскаго*. Въ его исторїи крестовыхъ походовъ (Histor. rerum a Francis gest. l. XXII c. 21) говорится, что вѣстносцы на возвратномъ пути изъ хищническаго похода въ Нукру, хотѣли взять укрѣвленное мѣсто Savea Roob, которое они не за долго предъ тѣмъ потеряли. «Это мѣсто, говоритъ историкъ, лежитъ въ провинціи Suite, въ странѣ

---

¹⁾ Этотъ водоемъ, извѣстный въ кн. I. Нав. II, 5 подъ именемъ *водъ Меромъ*, у Іосифа Флавїя (о войн. Іуд. III. 10 § 7) подъ именемъ *самохонитскаго озера*, нынѣ называемый Bahre—el—Huleh лежитъ въ болотистомъ мѣстѣ. Іосифъ Флавїй говоритъ, что, начиная явное теченіе отъ Панїя (Панъелю, Banias), Іорданъ проходитъ посрединѣ грязей и болотъ самохонитскаго озера...

отличающейся своею прелестію и т. д., и тотъ Вилдадъ, другъ Іова, названный по ней Suite, долженъ быть изъ нея». Это указаніе ведетъ насъ совсѣмъ въ другую сторону, не къ сѣверу, а на востокъ отъ Палестины. Нукра степное или туземное названіе Ватаней. «Провинція Suete, говоритъ Ветцштейнъ, есть не другое что, какъ страна Suwet, ¹⁾ которой сѣверозападную границу образуетъ ущелье (des) Wadi Rahûb. Sawea Roob, открытая только въ 1860 году, лежитъ въ срединѣ утѣсистой стѣны той Wadi и называется въ настоящее время Magaret Rahub «пещера Р.» или обыкновеннѣе mi allakat Rahûb «висячая пещера», и во время крестовыхъ походовъ имѣла опасный проходъ, потому что путешественникъ, идущій отъ южной стороны Галилейскаго озера ближайшимъ путемъ въ Edre'ât. долженъ былъ тамъ руками и ногами ползти».

Еще точнѣе опредѣляется мѣстность, которую повидимому имѣли въ виду Евгезипъ и Сануто, но за которую почли другую, въ другомъ мѣстѣ той же исторіи Вильгельма тирскаго (XVI, 9), гдѣ идетъ рѣчь о не удачномъ походѣ въ Bosrà. «Послѣ того, говорится въ этой исторіи, какъ прошли ущелье Roob, доходили до равнины, которая называется Medan, гдѣ ежегодно арабы и другіе восточные народы составляютъ большую ярмарку». Эта равнина—Medan, замѣчаетъ Ветцштейнъ, есть окрестность Muzerib'a, въ которой ежегодно собирается большая пилигримская ярмарка.

Наконецъ, есть еще одно мѣсто въ той же исторіи

---

¹⁾ Reisebericht v. I. G. Wetzstein, s. 46. Cp. Ritter. Syr. u. Pal. II. 1019.

(XIII, 8), которое окончательно выводитъ на путь, съ своего сошли Евгезиппъ и Сануто. «Послѣ того, говорить Вильгельмъ тирскій, какъ прошли Декаполисъ, дошли до ущелья Roob и далѣе вступили въ равнину Medan; эта равнина далеко и широко во всѣ стороны разстилается и прорѣзывается рѣкою *Danz*, которая между Тивериадою и Скиѳополисомъ (Bisan) впадаетъ въ Иорданъ». Эта рѣка, замѣчаетъ Ветцштейнъ, и есть та самая, которую Сануто считаетъ за aquas Dan (Me—Dan), которая называется Wadi-el Meddan «разливающаяся», потому что въ мартѣ она затопляетъ свои окрестности къ востоку отъ моста Gezzar. У Буркардта (Reis. in Syr. u. Pal. s. 392) называется она Wadi Om el—Dhan. «Meddan, продолжаетъ Ветцштейнъ, есть пограничная рѣка между долинами Suwel и Nukra, теряетъ свое названіе при входѣ въ Макран, и у своего устья ниже озера Тивериадскаго въ иорданской долинѣ называется el—Mischebi. Что касается до Fiale Сануто, продолжаетъ Ветцштейнъ, то онъ не есть озеро Ram (Фіалъ-Іосифа), но *phiolenrunde* ¹⁾ Beggio—ключевое озеро Muzerib'a, котораго сильное теченіе съ высоты 60 -- 80 футовъ, въ видѣ великолѣпнаго и единственнаго въ Сиріи водопада, близъ мѣстности Tell—Sihab впадаетъ въ Meddan.

И такъ, сущность разногласія показаній Евгезиппа и Сануто съ показаніемъ Вильгельма тирскаго заключается въ томъ, что они стоятъ у двухъ источниковъ Иордана: Евгезиппъ и Сануто при Banias (Іосиф. Πάνειον) у южной подошвы Ермона (на сѣверѣ отъ Палестины); а Вильгельмъ

¹⁾ И объ озерѣ Ram Іосифъ Флавій говоритъ, что оно названо Фіаломъ потому, что оно кругло какъ колесо (о войн. іуд. III, 10. § 7).

тирскій при озерѣ Muzerib'—скомъ, въ Нукрѣ (на востокѣ отъ Палестины). Смѣшенію этихъ различныхъ мѣстностей и принятію одной за другую способствовали, между прочимъ и два случайныя обстоятельства. Во *первыхъ*, оба источника имѣютъ вблизи мѣстность Raḥub (רחוב), изъ коихъ одна упоминается Суд. 18, 28 (בֵּית-רַחֲוֹבъ въ русск. близъ *Бео-рехова*), а другая лежитъ на 20 минутъ ниже Cavea Roob, у источника того же имени (Raḥub), отъ котораго носятъ названіе деревня, пещера и Wadi. Во *вторыхъ*, тамъ и здѣсь неподалеку находится мѣстечко Abil.

Изъ всего этого мы приобретаемъ то свѣдѣніе, что въ средніе вѣка, во время крестовыхъ походовъ, родину Іова Nus и родину одного изъ друзей его Виллада Sueta или Suite указывали тамъ же, гдѣ Евсеій и блаж. Іеронимъ, въ Ватанеѣ или въ нынѣшней Нукрѣ, и что Sueta или Suite, родина Виллада, находилась не далеко отъ Mazerib'a.

Болѣе точныя указанія на мѣстожителство Іова даютъ намъ арабскіе писатели, свидѣтельства которыхъ Ветцштейнъ выписываетъ въ своемъ изслѣдованіи. Приведемъ изъ нихъ наиболѣе ясныя.

Историкъ іерусалимскій Mugir ed—din el—Nambeli въ легендахъ о пророкахъ говоритъ: «Іовъ происходилъ отъ El—'Es и дамасская провинція Ватанея была его собственностію». Подобнымъ образомъ Iakut el—Namavi въ членѣ Betānīje говоритъ: »и въ этой странѣ жилъ Іовъ«. Частицею опредѣляется родина Іова въ слѣдующихъ мѣстахъ. Muhammed el—Makdesi на 81 стр. своей географіи (Orient. MSS. der Königl. Bibl. in Berlin; sect. Sprenger, № 5) говоритъ: «И въ Авранѣ и Ватанеѣ находятся деревни Іова и его

родина. Главная мѣстность страны есть *Nawa*, богатая пшеницею и другими хлѣбными растѣніями». Еще опредѣленнѣе означаетъ мѣсто жительства *Іова* вышепомянутый *Iakut el—Hamavi* въ членѣ *Nawa*: «Между *Nawa* и Дамаскомъ два дня пути; принадлежитъ къ округу Аврана и по нѣкоторымъ считается главнымъ городомъ его. Въ *Nawa* было мѣстопребываніе *Іова*». *Ibn er—Rabi* на 62 стр. своего сочиненія о преимуществахъ Дамаска (*Catal. arab. MSS. in Dam. gesammelt. № 26*) говоритъ: «къ пророкамъ, погребеннымъ въ Дамасскомъ округѣ, принадлежитъ и *Іовъ*, и его гробъ находится въ *Nawa* въ землѣ Авранъ». Вышеупомянутый *Iakut el—Hamavi* и *Kazwini* называютъ еще *Der Ejab* мѣстомъ жительства и погребенія *Іова*.

Сведемъ теперь всѣ сказанія христіанскихъ и арабскихъ писателей о мѣстѣ жительства *Іова*. По *Евсевію* и *Іерониму*, *Іовъ* жилъ въ *Ватанеѣ*, въ мѣстности называвшейся въ ихъ время *Astaroth Karnaim*, нынѣ называемой *Tell—'Astara*. По сказанію средневѣбовыхъ писателей, *Іовъ* жилъ въ *Нукрѣ* не далеко отъ *Muzerib'a*; тамъ же находится и *Sueta* или *Suite*, родина *Вилдада*. По сказанію арабскихъ писателей, родина *Іова* находилась въ дамасской провинціи *Ватанеѣ* или *Авранѣ*, и мѣстомъ жительства и погребенія *Іова* былъ по однимъ—*Nawa*, по другимъ *Der Ejab*. Общее во всѣхъ этихъ сказаніяхъ то, что *Іовъ* жилъ въ *Ватанеѣ*. *Ватанея*, соотвѣтствующая древнему *Васану*, сохранила свое названіе только у писателей; у туземнаго же населенія называется *Нукрой* (*Nukra*). По теперешнему дѣленію страны, она состоитъ изъ четырехъ правительственныхъ округовъ или провинцій, принадлежащихъ дамасскому эялету, изъ коихъ *Голанъ* занимаетъ юго-запад-

ную часть—по ту (отъ-насъ) сторону тиверіадскаго моря, *Гедуръ* сѣверозападную къ Ермону, *Лег* или *Ledscha* сѣверо-восточную, Авранъ (по древнему библейскому произношенію) или Хауранъ (по нынѣшнему туземному)—среднюю или низменную часть, самую большую по пространству. По географическому положенію *Гедуръ* образуетъ естественное сѣверозападное продолженіе хауранской низменности, и у арабскихъ географовъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, не составлялъ особой области; мѣстности, относящіяся къ Гедуру, считались находящимися въ Авранѣ ¹⁾. Всѣ выше-означенныя мѣстности, Tell—Astara (Евсевіевъ Astaroth Karnaim), Muzerib, Suite, Nawa и Dér Ejub, находятся въ Авранѣ ²⁾ въ часовыхъ разстояніяхъ одна отъ другой.

«Во всѣхъ большихъ описаніяхъ путешественниковъ по Палестинѣ и Сириі, говоритъ Ветцштейнъ, *Авранъ* называется отечествомъ Іова. Въ самомъ же Авранѣ путешественникъ слышитъ это на каждомъ шагу. Удивляется ли плодородію цѣлой страны или пашнямъ какой либо деревни; ему говорятъ: не есть ли это страна Іова? не принадлежитъ ли она къ деревнямъ Іова? Такъ, Зетцену называли *Босру* (Bosra) городомъ Іова; Ел. Шмиту страну лежащую на востокъ отъ горы называли землей Іова; въ Канаватѣ указываютъ на одно древнее зданіе (изъ римскаго впро-

¹⁾ Точное положеніе показанныхъ областей можно видѣть на картахъ: Палестины von C. W. M. van de Velde 1866; Bibelatlas Th. Menke, N VIII: Palestina in der Gegenwart, 1868. Что мѣстности, принадлежащія Гедуру, считались находящимися въ Авранѣ, видно изъ приведенныхъ цитатъ Iakub'a и Ibn es—Rabi, въ которыхъ Nawa значитъ находящеюся въ Авранѣ.

²⁾ или Хауранѣ. Будемъ держаться библейскаго произношенія.

чемъ или византійскаго времени) какъ на лѣтній дворець Іова; инныя мѣстности (какъ наприм. Wādī el—Lebwe) называютъ пастбищами скота Іова, и т. д., —такъ что въ народномъ представленіи Авранъ и страна Іова—понятія однозначущія. Если же справляться собственно о той части страны, въ которой жилъ самъ Іовъ, то укажутъ на центральный пунктъ Аврана, авранскую равнину, и еще опредѣленнѣе на мѣстность между городами Nawa и Edreât, которая считается самою плодородною частію страны, покрыта развалинами деревень, монастырей, древнихъ зданій, и еще доселѣ относительно хорошо обработана. Эта полоса земли у номадовъ, равно какъ и урожденнаго земледѣльческаго населенія, называется отъ своей формациіи Nukrat es—Sâm, подъ каковымъ именемъ благословенная эта равнина извѣстна во всей сирійской пустынѣ до 'Irak'a и Hîgaz'a и воспѣвается поэтами».

На этой равнинѣ, между Nawa и Muzerib'омъ, на большомъ пути изъ Мекки въ Дамаскъ, есть мѣстность, носящая имя Іова, на которой преимущественно сосредоточено вниманіе какъ туземнаго населенія, такъ и путешествующихъ пеллонниковъ—пилигримовъ. Это Makâm 'Ejâb (благодатная могила Іова), представляющая видъ монастыря, или точнѣе видъ мечети, съ не большимъ дворомъ, обнесеннымъ каменною стѣною, за которою раскинута нѣсколько убогихъ жилищъ для тамошнихъ обитателей и для пилигримовъ. Мѣстность эта охраняется шестью попечителями, которыхъ арабы называютъ «слугами нашего господина Іова», подъ главнымъ надзоромъ Шейха Sa id ed—Darfuri, имѣющаго видъ настоятеля того мѣста. Внутри двора одноэтажное не большое каменное строеніе, изъ ста-

раго матеріала, увѣнчанное двумя куполами, составляетъ главную святыню этаго мѣста; въ немъ показываютъ могилу Іова и каменное корыто, которое арабы называютъ «купальней нашего господина Іова», потому что въ немъ, по ихъ убѣжденію, Іовъ купался во время своего выздоровленія. Въ ограды въ разстояніи 450 шаговъ показываютъ *источникъ Іова* съ холодною ключевою водою, а на вершинѣ поднимающагося отъ Макама холма, по которому расположена деревня, *камень Іова*. Камень Іова находится близъ не большой мусульманской молельни; къ нему подходятъ босыми ногами и цѣлуютъ его какъ священное мѣсто. Туземцы называютъ его скалой, къ которой Іовъ прислонялся во время тяжкихъ своихъ страданій. Уваженіе къ этому мѣсту простирается до того, что разсыпанные по нему камышки и шлаки арабы выдаютъ за окаменѣлыхъ червей, выпадавшихъ изъ ранъ Іова, и дарятъ ими поклонниковъ на память о томъ, чтобы въ счастіи не забывать Бога и въ несчастіи не роптать на Него. Вообще, замѣчаетъ Ветцштейнъ, Макамъ пользуется большимъ уваженіемъ у мусульманъ, особенно у африканскихъ негровъ, которые, посѣтивши Мекку и Медину, путешествуютъ потомъ въ Дамаскъ, а оттуда приходятъ въ Макамъ—Іова; здѣсь проживаютъ отъ 20 до 30 дней, въ продолженіи которыхъ ежедневно у источника Іова обмываются, у камня Іова молятся, а остальное время или читаютъ или помогаютъ жителямъ Макама въ полевыхъ работахъ.

Для христіанскаго изслѣдователя Макамъ съ его преданіями объ Іовѣ получаетъ свое значеніе отъ сохранившагося близъ него памятника глубокой христіанской древ-

ности. Въ разстояніи отъ него на четверть часа къ югу находится такъ называемый у арабовъ *Der Ejub монастырь Юва*. Въ настоящее время онъ представляетъ видъ развалишагося четырех-угольнаго церковнаго зданія; подлѣ него нѣтъ слѣда развалинъ другихъ зданій; само оно довольно объемистое и сооружено изъ красивыхъ долеритовыхъ плитъ; нѣкоторыя части зданія довольно уцѣлѣли. Осматривая его, Ветцштейнъ на архитравѣ одной изъ церковныхъ дверей нашелъ хорошо сохранившуюся греческую надпись, которая между прочимъ содержитъ хронологическое замѣчаніе: $\mu\eta\gamma\iota\sigma\tau\eta\ \text{I}\omega\lambda\iota\omega\ \bar{\kappa}\epsilon\ \text{I}\nu\delta(\iota)\chi(\tau\iota\omega\nu\sigma)\ \bar{\iota}\epsilon\ \tau\omicron\upsilon\sigma\ \epsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\eta\eta\tau\alpha\chi\omicron\sigma\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\iota\kappa\omicron\sigma\tau\omicron\upsilon\ \epsilon\kappa\tau\omicron\upsilon\ \chi(\rho\iota\varsigma)\tau\omicron\upsilon\ \text{I}(\eta\varsigma)\tau\omicron\upsilon\ \chi(\rho\iota\sigma\tau)\omicron\upsilon\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (мѣсяца іюля 25, индикта 15, года 536 царствованія Господа Иисуса Христа). Считать ли годы царствованія Господа Иисуса Христа отъ рождества или отъ вознесенія Его, во всякомъ случаѣ существованіе монастыря Юва восходитъ ко временамъ ранѣе Ислама. О до-магометанскомъ существованіи монастыря кромѣ надписи говоритъ ясно «праздникъ монастыря Юва», который, по сирійскому календарю Казвинія (*Calendarium Syriacum Cazwini ed. Guil. Volck. 1859. p. 15*), христіанское населеніе праздновало ежегодно 23 апрѣля. Кромѣ того, объ этомъ монастырѣ упоминается въ исторіи *Ibn Ketir'a*, гдѣ сказано, что въ 13 году Геджры въ окрестностяхъ этого монастыря было собрано большое греко-гассанидское войско, которое, подъ предводительствомъ Теодорика, брата императора Ираклія, имѣло отражать нападеніе мусульманъ на Сирію. По народной хроникѣ или по лѣтописямъ *Hamze el—Isfahani* (ум. около 360 г. Геджры, или ок. 982 хр. Эры), онъ основанъ Амромъ 1, вторымъ Гефнидомъ. Такъ какъ первый

гассанидскій царь (Гефнъ 1-й) царствовалъ 45 лѣтъ и 3 мѣсяца, Амръ 5 лѣтъ, а начало династїи гефнидовъ считается отъ 150 года по Р. Хр.; то основаніе монастыря относится къ концу 2-го христіанскаго вѣка. Возможность столь ранняго основанія монастыря Ветцштейнъ объясняетъ тѣмъ, что жизнь пустынная и подвижническая существовала въ восточно-іорданской странѣ у Ессеевъ и въ другихъ обществахъ еще до христіанства, такъ что христіанство, явившись туда, что случилось гораздо ранѣе 200 г. нашей эры, нашло уже готовыя общины подвижниковъ.

Такъ какъ Der Ejub находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Макам'а, то арабскіе географы, пользуясь давнею извѣстностію его, совсѣмъ не упоминаютъ о Макамѣ, и то, что находится въ послѣднемъ, относятъ къ первому. По этому Iakutъ подъ Der Ejubъ говоритъ: «Der Ejubъ есть мѣстность въ Авранѣ, дамасскомъ округѣ, въ которой жилъ Іовъ и отъ Бога подвергся испытанію. Тамъ находится и источникъ, который онъ своею ногою заставилъ течь, и скала, къ которой онъ прислонялся. Тамъ же и его могила». Почти тоже самое пишетъ Kazwini въ *Чудесахъ творенія*: «Der Ejubъ находится въ одномъ изъ дамасскихъ округовъ, и былъ мѣстомъ жительства Іова, гдѣ Богъ подвергъ его испытанію. Тамъ же и источникъ, который открылся ударомъ его ноги, когда Богъ въ концѣ испытанія повелѣлъ ему и сказалъ: ударь твоею ногою, — тогда откроется источникъ, и онъ будетъ для тебя прохладительною купальней и питьемъ (Коранъ 38, 41). Тамъ и скала, на которой онъ сидѣлъ, и его могила». Der Ejubъ и Макамъ мѣстности одинокія. Въ разстояніи не болѣе по-

лутора часа пути отъ нихъ находится Nawá, которая считается главнымъ городомъ этой страны. Весьма вѣроятно, что обѣ онѣ относились къ Nawá, какъ къ своему городу. Поэтому, нѣтъ никакого противорѣчія, когда тѣже самые писатели называютъ и Nawa мѣстопробываніемъ Іова и мѣстомъ погребенія его. Въ этой близости означенныхъ мѣстностей къ городу можно находить прекрасное объясненіе выраженія Іова въ 29, 7: *когда я выходилъ къ воротамъ города...* עָלֵי עִירִי sursum ad urbem. На основаніи этого выраженія нѣкоторые толкователи думали, что Іовъ имѣлъ помѣстье въ полѣ и приходилъ въ сосѣдній городъ, чтобъ участвовать въ собраніяхъ народа (Heiligst. Comm. in Iob. p. 198).

Изъ послѣднихъ сказаній Iakut'a и Kazwini, сходныхъ съ Кораномъ 38, 41, можно заключать, что преданія, соединенныя съ Dêr Ejub, ведутъ свое начало отъ временъ весьма далекихъ.

Судя по древности монастыря Dêr Ejub, судя также и по древности Корана, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что преданіе объ Іовѣ, сохраняющееся донинѣ у мусульманъ, перешло къ нимъ отъ христіанъ, въ Авранѣ обитавшихъ. Евсевіевъ Astaroth, нынѣ называемый Tell-Astara, находится не болѣе, какъ въ часовомъ разстояніи отъ Dêr Ejub'a; слѣдовательно, преданіе принятое Евсевіемъ (ἐκ παραδωσεος) о мѣстожительствѣ Іова, приводитъ насъ къ тому же мѣсту, на которое указываетъ живой голосъ туземцевъ вмѣстѣ съ монументальнымъ свидѣтельствомъ отдаленной древности.

О почтеніи, какое имѣли къ мѣсту жительства Іова въ древнія христіанскія времена, можно заключать изъ словъ св. Златоуста, который въ одной бесѣдѣ

своей говорить, что «многіе пилигримы отъ конца земли (ἀπὸ περάτων τῆς γῆς) отправляются въ Аравію (εἰς τὴν Ἀραβίαν), чтобы видѣть ту кучу навоза (τὴν κοπρίαν), на которой лежалъ Іовъ, и лобызать ту землю (τὴν γῆν), на которой онъ страдалъ». Эта Аравія не другая страна, какъ та, которую Евсевій называетъ Ватанеей, и это κοπρία негдѣ больше искать, какъ у Макам Ејав или Дер Ејав.

Если припомнимъ теперь тѣ признаки, которые находятся въ нашей книгѣ для опредѣленія страны, гдѣ жилъ Іовъ, то указываемое преданіемъ мѣсто жительства его совершенно имъ соотвѣтствуетъ.

1. Живя въ Авранѣ, Іовъ могъ быть названъ *великимъ между всѣми сынами востока* (Іов. 1, 3). Авранъ находится въ томъ районѣ, на который простирается выраженіе $\equiv \text{רר } \text{רר}$.

2. Такъ какъ Авранъ находится въ сѣверной или сѣверо-западной части пустынной Аравіи, то писатель нашей книги могъ сказать, что вѣтеръ пришелъ *изъ странъ лежащихъ по ту сторону пустыни* (1, 19), или—что *буря приходитъ отъ юга* (37, 9).

3. Подъ именемъ Халдеевъ въ Библии разумѣются кочевые обитатели пустынь, вѣроятно месопотамской и сирійской, которыхъ собралъ Ассуръ, образовавъ изъ нихъ первоначально военную силу (Исаія 23, 13), и которые потомъ составили ядро вавилонской монархіи (Аввак. 1, 6). По сказанію Птолемея (V, 20. 3), страна Халдеевъ (Χαλδαία) послѣ того, какъ эти кочующіе номады получили осѣдлость, была сосредѣлена пустынной Аравіи (παράκειται τῇ ἐρήμῳ Ἀραβία). Живя такимъ образомъ на

сѣверо-востокѣ отъ Аврана, Халдеи, отличающіеся хищничествомъ и грабежомъ (Абвак. 1, 6. 9), могли проникнуть въ Авранъ и похитить верблюдовъ Іова (Іов. 1, 17). Впрочемъ, говоря о Халдеяхъ, угнавшихъ верблюдовъ Іова, надо имѣть въ виду время, въ которое жилъ Іовъ. На юго-востокѣ отъ Аврана, въ сосѣдствѣ съ деданитянами и оеманитянами, обитали Савеяне, потомки Авраама отъ Хеттуры (сн. Быт. 25, 3. 6. 15. Іов. 6, 19. Исаи 21, 14), и также могли проникать въ Авранъ и угнать воловъ и ослицъ Іова (1, 15) ¹).

4. Мѣста, изъ которыхъ пришли друзья Іова (Іов. 2, 11), были также не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста жительства Іова. Оеманъ, изъ котораго пришелъ Елифазъ, городъ въ восточныхъ предѣлахъ Идумеи (Іер. 49, 7. 20. Езек. 25, 13. Амос. 1, 12. Авв. 3, 3. Авд. 9) въ пяти миляхъ отъ Петры (Іеронимъ de situ loc. hebr. sub Thema). *Савхея*, родина Виллада (производятъ отъ פֶּשֶׁת сына Авраамова отъ Хеттуры, Быт. 25, 2), по мнѣнію Гезеніуса, Винера, Гейлигштедта и друг., тоже что Σαχχαία, которая по Птоломею (V, 15. 25), находилась въ восточной части Ватанеи (Βαταναιάς χώρας, ἥς ἀπ' ἀνατολῶν ἡ Σαχχαία..). По свидѣтельству Евгезиппа, Сануто и Вильгельма Тирскаго, это есть *Sueta*, тоже что нынѣшній *Suwet* (*Ritter*, *Syr. u. Pal.* II, 1019), находящійся въ Авранѣ въ сосѣдствѣ съ *Muzerib'omъ*.

¹ Отъ этихъ Савеянъ отличаются Савеяне, потомки Іоктана, сына Еверова (Быт. 10, 28), *народъ отдаленный* (Іоил. 4, 8), жившій въ счастливой Аравіи, въ нынѣшнемъ Іеменѣ богатый произведеніями природы и ведшій торговлю съ Тиромъ (Іезек. 27, 22—24). *Win. R. W. B.* 2. s. 405. *Rosenm. Schol. in Iob. Proleg* § V.

Въ томъ и другомъ случаѣ Вилладъ былъ изъ одной страны съ Іовомъ. *Наама*, נַחֲמָה, изъ которой происходилъ Софаръ, третій другъ Іова, упоминается въ числѣ городовъ колѣна Іудина (Нав. 15, 41). Весьма вѣроятно, что Софаръ былъ іудей. То, что говоритъ онъ въ 20, 29 (вотъ доля беззаконному человѣку отъ Бога и участь *изреченная ему Всемогущимъ*), прилично сказать іудею, имѣвшему положительное откровеніе отъ Бога. *Вузъ*, בּוּז, отечество Эліуя, упоминается у Іерем. 25, 23 какъ имя народа въ ряду съ Деданомъ и Фомою; отсюда заключаютъ, что страна, гдѣ жилъ этотъ народъ, находилась въ пустынной Аравіи на югъ отъ земли Уцъ, или отъ Аврана.

5. Близость Іордана къ тому мѣсту, гдѣ жилъ Іовъ, очевидная. Одинъ изъ источниковъ его, называемый Даномъ, получалъ свое теченіе въ самомъ Авранѣ, въ окрестности Muzerib'a и извѣстенъ какъ быстротою теченія такъ и широкимъ и обильнымъ разливомъ, затопляя водою въ мартѣ мѣсяцѣ всѣ окрестности къ востоку отъ Gezzar. Въ той странѣ, гдѣ жилъ Іовъ, говоря о неустрашимости гиппопотама, нельзя было употребить лучшаго и болѣе очевиднаго образа для представленія ея, какъ сказавъ, что онъ *стоитъ смѣло, хотя бы Іорданъ поднимался ко рту его* (Іов. 40, 18).

6. Едва ли какая другая страна на всемъ востокѣ, какъ Авранъ, и по свидѣтельству священ. книгъ о Васанѣ, и по описанію новѣйшихъ географовъ, могла представлять достаточныя пастбища для многочисленныхъ стадъ скота мелкаго и крупнаго, какими обладалъ Іовъ, и плодородную почву для земледѣлія, дававшую Іову средства кормить сырыхъ и бѣдныхъ, странниковъ и пришельцевъ (31, 17).

18. 31. 32). «Что касается плодородія страны, говорить Ветцштейнъ (s. 512), то хотя въ восточно-іорданской области, какъ въ Ирбидѣ (Irbid) и Суветѣ (Suwet), также между Сальтомъ (Salt) и Амманомъ (Amman) находится почва весьма плодородная, но нигдѣ земля не вознаграждаетъ такъ щедро труда при обыкновенномъ воздѣлываніи, какъ въ Авранѣ, и получаемыя здѣсь произведенія земли цѣнятся выше другихъ; напримѣръ, ватанейская пшеница всегда 25% дороже всякой другой».

7. Занимая богатую и плодородную равнину, Авранъ частью и на западѣ, но особенно на сѣверо-востокѣ и востокѣ окруженъ горными возвышеніями. На западѣ, въ смѣжной съ Авраномъ области Gedur, тянется цѣпь вулканическихъ киглей или горныхъ островковъ до юговосточнаго края горы Ермонъ. На сѣверо-востокѣ тянется цѣпь дикихъ и утесистыхъ скалъ древняго Трахона, сплошное продолженіе которыхъ образуетъ по всей восточной линіи Аврана до Босры такъ называемый горный Авранъ. То, что мы знаемъ уже изъ исторіи Вильгельма Тирскаго объ ущельи Roob, и въ особенности—что мы знаемъ изъ повѣствованія Іосифа Флавія о Трахонитидѣ и жилищѣ трахонитскихъ разбойниковъ, напоминаетъ тѣ *страшныя яры, ущелья земли и утесы* (Іов. 30, 6), въ которыхъ во время Іова жили люди негодные, лишенные добраго имени, изгоняемые изъ общества какъ воры (ст. 5. 8 и др.). Это не Хорреи, какъ полагаютъ Эвальдъ (Das B. Iob. s. 273), Гирцель (Iob, p. 178) и Гейллитедтъ (Com. in Iob. p. 204), изгнанные Идумеянами изъ горы Сеиръ (Втор. 2, 12. 22), а точно такой же сбродъ людей, какой былъ во время Іосифа въ Трахонитидѣ, противъ коего римскіе кесари

принимали мѣры для охраненія мирнаго населенія, — людей частію изгнанныхъ изъ общества за худое поведеніе, частію чуждавшихся общества по склонности къ свободѣ и грабежу. Какъ люди бѣдные и голодные, въ то время, когда Іовъ жилъ въ богатствѣ, они находили у него кусокъ хлѣба, питались отъ его щедрости; теперь, когда у самаго Іова ничего не стало, какъ люди, потерявшіе совѣсть, они смотрѣли на него съ презрѣніемъ и позволяли себѣ оскорблять его дерзкими поступками.

8. Наконецъ, то, что говорится въ книгѣ Плачь 4, 21 о землѣ Уцъ, можетъ относиться во всей силѣ къ Аврану. Изъ книги пр. Іезекіиля (35, 10. 36, 5) можно заключать, что Идумеяне, по разрушеніи Іерусалима вавилонянами и отведеніи евреевъ въ плѣнъ, какъ помогавшіе вавилонскому войску (Авд. 11. 13. 14), распространились по всей Палестинѣ; а отсюда, такъ какъ ничто имъ не препятствовало, проникли и въ заіорданскія области и поселились колоніями въ землѣ Уцъ или Авранѣ. Какъ страна богатая и плодородная, Авранъ естественно составлялъ предметъ ихъ торжества и тщеславія. Потому, пророку естественно было сказать съ горькимъ чувствомъ: *Радуйся и веселись, дочь Едома, живущая въ землѣ Уцъ! Дойдетъ чаша и до тебя!*

III. Когда жилъ Іовъ? Обращаясь съ этимъ вопросомъ къ самой книгѣ, находятъ въ ней признаки, что Іовъ жилъ въ вѣкѣ патріарховъ, даже ранѣе Моисея. Признаки эти указываютъ въ изображеніи быта Іова, въ современныхъ ему нравахъ и обычаяхъ, въ религіозныхъ

представленіяхъ и культѣ, и въ другихъ частныхъ обстоятельствахъ, упоминаемыхъ въ нашей книгѣ ¹⁾. Представимъ эти признаки и покажемъ, на сколько они служатъ доказательствомъ, что Іовъ жилъ въ патриархальное время.

1. Богатство Іова заключается въ стадахъ мелкаго и крупнаго скота (1, 3. 42, 12), также какъ богатство Авраама (Быт. 12, 16. 24, 35), Исаака (Быт. 26, 14) и Іакова (Быт. 30, 43). Въ исчисленіи этого богатства заключаются овцы, верблюды, волы и ослицы, но нѣтъ лошадей, которые у евреевъ являются только при Давидѣ (2 Цар. 8, 4) и Соломонѣ (3 Цар. 10, 28. 2 Пар. 1, 14). Но если Іовъ жилъ не въ Палестинѣ, а въ другой странѣ, то по еврейскому быту нельзя судить о бытѣ Іова. Лошади водились въ Египтѣ при Іосифѣ (Быт. 47, 17. 50, 9); у Хананеевъ во время Іисуса Навина было ихъ весьма много (Нав. 11, 4). Стало быть, по роду скотоводства, которымъ занимаются въ той или другой странѣ, нельзя заключать о времени жизни занимающихся имъ. Не всякая страна удобна для разведенія всякаго скота; одна представляетъ удобство для разведенія лошадей, другая ихъ совсѣмъ не имѣетъ, и потому въ ней занимаются другимъ родомъ скотоводства, для котораго она представляетъ богатая пастбища. Въ этомъ отношеніи богатая свѣдѣнія даетъ намъ о производствѣ восточныхъ странъ, находив-

---

¹⁾ *Carpzov*. Introd. II. 43. 56. *Eichhorn*, Einleit. V. 153 ff. *Iahn*, Einleit. II. 799 f. *Stuhlman*, Übers. B. Hiob. s. 55 f. *Hirzel*, Hiob s. 9. *Herbst*, Einleit. Thl. II. Abth. 2. s. 184—186. *Rosenm.* Proleg. in Iobum, p. 31—35. et coet.

шихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Тиромъ, 27 гл. пр. Іезекіиля. Изъ ней между прочимъ видно, что разведеніемъ лошадей во время Іезекіиля славилась особенно Арменія, доставлявшая Тиру коней и жеребцовъ и лошаковъ (ст. 14); Аравія и всѣ князья кидарскіе доставляли Тиру ягнятъ, барановъ и козловъ (ст. 21). Изъ кн. прр. Исаіи (13, 20) и Іереміи (49, 29. 32) видно, что въ ихъ время аравитяне занимались разведеніемъ верблюдовъ и овецъ и съ своими большими стадами проходили до береговъ Евфрата, ища тучныхъ пастбищъ. Такимъ образомъ, хозяйство, которымъ занимался Іовъ, можетъ указывать не на время его жизни, а скорѣе на страну, въ которой онъ жилъ.

2. Уваженіе, каковымъ пользовался Іовъ, свойственно, говорятъ, временамъ патріархальнымъ, когда въ обществѣ не развиты еще гражданскія отношенія членовъ и не облечены въ форму узаконеннаго порядка. Въ 29, 7—10 Іовъ говоритъ: *когда я выходилъ къ воротамъ города, и на площади ставилъ стулъ себѣ; юноши, увидѣвъ меня, прятались, а старцы вставали, стояли; князья прекращали рѣчь, и полагали руку на уста свои; голосъ знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ ихъ прилипалъ къ гортани ихъ; ст. 21. 22: внимали мнѣ, и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали; послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое; ст. 24: я улыбался на тѣхъ, кои не вѣрили, и свѣта лица моего они не могли низложить; ст. 25: я избиралъ для нихъ пути, и сидѣлъ какъ глава, и жилъ какъ царь въ кругу воиновъ, какъ утѣшающій плачущихъ* Сравниваютъ это мѣсто съ Быт. 23, 5. 6., гдѣ говорится: *сыны Хета отвѣчали*

Аврааму, и сказали ему: послушай насъ, господинъ нашъ; ты князь Божій среди насъ; въ лучшемъ изъ нашихъ мѣстъ похорони умершую твою. Выраженія: господинъ нашъ, князь Божій среди насъ, указываютъ не на право власти, которой Авраамъ не имѣлъ и ни въ какомъ случаѣ не показалъ надъ хеттеенами, но на достоинство чести, на личное уваженіе, которое сыны Хетовы хотѣли выразить Аврааму. Личныя достоинства, независимо отъ гражданскаго положенія лица, всегда и вездѣ, не только въ патріархальныхъ обществахъ, но и въ благоустроенныхъ государствахъ, и въ послѣднихъ даже болѣе, чѣмъ въ первыхъ, пользовались особеннымъ уваженіемъ со стороны общества; люди отличающіеся разсудительностію и практическою мудростію, извѣстные своими добродѣтелями и безкорыстіемъ, какъ скоро являлись съ своимъ мнѣніемъ и совѣтомъ въ средѣ общественной, всегда и вездѣ, исключая развѣ обществъ стоящихъ на крайней ступени развращенія и нравственнаго упадка, имѣли вліяніе на общественное мнѣніе и на ходъ дѣлъ гражданскихъ и политическихъ. Іовъ и говоритъ объ этомъ уваженіи, которымъ пользовался онъ среди общества по своимъ личнымъ достоинствамъ и въ особенности потому, что былъ защитникомъ невинныхъ и помощникомъ для бѣдныхъ—сирыхъ (ст. 12—17). Изъ приведенныхъ словъ Іова видно совершенно другое,—что строй общества въ его время менѣе походилъ на патріархальный, чѣмъ на другой какой.

3. Во время Іова оказывается предпочтеніе лѣтамъ и старческому возрасту. Друзья ведутъ съ нимъ разговоры въ порядкѣ своего старшинства по возрасту, сначала Елифазъ, какъ старшій всѣхъ возрастомъ, потомъ Вилдадъ,

наконецъ Софаръ, какъ младшій между ними. Эліуй молчитъ во все время ихъ разговора, потому что считалъ не умѣстнымъ открывать уста, когда говорили старшіе (32, 7. 8). Предкамъ и старцамъ усвоается знаніе и мудрость (8, 8—10. 12, 12. 15, 7. 32, 7. 38, 21).—Но почтеніе возраста и уваженіе опытности принадлежатъ не одному патріархальному времени: эти чувства, внушаемыя намъ самою природою, уважаются равно на всѣхъ степеняхъ человѣческаго развитія и у всѣхъ народовъ освящены законодательствами. Различіе между патріархальными временами и позднѣйшими въ этомъ отношеніи касается только степени уваженія личныхъ достоинствъ независимо отъ возраста, и — свободы мнѣнія независимо отъ авторитета. Съ этой стороны книга наша представляетъ такія явленія, которыя можно примѣчать въ обществахъ человѣческихъ только на степени значительнаго развитія цивилизаціи. Іовъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ его (Іов. 29, 7—25), по личнымъ своимъ качествамъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ своемъ обществѣ. Онъ не былъ ни князь, ни старецъ, а когда выходилъ къ воротамъ города, старцы вставали и стояли, князья прекращали рѣчь; когда подавалъ свое мнѣніе, всѣ его выслушивали и никто не возражалъ. Друзья Іова, между коими были вѣроятно и моложе его лѣтами, свободно высказываютъ свои сужденія, не стѣсняясь его возрастомъ. Эліуй, младшій изъ всѣхъ, до конца бесѣды Іова съ друзьями удерживается отъ вмѣшательства въ разговоръ, но не потому что обычай возбранялъ ему говорить, когда разсуждали старшіе, а потому, что *робѣлъ и боялся высказать* свое знаніе предъ старцами (32, 7), хотя въ то

же время сознавалъ, что мудрость принадлежит не однимъ многолѣтнимъ старикамъ (10). И самъ Іовъ, когда друзья ссылались на свидѣтельство отцовъ, замѣтилъ имъ, что надобно разбирать, что сказано другими, также какъ уста отвѣдываютъ пищу себѣ, и что совѣтъ и разумъ не въ старцахъ, а у Бога (12, 11—13). Такимъ образомъ доказательство, что Іовъ жилъ въ патриархальныя времена, взятое изъ замѣчаемаго въ книгѣ уваженія къ старческому возрасту, не имѣетъ никакой силы.

4. Іовъ, не будучи священникомъ, самъ исправляетъ дѣла, свойственныя священническому званію, самъ освящаетъ дѣтей и приноситъ жертвы за нихъ (1, 5. 42, 8), — примѣры чего встрѣчаются только въ патриархальныя времена (Быт. 8, 20, 22, 13. 31, 54), когда не было еще установлено особыхъ служителей для этого дѣла. Относительно этого можно замѣтить слѣдующее. Священники для совершенія религіозныхъ обрядовъ и принесенія жертвъ были у евреевъ — установленные самимъ Богомъ, и у язычниковъ, поклонявшихся идоламъ, учрежденные ими самими. Іовъ не былъ ни еврей, ни язычникъ, но былъ чтиль истиннаго Бога въ землѣ идолопоклоннической. Стало быть, не могъ онъ пользоваться ни священствомъ еврейскимъ, ни жрецами языческими, а, наслѣдовавъ Богопознаніе отъ предковъ, наслѣдовалъ отъ нихъ и древній обычай священнослуженія, естественный, назывемъ — пожалуй — патриархальный. Иначе и быть не могло, потому что для людей этого круга не было устанавливаемо Богомъ особаго священства. Къ разъясненію этого обстоятельства можетъ служить слѣду-

ющій фактъ изъ священной исторіи. Нееманъ, сирійскій военачальникъ, получивъ исцѣленіе отъ пророка Елисея, просилъ у него позволенія взять священной земли для сооруженія на ней жертвенника на своей родинѣ; потому что, какъ говорилъ онъ Елисею, не будетъ впредь приносить всесоженія и жертвы другимъ богамъ, кромѣ Іеговы. И получилъ на это позволеніе (4 Цар. 5, 17). Ктожь совершалъ жертвоприношеніе на родинѣ Неемана на устроенномъ имъ жертвенникѣ? Конечно, самъ же онъ.

5. Во время Іова продолжаются еще Богоявленія (Іов. 38, 1. 42, 5), какъ были они въ періодъ патріарховъ, на примѣръ явленіе Бога Аврааму у дуба Мамврійскаго (Быт. 18 гл.), Іакову ночью, когда Богъ боролся съ нимъ (32, 30), Іакову же въ Лузѣ по возвращеніи изъ Месопотаміи (35, 9). Но есть различіе между Богоявленіями періода патріархальнаго и явленіемъ Бога Іову. Патріархамъ являлся Богъ не посредственно въ образѣ человѣческомъ, безъ окружающаго Его величія, и бесѣдовалъ съ ними какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Іову является Богъ въ вихрѣ бурномъ. Не вѣрно то, что Богоявленія были только въ патріархальный періодъ; онѣ продолжались и послѣ, во все время Θεократіи, только форма или образъ этихъ богоявленій былъ другой, отличный отъ патріархальнаго. Еще прежде явленія Бога Іовъ говорилъ о Богѣ: *Онъ, который съ вихрь бурномъ дышетъ на меня пльвомъ* (Іов. 9, 17). Елифазъ, описывая свое видѣніе, говоритъ, что въ началѣ видѣнія вѣтръ пронесся предъ нимъ (Іов. 4, 15). Въ Пс. 49, 3 говорится: *грядетъ Богъ нашъ, и не въ молчаніи;*

предъ лицемъ Его огонь пожирающій, вокругъ Его *сильная буря*. У пр. Наума говорится также, что *въ вихрь и бурю* путь Іеговы (1, 3). Пророку Іліи Господь являлся среди большого и сильного вѣтра, раздирающаго горы и сокрушающаго скалы (3 Цар. 19, 11). Явленіе Бога Іезекіиллю сопровождалось также *бурнымъ вѣтромъ*, который шелъ отъ сѣвера (Іезек. 1, 4). Выходить, что явленіе Бога Іову было облечено въ такой образъ, который считался обычнымъ по представленію не патриархальнаго а позднѣйшаго времени іудейской еоократіи.

6. Во время Іова снамъ дается значеніе оракуловъ. Эліуй говоритъ: во снѣ, въ ночномъ видѣніи, когда сонъ находитъ на человѣковъ, во время дремоты на ложѣ,— тогда онъ открываетъ ухо человѣковъ, и впечатлѣваетъ имъ наставленіе (33, 15. 16). Такая вѣра въ сны была во время патриарховъ, когда Господь открывалъ чрезъ нихъ свою волю, на примѣръ Іакову—свое домостроительство о спасеніи людей (Быт. 28, 12), Іосифу—судьбу братьевъ и его собственную (Быт. 38, 5. 9), Фараону—предстоящій продолжительный голодъ (41, гл.), и проч. Такая же вѣра въ сны была и въ періодъ плѣна вавилонскаго, какъ показываютъ сны Навуходоносора (гл. 2 и 4). Такая вѣра была и во всѣ времена древней исторіи не только у народа еврейскаго (Суд. 7, 13. 1 Цар. 28, 6. 3 Цар. 3, 5. Іоил. 12, 6. Іерем. 23, 25, Зах. 10, 2. Прем. 18, 19. Матѳ. 2, 12. 13. 19. 27, 19), но и у другихъ народовъ. См. *Win bibl. Real—Wört.* II. 632).

7. Долголѣтіе Іова считаютъ также признакомъ жизни его въ патриархальный періодъ. Послѣ болѣзни Іовъ жилъ 140. лѣтъ, по еврейскому тексту. Не сказано въ

книгѣ, вакихъ лѣтъ былъ онъ, когда постигла болѣзнь; будучи отцемъ десятерыхъ дѣтей, онъ не могъ быть молодымъ; но на основаніи замѣчанія Елифаза (15, 10), что есть между ними и сѣдовласый и старецъ, лѣтами превышающій отца Іова, нельзя считать Іова и старымъ. Положимъ, ему было 50 лѣтъ. Всей жизни, значить, 190 лѣтъ. Долголѣтіе замѣчательное. Авраамъ жилъ 175 лѣтъ, Исаакъ 180, Іаковъ 147, Іосифъ 110, Моисей 120. Изъ Псалма 89, который приписывается Моисею, видно, что и въ вѣкѣ Моисея обычнымъ предѣломъ жизни человѣческой полагалось 70 и при большей крѣпости 80 лѣтъ (ст. 10). Стало быть, и въ то время долголѣтіе, простиравшееся до 190 лѣтъ, могло являться какъ исключеніе изъ общаго порядка. А такія исключенія бывали всегда, бываютъ даже и въ наши дни. Гуфеландъ въ своей Макровіотикѣ представляетъ изъ прошлаго вѣка нѣсколько примѣровъ долголѣтія, простиравшагося до 150, 170 и даже 185 лѣтъ ¹⁾. Примѣры долголѣтія, простирающагося до 150 лѣтъ и далѣе, бываютъ и въ наши дни ²⁾. Такимъ образомъ, долголѣтіе Іова не можетъ служить доказательствомъ, что онъ жилъ во времена Патріарховъ.

8. Послѣ выздоровленія Іова, собрались къ нему всѣ братья, всѣ сестры и всѣ прежніе знакомые его.... и дали

¹⁾ Макровіотика Гуфеланда. Лекція V: долгота жизни у человека, стр. 82—123.

²⁾ Въ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1860 годъ показано два такихъ случая; подобные случаи (до 135 л.) повторяются впрочемъ почти каждый годъ, какъ можно видѣть изъ тѣхъ же отчетовъ за другіе годы.

каждый по одной кеситъ, и каждый по одному кольцу золотому (Иов. 42, 11). Обычай привѣтствовать послѣ выздоровленія подарками существовалъ на востокѣ не сомнѣнно въ періодъ царей іудейскихъ, какъ видно изъ исторіи Езекин, которому Меродахъ Валаданъ, царь вавилонскій прислалъ письмо и дары, когда узналъ, что онъ былъ болѣнъ и выздоровѣлъ (Исаи 39, 1). Что былъ обычай дарить кольца мужчинамъ для ношенія на рукѣ, можно считать вѣроятнымъ; извѣстно, что цари, въ знакъ особеннаго вниманія своего къ высшимъ сановникамъ или къ лицамъ оказавшимъ какія либо заслуги, давали перстни или кольца, иногда съ своей даже руки. Примѣры этого видимъ и въ патриархальное время и въ позднія времена еврейской исторіи (Быт. 41, 42. Есфир. 3, 10. 8, 2. 1 Макк. 6, 15¹⁾). Но признакъ патриархальнаго времени Іова указываютъ не столько въ этихъ обычаяхъ, сколько въ употребленномъ здѣсь словѣ — *кесита*. קֶסֶטָה встрѣчается въ Библии кромѣ Іова только два раза: въ кн. Быт. 33, 19 и Ис. Нав. 24, 32. Въ кн. Исуса Навина оно буквально перенесено вмѣстѣ съ текстомъ повѣствованія изъ кн. Бытія. Стало быть, слово это препровождаетъ насъ исключительно въ періодъ патриархальный. Что означается этимъ словомъ, филологи и археологи въ недоумѣніи. Одни разумѣютъ подъ нимъ опредѣленный вѣсъ золота или серебра, (по слич. Быт. 33, 19 съ 23, 16) въ четыре раза тяжелѣе сикля (*Michael. Comment. de siclo hebr. ante exilium Babylonic. A. Schultens. Comm. ad Job. 42, 11*); другіе — золотой или серебряный сосудъ, какого рода сосуды

¹⁾ Winer, *Bibl. Realwörterb., Siegel.*

въ древности употреблялись для подарковъ, а въ случаѣ нужды вмѣсто денегъ (*Faber ad Harmeri Beobachtungen über den Orient.* Р. II. р. 18. Rosenm. Schol in Gen. 33, 19); *Мандельштамъ* находитъ это слово въ арабскомъ языкѣ, гдѣ оно значитъ *мѣрку пшеницы, часть какой-нибудь вещи и овса* (Филолог. словарь къ русск. пер. Библии, стр. 127); и т. д. Бохартъ (*Hierozoic.* Т. 1. 3. с. 43) передаетъ, что Р. Акиба видѣлъ въ свое время въ Африкѣ монеты, называвшіяся *кесита*. LXX, коимъ слѣдуютъ все древніе переводы, перевели еврейское קֶסִיטָה словомъ *ἀμνος* — *агнецъ, ягненокъ*. Отсюда Мюнтеръ (in prog. dan. de Kesita, Kopenh. 1824) думалъ, что Кеситою означается монета, имѣющая на себѣ изображеніе овцы, — какого рода монеты существовали на островѣ Кипрѣ. Если принять во вниманіе, что имущество *Іакова* состояло изъ овецъ, что отдѣленіе хозяйства *Іакова* отъ *Лаванова* послѣдовало только при удаленіи его изъ Месопотаміи въ ханаанскую землю, почему не могъ онъ запасться достаточнымъ количествомъ ходячей монеты, и что въ землѣ Ханаанской ранѣе *Іакова*, при торговыхъ оборотахъ, употреблялись уже извѣстные цѣнные знаки, бывшіе въ ходу у купцовъ (Быт. 23, 16); то переводъ LXX קֶסִיטָה словомъ *ἀμνος* заслуживаетъ наибольшаго вѣроятія предъ всеми объясненіями, какія даютъ ему позднѣйшіе толкователи. Кесита могло означать особый родъ или извѣстный возрастъ ягнятъ. Названіе это, употребленное единственно только при покупкѣ *Іаковымъ* поля у сыновъ *Еммора*, могло быть туземнымъ въ той странѣ, въ которой жилъ *Іовъ*, гдѣ овцеводство было развито гораздо болѣе, чѣмъ въ Палестинѣ, какъ можно заключать изъ численности его у *Іова*, пока-

занной въ нашей книгѣ (42, 12), и изъ тѣхъ удобствъ, какія представляла для него страна Іова. Но изъ слова *אֲרָחַל* отнюдь нельзя заключать, что Іовъ жилъ въ патриархальное время; слово это было очевидно чужое въ Палестинѣ, почему оно послѣ Іакова и не осталось въ употребленіи у евреевъ, а въ странѣ Іова могло быть въ употребленіи до поздняго времени.

Такимъ образомъ, указываемые въ нашей книгѣ признаки патриархальнаго быта во время жизни Іова суть признаки только мнимые. Напротивъ, въ нашей книгѣ много есть такого, что, по замѣчанію Бернштейна (*Analekt. für d. Studium der exeget. u. dogmat. Theologie Vol. I. P. 3. p. 81*), располагаетъ читателя думать, что Іовъ жилъ въ такое время, когда люди давно уже вышли изъ простоты патриархальнаго быта.

1. По переходѣ патриальной или родовой формы жизни въ другія, семейный или домашній бытъ въ обществахъ человѣческихъ долгое время удерживаетъ черты свойственныя первой. Патриархальныя отношенія членовъ семейства, простота и естественность въ образѣ жизни, въ домашнемъ строѣ, остаются надолго безъ измѣненія. Особенно должно это сказать о восточныхъ племенахъ югозападнаго материка Азіи, у которыхъ, при недостаткѣ государственнаго развитія, или по особенному характеру государственной формы, доселѣ сохраняются нравы, обычаи и порядки первобытнаго патриархальнаго строя. И въ домашнемъ или семейномъ бытѣ Іова ярко выставляются черты патриархальной жизни, хотя въ то же время нельзя не примѣчать въ нихъ яснаго оттѣнка поздней гражданственности. Кругъ семейныхъ или домашнихъ отношеній опредѣляется соста-

вомъ его семьи, въ которую входятъ жена, дѣти—сыновья и дочери, слуги и служанки, и временно или случайно родные—братья и сестры, близкіе и дальніе знакомые, бѣдные и сироты, странники или путешественники. Какъ самъ Іовъ такъ и дѣти его живутъ въ благоустроенныхъ домахъ, далеко не похожихъ на шатры кочующихъ пастуховъ. Дѣти—сыновья живутъ въ особыхъ домахъ, какъ личности самостоятельныя,—если не были они еще женаты, то подобное явленіе не мыслимо въ патриархальномъ быту,—сходятся другъ къ другу по очереди и вмѣстѣ съ сестрами обѣдаютъ и пьютъ вино, а въ назначенные дни приходятъ къ отцу для религіознаго очищенія жертвоприношеніемъ. Слуги и служанки пользуются уваженіемъ отъ своего господина, какъ равноправные съ нимъ по естественному закону (31, 13—15). Личное право слуги не только опредѣлено, но и ограждено закономъ (31, 13). Іовъ свято уважаетъ его не только *de jure*, но еще болѣе по глубокому сознанию во всѣхъ людяхъ единства природы, созданной Богомъ. Вдова, сирота и бѣдный находятъ въ домѣ Іова пріютъ, одежду и пищу, покровъ и помощь (31, 16—20), странникъ и путешественникъ—ночлегъ, покой и насыщеніе (31, 30—32), и т. д.

2. Менѣ сходства съ патриархальнымъ бытомъ представляется въ общественномъ строѣ современной Іову жизни. Надъ правомъ старѣйшинства видимо возвышается свободное общественное мнѣніе. Іовъ говоритъ, что если бы онъ былъ только *лицемѣръ*, позволяющій втайнѣ себѣ всякіе пороки, тогда онъ боялся бы *великаго собранія, презрѣнне племенъ* страшило бы его, онъ не могъ бы показаться за дверь своего дома (31, 34). Нечестивому ти-

ранну нѣтъ имени на площади (18, 17 слч. 7). Открытая площадь у воротъ города есть мѣсто общественныхъ собраній, куда сходятся лица всѣхъ званій и состояній и разныхъ возрастовъ, для совѣщаній по дѣламъ общественнымъ и частнымъ, для суда и разрѣшенія всякихъ прекословій, возникавшихъ между членами общества (29, 7—25). Право голоса не стѣсняется ни возрастомъ, ни знатностію (29, 8—10); личному мнѣнію дается полная свобода (29, 22. 24). Такого общественнаго строя нельзя примѣчать въ патриархальномъ бытѣ. Судъ у воротъ города или своего мѣстопробыванія существовалъ и въ патриархальное время; но по закону Моисееву, онъ принадлежалъ исключительно старѣйшинамъ города или мѣстности; народъ былъ только свидѣтелемъ его и исполнителемъ приговора старѣйшинъ, — не болѣе (Втор. 21, 18—21). Городская жизнь во время Іова представляется въ большемъ развитіи (39, 7).

3. Въ царствахъ, современныхъ Іову, существуютъ разные классы людей и состоянія: цари, главы народа, князья, народные совѣтники, судьи, священники, знатные и сильные вельможи, самонадѣянные и заносчивые вожаки и многомечтающіе о своемъ знаніи старцы (Іов. 12, 17—24), — цари и совѣтники, которые строятъ мавзолеи для своей славы, — князья, наполняющіе дома свои серебромъ и золотомъ (3, 13. 14), — богачи, копившіе себѣ золото, серебро, дорогіе камни и цѣнныя одежды, достававшіе изъ земной утробы драгоценныя сокровища и металлы (20, 15. 27, 16. 17. 28, 1—21), — узурпаторы, неправильнымъ образомъ захватывавшіе чужія помѣстья и поля (24, 2. 31, 38), — гордые вельможи и испорченные аристократы,

притѣснявшіе бѣдныхъ и слабыхъ (24, 2—16). Въ то же время среди обществъ человѣческихъ были бѣдные вытѣсняемые въ пустынные мѣста, — нагіе, ночевавшіе безъ покрова и одѣянія на стужѣ, скитавшіеся безъ пристанища и мокнувшіе подъ горными дождями, — сироты, оторванные отъ сосцевъ матерей, — нагіе лишеныя крова и одежды, — голодные работавшіе за кусокъ хлѣба у богатыхъ, — угнетенные стонавшіе отъ преобладанія и всякаго рода насилія и пр. (24, 2—11. 35, 9). Такая организація народовъ, съ выдѣленіемъ разныхъ классовъ изъ общей массы, съ рѣзкимъ раздѣленіемъ различныхъ состояній, такая неравномѣрность между одними и другими, замѣчаются только въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ пророки рисуютъ состояніе современныхъ имъ народовъ, начиная съ народа Божія, но мало соотвѣтствуетъ строю народной жизни во времена патриархальныя.

4. Устройство судебной части въ вѣкъ Іова представляетъ такую организацію, которая свойственна народѣмъ, достигшимъ извѣстной степени цивилизаціи. Судъ производится открыто и публично на городской площади (Іов. 5, 4). Были особыя лица, которые назначались для производства суда, судьи разбиравшіе дѣло тяжущихся (9, 32. 33. 12, 17. 23, 7); были и законы, опредѣлявшіе проступки достойные наказанія (31, 11. 28). На судъ являлись лично истецъ и подсудимый, обвинитель и обвиняемый (9, 32. 53). Обвинитель или истецъ становился по правую сторону обвиняемаго (30, 12). Жалобы и обвиненія подавались письменныя на сверткахъ (13, 26. 14, 17. 31, 35). На судѣ одинъ говорилъ, другой возражалъ (13, 22). Требовались или допускались

доказательства, оправданіе (23, 4). Приводились свидѣтели (16, 8. 19). Допускалась защита (адвокатура) обвиняемаго, заступничество (29, 16. 17). Принималось поручительство (17, 3). Приговоры судьи произносились съ возложеніемъ руки на обоихъ—истца и обвиняемаго (9, 33). Рѣшивши дѣло, судъ опредѣлялъ и наказанія; таковыми были: заключеніе ногъ въ колоду (13, 27. 23, 11), тѣлесное наказаніе (5, 4), изгнаніе изъ общества или ссылка (30, 5. 6). Случались и подвупы судей, т. е. были и взятки (31, 24).

5. Военная часть во время Юва представляется правильно и до значительнаго совершенства организованною. Воинская служба не считалась исключительною привилегіею одной касты, пожизненно обязанной носить оружіе для защиты страны и распространенія предѣловъ ея; не была также общенародною повинностію, отбываемою только въ случаяхъ защиты или нападенія, послѣ чего воинъ возвращался бы къ мирнымъ своимъ занятіямъ. Изъ 7, 1. 14, 14 можно заключать, что у народовъ во время Юва содержалось постоянное войско, и поступавшіе въ составъ его обязаны были отслужить опредѣленное число лѣтъ, послѣ котораго возвращались къ своему семейству. Войско состояло изъ пѣхоты и конницы (16, 14. 39, 19—25) и раздѣлялось на полки (19, 12). Оружія коннаго воина: колчанъ, копье и пика (39, 23),—пѣшаго: мечъ или желѣзное оружіе (39, 22), лукъ мѣдный (20, 24), стрѣлы (20, 25), иногда напояемая ядомъ (6, 4), метательныя копья (40, 26); при осажденіи крѣпостей употреблялась праца, изъ которой бросались камни въ стѣны укрѣпленій (41, 20). Для защиты отъ ударовъ непріятеля носили на

себѣ латы (41, 18) и употребляли щиты (15, 26). Войско, предварительно снаряженное царемъ (15, 24), вводилось въ сраженіе полководцами или вождями (39, 25). Распоряженія полководцевъ давались посредствомъ военныхъ трубъ (39, 24. 25). Видна воинская тактика. Полки вводились въ сраженіе или все совокупно (19, 12), или выступали одинъ за другимъ, смѣняясь (10, 17. 19, 12), т. е. раздѣлялись на дѣйствующую армію и резервъ. Приступая къ осадѣ города, прежде всего уравнивали дороги на пути движенія къ городу, чтобы съ одной стороны сдѣлать удобнымъ доступъ къ нему, а съ другой обезпечить отступленіе отъ него (19, 12). Осаждаемый городъ облагался со всехъ сторонъ войскомъ, которое располагалось лагеремъ вокругъ него (19, 12). Стрѣльцы, разсыпавшись кругомъ города, бросали со всехъ сторонъ стрѣлы и метательныя копья на защищавшихся съ крѣпостныхъ стѣнъ (16, 12. 13); между тѣмъ войска камнями изъ пращей старались пробивать въ стѣнахъ города проломъ за проломомъ (14). Когда успѣвали сдѣлать широкій проломъ, устремлялись сквозь него съ быстротою внутрь города подъ громомъ разрушеній (30, 14).

6. Замѣтны значительные успѣхи нѣкоторыхъ искусствъ. Современники Гоа знакомы съ письмомъ (13, 26. 14, 17. 19, 23. 31, 35) въ книгѣ, на сверткахъ; вырѣзывали слова на камняхъ, на оловѣ, для чего употреблялся железный или металлическій рѣзецъ (19, 23. 24. 14, 17). Были знакомы съ архитектурою (38, 4—6); строили дома помѣстительныя, дворцы и мавзолеи. Особенно замѣтно искусство въ выдѣлкѣ металловъ и дорогихъ

каменной. Изъ музыкальныхъ орудій употреблялись: тимпанъ, цитра, свирѣль (21, 12) и арфа (30, 31).

7. Промышленность, кромѣ разведенія мелкаго и крупнаго скота, воздѣлыванія полей и виноградниковъ, состояла а) въ охотѣ; изъ употреблявшихся при ней орудій извѣстны: сѣть, тенета, пещя, путо, силки, ловчія орудія (18, 8—10); б) въ добываніи металловъ и дорогихъ камней; рудокопство, какъ видно изъ 28, 1—11, было доведено до утонченнаго совершенства. Богатство поставляли въ серебрѣ, въ изготовленіи одеждъ, въ построеніи домовъ (27, 16. 18) и пр.

8. Торговля существовала мѣновая и покупная, внутренняя и внѣшняя (28, 15. 17. 6, 19). Мѣновая торговля не можетъ считаться принадлежностію только патріархальнаго быта народовъ; она была въ большемъ развитіи и во время пр. Іезекіиля (27, 15. 17. 21. 27).

Изъ этаго описанія современнаго Іову быта мы заключаемъ, что онъ жилъ въ такое время, когда народы вышли уже изъ патріархальной простоты и сдѣлали значительныя успѣхи въ развитіи гражданственности.

Въ книгѣ нашей не называется ни одно современное Іову историческое событіе; но есть такія историческія описанія, которыя могутъ относиться только къ извѣстной эпохѣ и указываютъ на извѣстныя событія.

Говоря объ историческихъ описаніяхъ въ поэтической части книги Іова, считаемъ пущнымъ предварить читателя замѣчаніемъ объ особой манерѣ, какою употребляетъ писатель ея при изображеніи фактовъ изъ исторіи. Указывая на историческія событія, авторъ никогда не представ-

ляетъ ихъ какъ частныя факты или случаи изъ исторіи, но всегда обобщаетъ ихъ, объясняя ими дѣйствія Вседержителя, совершающаго суды Свои надъ народами и карающаго нечестіе беззаконниковъ. Такъ представлено у него истребленіе Содома и Гоморры (18, 15); такъ представлено потребленіе беззаконныхъ людей потопомъ (22, 16); точно такъ же представляются и другія событія изъ исторіи. Поэтому, историческія описанія его имѣютъ видъ только намековъ на извѣстныя событія; вставляемыя въ нихъ замѣчанія (о нечестивыхъ) общаго свойства затемняютъ частныя стороны фактовъ, которые имѣлъ въ виду писатель. И отъ того указанія автора на извѣстныя историческія событія остаются большею частію не замѣченными у экзегетовъ.

1. Изображая предъ друзьями дѣйствія Вседержителя, свободно управляющаго судьбою людей, Іовъ говоритъ: *Онъ отводитъ народныхъ советниковъ какъ добычу* (LXX: ἀρχαλώτους) ¹⁾; *судей дѣлаетъ глупыми* (שִׁלְלִיט обнаруживаетъ глупость); *ослабляетъ грозу царей и обвязываетъ чресла ихъ поясомъ* ²⁾; *отводитъ священниковъ какъ добычу* (LXX: ἀρχαλώτους, см. Іер. 48, 7. 49, 3) и *излагаетъ утвердившихся въ силу; отнимаетъ языкъ у вѣрующихъ въ себя и старцевъ лишаетъ смысла; стыдомъ обливаетъ знаменитыхъ и ослабляетъ поясъ могучихъ; размножаетъ народы и убивъ ихъ, распространяетъ на-*

¹⁾ Въ добычу, שִׁלְלִיט босикомъ, безъ одежды, какъ отводили пѣнныхъ, Исаі. 20, 4.

²⁾ Т. е. на однихъ царей налагаегъ оковы, съ другихъ снимаетъ. Heiligst. Comm. in Iob. ad 12, 18. Rosenm. Schol. in Iob. ad h. 1.

роды и отводитъ ихъ (въ плѣнъ); отъемлетъ сердце у главъ народа земли и оставляетъ ихъ блуждать въ пустынь, идъ нѣтъ пути; оцупью ходятъ они во тѣмь, а не въ свѣтъ; и оставляетъ ихъ шататься, подобно пьяному (Іов. 12, 17—25). Въ заключеніе, къ этому описанію Іовъ присовокупляетъ: *все это видѣло око мое, слышало ухо мое, и замѣтило для себя* (13, 1), т. е. все это совершалось въ его время. Если обратимся къ исторіи и будемъ искать въ ней эпохи, въ которую бы судьбы народовъ представляли положеніе соответствующее начертанному въ словахъ Іова; то вниманіе наше можетъ остановиться только на двухъ эпохахъ, ассирійскаго и халдейскаго владычества. Всѣ черты въ картинѣ Іова живо и съ буквальною вѣрностію изображаютъ судьбы Израиля и иноземныхъ царствъ, какъ они представлены въ пророческихъ картинахъ Исаи (гл. 13—23), Іереміи (гл. 46—49) и Іезекіиля (гл. 25—32), и во всей подробности своей ни къ какому времени не идутъ съ такою точностію, какъ ко времени ассирійско-халдейскаго владычества, распространившаго ужасъ отъ Тигра до береговъ Нила.

2. Елифазъ, говоря о предкахъ народа Божія, кои передали послѣдующимъ мудрецамъ свое ученіе, замѣчаетъ мимоходомъ, что имъ однимъ предана была земля, и *чужой* (7) *не ходилъ среди ихъ* (Іов. 15, 18. 19). Что здѣсь подъ *отцами* разумѣются предки народа еврейскаго, коимъ Богъ далъ въ наслѣдіе землю Ханаанскую, это мы видѣли при аналогіи Іов. 15, 20—30 съ Лев. 26, 16—37. Почему Елифазъ еврейскихъ пророковъ называетъ עֲלֵמֵי אֱלֹהִים, скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ приведеннаго замѣчанія Елифаза видно, что во время Іова въ землю народа Божія проникли

иноземцы (וְחַיִּיבֵי חֻזְזֵי אֲרָצוֹת אֲחֵרוֹת, *чужестранецъ, непріятель*). Если сличить между собою оба полустипія 19 стиха; то смыслъ его будетъ такой: «отцамъ однимъ дана была земля, а теперь и чужой ходить по ней». Т. е. отцы одни владѣли своею землею, а теперь и чужіе владѣютъ ею. Можно разумѣть здѣсь ассирійское завладѣніе десятиколѣннымъ царствомъ израильскимъ; можно относить и къ халдейскимъ нашествіямъ на землю іудину. Выраженіе: *Чужой не ходилъ посреди ихъ*—напоминаетъ сказанное пророкомъ Аввакумомъ о халдейскомъ народѣ: *ходитъ по пространству земли, что бы завладѣть не своими селеніями* (1, 6).

3. Эліуй, доказывая Іову, что, если бы Богъ не навидѣлъ правду, то не могъ бы управлять міромъ, въ подтвержденіе своей мысли представляетъ, что Онъ не смотритъ на лица князей и не предпочитаетъ богатаго нищему, ибо всѣ они твореніе рукъ Его, въ мигъ умираютъ, подразумѣвается—если захочетъ; за тѣмъ присовокупляетъ какъ бы въ видѣ примѣра: *и въ полночь народъ потрясается и переходитъ* (וְיִפְּצֵם בַּלַּיִל וְיִשְׁתַּחֲצֵם, *погибаетъ, исчезаетъ, разум.* ִפְּצֵם), *и сильноаго прогоняютъ не рукою* (Іов. 34, 20). Далѣе говоритъ: *Онъ сокрушаетъ сильныхъ безъ изслѣдованія. Поеліку Онъ знаетъ дѣла ихъ, то пройдетъ ночь, и они сокрушатся. За то, что они беззаконники, Онъ поражаетъ ихъ на мѣсть видящихъ* т. е. предъ глазами всѣхъ (ст. 24—26). Въ 29 ст. заключаетъ: *какъ съ народомъ, такъ и со всякимъ человекомъ Онъ поступаетъ одинаково.* Какъ видно изъ свойства рѣчи, Эліуй, говоря это, разумѣетъ извѣстный историческій случай, въ которомъ дѣйствіе правосуднаго Вседержителя обнаружилось такимъ образомъ. Въ исторіи мы не знаемъ другаго случая, къ ко-

торому бы сказанное Эліуемъ относилось съ такою буквальною вѣрностію, какъ событіе, бывшее съ Сennaхиримовымъ войскомъ подъ стѣнами Іерусалима. *И случилось въ ту ночь, повѣствуется въ 4 Цар. 19, 35 и 36: пошелъ ангелъ Господень и поразилъ въ станъ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ. И встали по утру, и вотъ весь тѣла мертвы. И отправился, и пошелъ, и возвратился Sennaхиримъ царь ассирійскій.*

Изъ этихъ историческихъ указаній въ нашей книгѣ на современныя Іову обстоятельства мы заключаемъ, что онъ жилъ въ періодъ ассирійско-халдейскаго владычества.

Изъ свящ. писателей ветхаго завѣта объ Іовѣ говорить одинъ только пр. Іезекіиль въ своей книгѣ, 14, 14. 20. Ни до него ни послѣ него это имя не встрѣчается нигдѣ въ священныя книги еврейскаго народа. Спрашивается: откуда Іезекіиль получилъ свѣдѣніе объ Іовѣ? Обыкновенно отвѣчаютъ: изъ книги Іова. Если намъ достоверно извѣстно, что книга Іова написана послѣ плѣна вавилонскаго, то Іезекіиль не изъ нея получилъ свѣдѣніе объ Іовѣ.

Обратимъ вниманіе на образъ выраженія Іезекіиля объ Іовѣ. *Если бы, говорить Іегова Іезекіилю, какая земля сдѣлалась виновна предо Мною своими беззаконіями, и пашились бы въ ней сіи три мужа: Ной, Даниилъ и Іовъ: то они праведностію своею свои души и сохранили бы (14, 13. 14); но не спасли бы ни сыновей, ни дочерей, сами только остались бы цѣлы, а земля сдѣлалась бы пустынею (16).* Іезекіиль передаетъ эту рѣчь Іеговы ста-

рѣйшинамъ израилевымъ, находившимся вмѣстѣ съ нимъ въ плѣну въ Тельявивѣ, въ сѣверной Месопотаміи, при рѣкѣ Ховарѣ (1, 1. 3, 15). Предполагается, что всѣ три лица, какъ Ной и Даниилъ, такъ и Іовъ были извѣстны своею праведностію плѣннымъ соотечественникамъ Іезекиіля. Но тутъ возникаетъ вопросъ: почему Іезекииль поставилъ Іова послѣ Даниила? Приводя всѣхъ трехъ въ примѣръ праведности, естественно было расположить имена ихъ въ порядкѣ хронологическомъ. Іезекииль удерживаетъ тотъ же порядокъ, когда и въ другой разъ (ст. 20) перечисляетъ имена ихъ, — чѣмъ показывается, что этотъ порядокъ не можетъ объясняться одною случайностію. Вопросъ еще больше получаетъ силы, если обратимъ вниманіе на то, что Даниилъ въ это время находился въ живыхъ. Даниилъ отведенъ въ Вавилонъ съ первыми іудейскими плѣнниками въ третій годъ Іоакима и дожилъ до Кира (Дан. 1, 1. 3. 21). Рѣчь Іезекиіля, въ которой упоминаются Ной, Даниилъ и Іовъ, относится къ шестому году царствования Седекіи (Іезек. 8, 1 слч. съ 20, 1. сн. 24, 1. 1, 2). Въ это время Даниилъ былъ уже извѣстенъ преданностію вѣрѣ отцовъ своихъ (Дан. 1, 8), своею мудростію (20) и даромъ пророческимъ (гл. 2), царю Навуходоносору, его министрамъ, вавилонскимъ мудрецамъ и всему народу. Безъ сомнѣнія знали о немъ и плѣнные соотечественники, на глазахъ которыхъ видимо возрастало его величіе вмѣстѣ съ праведностію. Тѣмъ сильнѣе по этому возбуждается вопросъ: почему Іезекииль, указывая плѣннымъ соотечественникамъ на трехъ великихъ праведниковъ, въ ряду ихъ Іова ставляетъ послѣ живаго и всѣмъ извѣстнаго Даниила? Чтобы объяснить это, экзегеты прибѣгли къ раз-

нымъ предположеніямъ. Одни предполагали, что Іезекіиль разумѣлъ не Даниїла, извѣстнаго пророка, въ одно время съ нимъ жившаго въ плѣну вавилонскомъ, но другаго мужа, носившаго это имя и принадлежавшаго отдаленной древности. Но другаго лица съ этимъ именемъ ранѣ Даниїла не встрѣчается въ свящ. исторіи. Потому Іезекіиль не могъ указывать своимъ плѣннымъ соотечественникамъ, какъ на примѣръ праведности, на такое лицо, которое вовсе не было извѣстно имъ. Притомъ о Даниїлѣ Іезекіиль упоминаетъ еще въ другомъ мѣстѣ, 28, 3, называя его премудрымъ,—гдѣ нельзя разумѣть другаго какаго Даниїла, кромѣ извѣстнаго пророка, отъ коего *ничто тайное не было сокрыто, прославившагося своею мудростію и своимъ разумомъ* (ст. 4). Предполагають еще, что Іезекіиль называетъ трехъ праведниковъ не по хронологическому порядку, но потому значенію, какое праведность ихъ имѣла по отношенію или къ нимъ самимъ или къ другимъ при совершеніи на землѣ грозныхъ судовъ Божиихъ. Въ этомъ отношеніи, говорятъ, поименованные три праведника образуютъ какъ бы лѣстницу (сімах): «Ной, говоритъ Карпзовій ¹⁾, спасся во время всеобщей гибели перваго міра, Даниїлъ во время гибели своего отечества и народа, Іовъ во время гибели своего семейства». Кейль, вслѣдъ за Гроціемъ и Геферникомъ, нѣсколько измѣняетъ видъ этой лѣстницы, стараясь приспособить свое изъясненіе къ мысли пр. Іезекіиля: «Ной, говоритъ, спасъ

---

¹⁾ Carpov. Introd. in libr. poet. p. 35: Noachus in clade primi mundi oecumenica, Daniel in clade patriae ac gentis suae, Iobus in clade familiae servatus est.

вмѣстѣ съ собою свое семейство, Даниилъ своихъ друзей (Дан. 2, 17. 18), а Іовъ своею праведностію не одинъ разъ спасалъ своихъ дѣтей» ¹⁾). Первое изъ сихъ объясненій заключаетъ внутреннія противорѣчія: Даниилъ спасся во время гибели своего отечества и народа точно также, какъ и всякой его соотечественникъ, отведенный въ плѣнъ; Іовъ спасся во время гибели своего семейства не потому, что онъ былъ праведенъ, а дѣти нечестивы, но по особымъ судьбамъ Божиимъ. Второе объясненіе прямо противорѣчитъ мысли Іезекииля. Іезекииль говоритъ, что и такіе праведники, какъ Ной, Даниилъ и Іовъ, не спасли бы ни сыновей, ни дочерей, только сами спаслись бы въ то время, когда Богу угодно поразить казнію землю виновную предъ Нимъ. А въ объясненіи выводится противная мысль, что эти лица своею праведностію спасали одинъ свое семейство, другой—друзей, третій—своихъ дѣтей. Всѣ эти объясненія, и подобныя имъ, которыхъ остроумная изобрѣтательность можетъ придумать много, не имѣя основаній въ текстѣ рѣчи Іезекииля, ни сколько не помогаютъ разрѣшенію нашего вопроса. Мы не видимъ причины, почему слѣдуетъ уклониться отъ прямого и естественнаго изъясненія рѣчи пр. Іезекииля. Іезекииль указалъ на трехъ означенныхъ мужей не почему либо другому, а потому что праведность ихъ была извѣстна и въ отношеніи къ двумъ послѣднимъ очевидна для его плѣнныхъ соотечественниковъ. Іовъ, также какъ и Даниилъ, былъ современ-

¹⁾ Bibl. Commentar über d. proph. Ezechiel, s. 113. Rosenmüll. Schol. in Ezechiel. ad c. 14. v. 14.

ниѣъ Іезекіиля, Даниїль былъ ближе къ нему по племени и по мѣсту жительства и виднѣе по своему политическому положенію, чѣмъ Іовъ, и потому поставленъ прежде Іова; а добродѣтели Іова и его страданія были столько извѣстны соотечественникамъ Іезекіиля, что давали ему право стоять въ ряду такихъ праведниковъ, какъ Ной и Даниїль.

Если Элуй въ бесѣдѣ съ страдающимъ Іовомъ говорить о пораженіи Сенпахирмова войска подъ стѣнами Іерусалима, случившемся въ четырнадцатый годъ Езекии (Исаі. 36, 1), а Іезекіиль въ шестой годъ Седекіи представляетъ Іова своимъ соотечественникамъ, какъ высокій примѣръ праведности, которая стала особенно извѣстною послѣ того, какъ была засвидѣтельствована самимъ Богомъ (Іов. 42, 7), то время страданій Іова можно полагать между 707 и 589 г. до Р. Х. (по изслѣд. библ. хронол. *Спаскаго*).

IV. Говоря о мѣстѣ жительства Іова и о времени его жизни, не можемъ пройти молчаніемъ древнѣйшаго документа, сообщающаго обстоятельное свѣдѣніе о родѣ Іова, странѣ, въ которой онъ жилъ, и о времени его жизни. Мы разумѣемъ приписку, послѣ 17 стиха 42 главы Іова находящуюся въ греческой библіи перевода LXX. Въ этой припискѣ значится, что Іовъ происходилъ отъ Исава въ пятомъ поколѣніи отъ Авраама, былъ царемъ Идумеи, и есть тотъ самый Іовавъ, о которомъ говорится въ кн. Быт. 36, 33, жилъ въ странѣ авситидійской на предѣлахъ Идумеи и Аравіи. Слѣдовательно, приписка относить

время жизни Іова въ періодъ патріарховъ и мѣсто жительства его указываетъ въ странѣ отличной отъ той, на которую указываютъ представленные въ нашемъ изслѣдованіи историческія свидѣтельства. Важность этого документа опирается на несомнѣнной древности его. О немъ зналъ Оригенъ, какъ видно изъ письма его къ Африкану (*Patrol. graecae Curs. Compl. T. XI, p. 54*). По свидѣтельству Оригена, онъ находился въ греческомъ текстѣ LXX и въ переводѣ Θεοδοτία, который относится ко второй половинѣ втораго христіанскаго вѣка. Полагаютъ, что онъ былъ извѣстенъ Аристее, основываясь на томъ, что Аристей въ исторіи іудеевъ передаетъ объ Іовѣ и его друзьяхъ тѣже свѣдѣнія, которыя находятся въ греческой припискѣ къ нашей книгѣ, какъ видно изъ отрывка этой исторіи, взятаго Евсевіемъ у Полигистора и помѣщенного въ IX кн. 25 гл. *Praeparationis evangelicae (Patrolog. graec. Curs. Compl. T. XXI, p. 727)*. Историческое значеніе этотъ документъ получилъ чрезъ то, что съ незапамятныхъ временъ находится въ греческомъ текстѣ перевода LXX и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ во всѣ древніе переводы, сирскій (Пешито), древній италіанскій (*versio itala*), арабскій, и въ новые, съ греческаго текста дѣлаемые; вслѣдствіе чего и сообщаемыя имъ свѣдѣнія объ Іовѣ принимались у христіанскихъ писателей за несомнѣнно вѣрныя, какъ бы за свѣдѣнія идущія отъ самихъ LXX. Этимъ объясняется, почему свѣдѣнія, имъ сообщаемыя о родѣ (потомокъ Исава), отечествѣ (идумеянинъ) и вѣкѣ (современникъ патріарховъ) Іова вошли почти въ общее убѣжденіе церковныхъ и вообще христіанскихъ писателей, древнихъ и новыхъ.

Вотъ полный текстъ этого документа:

Γέγραπται δὲ πάλιν ἀναστήσεσθαι αὐτόν μεθ' ὧν ἀνίστησιν ὁ Κύριος. Οὗτος ἐρμηνεύεται ἐκ Συριακῆς βίβλου, ἐν μὲν γῆ κατοικῶν τῇ Ἀυσίτιδι, ἐπὶ τοῖς ὄρισις τῆς Ἰδουμαίας καὶ Ἀραβίας. προὔπηρχε δὲ αὐτῷ ὄνομα Ἰωβάβ. Λαβῶν δὲ γυναῖκα Ἀράρισσαν, γεννᾷ υἱὸν ὃν ὄνομα Ἐννῶν. Ἦν δὲ αὐτὸς πατὴρ μὲν Ζαρέθ, τῶν υἱῶν Ἠσαῦ υἱός, μητὴρ δὲ Βοσσόρας. ὥστε εἶναι αὐτὸν πέμπτον ἀπὸ Ἀβραάμ. Καὶ οὗτοι οἱ βασιλεῖς οἱ βασιλεύσαντες ἐν Ἐδῶμ, ἧς καὶ αὐτὸς ἤρξε χώρας. πρῶτος Βαλάχ ὁ τοῦ Βεῶρ, καὶ ὄνομα τῇ πόλει αὐτοῦ Δεναβά. μετὰ δὲ Βαλάχ Ἰωβάβ, ὁ καλούμενος Ἰώβ. Μετὰ δὲ τοῦτον Ἀσσῶμ ὁ ὑπάρχων ἡγεμὼν ἐκ τῆς θαιμανίτιδος χώρας· μετὰ δὲ τοῦτον Ἀδάδ, υἱὸς Βαράδ, ὁ ἐκκόψας Μαδιάμ ἐν τῷ πεδίῳ Μωάβ· καὶ ὄνομα τῇ πόλει αὐτοῦ Γεθαίμ. οἱ δὲ ἐλθόντες πρὸς αὐτὸν φίλοι, Ἐλιφάζ (υἱὸς Σωφάν) τῶν υἱῶν Ἠσαῦ, θαιμανῶν βασιλεὺς, Βαλδὰδ (υἱὸς Ἀμνῶν τοῦ Χαβάρ) ὁ Σαυχαίων τύραννος, Σωφάρ ὁ Μιναίων βασιλεὺς. (Θαιμᾶν υἱὸς Ἐλιφάζ, ἡγεμὼν τῆς Ἰδουμαίας· οὗτος ἐρμηνεύεται ἐκ τῆς Συριακῆς βίβλου, ἐν μὲν γῆ κατοικῶν τῇ Ἀυσίτιδι, ἐπὶ τῶν ὄριων τοῦ Ἐυφράτου· προὔπηρχε δὲ τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰωβάβ· ἦν δὲ ὁ πατὴρ αὐτοῦ Ζαρέθ, ἐξ ἀνατολῶν ἡλίου).

«Написано, что онъ опять возстанетъ съ тѣми, коихъ воскреситъ Господь. О немъ толкуется въ Сирской книгѣ, что жилъ онъ въ землѣ Авситидійской, на предѣлахъ Идумеи и Аравіи: прежде же было имя ему Іовавъ. Взявши жену Аравитянку, родилъ сына, которому имя Еннонъ. Происходилъ онъ отъ отца Зареѳа, сыновъ Исавовыхъ сынъ, матери же Воссоры, такъ что былъ онъ пятымъ отъ Авраама. И сіи цари царствовавшіе въ Эдомѣ, какою странною и онъ обладалъ: первый Валакъ сынъ Веора, и имя городу его Деннава; послѣ же Валака Іовавъ, называемый Іовомъ; послѣ сего Ассомъ игемонъ изъ еманитской страны; послѣ него Ададъ, сынъ Варада, поразившій Мадіама на полѣ Моава,—и имя городу его Геѳемъ. Пришедшіе же къ нему друзья,

Елифазъ (сынъ Софана) отъ сыновъ Исавовыхъ, царь Θεμανскій, Валдадь (сынъ Амнона Ховарскаго) савхейскій властитель, Софаръ Минейскій царь. (Θεμανъ сынъ Елифаза, ιεμονъ Идумеи. Ο немъ говорится въ книгѣ Сирской, что жилъ въ земль авситидійской, около береговъ Евфрата; прежде имя его было Ювавъ, отецъ же его былъ Зареѳъ, отъ востока солнца).

Слова, поставленные въ скобкахъ, находятся только въ александрийскомъ спискѣ греческаго текста LXX.

Что бы судить правильно о достоинствѣ этого документа, мы должны поставить себя на ту точку, которую онъ самъ указываетъ, говоря о своемъ происхожденіи. Онъ самъ говоритъ, что свѣдѣнія объ Іовѣ, въ немъ сообщаемыя, взяты изъ сирской книги (ἐκ τῆς Συριακῆς βίβλου). Стало быть, документъ этотъ ни въ какомъ смыслѣ не принадлежитъ LXX, и относится къ тексту книги Іова, какъ приписка, сдѣланная послѣ LXX изъ посторонняго источника. Потому, не осмотнительно поступаютъ, когда, цитую изъ него свѣдѣнія объ Іовѣ, говорятъ, что такъ сказано въ переводѣ LXX и т. под. Въ переводѣ LXX его не было, какъ не было никогда въ еврейскомъ текстѣ и въ древнихъ переводахъ, не посредственно съ него сдѣланныхъ, Агилы и Симмаха, какъ видно изъ помянутаго нами письма Оригена къ Африкану ¹⁾ и изъ свидѣтельства Олимпіодора (Cat. in Iob. p. 611 ²⁾). Не внесъ его въ свой переводъ и бл.

¹⁾ Ἄλλὰ καὶ ἀπὸ τοῦ Ἰὼβ, τὰ ἀπὸ τοῦ: «γέγραπται δὲ αὐτὸν πάλιν ἀναστήσεσθαι, μεθ' ὧν ὁ Κύριος ἀνίστησιν», μεχρι τέλους, οὐ κῆται παρὰ τοῖς Ἑβραῖοις; διόπερ οὐδε παρὰ τῷ Ἀκύλα.

²⁾ Ἰστέον δὲ, ὅτι μεχρι τοῦ πρεσβύτερος καὶ πλήρης ἡμερῶν,

Иеронимъ, какъ чуждую приписку къ книгѣ, не принадлежащую ни еврейскому тексту, ни греческому LXX.

Когда и какъ сдѣлана эта приписка? Въ томъ объемѣ, въ какомъ она находится въ александрійскомъ спискѣ, не можетъ быть отнесена къ одному времени. Въ основаніи александрійскихъ прибавленій видимо лежитъ извѣстное уже намъ Птоломеево сказаніе о мѣстожительствѣ Айситовъ; отсюда въ нихъ Авситида находится около береговъ Евфрата, и Вилладъ названъ сыномъ Аммона *Ховарскаин* (отъ рѣки *Ховаръ* 𐤇𐤃𐤃 находившейся въ Месопотаміи, Іезек. 1, 3. 3, 15). Поэтому, должно полагать, что александрійскія вставки внесены поздно, не ранѣе 3 вѣка, и едвали онѣ были извѣстны Оригену. Что касается до остальной приписки, находящейся во всѣхъ древнихъ спискахъ LXX, то она сдѣлана гораздо ранѣе. Изъ того, что находится она въ переводѣ Θεοδοтіона, должно заключать, что во 2 христіанскомъ вѣкѣ она существовала уже въ греческомъ текстѣ LXX. Начало этой приписки: *писано есть* *наки возстати ему...* приводится въ постановленіяхъ апостольскихъ (кн. V. гл. 7), съ прибавленіемъ: *говоритъ Писаніе*. Но изъ этой цитаты нельзя ничего вывести относительно этой приписки, потому что сборникъ постановленій апостольскихъ не сохранился въ первоначальномъ своемъ видѣ, и дошелъ до насъ съ разными вариантами и позднѣшими вставками. Гирцель (*Quizgefasst exegetisch. Handb. Hiob. s. 253*) и Буизенъ (*Bibelubersetzung, Thl. III. Job. s. 533*), основываясь на начальныхъ словахъ приписки: *написано*

Ἀκούλας καὶ Σύρραχος ἐλλήοντες. συνεπέρανσαν τὸ βιβλίον, ὡς ἀὶ τῷ ἑβραϊκῷ ἀκολουθοῦντες.

же, что она опять восстанет съ тьми, коимъ воскреситъ Господь, полагаютъ, что она едѣлана въ христіанское время. Но, кажется, здѣсь не одна приписка, а двѣ, какъ можно заключать изъ употребленныхъ въ нихъ формулъ: «γέγραπται и ἐρμηνεύεται ἐκ σοφ. βιβλίου. Впрочемъ, это не ослабляетъ предположенія Гирделя и Буизена о происхожденіи ихъ обоихъ въ христіанское время, потому что та, на которой основано предположеніе, стоитъ впереди. Во всякомъ случаѣ мы должны предположить, что обѣ приписки, вмѣстѣ или порознь, вошли въ текстъ весьма рано, не позже первой половины втораго христіанскаго вѣка, такъ какъ Θεοδοσίονъ имѣетъ ихъ въ своемъ переводѣ. Полихроній (въ предисл. къ Катенамъ на Іова) весьма правдоподобно объясняетъ происхожденіе всей приписки, полагая, что она первоначально стояла на поляхъ въ видѣ замѣтки, а впоследствии перенесена въ самый текстъ книги (τὸ τοιοῦτον τίνες ἐσχολιογράφησαν, καὶ λοιπὸν ἕτεροι τῷ χρόνῳ ὡς ὑφ' ἑνὸς τοῦ παντὸς βιβλίου ἐργάσαντο τὰ παραγεγραμμένα). Вѣроятность этого объясненія подтверждается тѣмъ, что между обоими частями приписки нѣтъ никакой связи, ни логической, ни грамматической; а если читать ее вмѣстѣ съ александрійскими добавленіями, то она представитъ самую не складную смѣсь разнообразныхъ и противорѣчивыхъ замѣтокъ, которая не иначе можетъ быть объяснена, какъ предположеніемъ, что они не мудрою рукою перенесика внесены въ текстъ съ поля, гдѣ стояли какъ отдѣльныя замѣтки для себя какаго либо частнаго лица.

Что это за Συριακὴ βιβλος, изъ которой свѣдѣнія объ Іовѣ вошли въ нашъ документъ? Авторъ комментарія,

извѣстнаго подь именемъ Оригена (ему впрочемъ ни въ какомъ смыслѣ не принадлежащаго), полагая, что книга Іова написана первоначально самимъ Іовомъ или къмъ либо изъ друзей его на сирскомъ языкѣ, а потомъ переведена Моисеемъ на еврейскій, утверждалъ, что приписка эта идетъ изъ самаго подлинника ¹⁾. Но предположеніе о сирскомъ оригиналѣ Іова, основанное ни на чемъ больше, какъ на выраженіи приписки ἐκ συριακῆς βίβλου, о коемъ у насъ идетъ рѣчь, очевидно не состоятельное. Авторъ комментарія не взялъ во вниманіе, что въ то время, къ которому относитъ происхожденіе книги Іова, не было еще сирскаго діалекта; если существовалъ арамейскій, изъ котораго въ позднѣйшее время выдѣлилось сирское нарѣчіе, то не могъ онъ быть языкомъ Іова, который, по словамъ комментатора, жилъ въ Аравіи, въ предѣлахъ Идумеи. Нельзя разумѣть подь Συριακῆ βίβλος и сирскаго перевода — Пешито, хотя въ немъ находится означенная приписка; переводъ этотъ, относимый ко 2-му христ. вѣку, сдѣланъ съ греческаго LXX и самъ отъ него принялъ эту приписку. Нельзя разумѣть и извѣстнаго Таргума на Іова, наполненнаго легендами и баснями, относящимися къ позднѣйшей іудейской исторіи; Таргумъ этотъ составленъ позже четвертаго христіанскаго вѣка. Συριακῆ βίβλος, есть, очевидно,

¹ ... quae scripta sunt Syrorum lingua, sive ab ipso Iob. sive ab amicis ejus. Interpretata autem sunt a magno illo viro Moysae in hebraicam linguam, atque filiis Israel tradita. Quod ostendit ipsa scriptura Iob. dicens: *Hoc interpretatus est ex Syrorum libro.* A quo interpretatus? Manifestum est, quod a Moysae in Hebraeum. Comm. in Iob. Lib. 1. Patr. graec. T. XVII. p. 373.

какой либо еврейскій *Мидрашъ* (שׁוֹרְאֵי Commentarius, почему и сказано: ἐρμηνεύεται εκ τ. σ. β.), въ родѣ тѣхъ мидрашей, которые послужили источникомъ для талмуда. Названъ *Σοριακὴ βίβλος* потому, что въ то время называли языкъ евреевъ сирскимъ и самую Іудею Сирією, какъ видно изъ свидѣтельства Олимпіодора, приводимаго Никитою въ Катенѣ греческихъ отцевъ на книгу Іова: *Σοριακὴν γὰρ τὴν τῶν Ἑβραίων διάλεκτον καλεῖ... καὶ Συρίαν δὲ τὴν Ἰουδαίαν, καὶ Σύρους οἱ πολλοὶ τοῦς Παλαιστίνους ἀναμάζουσιν, ὡς Ἡρόδοτος λέγει: περιτέμνονται δὲ Ἰνδοὶ καὶ Αἰγύπτιοι καὶ Ἄραρες καὶ οἱ ἐν Παλαιστίνῃ Σύροι, τοῦς Ἰουδαίους λέγων.*

Но не въ сирской книгѣ должно полагать первоначальный источникъ сказанія объ Іовѣ, сообщаемого нашимъ документомъ. Оно происхожденія греческаго. Не въ Палестинѣ первоначально сложилось оно, но пришло въ нее отънуды. Сказаніе это отождествляетъ Іова съ Іовавомъ, царемъ Эдомскимъ, о которомъ упоминается въ Быт. 36, 33. Къ этому отождествленію могло привести только греческое начертаніе имени *Іовава*—Ἰωβαβῆ и *Іова*—Ἰώβ, но отнюдь не еврейское, представляющее слишкомъ мало сходства въ нихъ: יוֹבָב *Іовв*, יוֹבָבִי *Іовавъ*. Судя по тому, что уже Аристей въ исторіи іудеевъ называетъ Іова Іовавомъ и производитъ его отъ Исава и Воссоры, должно полагать, что это сказаніе сложилось у іудеевъ александрійскихъ, отъ которыхъ Аристей и заимствовалъ его ¹⁾.

¹⁾ Въ повѣствованіи Аристейя объ Іовѣ встрѣчаются нѣкоторыя неточности. О родителяхъ Іова говорится у него: τὸν Ἰσάβ, γήμαντα Βασσάρας υἱὸν ἐν Ἰεδώ, γεννησάι υἱὸν. Выраженіе очень темное. Нѣкоторые думаютъ, что вмѣсто втораго υἱὸν должно стоять

Обманутые мнимымъ сходствомъ имени Иова съ Иовавомъ, александрийскіе іудеи тѣмъ охотнѣе приняли Иовава за Иова, что чрезъ это открывалась возможность произвести Иова отъ Исава чрезъ Зераха (по Быт. 36, 32) отца Иовавова, признавъ его за Зераха сына Рагуилова (ст. 13), внука Исава (сн. ст. 10), и—такимъ образомъ ввести Иова въ періодъ патриарховъ и связать его съ Авраамомъ. Въ убѣжденіи, что Иовъ долженъ быть Иовавъ, александрийскихъ іудеевъ поддерживала еще та мысль, что Иовъ, о которомъ говоритъ священная книга народа Божія, не можетъ быть такое лице, которое не изъ племени Авраамова, что Иегова не можетъ входить въ такое близкое общеніе съ людьми, не принадлежащими къ чадамъ Авраама. Эта мысль ясно высказалась въ выраженіи: ὅστε εἶναι αὐτόν πέμπτον ἀπὸς Ἀβραάμ, составляющемъ главную мысль всего сказанія объ Иовѣ. Отъ александрийскихъ іудеевъ перешло это сказаніе къ палестинскимъ, вошло въ какой либо сборникъ ихъ толкованій, обыкновенно переполненныхъ разными легендами, относящимися къ истории патриарховъ и пророковъ, а отсюда въ видѣ частной замѣтки занесено на поля греческихъ списковъ священнаго текста, бывшихъ

Иовъ, и переводятъ: Исава отъ Вассары супруги въ Идумеѣ родилъ сына Иова. Въмѣсто Βασσάρα въ нашемъ документѣ читается Βασσόρα. Далѣе: τοῦτου δὲ τὸν Ἰωβ πρότερον Ἰωβάρ. (въ нашемъ документѣ Ἰωβάρ согласно съ Быт. 36, 33) ὀνομάζεσθαι. Въ изчисленіи друзей Иова Саваръ названъ Μαυναίων βασιλεύς. въ нашемъ документѣ—Μινωίων βασιλεύς. Другія свидѣнія объ Иовѣ, которыя взяты изъ самой книги, отличаются большою точностію. Можетъ быть Ариетси пользовалась только устнымъ сказаніемъ александрийскихъ іудеевъ, т. е. сказанія письменнаго въ это время еще не было.

въ обращеніи у христіанъ съ самаго появленія христіанской вѣры.

Чтобы дать библейское основаніе сказанію объ Іовѣ, внесены въ него пять стиховъ изъ кн. Быт. 36, 31—35, заключающіе въ себѣ списокъ царей Эдомскихъ, царствовавшихъ одинъ за другимъ, въ ряду коихъ Іовавъ стоитъ вторымъ послѣ Валака. Такъ какъ Іовъ по этому сказанію былъ царь, то казалось не приличнымъ, чтобъ друзья его были простые смертные; по этому въ сказаніи всѣ три друга названы царями, Елифазъ емаанійскимъ, Вилдадъ савхейскимъ и Софаръ минейскимъ. Эліуї въ книгѣ Іова не названъ другомъ его; потому и въ сказаніи объ Іовѣ не возведенъ въ царское достоинство.

Ничего похожего не представляется въ книгѣ нашей на то, что бы Іовъ былъ царемъ не только цѣлой страны, но и одного города. Самъ Іовъ указывая на уваженіе, съ какимъ къ нему относились юноши и старцы, князья и вельможи, когда выходилъ къ воротамъ города, — съ какимъ выслушивали его рѣчи и принимали его совѣты, говорить о себѣ, что онъ жилъ *какъ царь* (אֲדָרָךְ) въ кругу воиновъ, какъ утѣшающій плачущихъ (29, 25). Слѣдовательно, не былъ царемъ.

Несостоятельность сказанія объ Іовѣ ясно обнаруживается еще въ наименованіи матери Іова. Въ Быт. 36, 33 сказано объ Іовавѣ: Ἰοβὰβ υἷος Ζορὰ ἔκ Βασσώρας (въ свр. אִיבָבָה בַּת־זָרָה). Βασσώρα или Бощра есть названіе мѣста, изъ котораго происходилъ Іовавъ, и оно, по контексту рѣчи, стоитъ въ соотвѣтствіи съ выраженіями въ ст. 34: ἔκ τῆς Θεραιῶν, — въ ст. 36: ἔκ Μαακχὰς, — въ ст. 37: ἔκ Γουθῶθ, τῆς παρὰ ποταμῶν, — указывающими родину прочихъ

царей, слѣдовавшихъ за Ювавомъ. Это названіе носили два города, одинъ въ Идумеи (Ис. 34, 6. 63, 1. Амое. 1, 12), другой въ землѣ моавитской (Іер. 48, 24). Между тѣмъ, авторъ сказанія объ Ювѣ принялъ его за имя матери Ювава или Юва (*μητρὸς δὲ Βασσάρης*).

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, документъ, находящійся въ концѣ книги Юва въ греческихъ спискахъ LXX, не можетъ считаться достовѣрнымъ источникомъ свѣдѣній объ Ювѣ.

И такъ, авторъ нашей книги заимствовалъ предметъ для своего произведенія изъ живой дѣйствительности. Ювъ жилъ въ періодъ ассирійско-вавилонскаго владычества и былъ современникомъ пророка Іезекииля. Событіе, изображенное въ нашей книгѣ, происходило въ древнемъ Васанѣ, нынѣшнемъ Хауранѣ или Авранѣ, т. е. въ восточной за-іорданской области, которая когда-то принадлежала къ наслѣдію Израиля, но потомъ отторгнута отъ него.

А. Ф.

(Продолженіе будетъ.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

(Продолженіе).

Кто таковъ Іовъ? и что за общество — Іовъ и друзья его?

Изъ предыдущаго изслѣдованія о родипѣ Іова можно уже съ вѣроятностію заключать, что какъ Іовъ, такъ и собесѣдники его, за исключеніемъ развѣ Софара наамитянина, не принадлежали еврейскому племени, а были изъ другихъ племенъ, находившихся вѣ завѣта Іеговы. Въ этой мысли окончательно утверждаетъ насъ писатель нашей книги употребленіемъ именъ Божіихъ. Тамъ, гдѣ говоритъ онъ отъ себя, какъ повѣствователь, какъ въ прологѣ, эпилогѣ и въ историческихъ прибавленіяхъ въ средипѣ книги, 38, 1. 39, 31. 33. 40, 1. 42, 1, употребляетъ имя Божіе יְהוָה , исключительно принадлежащее народу еврейскому, какъ собственное имя Бога-Осуществителя обѣтованій, данныхъ праотцамъ его, Бога завѣта съ народомъ Божіимъ и спасенія чрезъ обѣтованнаго Мессію всего рода человѣческаго. Въ рѣчахъ же Іова и друзей его употребляетъ для названія Бога אֱלֹהֵי , אֱלֹהִים , אֱלֹהֵינוּ , יְהוָה и יְהוָה , — такія имена, которыя выражаютъ общія представленія о Существовѣ Божіемъ и Его творческое и про-

мыслительное отношеніе ко всему міру. Только два раза въ словахъ Іова встрѣчается имя יהוה, 1, 21 и 12, 9. Но употребленіе его въ первомъ случаѣ изъясняютъ случайностію, произшедшею независимо отъ соображеній писателя, потому что въ томъ же прологѣ, гдѣ говоритъ Іовъ и жена его, употреблено не יהוה а אלהים, 1, 5. 2, 9. 10. (Bleek, Einleit in d. A. T. s. 660). Что касается до 12, 9, то нѣкоторыя рукописи имѣютъ не יהוה, а אלהים (Fürst, Gesch d. bibl. Liter. V. II. s. 423. Heiligst. Comment in Iobum, p. 82); слѣдовательно, употребленіе этого имени здѣсь, по крайней мѣрѣ, сомнительно. Напротивъ, многія мѣста въ рѣчахъ Іова и друзей его, въ которыхъ почти буквально воспроизводятся мысли изъ другихъ священныхъ книгъ, ясно показываютъ, что писатель видимо и намѣренно избѣгалъ употребленія имени יהוה, замѣняя его другимъ. Такъ наприм. 5, 17: *наказанія Вседержителява (שׁדַי) не отвергай*; въ Притч. 3, 11: *наказанія Іеговы (יהוה) не отвергай*. Іов. 18, 21: *и вотъ мсто того, который не знаетъ Бога (לֹא יָדַע אֱלֹהִים)*; 1 Цар. 2, 12: *они (сыновья Ілія) не знали Іегову (לֹא יָדָעוּ אֶת־יְהוָה)*. Іов. 27, 2: *живъ Богъ (אֱלֹהִים חַי)*; въ кн. Суд. 8, 19. 1 Цар. 20, 3. 25, 26 таже формула клятвы выражена: אֱלֹהִים יְהוָה. Іов. 28, 28: *страхъ Господень (יְהוָה) есть премудрость*; этому мѣсту параллельны Притч. 1, 7: *страхъ Іеговы (יהוה) есть начало знанія*,—9, 10: *начало премудрости страхъ Іеговы*,—15, 33: *страхъ Іеговы есть наука премудрости*. Этой замѣны ничѣмъ другимъ нельзя объяснить, какъ предположеніемъ, что писатель нашей книги представлялъ употребленіе имени יהוה не свойственнымъ

тѣмъ лицамъ, которыхъ разсужденія излагалъ въ своемъ произведеніи.

Но оставляя въ рѣчахъ Іова и друзей его другія наименованія Высшаго существа, употребляемыя въ священныхъ еврейскихъ книгахъ, авторъ нашей книги ясно показываетъ, что какъ Іовъ такъ и его собесѣдники, происходя изъ языческихъ племенъ, принадлежали къ ревностнымъ поклонникамъ единого истиннаго Бога. Изъ 31, 26 — 28 можно заключать, что въ странѣ, въ которой жилъ Іовъ, господствовалъ сабизмъ, выражавшійся въ боготвореніи солнца и луны ¹⁾. Но Іовъ и видимо и въ тайнѣ сердца своего былъ далекъ отъ этого суевѣрія, потому

---

¹⁾ *Видя свѣтъ солнечный, какъ онъ сіяетъ, и мѣсяцъ какъ онъ величественно ходитъ, прельстился ли я въ тайнѣ сердца моего, и уста мои цѣловали ль руку мою (разумѣется — въ знакъ боготворенія ихъ)?* Объ этомъ способѣ боготворенія солнца пишетъ *Лукианъ* въ своемъ сочиненіи *περί ὀρχήσεως*: Καὶ Ἰουδοὶ ἔωθεν ἀναστάντες προσεύχονται τὸν ἥλιον, δοῦν ὡςπερ ἡμεῖς τὴν χεῖρα κύσαντες, ἡγοῦμεθα ἐντελεῖ ἡμῶν εἶναι τὴν δοῦλῶν. Тацитъ свидѣтельствуетъ, что въ Сиріи существовалъ обычай привѣтствовать подобнымъ образомъ солнце при восхожденіи его (Annal. L. XIX). По свидѣтельству *Плинія* (Hist. natur. XXVIII, 2) и *Минуция Феликса* (in Octavio cap 11), приложеніемъ правой руки къ устамъ древніе свидѣтельствовали свое почтеніе къ тѣмъ лицамъ и священнымъ предметамъ, коихъ, по дальности разстоянія, не могли лобзать устами. Боготвореніе солнца и звѣздъ проникало и въ Іудею, какъ видно изъ 4 Цар. 23, 5. 11 и Исек. 8, 16. Геродотъ (кн. III, гл. 33) находилъ его въ свое время у Аравитянъ. Чистый сабизмъ оставался господствующею религіею въ пустынной Аравіи до распространенія Корана между ея кочевыми племенами (Истор. религіи древняго и новаго міра, т. IV, стр. 252).

что считалъ его преступленіемъ, достойнымъ наказанія, и предаться ему, но его представленію, значило отречься отъ Бога Всевышняго (אֱלֹהֵינוּ אֱלֹהֵי בָּרָא מִלְּפָנָיו *Богъ, который выше всего*). Этому Богу, который выше всего, Іовъ служилъ, приносилъ жертвы не только за себя, но и за дѣтей, опасаясь, чтобъ они не согрѣшили предъ Нимъ и не оскорбили Его въ сердцѣ своемъ какимъ либо прѣтивнымъ Ему помысломъ (Іов. 1, 1. 5). Того же Бога, Который выше всего, почитаютъ и собеседники Іова, и стараются защитить Его, когда замѣчали въ рѣчахъ Іова выраженія оскорбительныя для величія Божія (13, 7. 8. 34, 37. 35, 16). Наконецъ явленіе Бога Іову, сопровождавшееся вразумленіемъ какъ его такъ и друзей его, ясно показываетъ, что все они были почитателями единаго истиннаго Бога.

Изъ тѣхъ выраженій, съ которыми Іовъ и его собеседники относятся другъ къ другу, изъ характера ихъ бесѣдъ и вообще изъ всей постановки, какую авторъ книги далъ своему предмету, видно, что эти люди, Іовъ и друзья его, принадлежали къ сословію такъ называемыхъ חַסְדֵי יְהוָה. Елифазъ, обращаясь къ Іову, говоритъ: *прилично ли мудрому (חַסְדֵי יְהוָה) отпущать въ отвѣтъ мнѣнія вътрешныя, и имѣть чрево, наполненное восточнымъ вѣтромъ, доказывая (свое) такую рѣчь, отъ которой нѣтъ пользы, и такими словами, отъ которыхъ нѣтъ помощи* (15, 2. 3)? *Развѣ ты слышалъ тайныя совѣты Божіи, и привлекъ къ себѣ премудрость (חַסְדֵי יְהוָה)? Что знаешь ты, чего бы не знали мы? что разумьешь ты, чего не было бы у насъ* (15, 8. 9)? Софаръ также относится къ Іову, какъ къ мудрому, только потерявшему сознаніе о себѣ *Иустословіе твое, говоритъ Софаръ, заставитъ ли мѣ*

жеи молчать, чтобы ты говорилъ: ученіе (תּוֹרָה doctrina, scientia, Притч. 1, 5. 9, 9. Исai. 29, 24) мое вѣрно (11, 3. 4). О! когда бы Богъ явилъ тебѣ тайны Премудрости! снубыми мѣрами открылось бы самосущее (5, 6). Уже ли хочешь постигнуть Бога? уже ли хочешь дойти до совершенства Всемоущаго (7). Высоко небо: что ты сдѣлаешь? Глубже преисподней: что ты узнаешь (8)? Какъ къ мудрымъ и Іовъ обращается къ друзьямъ своимъ. Выслушавъ первыя три рѣчи ихъ, съ нѣкоторою проіней замѣчаетъ: подлинно, вы народъ весь, и съ вами умретъ премудрость (תְּחָרָה)! Потомъ говорить о себѣ: и у меня, какъ у васъ, сердце есть; я не паду предъ вами; и у кого не найдется такое нѣчто (12, 2. 3)? Сколько вы знаете, говорить далѣе, знаю и я, я не отсталъ отъ васъ (13, 2). Видя въ отвѣтахъ своихъ друзей только одно хитроуслестеніе ума, Іовъ говорить имъ: о, если бы вы только молчали! это вамъ было бы влѣчено въ мудрость (13, 3). Выслушавъ по разу всеѣхъ трехъ друзей, и Елифаза въ другой разъ, и не убѣждаясь ихъ доводами, говорить имъ: все вы, сколько бы разъ не выступали, я не найду мудраго (חָכָם) между вами (17, 10). Выслушавъ третью рѣчь Виллада и находя въ ней слишкомъ слабое представленіе-величія Божія, которымъ тотъ хотѣлъ разрѣшить спорный вопросъ, Іовъ съ проіею замѣчаетъ ему: какой подаль ты совѣтъ неразумію, и показалъ мудрость великую (26 3)! Когда друзья съ полною самоуверенностію настаивали на своемъ мнѣніи, какъ бы постигнувъ самую премудрость, Іовъ старается убѣдить ихъ, что человекъ можетъ проникать въ нѣдра земли и добывать оттуда металлы и дорогие камни, но мѣсто, откуда

приобрѣтается премудрость, утасно отъ него (28, 12. 21); *одинъ только Богъ выдаетъ мѣсто ся* (23) *и знаетъ ее* (27). Эліуй, встуная въ бесѣду Іова съ друзьями, объясняетъ имъ, что онъ, какъ младшій лѣтями, *робляъ и бояляся открывать предъ ними знаніе свое* (יִדַּעַתִּי), думая про себя: *пусть говорятъ дни, и множество проповѣдуетъ мудрость* (32, 7. 8). Потомъ говоритъ имъ: *не говорите: мы нашли мудрость* (14); *открою знаніе мое и я* (18). Обращаясь къ Іову, говоритъ: *выслушай, Іовъ, рѣчи мои* (33, 1); *уста мои чисто выскажутъ то, что я знаю* (3); за тѣмъ, въ концѣ первой рѣчи своей присовокупляетъ: *если есть слова, то возражай мнѣ; а если нѣтъ, то слушай меня; молчи, и буду учить тебя мудрости* (33, 32. 33). Обращаясь къ друзьямъ Іова, говоритъ въ 34, 2: *выслушайте мудрые* (שְׂמַעוּ מְדַבְּרֵי חָכְמָה), *и приклоните ко мнѣ ухо разсудительные* (שְׂמַעוּ אָזְנוֹתַי הַמְּשַׁלְּטוֹת בְּחָכְמָה), *знающіе, обладающіе знаніемъ, Kundige*), и въ 10 ст. *послушайте меня люди умные* (שְׂמַעוּ אֲנָשֵׁי לֵבָב), *люди мысли, разсужденія, ума*). Въ послѣдней рѣчи своей обращая вниманіе Іова на дѣла Творческаго могущества и премудрости (36, 26—37, 14), говоритъ ему: *знаешь ли, какъ Богъ творитъ оныя? понимаешь ли, какъ висятъ облака* и проч. (37, 15. 16)? И въ заключеніи, какъ послѣдній результатъ человѣческой мудрости, выражаетъ такое убѣжденіе (37, 23. 24): *Вседержитель! мы не постигаемъ Его! И такъ, да благоговѣютъ предъ Нимъ челоуьки! Онъ не взираетъ ни на кого изъ высокоумныхъ* (לֹא יִבְטַח בְּחָכְמָה). — Наконецъ, и Іегева относится къ Іову, какъ къ челоуьку мысли и разсужденія, אֲנָשֵׁי לֵבָב. *Кто ей дерзующій затмитъ оправданіе Свѣтъ словами безъ мнѣнія* (38, 2)? *Препояшь какъ мужъ*

чреда твои, и что спрошу у тебя, объясни Милъ (3). За тѣмъ требуетъ объяснить дѣйствія всемогущества и премудрости Божіей, открывающіяся въ твореніи міра и бытіи вещей. Обѣ рѣчи Іеговы суть не что иное, какъ испытаніе Іова въ его знаніи и мудрости, послѣ котораго Іовъ торжественно исповѣдуется, что онъ говорилъ то, чего не понималъ, и что есть много чудесъ, которыя выше его разумѣнія (42, 3), и просить Бога научить его (4).

Характеръ всѣхъ бесѣдъ ясно показываетъ, что это не простой, вызванный случаемъ разговоръ между людьми только разсуждающими, но разсужденіе между лицами, коимъ оно свойственно было по самому ихъ званію и роду занятія, между лицами, посвятившими себя изученію вещей божественныхъ и человѣческихъ и пріобрѣтшими разнообразныя свѣдѣнія въ нихъ, знакомыми съ разными пріемами діалектики, установившимися въ извѣстныхъ понятіяхъ о предметахъ, ими изслѣдуемыхъ, и проч. Показавши дѣйствія Вседержителя въ отношеніи къ людямъ, употребляемая для ихъ обращенія и исправленія, Елифазъ говоритъ Іову: *вотъ то, что мы изслѣдовали; это върно; внемли сему, замѣть и ты для себя* (5, 27). Въ свою очередь и Іовъ, представивши свои наблюденія, говоритъ друзьямъ своимъ: *все это видѣло око мое, слышало ухо мое, и замѣтило для себя* (13, 2). Разсужденія Іова авторъ книги называетъ *חִשְׁבֹּן* (27, 1. 29, 1),— такимъ словомъ, которое означаетъ рѣчь свойственную мудрымъ, въ извѣстной формѣ выражающую мысли и разсужденія ихъ (*Gesenii Thesaur. phil. crit. linguae hebr. et chald.* p. 828; *Fürst, hebr. chald. Handwörterbuch, B. 1. s. 799.*

Такимъ образомъ, Іовъ и собесѣдники его составляли об-

щество людей, называвшихся חֲכָמִים. חֲכָמִים это חָכָם יְדָעִים люди мыслящие, рассуждающие, принимающие все съ разсужденіемъ, люди посвятившіе себя изслѣдованію вещей божественныхъ и человѣческихъ (34, 10), это יְדָעִים знающіе, приобритшіе познанія въ вещахъ божественныхъ и человѣческихъ, наблюденіемъ, опытомъ, дознаніемъ достишіе вѣрнаго познанія о предметахъ, и проч. Цѣль или задача ихъ—приобрѣтеніе мудрости—חֵכְמָה. Мудрость חֵכְמָה на языкѣ нашихъ мудрыхъ означаетъ такое познаніе существующаго, которое согласно съ мыслию Вседержителя. Елифазъ, отрицая сужденія Іова, говоритъ ему: *развѣ ты слышалъ тайный совѣтъ Божій, и привлекъ къ себѣ премудрость* (15, 8)? Этотъ классъ людей соотвѣтствуетъ тому, который у грековъ въ то время назывался *философами, любомудрами*, хотя въ направленіи нашихъ мудрецовъ и греческихъ любомудровъ крайняя противоположность. Тѣ отъ вещей видимыхъ искали первоначальной причины всего существующаго; а наши мудрецы, зная Самосущаго, хотѣли видѣть и уразумѣть Его проявленіе во всемъ существующемъ. Правильнѣе наши мудрецы могутъ быть названы *Теософами*.

Какой источникъ знанія и мудрости у этихъ мудрыхъ людей (חֲכָמִים)?

1. По разсужденію Іова, никто не знаетъ, откуда приобрѣтается премудрость и гдѣ мѣсто разума (28, 12); одинъ только Богъ знаетъ путь ея и вѣдаетъ мѣсто ея (23). Потому *у Него премудрость и сила, у Него совѣтъ и разумъ* (12, 13). Тоже самое выражаетъ Елифазъ, когда говоритъ Іову: *развѣ ты слышалъ тайный совѣтъ Бо-*

жій и привлекъ къ себѣ премудрость (15, 8)? Какимъ же образомъ премудрость, вѣдомая и присущая одному Богу, сообщается людямъ? а) Естественнымъ образомъ чрезъ врожденную людямъ отъ Бога способность разумѣнія: *Духъ есть въ челоуькѣ*, говоритъ Эліуй, *и дыханіе Вседержителево, дающее ему разумьніе* (31, 9). Это же самое разумѣть и Іовъ, когда говоритъ друзьямъ своимъ: *и у меня, какъ у васъ сердце* (כֶּלֶם) *есть* (12, 3 слч. съ 2). כֶּלֶם органъ сознанія и мышленія, Исаі. 10, 7. 1 Цар. 29, 18. 3 Цар. 10, 2. Суд. 26, 17; отсюда выраженіе у Іова: *премудръ сердцемъ* כֶּלֶם וְכִבְדִּי. Т. е. первый и естественный источникъ, которымъ приобрѣтается познаніе о вещахъ, есть разумъ, данная отъ Бога челоуьку способность разумѣнія существующаго. Но чтобы эта способность правильно дѣйствовала въ насъ и достигала своей цѣли, требуется чистое и непорочное сердце (33, 3. 36, 4 и др.). б) Какъ Іовъ, такъ и друзья его, вѣрили и въ непосредственное наставленіе отъ Бога, которое бываетъ во снѣ, въ ношномъ (33, 15. 16) или въ полусонномъ состояніи, между сномъ и бодрствованіемъ (4, 12—16), и пр.

2. Вторымъ авторитетнымъ источникомъ знанія и мудрости наши мудрецы считали для себя древнее преданіе, или свидѣтельство отцовъ, и въ связи съ нимъ ученіе старцевъ. *Спроси*, говоритъ Вилдадъ Іову, *у первобытнаго рода, и приложи вниманіе къ наблюденіямъ отцовъ; ибо мы вчерашніе, и ничего не знаемъ, ибо дни наши на земль—тьнь; не они ли учатъ тебя? они говорятъ тебѣ, и изъ сердца своего произнесли слова* (8, 8—10). Во второй рѣчи своей Елифазъ говоритъ Іову: *что знаешь, чего бы не знали мы? что разумьешь ты, чего*

не было бы у насъ? Псевдовласій и старецъ есть между нами, днями превышающій отца твоего (13, 9—10). Не одинаково впрочемъ относится къ этому авторитетному источнику Іовъ и друзья его. Въ то время, какъ Елифазъ, Вилдадь и Софаръ показываютъ безусловное къ нему довѣріе, Іовъ замѣчаетъ имъ, что слова другихъ надобно принимать съ разборомъ, точно такъ же, какъ уста отвѣдываютъ пищу себѣ, и что мудрость не въ старцахъ и разумъ не въ долголѣтнихъ, а у Бога (12, 11—13). То же убѣжденіе высказываетъ и Эліуй, когда говоритъ, что не многолѣтныя только бываютъ мудры, и не старики одни разумѣютъ правду (32, 10).

3. Видимая природа и исторія человѣчества служили для нашихъ мудрыхъ богатымъ источникомъ знанія и мудрости. Іовъ говоритъ: *спроси у скота, и научитъ тебя; и у птицы небесной, и возвеститъ тебѣ; или побесѣдуй съ землею, и наставитъ тебя, и скажутъ тебѣ рыбы морскія. Кто изъ всего этого не позналъ бы, что рука Господня творитъ сіе? Въ Его рукъ душа всего живущаго, и духъ всякой плоти человѣческой* (12, 7—10). Эліуй, изобразивши величіе и премудрость Бога въ дивныхъ дѣлахъ творенія и промысленія Его о тваряхъ, обращаясь къ Іову, говоритъ ему: *внимай сему, Іовъ, стой, и созерцай чудеса Божіи* (37, 14). Міръ физическій съ его явленіями въ пространствахъ небесныхъ и земныхъ и въ естествѣ человѣческомъ, составлялъ особенный предметъ изученія и наблюденія нашихъ мудрецовъ, такъ какъ они видѣли въ немъ печать величія Божія, проявленіе творческой силы, всемогущества, премудрости, всевѣдѣнія, благодати и правды Вседержителя. Къ нему они

постоянно обращаются въ своихъ рѣчахъ, для того чтобы дѣйствіями Вседержителя во вселенной объяснить дѣйствія Его въ управленіи міромъ нравственнымъ, и изображеніемъ величія Его возбудить благоговѣніе къ Нему и смиреніе предъ непостижимыми путями Его (9, 4—10. 11, 6—10. 25, 2—8. 26, 5—14. 36, 24—37, 25). Другою книгою, по которой наши мудрецы изучали дѣла божественнаго міроуправленія, служила исторія человѣческая. Къ ней они не рѣдко обращаются, указывая въ судьбахъ народовъ и людей дѣйствія Вседержителя управляющаго міромъ (наприм. 12, 17—25. 20, 4. 22, 15—20. 34. 20—29). Въ связи съ исторіею прошедшаго, и современныя явленія жизни человѣческой были предметомъ наблюденія и изученія и богатымъ источникомъ знанія и опытности для нашихъ мудрецовъ (5, 3—5. 8, 11—19. 9, 22—24. 15, 17—35. 18, 5—21. 21, 7—33. 24, 2—24 и др.), хотя Ювъ и друзья его въ данномъ случаѣ не съ одинаковою зоркостію и проицательностію читали этотъ дневникъ дѣлъ человѣческихъ и потому расходились въ пониманіи смысла его.

4. Наконецъ, мудрецы наши были знакомы и съ священными книгами народа еврейскаго, заключающими въ себѣ откровеніе Божіе. Не принадлежа еврейскому племени, и находясь виѣ завѣта Іеговы, они, съ своей точки зрѣнія, не иначе могли смотрѣть на пророковъ этого завѣта, какъ на мудрецовъ חכמים (15, 18) ¹⁾. Можемъ

¹⁾ 15, 18: חכמים אשר לא יגלוּ אֶת־מִצְוֹתַי וְלֹא יִשְׁתַּחֲוּוּ אֶת־פְּנֵי אֱלֹהֵי אֲחֵרִים можно перевести: *что мудрые возвѣстили и не скрыли отъ отцевъ своихъ, или что мудрые возвѣстили и не скрыли какъ принятое отъ*

считать несомнѣннымъ, что мудрымъ нашей книги были извѣстны книги закона Моисеева, какъ это видно изъ приводимаго Елифазомъ изображенія судьбы нечестивыхъ по кн. Левитъ 26, 16—37 ср. Іов. 15, 20—30. Несомнѣннымъ также считаемъ, что извѣстны имъ были писанія Соломоновы, какъ можно заключать изъ изображенія Іовомъ премудрости (28, 12—28), которое встрѣчается только въ Притчахъ и составляетъ характеристическую черту ученія Соломонова, и котораго авторъ не вложилъ бы въ уста Іова, если бы не представлялъ, что оно было ему извѣстно. Вѣроятно, были извѣстны имъ и другія свящ. книги народа еврейскаго.

Чтобы познакомиться ближе съ нашими мудрецами, изложимъ ихъ ученіе относительно главнѣйшихъ предметовъ знанія и вѣры и существенныхъ вопросовъ жизни.

отцовъ своихъ. Экзегеты большею частію держатся втораго перевода, согласно מַאֲבְרָחַן съ אֲבֹתָם . У LXX читаемъ: ἃ σοφοὶ ἀνήγαγε λαόν, καὶ ἴνα ἔκρυψαν πατέρας αὐτῶν, — *что мудрые возвестили и не скрыли отцы ихъ.* Въ Вулгатѣ: sapientes confitentur, et non abscondunt patres suos, — *мудрые признаются и не скрываютъ отцовъ своихъ.* Подъ מַאֲבְרָחַן Елифазъ разумѣетъ вообще пророковъ, какъ хранителей закона Іеговы, который они приняли отъ отцовъ своихъ или праотцевъ народа, въ свою очередь получившихъ его отъ Моисея. Выраженіе: *не скрыли отъ отцовъ своихъ,* равно какъ и другое: *не скрыли отцы ихъ*—противорѣчатъ естественному порядку вещей (отцы прежде сыновей своихъ). Больше естественности въ переводѣ Вулгаты, но трудно согласить его съ еврейскимъ выраженіемъ מַאֲבְרָחַן . Важность тою или другаго ученія Елифазъ опредѣляетъ древностію его (сн. 15, 7. 9. 10): потому, сила выраженія падаетъ не на то, что мудрые возвестили, а на то, что возвестили они отъ отцевъ своихъ. Такимъ образомъ второй переводъ съ еврейскаго болѣе вѣрнѣе согласенъ съ точкою зрѣнія Елифаза.

насколько оно можетъ быть извлечено изъ ихъ разсужденій.

Ученіе о Богѣ. Ученіе мудрецовъ нашихъ сосредоточено на Высочайшемъ Существоѣ Божіемъ. Это главный предметъ ихъ мудрости. Стремясь къ познанію Бога, они не думаютъ проникнуть въ самое Существо Божіе, которое ни для кого не постижимо, и сознаются въ безсиліи своемъ не только постигнуть Самосущее (11, 6—8), но и уразумѣть дѣла Его премудрости и всемогущества, которыя видать всѣ люди (36, 25). Софаръ говоритъ Іову: *ужели хочешь достигнуть изслѣдованія о Богѣ? ужели хочешь постигнуть совершенство Всемоущаго? Высоты неба: что ты съдѣлаешь? глубже преисподней: что ты узнаешь? длиннѣе земли мѣра Его и шире моря* (11, 7—9). *Вседержитиль!*—взываетъ Эліуй,—*мы не постигаемъ Его* (37, 23)! Или, обращаясь къ Іову, который смѣло судилъ о правдѣ Божіей, вакъ бы понимая дѣла Божіи, спрашиваетъ его: *знаешь ли, какъ Богъ производитъ оныя? понимаешь ли, какъ висятъ облака, и проч.?* и за тѣмъ присовокупляетъ: *науки насъ, что намъ сказать Ему; мы ничею не можемъ представить отъ темноты* (37, 15—19). И самъ Іовъ того же убѣжденія, когда, изобразивши Вилдѣду величіе и всемогущество Вседержителя, говорилъ ему: *вотъ, это только края путей Его, и мы только шкоторый шопотъ слова Его слышимъ; а громъ могущества Его кто можетъ себя представить* (26, 14)?

Сознавая, что Богъ непостижимъ въ существѣ Своемъ, и что человѣкъ не можетъ понять, какъ совершаетъ Онъ дѣла Свои, наши мудрые выражаютъ въ своихъ бе-

сѣдахъ ясныя представленія о Богѣ какъ Вседержителѣ и Его отношеніи какъ къ міру вообще, такъ и частности къ людямъ и къ каждому человѣку.

Идея Вседержителя *ἡ ἰσχυροκρατία* составляетъ главное понятіе о Богѣ въ представленіи мудрыхъ. Какъ Вседержитель, Богъ *выше всего* (31, 28), Онъ есть Богъ *живой* (7), имѣющій въ Самомъ Себѣ жизнь (27, 2), *вѣчный* и число лѣтъ Его неизслѣдимо (10, 5, 36, 26); живетъ *на высотѣ небесъ* (25, 2, 22, 12, 14, 26, 9), окружень свѣтомъ (36, 30), окрестъ Его страшное влеколѣніе (37, 22); Онъ *все видитъ и знаетъ*, зреть до концевъ земли, видитъ все, что подъ небомъ есть (28, 24), предъ Нимъ открыта пренеподняя (26, 6); *премудръ* (9, 4), и въ Немъ источникъ премудрости и разума (12, 13); *моущь силою*, предъ Нимъ устоять ничто не можетъ (9, 4); *справедливъ и нелицепріятенъ* (34, 12, 17, 19); живя на высотѣ и зная все, Онъ *судитъ* народы и каждаго человѣка (36, 31, 9, 15, 23, 7) и каждому воздаеть должное (36, 5).

Отношеніе Бога къ міру. Онъ сотворилъ все существующее, и творить постоянно великое и не постижимое, и чудное безъ числа (3, 6); вся вселенная живетъ Его духомъ, такъ что если бы Онъ отнялъ отъ нея дыханіе Свое и удержалъ его въ Себѣ, то умерла бы всякая плоть (34, 13—15); Имъ управляется и движется все существующее: Онъ изводитъ небесныя свѣтила и сокрываетъ ихъ (9, 5—6); по Его мацію, образуются облака, льется дождь съ небесъ (36, 27, 28), гремитъ громъ, блистаетъ молнія (37, 3—4), падаетъ снѣгъ на землю (37, 6), приходитъ буря и стужа (37, 9), и проч.; во гвѣвѣ же (во-

емъ. Онъ низводитъ горы въ обветшаніе, потрясаетъ землю съ мѣста ея, такъ что столпы ея дрожать; укажетъ солнцу и не взоидетъ (9, 5—7), и проч.

Отношеніе Бога къ народамъ. Такимъ же полновластнымъ Вседержителемъ мудрые представляли Бога и въ отношеніи къ человѣчеству. Онъ размножаетъ народы и губить ихъ, распространяетъ ихъ и уводитъ въ плѣнь (12, 23); ослабляетъ грозу царей, и обвязываетъ чресла ихъ поясомъ (12, 18), отнимаетъ языкъ у вѣрующихъ въ себя, и старцевъ лишаетъ смысла (12, 20); сокрушаетъ сильныхъ безъ ислѣдованія, и поставляетъ другихъ на мѣстѣ ихъ (34, 24).

Отношеніе Бога къ человеку. Между тварями, живущими на землѣ, человѣкъ представляется предметомъ особеннаго вниманія и попеченія Вседержителя. Образовавши его въ утробѣ матери, Вседержитель не оставляетъ его потомъ безъ особеннаго вниманія во всю жизнь его: видитъ все пути его (31, 4), изчисляетъ все шаги его (14, 16), знаетъ все движенія внутренней жизни его (23, 10), и опредѣляетъ судьбу его.

О мѣрѣ высшихъ духовныхъ существъ. Кромѣ человека, по ученію мудрыхъ, есть еще высшія разумныя существа, которыя живутъ на высотѣ небесной вблизи Бога (25, 2) и озаряются свѣтомъ Его (25, 3). Они слуги (ַבְּרִיּוֹת) Бога (4, 18), воинство Его (אַגְמִינָא agmina Ejus 25, 3). Число ихъ неизчетно (25, 3. 33, 23). Находясь вблизи Бога, они ходатайствуютъ за людей, когда къ нимъ обращаются (5, 1), и указываютъ человѣку правый путь, если онъ имѣетъ между ними для себя ангела посредника

(33, 23: מַלְאָכַי אֲנִי מְפָאֵרִים angelus interpres, internuntius, intercessor). По нравственному совершенству своему они святы—קְדוֹשֵׁי קָדֹשׁ, такъ что это качество усваивается имъ какъ собственное названіе ихъ (5, 1. 15, 15); но Богъ усматриваетъ и въ нихъ недостатки (4, 18), и они нечисты въ очахъ Его (15, 15 слч. первое полустишіе со вторымъ). Въ 25 2. намекается на то, что есть нѣчто *стропотное* и въ ихъ мірѣ; но Богъ, у Котораго держава и страхъ, творить миръ (שְׁלוֹמִי הַשָּׁמַיִם) на высотахъ Своихъ (25, 2).

Ученіе о человѣкѣ. Человѣкъ, по ученію мудрыхъ, есть твореніе Божіе (10, 3. 9—12. 14, 15); имѣетъ дыханіе Вседержителево въ себѣ, которое даетъ ему способность разумѣнія (27, 3. 32, 9) и возвышаетъ его предъ всѣми живыми тварями на землѣ. Творецъ научилъ его болѣе, нежели четвероногихъ земли, и умудрилъ болѣе, нежели птицъ небесныхъ (35, 11). Но какъ рожденный отъ человѣка, онъ не можетъ быть совершенно чистымъ предъ Богомъ (4, 17. 9, 30. 31. 14, 4. 15, 14. 23, 4). Если Богъ и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ недостатки, тѣмъ болѣе человѣкъ не можетъ быть чистымъ предъ Богомъ (4, 17. 18). Раждаясь отъ родителей, онъ выходитъ на свѣтъ по волѣ Творца своего (3, 20. 10, 18). Ему назначенъ опредѣленный срокъ жизни. Въ 14, 5. Ювъ говоритъ, что человѣку опредѣлены дни, отсчитано Творцемъ число мѣсяцовъ, проведены черты, которыхъ онъ не переступитъ. (п. 22, 21. Послѣ назначеннаго срока жизни, человѣкъ нисходитъ въ преисподнюю—שְׁאֵל).

Ученіе о шеолѣ. Шеолъ—мѣсто пребыванія всѣхъ душъ по разлученіи ихъ съ тѣлами, домъ собранія всѣхъ

живущиго (30, 33), называется *странною тьмою и снью смертною, гдѣ нѣтъ устройства и тѣмъ свѣтѣ какъ во мракѣ* (10, 21, 22). Сходя въ шеоль, всѣ уравниваются въ своемъ состоянн; *малыи и великыи тѣмъ одни и тоже*; узники и рабы тамъ вмѣстѣ съ царями и князьями (3, 13—19). Сшедшие туда не знаютъ, что дѣлается на землѣ, какая участь постигаетъ ихъ потомство (14, 21). Это—состояніе покоя, бездѣйствія состояніе безсознательное, похожее на состояніе человѣка во снѣ (3, 13), которое *однакожь не означаетъ прекращенія бытія* (Екклез. 9, 10).

Знали ли наши мудрые о воскресеніи и будущей жизни? Они вѣрили, что, по разлученіи съ тѣломъ, душа не уничтожается и продолжаетъ существовать въ шеоль но что она снова возвратится къ жизни—это не было имъ извѣстно. Въ 7 гл. Іовъ, обращаясь къ Богу, говоритъ, *вспомни, что дуновение жизни моя, и что око мое не возвратится видѣть добро* (7, 7). *Исчезаетъ облако и уходитъ; такъ и сшедшій въ преисподнюю не восходитъ; уже не возвращается въ домъ свой* (тѣлю своему 4, 19), *и мѣсто его уже не знаетъ его* (7, 9—10). Въ 10 гл. Іовъ молитъ Бога сложить съ него тяжесть страданій, чтобъ ему порадоваться не много, *пржеде нежели, говоритъ, отъиду, и уже не возвращусь* (10—21) Еще полнѣе выражена мысль объ окончаніи всѣхъ надеждъ человѣка съ настоящею жизнью въ 14 гл. Іовъ говоритъ *такъ! есть надежда дереву, если срублено, что снова оживетъ, и отрасли отъ него не прекратятся. Тогда какъ состарѣлся корень его въ землѣ, и пень его умираетъ въ прахъ, почуявъ зоду, оно дастъ отпрыски, и*

(18—20). Въ 16, 21 Іовъ проситъ Бога чтобы Онъ разрѣшилъ теперь же споръ его съ друзьями, *ибо, говоритъ, не многому числу лѣтъ конецъ приходитъ, и я отхожду въ невозвратный путь* (ст. 22). Въ 17, 13. Іовъ видя близость разрушенія тѣлеснаго состава своего, говоритъ: *если я чаю, то преисподней, моего дома; ст. 15 иды послѣ этого надежда моя? въ область преисподней сойдетъ, — тамъ вмѣстѣ упокоимся въ прахъ.*

Послѣ столь ясныхъ выраженіи Іова о загробной участи своей, трудно предположить, чтобы въ 19, 25—29 говорилъ онъ объ Искупителѣ, о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ въ послѣдній день міра и о послѣднемъ страшномъ судѣ, на которомъ грѣшныя и праведныя получаютъ заслуженное воздаяніе, и проч., какъ трактуютъ въ своихъ системахъ католическіе и лютеранскіе догматики, слѣдуя—первые—переводу бл. Іеронима, а вторые—Лютера ¹⁾. Если бы Іовъ въ 19, 25—29 высказалъ свои убѣжденія въ такихъ высокихъ и важнѣйшихъ истинахъ христіанской вѣры, тогда это мѣсто заключало бы

¹⁾ Въ переводъ бл. Іеронима это мѣсто читается такъ въ 25. Scio enim, quod Redemptor meus vivit et in novissimo die de terra resurrecturus sum. Vs. 26: et rursum circumdabor pelle mea et in carne mea videbo Deum meum. Vs. 27: Quem visurus sum ego ipse et oculi mei conspecturi sunt, et non alius: reposita est haec spes mea in sinu meo. По переводу Лютера: Aber ich weiss, das mein Erlöser lebt, und er wird mich hernach aus der Erde auferwecken. Und werde darnach mit diese meiner Haut umgeben werden, und werde in meinem Fleisch Gott sehen. Denselben werde ich mir sehen, und meine Augen werden ihn schauen und kein Fremder; meine Nieren sind verzehret in meinem Schoos.

самое широкое по содержанию пророчество о новозавѣтномъ домостроительствѣ, какового мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ пророковъ народа еврейскаго. Но такое прозрѣніе Іова въ будущее не гармонируетъ съ тономъ и содержаніемъ всѣхъ рѣчей его. Будь открыта ему тайна искупленія, воскресенія мертвыхъ и суда, тогда онъ примирился бы легко съ своею судьбою (14, 13); зная о другой жизни по выходѣ изъ шеола, о будущемъ судѣ и воздаяніи, Іовъ не спрашивалъ бы, *за чѣмъ Богъ даетъ страданью свѣтъ и жизнь горькимъ душамъ* (3, 20), — не жаловался бы на Бога, почему Онъ лишилъ его заслуженнаго его добродѣтельною жизнью воздаянія (7, 3. 10. 20. 30, 24—26 и др.). тогда всѣ вопли противъ Бога, которыми наполнены рѣчи его, были бы худюю противъ Вседержителя своего — которой домогался самъ.

Скажутъ, что прозрѣніе Іова въ будущее явилось въ его сознаниіи уже поздно, въ концѣ втораго ряда бесѣдъ съ друзьями; потому всѣ его жалобы и возраженія до этого прозрѣнія объясняются естественнымъ образомъ. Но измѣнились ли взгляды Іова на жизнь и конецъ ея послѣ этого прозрѣнія? Примирился ли Іовъ съ тѣми явленіями счастья и несчастія, которыя представлялись ему противорѣчащими понятію о правдѣ Божіей? Не дальше, какъ въ слѣдующей рѣчи, въ 21 гл., Іовъ выражаетъ свое удивленіе предъ тѣмъ явленіемъ, что беззаконные на землѣ благоденствуютъ (7—16), прощически посмѣвается надъ обличеніями друзей, которые представляли что счастье ихъ только кажущееся, что оно не прочно и проч. (17—22), а въ заключеніе говоритъ: *одно умириваетъ съ самою пол-*

нотъ своей, во всемъ довольствіи и спокойствіи; а другой умираетъ въ горести души и не вкусивъ добра; вмѣстѣ они будутъ лежать въ прахъ, и червь покроетъ ихъ (23—26). Также самая мысль выражается Іовомъ далѣе въ 32 и 33 ст. Въ 24 гл. изображая разныя несправедливости, притѣсненія и беззаконія на землѣ, Іовъ спрашиваетъ. *почему Вседержителемъ не положены времени суда, и знающихъ Его не видятъ дней Его (1)?* Іова поражаетъ въ особенности то, что эти нечестивые умираютъ спокойно, тогда какъ они достойны того, чтобы потреблены были съ лица земли (ст. 19. 20. 24). Въ 30 гл. Іовъ говоритъ Богу: *такъ! я знаю, Ты ведешь меня къ смерти, и въ домъ собранія всѣхъ живущихъ. Да, напрасны молитвы, когда Онъ простеръ руку; напрасно вопіять, когда Онъ губитъ. Какъ не плакать мнѣ въ тяжелой годинѣ! Какъ не скорбѣть душѣ моей убойю! Ибо чаялъ я добра, и пришло зло; и ждалъ свѣта, а пришелъ мракъ, и проч. (23—26).* Всѣ эти жалобы и возгласы должны представляться странными и не естественными, послѣ того, какъ Іову открылась тайна искупленія, воскресенія и будущаго суда. Откройся Іову эта тайна, тогда весь горизонтъ внутренней жизни и вѣшняго бытія озарился бы предъ нимъ не обычнымъ свѣтомъ, тогда все для Іова было бы ясно, тогда не было бы надобности Іову ни въ рѣчь Эліу, ни въ явленіи Іезеки.

Скажутъ еще, что мысль объ Искупителѣ, воскресеніи мертвыхъ и послѣднемъ страшномъ судѣ явилась въ сознаниі Іова, какъ мимолетное озареніе слыше, которое

тотчасъ же исчезло, какъ только Іовъ среди тяжкихъ страданій своихъ устремилъ своей взоръ на печальное положеніе свое. Можно спросить догматистовъ, что они приобретають для своей системы отъ такого мнѣнія древняго праведника которое высказано имъ безъ всякаго сознанія, какъ бы въ бреду, и не оставило по себѣ въ его сознаніи никакого слѣда?... Нѣтъ, то, что высказываетъ Іовъ въ 19, 25 – 29, высказываетъ съ поднымъ и яснымъ сознаніемъ, съ твердымъ убѣждемъ, съ полною увѣренностію, своею ственною праведнику—страдалицу, крѣпко вѣрующему въ своего Бога. Онъ столько убѣжденъ въ своихъ словахъ что желаетъ, чтобы они были начертаны въ книгѣ, желѣзнымъ рѣзцомъ вырѣзаны на скалѣ, и оловомъ вылиты на вѣчное время (19, 23. 24). *Я знаю* (אָדָּוָה), говоритъ, то есть, *твердо убѣжденъ*; и потомъ, выразивши свое убѣжденіе, присовокупляетъ: *истасваютъ внутренности мои* (чаяннемъ) *въ груди мои*. Чего же чаялъ Іовъ?

Вся ошибка догматистовъ происходитъ изъ того, что изъясняютъ это мѣсто нисколько не соображаясь съ контекстомъ не только цѣлой книги, но даже главы (19), въ которой оно находится. Въ страданіяхъ Іова самую тяжелою раною была та которую наносили ему друзья, обращаясь съ нимъ какъ съ отверженнымъ отъ Бога, и утверждая, что онъ наказывается за грѣхи. Іовъ самъ признавался, что *если бы только не эти ругательства (друзей) надо мною; то во время прекословія ихъ спокойно уснуло бы око мое* (17, 2). Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, Іовъ не разъ умолялъ ихъ бытъ къ нему снисходительнѣе, предостерегалъ ихъ, что Богъ строго накажетъ ихъ за ихъ несправедливостъ (13, 10), и пред-

ставлялъ имъ, что готовъ стать на судъ предъ Богомъ (18). Друзья, между тѣмъ, принимая слова страдальца за личное оскорбленіе, только болѣе растравляли его раны своими укоризнами и ругательствами. Въ 16 главѣ Іовъ представляетъ друзьямъ своимъ, что Заступникъ его на небесахъ, и онъ молить Его разрѣшить возникшую между ними распрю прежде, чѣмъ окончится жизнь его: *и нынѣ, говорилъ онъ, вотъ на небесахъ Свидѣтель мой, и Заступникъ мой не превыспренихъ! Ругатели мои друзья мои; къ Богу каплетъ око мое, чтобы Онъ рѣшилъ эту прю между человекомъ и Богомъ, между сыномъ Адамовымъ и другомъ его; ибо не многому числу лѣтъ конецъ приходитъ, и я отхожду въ невозвратный путь (16, 19—22)*; дальше выражаетъ увѣренность, что *Богъ не дастъ имъ восторжествовать (17, 4)*. Въ 18 гл. Вилладъ продолжаетъ тотъ же рѣзкій тонъ обращенія и еще съ большимъ, чѣмъ прежде, негодованіемъ высказываетъ свои замѣчанія Іову. Въ 19 главѣ Іовъ, представивъ друзьямъ самую печальную картину своего страдальческаго положенія, которая должна бы тронуть ихъ,—а они вмѣсто того обратились въ самыхъ лютыхъ для него враговъ,—выражаетъ увѣренность, что этотъ превыспренній Заступникъ явится наконецъ на землѣ и покажетъ его справедливость. Въ чувствѣ своей невинности, и вѣруя, что съ настоящею жизнію все оканчивается, безжалостно преслѣдуемый друзьями, Іовъ никакъ не могъ представить, чтобы Богъ, праведный Судія, не показалъ имъ наконецъ, что справедливость на его сторонѣ (ст. 28) и что они поступали съ нимъ жестоко и не справедливо (ст. 29). *Вы, говорить, преслѣдуете меня (ст. 22), а я знаю (יָדַעְתִּי), что*

защитникъ мой (לְשֹׁמֵרִי) ¹⁾ живъ (חַי) и наконецъ (וְאַחֲרָיִם) ²⁾ на земль (עַל-פָּרֶץ) ³⁾ явится (וַיֵּרָא) ⁴⁾. И послѣ того

¹⁾ לְשֹׁמֵרִי (прим. отъ гл. לָשׂוּב מֵאֲחֵרִים *назадъ возвратилъ, выкупилъ, освободилъ, отпустилъ*) означаетъ того, кто восстанавливаетъ права другаго, выкупомъ, защитою, местию или инымъ образомъ; отсюда לְשֹׁמֵרִי значить *искупитель* или дѣлающій выкупъ (Лев. 25, 25. 26. 48. 49. Руо. 4, 3. 6, *спаситель, избавитель, защитникъ* (Левит. 31, 11. Ис. 106, 2. Быт. 48, 16. Осн 13, 14), *мститель за кровь* (Числ. 35, 12. 19. Втор. 19, 6. 12) и пр. Богъ называется לְשֹׁמֵרִי какъ избавитель евреевъ изъ Египта (Исх. 6, 6), изъ Вавилона (Исаи. 43, 1), какъ спаситель Иереміи изъ ямы, въ которую бро силъ его соотечественники (Плач. 3, 58), какъ защитникъ за сиротъ, притѣняемыхъ богатыми и сильными (Притч. 23, 11) и проч. Ювъ называетъ Бога לְשֹׁמֵרִי, потому что надвѣлся, что Онъ избавитъ его отъ постигшихъ бѣдствій и защититъ отъ обидъ, которыя тер пѣлъ отъ друзей.

²⁾ וְאַחֲרָיִם *послѣдующій, послѣ кого или чего слѣдующій* (Исх. 4, 8. Втор. 24, 3), и послѣдній, послѣ чего въ известномъ порядкѣ ничего не слѣдуетъ (2 Цар. 19, 12). Относясь къ глаголу וַיֵּרָא или какъ его подлежащее или какъ опредѣлительное нарѣчіе, оно даетъ рѣчи смыслъ такой: и послѣдній Онъ (לְשֹׁמֵרִי защитникъ) между бесѣдующими, т. е. послѣ всего напраснаго спора нашего, *напо слѣдокъ, наконецъ*, явится, чтобъ защитить мое дѣло. Слово это прямымъ образомъ указываетъ на явленіе Бога Юву послѣ разсуж деній всѣхъ собесѣдниковъ.

³⁾ עַל-פָּרֶץ *на земль*. פָּרֶץ не однократно употребляется въ нашей книгѣ въ значеніи земли какъ orbis terrarum (3, 6. 8, 19, 28, 2. 30, 6. 39, 14. 41, 25). *На земль явится*—соотвѣтствуетъ прежде употребленному выраженію о Заступникѣ (16, 19): *на небе сахъ* Свидѣтель мой, и Заступникъ мой *на превисшнихъ*, и общему представленію мудрыхъ о пребываніи Бога на небѣ.

⁴⁾ וַיֵּרָא *всталъ, поднялся*; весьма часто употребляется въ значеніи — *возстанъ на защиту кого, на помощь кому* (Числ. 10. 35. Ис. 3, 8. 7, 7. 9, 20. 16, 13. 67, 2); значитъ иногда и возстать изъ мертвыхъ (Юв. 14, 12).

какъ истлали кожа моя (וְאֵפֶסֶת עֵרְוִי נִקְרַפָּה זָמַת), и безъ плоти моеи (בְּבִשְׂרִי) ⁴ я увижу Бога (אֶחְזֶקֶת אֱלֹהִים). Котораго я увижу для меня (אֲנִי אֶחְזֶקֶת לִי), и глаза мои будутъ видѣть, а не другой; истлаваютъ внутренности мои въ грудь мою. Последнимъ выраженіемъ—для меня לִי Ювь хочетъ сказать, что онъ будетъ видѣть Бога не со стороны, когда бы Богъ пришелъ къ другому кому, но что Богъ явится именно для него, ради его, по его призыву, чтобы защитить отъ нападенія друзей. Поэтому, обращаясь къ друзьямъ, говоритъ: *тогда скажете, за чѣмъ мы преслѣдовали его? Тогда справедливость откроется на моей сторонѣ; тогда узнаете, что жестокость есть грѣхъ достойный мщенія Божія* (28. 29).

Это предзрѣніе не есть пророчество, а естественное предчувствіе праведной души, глубоко вѣрующей въ справедливость своего Вседержителя и своего дѣла. Событіе этого предчувствія относится именно къ явленію Іеговы изъ вихря бурнаго. Все, чего желалъ и чаялъ Ювь, исполнилось: *прежде, говоритъ онъ Іеговѣ, я слышалъ о Тебѣ ухомъ, а нынѣ моими глазами* (сн. 19, 27) *вижу Тебя* (42, 5). Друзья Юва обличены Богомъ въ своей не-

⁴ Эти выраженія указываютъ на то, что выше сказано въ ст. 20: *съ кожею моею и съ плотию моею срослись кости мои, и остаюсь только съ кожею на зубахъ моихъ*, т. е. кожа и плоть истлали, такъ что едва прикрываютъ собою кости. Первое полустишіе слово въ слово можетъ быть переведено такъ: *а послѣ кожи моеи—истлали это* (Ювь говоритъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ). בְּבִשְׂרִי *безъ плоти моеи*. לִי съ значеніемъ *безъ* встрѣчается въ нашей книгѣ 11, 13. 21, 9. Быт. 27, 39.

справедливости, и гнѣвъ Божій на нихъ отвращенъ только молитвою праведнаго Іова (42, 7—9).

Такимъ образомъ еврейскій текстъ разсматриваемаго нами мѣста не содержитъ въ себѣ тѣхъ пророческихъ мыслей, которыя хотятъ видѣть въ немъ догматисты. Еще менѣе благопріятствуетъ такому изъясненію переводъ LXX. Въ греческой Библии мѣсто это читается такъ: Οἶδα γὰρ ὅτι ἀένναός ἐστιν ὁ ἐκκλύειν με μέλλων ἐπὶ γῆς ἀναστήσει δὲ μοῦ τὸ δέρμα τὸ ἀναντλῶν ταῦτα. Παρὰ γὰρ Κυρίου μοὶ ταῦτα συνετελέσθη, ἃ ἐγὼ ἐμαυτῶ συνεπίσταμαι, ἃ οἱ ὀφθαλμοί μου ἐώρακασιν, καὶ οὐκ ἄλλος· πάντα δὲ μοι συνετελέσται ἐν κόλπῳ. *Я знаю, что вѣщны Тотъ, который разрышитъ ¹⁾ меня на землю (ἐπὶ γῆς): Онъ возстановитъ ²⁾ кожу мою терпящую сіе. Ибо отъ Господа мнѣ это прилучилось, — это я въ себѣ самомъ чувствую, это глаза мои видѣли, а не другой кто: все же мнѣ совершилось въ недрѣ.* Отличие греческаго перевода отъ еврейскаго подлинника заключается въ томъ, что по греческому переводу Іовъ надѣется на возстановленіе своего здоровья прежде смерти; такую надежду имѣеть потому, что убѣжденъ, что всѣ испытываемыя имъ страданія ниспосланы отъ Бога. По еврейскому же тексту, Іовъ не ожидаетъ выздоровленія, но предчувствуетъ, что, не смотря на истлѣніе кожи и плоти, онъ все-таки не умретъ, не увидѣвъ Бога, Который явится наконецъ на его призывъ и разрышитъ прю его съ друзьями.

Въ разсужденіи разсматриваемаго мѣста книги Іова, считаемъ особенно важнымъ мнѣніе св. Златоуста. Св.

¹⁾ Ἐκκλύειν разрышать, освобождать, развязывать выводить изъ узницы, искуплять, ослаблять, обезсиловать

²⁾ Ἀνίστημι возставаю возстановляю, возбуждаю

Златоустъ, представляя смущеніе Іова, коему онъ подвергался во время своихъ страданій, могущее показаться для кого либо признакомъ малодушія, объяснялъ оное тѣмъ, что Іовъ ничего не зналъ о воскресеніи. «Люди, писалъ онъ во второмъ письмѣ къ диакониссѣ Олимпіадѣ, не знающіе за собою ничего худаго, украшенные добродѣтелями, если и терпятъ несчастіе, по крайней мѣрѣ знаютъ учене о воскресеніи, могутъ разсуждать о будущихъ наградахъ, а потому знаютъ также, что постигающія ихъ несчастія служатъ имъ залогомъ безчисленныхъ вѣнцовъ. Но Іовъ былъ праведникъ, и ничего не зналъ о воскресеніи (*καὶ περὶ ἀναστάσεως ἐπιστάμενος οὐδὲν*), и потому тѣмъ болѣе смущался, не видя причины своихъ страданій» (Еπιστ. β. πρὸς διακον. Οὐμπριάδ. 8). Тоже самое говоритъ онъ объ Іовѣ въ 33 бесѣдѣ на ев. Матвея, что онъ *μηδὲν εἶδέναι περὶ βασιλείας οὐρανῶν καὶ ἀναστάσεως σαφῆς*.

Подобно Іову, и друзья его представляли, что сошествіемъ по смерти въ шеоль—преисподнюю оканчивается поприще человѣческой жизни (3, 26. 20, 11 и др.); выходъ изъ шеола, воскресеніе, будущая жизнь съ блаженствомъ праведныхъ и мученіемъ печестивыхъ были имъ совершенно не извѣстны.

Учете о воздаяніи. Такъ какъ срокъ жизни, назначенной человѣку, по учению мудрыхъ, ограничивается предѣламъ настоящаго земнаго бытія, то *подвигъ и воздаяніе* за него совершаются также въ предѣлахъ настоящей жизни. Здѣсь человѣкъ подвизается: здѣсь же въ предѣлахъ временнаго существованія своего получаетъ отъ Бога награду, воздаяніе; или наказывается разными бѣдствіями,

если дается порокамъ и беззаконіямъ. Воздаяніемъ чело-
вѣку за добродѣтель служитъ благоденствіе, которое со-
ставляютъ: спокойствіе внутреннее, душевное (11, 18. 19),
огражденіе отъ разныхъ бѣдствій (золь) жизни, отъ го-
лода, разоренія, меча и проч. (5, 19—22), уснѣхъ въ
трудахъ и занятіяхъ, процвѣтаніе хозяйства, обиліе благъ
земныхъ (5, 24), здоровье, долгоденствіе и окончаніе жиз-
ни спокойное и въ лѣтахъ полной зрѣлости (5, 25), на-
конецъ, благословеніе дѣтьми, потомствомъ (5, 25). На-
казаніемъ же за нечестіе служитъ противоположное сему
состояніе: внутреннее безпокойство, трепеть и ужасъ (15,
20. 21. 18, 11), всякаго рода виѣшнія бѣдствія—голодь,
разореніе и проч. (15, 22—24), неудачи въ хозяйствѣ,
скудость и нужда въ потребностяхъ жизни (5, 5. 15, 24),
презрѣніе отъ людей (18, 17. 18), разныя огорченія, бо-
лѣзни (18, 13), не своевременная, ранняя кончина (15,
32), бездѣтство и непродленіе потомства или несчастная
судьба дѣтей (18, 19). Все это, по представленію муд-
рыхъ, происходитъ отъ Бога и посылается людямъ по
суду правды Божіей. Іовъ сравниваетъ жизнь чело-
вѣка съ воинскою службою и съ поденнымъ трудомъ наемника.
Какъ по окончаніи срока службы воинъ дается покой и
отдыхъ; такъ и чело-
вѣку усердно служащему Богу долж-
ны быть отсчитаны дни и мѣсяцы тихой, спокойной и
счастливой жизни. Какъ наемнику за его дневной трудъ
ввечеру дается плата; такъ и праведникъ, своими дѣлами
благодаряющій Богу, долженъ получить отъ Него заслу-
женное воздаяніе (7, 1—3). Такъ какъ Богъ не можетъ
быть не справедливъ и не можетъ оставаться въ долгу у
чело-
вѣка, то праведный, служившій Ему съ полнымъ

усердіемъ, не можетъ оканчивать дней своихъ, не вкусивъ добра (7, 7. 21, 25), не насытившись жизнью (42, 17). Поэтому, Іовъ, праведно служившій Богу, видя постигшія его бѣдствія, представлялъ не естественнымъ, противнымъ справедливости Божіей такое свое положеніе. *Я ожидалъ, говоритъ, радостныхъ мѣсяцевъ ¹⁾, но ночи горестныя отчислены мнѣ (7, 3).* Въ другой разъ говоритъ: *я чаялъ добра, а пришло зло; ждалъ свѣта, а пришелъ мракъ (30, 26).* Потому, какъ заслуженной платы просить у Бога, прекратить страданія, чтобы ему порадоваться хоть не много (10, 20), какъ наемнику, провести день свой съ удовольствіемъ (14, 6).

Такъ какъ Богъ справедливъ, воздастъ каждому должное, и съ настоящею жизнью все прекращается для чловека; то должно быть въ сей жизни строгое соотвѣтствіе между добродѣтелію и счастіемъ, между порокомъ и несчастіемъ. *Вспомни, говоритъ Елифазъ Іову, кто тотъ невинный, который погибъ, и идъ были искоренены праведные (4, 7).* Вилдадъ говоритъ Іову: *Богъ можетъ ли измѣнять законъ? Вседержитель можетъ ли превращать правду? Если сыны твои согрѣшили предъ Нимъ, то Онъ*

---

¹⁾ LXX: Εὐτό ὑπέμενα μήνας κευθός. Κευθός пустой, ничѣмъ не наполненный. Мысль текста прекрасно выражена въ древнемъ арабскомъ переводѣ: ego quoque exspectabam menses feriatos (Translationis antiquae arabicae Libri Iobi, quae supersunt ex apographo codici Musei Britannici nunc primam edidit atque illustravit Wolfius Guil. Frid. comes de Baudissin, 1870). Feriatius dies *шабашной день*; feriatius dies *у лжій день*, который платятъ наемникъ послѣ дней рабочихъ. Іов. 7, 3 слч. съ 2.

(умертвивъ ихъ) только предалъ ихъ въ руки беззаконія ихъ; если ты чистъ и правъ, то Онъ нынѣ же надъ тобою воспрянетъ, и умиритъ жилище праведности твоей (8, 3. 4. 6). Все рѣчи друзей Іова направлены къ тому, чтобы показать Іову строгое соотвѣтствіе въ жизни между добродѣтелью и счастьемъ, порокомъ и несчастьемъ, показать ему, что Богъ правящій всею міромъ не можетъ поступать не справедливо, Вседержитель не можетъ покривить правду (34, 12), что Онъ по дѣламъ человѣка платитъ ему, по пути мужа воздастъ ему (11), что вина и судъ тѣсно связаны между собою (36, 17). Іовъ самъ признавалъ, что такъ должно бы быть (9, 2), и потому, не находя въ себѣ вины, заслуживающей наказанія, недоумѣвалъ, почему Богъ поступать съ нимъ иначе.

Представляя въ такой строгой связи счастье съ добродѣтелью и несчастье съ порокомъ, естественно было думать, что бѣдствія и страданія служатъ признакомъ явнаго или тайнаго нечестія и беззаконія, что несчастный страдалецъ видимо носитъ на себѣ печать не благоволенія Божія, явнаго отверженія. Этимъ объясняется, почему друзья поступали съ Іовомъ такъ безщадно и жестоко: они видѣли на немъ явный знакъ отверженія Божія, но не находили въ немъ признанія своей вины и раскаянія. По той же причинѣ, и другіе, знавшіе прежде Іова, какъ праведника, и уважавшіе его, видя постигшія его бѣдствія и страданія, перемѣнили свое отношеніе къ нему, такъ что онъ сталъ притчею въ народѣ и посмѣшищемъ для друга своего (12, 4). И это, конечно, увеличивало тяжесть его невзможныхъ страданій.

Если жребій чело́вѣка находится всецѣлю во власти Вседержителя, и быть счастливымъ или несчастливымъ зависить отъ того, благовольтъ Онъ или не благовольтъ къ кому; то вся цѣль мудрости заключается въ томъ, чтобы достигнуть благоволенія Божіа, а съ нимъ и земнаго благополучія.

Правственное учение. Благоволеніе Божіе, по ученію мудрыхъ, достигается исполненіемъ воли Вседержителя, храненіемъ заповѣдей Его, хожденіемъ по пути Его, не порочносгю и праведностію. Елифазъ говоритъ Іову: *Благочестіе твое не есть ли надежда твоя? И чистота путей твоихъ не есть ли упованіе твое* (4, 6)? Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *прими законъ изъ устъ Его* (Бога), *и славай глаголы Его въ сердце твоемъ. Если ты обратишься къ Вседержителю, то возсозиждешься; если удалишь беззаконіе отъ шатра твоего, и повернешь въ прахъ драгоценный металлъ, и, какъ камни потоковъ, обфирское золото; то будетъ самъ Вседержитель златомъ твоимъ, и высокими серебромъ у тебя. Тогда будешь радоваться о Вседержителю, и вознесешь къ Богу лице твое, помолитъся Ему, и Онъ услышитъ тебя, и ты исполнишь обѣты твои. И положишь кампирене, и оно состоится у тебя, и надъ путями твоими свѣтъ будетъ сиять* (22, 22—28. Подобиѣ. 33, 23—28 и др. м.)

Требованія воли Божіей на языкѣ мудрыхъ называются а) изрѣченіями Святаго אִמְרֵי קְדוֹשׁ, ῥήματα ἁγίου Θεοῦ (и не отверся изреченій Святаго 6, 10); — глаголами устъ Его אִמְרֵי פִּי קְדוֹשׁ (глаголы устъ Его хранилъ больше моего собственнаго устава 23, 13); б) закономъ изъ устъ Его מִפִּי קְדוֹשׁ (прими законъ изъ устъ Его и

slavai slavoly Ego vo serdycu tvoemu; въ греческомъ: ἐκβαλε δὴ ἐκ στήματος αὐτοῦ σὺν ἐξηγορίαν, καὶ ἀνάλαβε τὰ βήματα αὐτοῦ ἐν καρδίᾳ σου, 22, 22); в) *заповѣдями устъ Ego* חֻמְּוֹתַי בְּפִי אֲנִי דֹרְשָׁנָא (заповѣди устъ Ego держался 23, 12). Первое изъ этихъ выраженій שִׁרְרִי קָרְרִי מְרִי употребляется только для означенія устныхъ откровеній или изреченій Господа (Числ. 24, 4. 16. Нав. 24, 27), и соотвѣтствуетъ греческому λογίον, которымъ у языческихъ писателей означаются часто отвѣты оракуловъ и изреченія боговъ (Nov. Lexic. graeco-latin. in N. T. Schleusner sub voc. λογίον). Второе חֻמְּוֹתַי и третье חֻמְּוֹתַי, по употребленію въ священныхъ еврейскихъ книгахъ, означаютъ или положительныя нравственныя предписанія, изложенныя въ законѣ, данномъ народу еврейскому (חֻמְּוֹתַי Лев. 6, 7. 7, 7. Нав. 1, 8. 8, 34. 4 Цар. 22, 8. 11. Пс. 8, 3; חֻמְּוֹתַי Лев. 4, 13. Пс. 13, 5), или устные повелѣнія (חֻמְּוֹתַי Ис. 1, 10. 8, 16. 20. 42, 4. 21; חֻמְּוֹתַי 4 Цар. 18, 36. Притч. 7, 1. 2). Такимъ образомъ всѣ эти выраженія не указываютъ необходимо на положительныя или письменныя нравственныя опредѣленія, а означаютъ въ устахъ нашихъ мудрыхъ общія всѣмъ людямъ нравственныя требованія, утвержденныя въ естественномъ законѣ совѣсти (Рим. 2, 14. 15), которая у самыхъ язычниковъ считалась за постоянный живой голосъ Бога (Seneca in epist. XII ad Lucilium).

Нигдѣ въ бесѣдахъ какъ Іова такъ и друзей его не излагается нарочито содержаніе нравственнаго ученія, по ихъ понятія о *праведности* высказываются въ разныхъ мѣстахъ какъ частныя замѣчанія, и *общее представленіе*

о ней можемъ получить изъ того нравственнаго образа, который представлялъ собою праведный Іовъ.

Понятія мудрыхъ о праведности представляютъ развитіе тѣхъ нравственныхъ требованій въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, подъ вліяніемъ тѣхъ представлений о Верховномъ Существовѣ, какія имѣли о Немъ.

Исходнымъ началомъ и мотивомъ нравственной жизни служить *страхъ Божій* (יִרְאָה אֱלֹהִים 28, 28. 37, 24. יִרְאָה אֱלֹהִים 6, 1^h). Подъ *страхомъ* יִרְאָה (отъ אֱלֹהִים почиталъ Лев. 19, 3. Нав. 4, 14. Лев 19, 30., *благоговѣлъ* Пс. 64, 9., *боялся* Быт. 3, 10. 18, 15) разумѣется первоначально *благоговѣніе* предъ Богомъ, возбуждаемое представленіемъ Его величія и высочайшихъ совершенствъ (4, 6. 15, 4. 37, 24), обращающееся въ *трепетъ* и *страхъ*, когда къ нему присоединяется представленіе о Богѣ, какъ о праведномъ Судіи и Воздаятелѣ, не терпящемъ ничего злаго и нечистаго. Эими двумя мотивами движется вся нравственная жизнь праведника (צְדִיקָא 17, 9); первымъ раскрывается положительная сторона праведности, что человѣкъ долженъ дѣлать, чтобы быть *правымъ, добродѣтельнымъ* (יִשְׁרָא 8, 6. 9, 20. 17, 8), *честнымъ* (צַדִּיק 9, 20. 21. 12, 4); вторымъ отрицательная сторона, — чего онъ долженъ уклоняться, чтобы быть *чистымъ* (טָהוֹר 8, 6) и *невиннымъ* (צַדִּיק 9, 23). *Нечестіе* (חֲזָקָה 17, 8), *грѣхъ* (חַטָּאת 7, 21. 10, 6. 13, 23), *беззаконіе* (עֲוֹנוֹת 7, 21. 11, 14), *порокъ* (עֲוֵרָה 10, 6. 11, 14. 13, 23), *преступленіе* (פְּשָׁע 10, 14), *проступокъ* (עֲוֵרָה 19, 4) означаютъ разные виды и степени зла (עֲוֵרָה 1, 1. 8, 2, 3), котораго

человѣкъ долженъ удаляться, чтобъ быть чистымъ и невиннымъ предъ Богомъ. Такъ какъ Богъ испытываетъ человѣка каждое мгновеніе (6, 18), видитъ всѣ пути человѣка (31, 4), изчисляетъ всѣ шаги его (14, 16), знаетъ всѣ движенія внутренней жизни его (23, 10); то всякое нечистое пожеланіе, всякій дурной помысль, всякое самое малѣйшее движеніе сердца ко грѣху должны быть удаляемы изъ души, какъ противныя Богу, оскорбляющія его величіе и святость. Праведность такимъ образомъ заключается не въ соблюденіи только правильныхъ и указываемыхъ совѣстію вишнихъ отношеній къ Богу, къ ближнимъ и къ себѣ самому, но существеннымъ образомъ во внутренней чистотѣ и правотѣ духа. Потому Іовъ считаетъ за тяжкій грѣхъ, достойный великаго наказанія отъ Вседержителя, одно воззрѣніе на дѣвицу съ нечистымъ помысломъ (31, 1—3). Потому онъ, послѣ того, какъ совершался кругъ праздничныхъ дней у дѣтей его, созывалъ ихъ къ себѣ и освящалъ принесеніемъ за cadaго изъ нихъ жертвы, думая, что, можетъ быть, согрѣшили они и допустили въ сердцѣ своемъ какой либо нечистый помысль о Богѣ (1, 5). Лицемѣръ, показывающій одинъ видъ благочестія, считался презрѣннымъ и достойнымъ самаго тяжкаго наказанія отъ Бога (8, 13. 13, 16. 27, 8. 31, 33. 34).

Чѣмъ болѣе мудрый познаетъ своего Вседержителя въ дѣлахъ творенія и промышленія Его о мірѣ, тѣмъ больше проникается благоговѣніемъ къ Нему и побуждается славословить, превозносить и благодарить Его (36, 24), и въ то же время тѣмъ больше усматриваетъ въ самомъ себѣ несовершенства и недостатки. Софаръ говоритъ Іову: о,

когда бы Богъ возлагалъ и отверзъ уста Свои съ тобою, и явилъ тебѣ тайны премудрости! Ты узналъ бы, что Богъ для тебя предалъ забвенію ничто изъ беззаконій твоихъ (11, 5. 6). Поэтому, мудрость (חכמה) и благоволеніе или страхъ Божій (פחד) находятся въ самой живой и тѣсной связи; разумъ (בינה) и удаление отъ зла (עוון) на языкѣ мудрыхъ—понятія синонимическія (28, 28); умный человекъ (חכם) intelligens, recte sapiens, probus, pius Пс. 13, 2. Дан. 11, 33. 35. 12, 3. 10) и праведный (צדיק) имѣютъ значеніе равносильное (22, 3 слч. 2); לֵבִי означаетъ глупость и нечестіе (1, 22. 2, 10. 5, 2. 3). Безразсудный, легкомысленный, глупый—синонимы нечестиваго (5, 2).

Всякой грѣхъ исправляется раскаяніемъ, обращеніемъ къ Богу и молитвою (5, 8. 11, 13. 14. 22, 21. 23. 27). Когда грѣшникъ сознаетъ свою вину и молитъ Бога о помилованіи; Богъ умилостивляется, возвращаетъ ему праведность, и онъ снова становится любезенъ Богу и взираетъ съ веселіемъ на лице Его (35, 24—26).

Въ основѣ отношеній къ ближнему лежитъ представленіе, что Единый образовалъ насъ въ утробѣ, что Создавшій меня во чревѣ создалъ и его, и что поэтому Богъ возсталъ бы противъ меня, наказаніемъ посылитъ бы, если бы я сталъ презирать права его (31, 13. 14. 15). Такъ Іовъ разсуждалъ о своихъ отношеніяхъ къ слугамъ. Безъ сомнѣнія, этотъ же правственныи мотивъ лежалъ у него и въ отношеніи ко всѣмъ людямъ. Питая благоговѣніе къ Создателю, естественно было имѣть сочувствіе и уваженіе ко всѣмъ тѣмъ, которые Имъ созданы

и притомъ одинаково съ нами, то есть, приходится намъ какъ братья отъ одного отца. Последняя мысль не высказана такъ ясно, какъ у пр. Малахїи (2. 10); но она предполагается по самому образу выраженїя. Выходя изъ этого мотива, Іовъ уважалъ права слуги своего и служанки, когда между нимъ и ими возникало какое либо разногласіе (31, 13); не радовался о погибелѣ врага своего и не восхищался, когда постигало его несчастье (29. 30); не позволялъ себѣ пользоваться даромъ чужими трудами или задерживать плату за землю занимаемую у другихъ (36); не позволялъ себѣ притѣснять сырыхъ, надѣясь на покровительство судей (21—23); не отказывалъ бѣднымъ въ помощи и вдовѣ въ пособїи (16); дѣлился кускомъ съ сиротой (17); принималъ его къ себѣ въ домъ (18); не могъ смотрѣть равнодушно на погбавшаго безъ одежды и на бѣднаго безъ покрова (19. 20); страннику давалъ ночлегъ и путешественнику прїютъ (32), и пр.; входилъ въ дѣло незнакомаго и вступался за угнетенныхъ и обиженныхъ (29, 16. 17); спасалъ отъ бѣды страдальца вопїющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему (12).

Во взаимныхъ отношенїяхъ глубоко уважались искренность и прямота, какъ и съ другой стороны строго осуждались: лесть (32, 23), лукавство и коварство (31, 3), челоуѣкоугодничество (22, 8), скрытность (31, 33), особенно лицемѣріе (8, 13. 13, 16. 27, 8).

Высоко цѣнилась дружба (6, 13. 27), и предательство почиталось достойнымъ тяжкаго наказанїя (17, 3).

Хотя виѣннее благополучіе считалось знкомъ благоволенїя Божїя; но пристрастіе къ стяжанію (31, 23), надежда на богатство (31, 24), корысть и любостяжательность (31, 7) считались грѣхомъ.

Вотъ общій очеркъ ученія мудрыхъ! Этого ученія держались какъ Іовъ, такъ и друзья его. Но открывшійся поразительный случай (страданія Іова) вызвалъ въ средѣ ихъ недоумѣнія и возраженія противъ нѣкоторыхъ пунктовъ этого ученія и частныя разъясненія этихъ пунктовъ. То и другое увидимъ ниже.

Какъ объяснить явленіе въ позднее время человѣческой исторіи такихъ лицъ, какъ Іовъ и друзья его, на почвѣ языческой, съ понятіями о Богѣ чистыми и высокими?

Если Богъ отдѣлялъ народъ еврейскій отъ массы другихъ народовъ, принявъ его подъ особенное руководство, — это не значитъ, что прочіе народы были отвергнуты Богомъ отъ лона отеческой любви Его и оставлены безъ всякаго попеченія о ихъ спасеніи, какъ *massa perditionis*. Особенное благоволеніе Божіе къ избранному народу заключалось въ томъ, что Богъ *поставилъ его выше* (עָלָהּ לְכָל־עַמֵּי הָאָרֶץ) *всѣхъ народовъ, которыхъ Онъ сотворилъ, въ чести, славу и великолѣпіи* (Второз. 26, 19), приблизилъ его къ Себѣ (4, 7), и далъ ему такія постановленія и законы, которыхъ нѣтъ у другихъ народовъ (4, 8), такъ что другіе народы, услышавъ о сихъ постановленіяхъ, могли сказать: *только сей великій народъ есть народъ мудрый и разумный* (4, 6). Что жъ касается прочихъ народовъ, то они не отвергнуты, а только оставлены на прежнемъ пути жизни, подъ руководствомъ общаго Провидѣнія о людяхъ и всей твари, съ тѣми же средствами къ Богопознанію, какія существовали въ родѣ человѣческомъ до избранія народа еврейскаго. Средства эти были: 1) первобытное общее откровеніе; тѣ представленія о Богѣ, какія существовали изначала въ человѣчествѣ, переходили изъ рода въ родъ, и хотя въ племенахъ народныхъ съ тече-

ніемъ времени измѣнились, даже исказились, но въ лучшихъ людяхъ сохранились въ первобытной чистотѣ и ясности. Достоверно и то, что для поддержанія вѣры въ людяхъ, Богъ продолжалъ и на этомъ пути входить въ непосредственное общеніе съ избранными Своими и открывать имъ волю Свою. Такъ, мы знаемъ, во время Моисея, въ Месопотаміи былъ Валаамъ, сынъ Веоровъ, *мужъ съ открытымъ окомъ, слышавшій слова Божіи, имѣвшій видѣніе отъ Всевышняго, который видѣлъ видѣнія Всемогущаго* (Числ. 24, 3. 15. 16). Не напрасно существовало у народовъ убѣжденіе, что Богъ открываетъ людямъ волю Свою во снѣ. Это одинъ изъ обычныхъ способовъ Откровенія въ первобытной религіи патріарховъ. Примѣры его мы встрѣчаемъ и въ позднее время исторіи. Такъ, Навуходоносору Богъ открываетъ во снѣ судьбу царствъ человѣческихъ (Дан. гл. 2).—2) Естественный, общій всѣмъ людямъ способъ Богопознанія, положенный въ разумѣ и совѣсти. *Что можно знать о Боиъ, говорить ап. Павелъ, явно было и для язычниковъ: потому что Богъ явилъ имъ. Ибо невидимое Его, вѣчная Сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Римл. 1, 19. 20). *И не имѣя закона, говорить тотъ же апостоль о язычникахъ, они имѣли дѣло закона написаннымъ въ сердцахъ ихъ, о чемъ свидѣтельствовала совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую* (Римл. 2, 14. 15).

Отъ народовъ, жившихъ вблизи избраннаго еврейскаго племени, не былъ закрытъ свѣтъ откровеннаго Боговѣдѣнія, хранившійся у послѣдняго; и лучшіе изъ людей могли поль-

зоваться этимъ свѣтомъ. Самъ Іегова посылалъ пророческое слово изъ Іудеи къ чуждымъ племенамъ. Такъ пр. Іона, по повелѣнію Его, ходилъ въ Ниневію проповѣдать покаяніе, и развращенный городъ принялъ пророка, какъ посланника Божія, и приесть покаяніе въ постъ и вретищѣ (Іон. гл. 3). Не могли не знать объ этомъ свѣтѣ особенно въ той странѣ, которой принадлежалъ Іовъ, какъ самой близкой къ Палестинѣ. Въ одно время исторіи сходятся здѣсь одно за другимъ слѣдующія знаменательныя событія. Іегова посылаетъ пр. Илію въ Сирію помазать на царство Азаила (3 Цар. 19, 15). Венададъ царь сирійскій приглашаетъ къ себѣ Елисея, какъ *человѣка Божія*, чтобъ узнать отъ него объ исходѣ своей болѣзни (4 Цар. 8, 4—10). Нееманъ, военачальникъ сирійскій, приходилъ къ пр. Елисею за исцѣленіемъ отъ болѣзни, и, получивъ исцѣленіе, испросилъ разрѣшеніе устроить у себя жертвенникъ Іеговъ (4 Цар. 5, 5, 1—19). Конечно, царь и народъ, и послѣ сего оставались въ своей языческой вѣрѣ и продолжали молиться въ домѣ Риммона (4 Цар. 5, 18); но искавшіе истиннаго Бога въ такихъ обстоятельствахъ, подобно Нееману, могли познавать Его.

При этихъ средствахъ къ Богопознанію, и по отдѣленіи народа еврейскаго отъ массы другихъ народовъ, въ послѣдней могли всегда существовать читатели единаго истиннаго Бога, сохранявшіе по преданію представленія о Богѣ первобытной общей религіи, и путемъ разума, чрезъ разсматриваніе твореній, чрезъ размышленіе о мірѣ видимомъ доходившіе до познанія Невидимаго, Его вѣчной Силы и Божества. Исторія внутренней жизни восточныхъ народовъ для насъ мало извѣстна; и вообще объ этихъ народахъ

мы знаемъ почти не болѣе того, сколько сообщаютъ намъ священныя книги евреевъ, когда говорятъ о политическихъ столкновеніяхъ ихъ съ народомъ Божиимъ. А такія лица, какъ читатели истиннаго Бога, будучи единицами среди массъ, преданныхъ идолослуженію, могли оставаться и для самыхъ этихъ массъ не замѣченными, совершая втайнѣ, какъ Неемавъ (4 Цар. 5, 18), служеніе истинному Богу.

Среди языческихъ восточныхъ племенъ весьма рано являются люди, которые, по своему знанію и по особенному свойству и направленію мыслительней дѣятельности своей пользовались у другихъ людей названіемъ *мудрыхъ* (חכמים). Въ вѣкъ Соломона этотъ классъ людей становится извѣстнымъ въ землѣ еврейской. Священный повѣствователь, когда говоритъ о мудрости Соломона, ставитъ ее *выше мудрости* (חכמת) *всѣхъ сыновъ Востока и всей мудрости* (חכמת) *Египтянъ* (3 Цар. 4, 30). Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній о Соломонѣ можно заключать, что эта мудрость состояла въ познаніи предметовъ естественныхъ (ст. 33) и въ опредѣленіи отношеній человѣка во всевозможныхъ положеніяхъ его въ жизни (ст. 32 слч. съ самыми Притчами). Направленіе этой мудрости, какъ можно заключать изъ образца ея, представленнаго Соломономъ въ его Притчахъ, было по преимуществу практическое, и, по характеру семитическихъ народовъ (не говоримъ здѣсь о мудрости Египтянъ), должно полагать—такое, которое исходило изъ религіозныхъ представленій. Это видно отчасти изъ понятія восточнымъ народамъ о происхожденіи мудрости. Въ 3 Цар. 10, 24 говорится,

что всѣ цари на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую *вложилъ Богъ въ сердце его*. Царица савская, приходившая испытать мудрость Соломона загадками, послѣ бесѣды своей съ нимъ, увидѣвъ, что мудрость его далеко превесходитъ то, что она слышала объ ней, воскликнула: *да будетъ благословенъ Господь Богъ твой, который благоволилъ посадить тебя на престолъ Израилевъ! Господь, во великой любви Своей къ Израилю, поставилъ тебя царемъ творить судъ и правду* (3 Цар. 10, 1—9).

Изъ книги Притчей можно заключать, что сословіе мудрыхъ было не малое; и когда Соломонъ упоминаетъ наприм. о бесѣдахъ мудрыхъ (1, 6), о словахъ премудрыхъ (22, 17), объ изреченіяхъ мудрыхъ (24, 23) и проч., то едва ли разумѣть мудрецовъ только своей націи, рядъ которыхъ съ него и начинается; весьма вѣроятно, что разумѣть здѣсь вообще мудрыхъ, какой бы націи они ни принадлежали, между которыми многіе лично были извѣстны ему.

Какъ люди, стремящіеся вообще къ знанію и руководившіеся однимъ началомъ знанія—разумомъ, мудрые разныхъ народовъ не могли стѣсняться національными сепаративными расчетами политики. Цѣль ихъ—пріобрѣтеніе знанія, гдѣ бы оно ни заключалось, отъ кого бы ни исходило. Отсюда происходило то, что мудрые, узнавая о другихъ мудрецахъ, получавшихъ извѣстность, приходили къ нимъ, съ тѣмъ чтобы воспользоваться ихъ знаніемъ и добытыми свѣдѣніями. Поэтому-то, какъ скоро имя Соломона сдѣлалось извѣстнымъ на востокѣ, *приходили къ нему отъ всѣхъ народовъ*—разумѣется мудрые—

послушать мудрости ея לְשִׁמְעוּ אֶת־חֵן־חָכְמָתָא דְּיְהוָה, отъ всѣхъ царей земныхъ, которые слышали о мудрости ея (3 Цар. 4, 34), и выносили отъ него не одно удивленіе ея мудрости, какую далъ ему Богъ, его великому разуму и обширному уму (ст. 29), но и тѣ понятія о вещахъ и познанія, какія высказывалъ онъ.

Это сближеніе мудрости еврейской съ мудростію восточныхъ мудрецовъ имѣло благодѣтельное вліяніе для той и другой стороны. Первая заимствовала отъ послѣдней форму (משל didaktическое изреченіе), послѣдняя отъ первой содержаніе. Что именно могла получить послѣдняя отъ первой, можно судить по книгѣ Притчей, которая справедливо можетъ быть названа системою ученія (doctrina) Соломонова. Сама по себѣ книга Притчей представляетъ раскрытіе того, что содержится въ законѣ Іеговы, только въ другой формѣ. Какъ законодатель народа еврейскаго, заповѣдуя хранить и исполнять всѣ постановленія и законы, изложенные имъ въ его книгахъ, говорилъ народу: *въ этомъ ваша премудрость* (חֵן־חָכְמָתָא) *и разумъ вашъ* (בִּינְיָתָא) *предъ глазами народовъ* (Второз. 4, 6); такъ, давая совѣты и наставленія, изложенныя въ книгѣ Притчей, приточный мудрецъ могъ сказать, и говорить: *въ храненіи и исполненіи ихъ ваша премудрость и вашъ разумъ* (1, 2—6). Что въ законѣ выражено какъ откровеніе Іеговы въ положительной, догматической такъ сказать формѣ, въ Притчахъ переведено въ форму интеллектуальнаго сознанія, изъяснено на основаніи естественнаго голоса разума и совѣсти, изложено въ видѣ моральной философіи. Что въ законѣ установлено, какъ норма національной жизни ветхозавѣтнаго народа Божія, въ Притчахъ представ-

лено какъ норма жизни всякаго человѣка, желающаго служить Іеговѣ и быть въ общеніи съ Нимъ, къ какому бы племени или народу ни принадлежалъ онъ. (Во всей книгѣ Притчей ни разу не встрѣчается имя избраннаго народа **יִשְׂרָאֵל** или другое подобное). Что въ законѣ предложено, какъ объективное ученіе нравственной жизни, какъ общее начало спасенія чрезъ общеніе съ Іеговой, въ Притчахъ примѣняется къ субъективной жизни человѣка во всѣхъ его состояніяхъ и отношеніяхъ, въ жизни религіозной, государственной, общественной и домашней. Отсюда мудрость Соломона, утверждаясь на Откровеніи Іеговы, имѣла универсальное значеніе, и мудрецамъ востока отворяла дверь къ мудрости, содержащейся въ Откровеніи Іеговы, данномъ народу еврейскому. Нѣтъ ничего не вѣроятнаго, что восточные мудрецы, слушая Соломона, или потомъ читая его произведеніе, переносили на свою почву его представленія о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ, ученіе о мудрости, нравственности, и проч.

Что мудрость у сыновъ востока продолжалась и послѣ Соломона, это видно изъ свидѣтельства пророческихъ книгъ о Османѣ, который во время пр. Теремін и Авдія славился еще своими мудрецами (Іер. 49, 7. Авд. 8). Изъ Османа происходилъ самый старшій изъ друзей Іова Елифазъ (Іов. 2, 11).

Нисколько не удивительно, что и около времени плѣна вавилонскаго между мудрыми являются люди съ такими чистыми и высокими понятіями о Богѣ, какія высказываются въ бесѣдахъ Іова и друзей его, и такой высокой образецъ праведности, какъ Іовъ. Если авторъ не идеализировалъ изображаемыхъ имъ лицъ, а хотѣлъ представить ихъ тѣмъ,

чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ, то въ Іовѣ мы можемъ признать воснигання мудрости Соломоновой. Іовъ такое же имѣеть представленіе о мудрости (28, 12—28), какое Соломонъ изложилъ въ книгѣ Притчей (срч. Притч. 8, 11. 27—29. 1, 7. 3, 7. 15. 9, 10. 15, 33 и др. м.). Знакомство съ Соломоновымъ ученіемъ о мудрости замѣтно и у Елифаза (15, 7. 8). Здѣсь авторъ книги не пользуется только представленіями и выраженіями книги Притчей для изложенія мыслей Іова, но излагаетъ цѣльное ученіе Іова о мудрости, которое лежитъ такъ сказать красугольнымъ камнемъ въ основѣ его міровоззрѣнія, и которое представляетъ такое же сходство съ ученіемъ Соломона, какое бываесть въ мысляхъ у ученика съ своимъ учителемъ.

Явленіе такого праведника, какъ Іовъ, на почвѣ языческой и въ такое время, какъ время плѣна вавилонскаго, могло быть не безъ особеннаго значенія въ исторіи домостроительства Божія о спасеніи человѣческаго рода. Съ плѣнченіемъ вавилонскимъ, предъ очами Израіля, слѣпо вѣровавшаго въ свое призваніе и мало отвѣчавшаго ему своею жизнію, должно было раскрываться, что Іегова не есть Богъ только іудеевъ, но и язычниковъ, что познаніе Бога Израілева должно стать достояніемъ всѣхъ народовъ, что у Бога есть и другія овцы, которыя *не сего двора*, и которыхъ нѣкогда собереть Онъ воедино (Іоан. 10, 16. 11, 52). Не даромъ пр. Іезекіиль указывалъ своимъ соотечественникамъ на высокой примѣръ праведности въ странѣ чужой иноплеменной наравнѣ съ праведникомъ изъ своего племени. Время плѣна вавилонскаго есть, съ другой стороны, время откровенія Бога Израілева всѣмъ

народамъ и торжественнаго признанія народами въ Богъ Израиля Бога вѣчнаго, Бога всѣхъ царствъ и родовъ (Дан. 2, 47. 3, 29. 31. 32. 4, 31. 32. 34. 6, 26—28).—Даниилъ и Іовъ первые предвѣстники церкви вселенской, первый изъ іудеевъ, второй изъ язычниковъ!

Если Іовъ жилъ во время ассирійско-вавилонскаго владычества, а писатель нашей книги во время Ездры, Неемин и Малахиі, то ихъ раздѣляло не значительное пространство времени, 50, 100 или сто съ небольшимъ числомъ лѣтъ, если возьмемъ во вниманіе послѣдній предѣлъ жизни Іова, продолжавшейся до 140 лѣтъ послѣ страданій его. Въ книгѣ нашей нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы показывали, что авторъ повѣствуетъ о весьма отдаленномъ отъ него событіи. Не показываетъ такой отдаленности и употребленная въ самомъ началѣ книги формула выраженія:.... $\text{וְיָשָׁבַד אֱלֹהִים אֶת־יֹבֵב}$ *человѣкъ былъ въ* .... (1, 1). Таже формула употреблена въ книгѣ Есепри 2, 5., когда писатель начинаетъ свое повѣствованіе о Мардохеѣ іудеининѣ: $\text{וְיָשָׁבַד אֱלֹהִים אֶת־יֹבֵב}$; между тѣмъ извѣстно, что писателемъ книги былъ если не самъ Мардохей, то кто либо изъ современниковъ. Притомъ, время описываемыхъ въ нашей книгѣ событій, время страданій Іова отодвигается отъ автора книги на пространство не меньшее 200 лѣтъ. Стало быть, эта формула весьма естественна.

При такомъ разстояніи времени жизни писателя нашей книги отъ событія въ ней изображеннаго, эта чудная исторія Іова не исчезаетъ въ поэтической картинѣ писателя, но получаетъ реальность, какъ исторія дѣйствительная; и священная высокая личность Іова не теряется въ туманѣ сѣ-

дой древности за портретической постановкой, какую имѣеть въ нашей книгѣ, какъ теряется она у пѣмецкихъ изслѣдователей, и какъ теряется у всѣхъ тѣхъ, которые отводятъ существованіе ея въ періодъ патріархальный, но является личностью ясною, опредѣленною, живою. Думающіе возвысить Іова, поставляя его въ рядъ патріарховъ, не замѣчаютъ, что они созидаютъ вмѣсто одного двухъ Іововъ, когда, изъясняя начертанный въ книгѣ образъ его, бываютъ вынуждены утверждать, что одно авторъ говорить объ Іовѣ по своему времени, а другое по патріархальному, — не замѣчаютъ, что этимъ способомъ толкованія личность Іова обращается въ мифъ, и исторія о немъ въ народную сагу или легенду. Для автора нашей книги, чтобы вѣрно ообразить личность Іова, жившаго не такъ далеко отъ него по времени, чтобы изложить повѣствованіе о немъ, воспроизвести разсужденія его и друзей его, не было надобности въ сагахъ или легендахъ. Живое, свѣжее преданіе, сохранившееся въ народѣ, вмѣстѣ съ могилою праведника, извѣстное и въ томъ племени, которому принадлежалъ самъ писатель, а можетъ быть и нѣкоторыя записи самаго ли Іова или друзей его, были источникомъ всего повѣствованія, передавшаго въ нашей книгѣ художественнымъ перомъ, достойнымъ великаго страдальца.

А. Ф.

(Окончаніе будетъ)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНИГИ ІОВА.

(Окончаніе).

IV.

Съ какою цѣлію авторъ изложилъ исторію страданій Іова? Вопросъ этотъ ведетъ насъ къ изслѣдованію главной мысли книги Іова и тѣхъ обстоятельствъ, въ виду которыхъ эта мысль казалась автору пригодною для современныхъ или послѣдующихъ читателей его.

Въ цѣломъ составѣ своемъ книга Іова представляетъ видъ повѣствованія о страдальцѣ Іовѣ, въ которое авторъ вводитъ собственныя рѣчи лицъ, принимавшихъ участіе въ положеніи страдальца. Какъ повѣствователь, авторъ говоритъ отъ себя о жизни Іова до страданія, объ обстоятельствахъ, послужившемъ причиною къ измѣненію его судьбы, потомъ между бесѣдами вставляетъ историческія поясненія относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ разсужденіи, или только замѣтки, служащія къ указанію разсуждающихъ лицъ, и наконецъ повѣствуетъ о возвращеніи Іову прежняго счастья. Какъ передатчикъ чужихъ рѣчей, авторъ излагаетъ разсужденія самаго Іова и друзей его о причинѣ постигшихъ Іова несчастій и наконецъ рѣчи Іеговы. Читателю, при самомъ бѣгломъ чтеніи книги, можно примѣтить, что все дѣло касается здѣсь объясненія одного подлежащаго факта—страданій праведнаго Іова.

Изъ чего можно заключать, что авторъ хотѣлъ въ своей книгѣ представить объясненіе загадочнаго явленія страда- ній великаго праведника.

Издавая собственныя рѣчи лицъ, разсуждающихъ о причинѣ страданій Іова, авторъ видимо отдѣляетъ себя отъ нихъ, какъ мы уже выше (стр. 261) замѣтили, упо- требленіемъ именъ Божиихъ. Этимъ обстоятельствомъ пред- полагается, что въ книгѣ Іова читатель увидитъ объяс- неніе страданій Іова лицами, стоящими на естественномъ пути жизни и руководившимися естественнымъ разумомъ, мудрецами — עֲלֵמֵי, и объясненіе со стороны самаго писателя, какъ служителя откровенія Іеговы. Само собою понятно, что главную мысль, каковую авторъ хотѣлъ ска- зать въ своей книгѣ, надобно искать или въ той части, которая исключительно принадлежитъ ему, въ его повѣ- ствованіи, или въ той, въ которой заключаются рѣчи мудре- цовъ и Іеговы, въ поэтической, или во взаимномъ отно- шеніи обоихъ частей, повѣствовательной и поэтической. Чтобы открыть эту мысль, прослѣдимъ движеніе вопроса о причинѣ страданій праведнаго Іова въ обоихъ частяхъ книги.

Начнемъ съ поэтической части; такъ какъ вопросъ о причинѣ страданій Іова возбужденъ самимъ страдальцемъ и разрѣшался первоначально въ обществѣ мудрыхъ.

1. Вопросъ о причинѣ страданій Іова находился въ тѣсной связи съ ученіемъ мудрыхъ о воздаяніи, и прямой отвѣтъ на него заключался въ этомъ ученіи. Такъ какъ Богъ справедливъ и воздастъ каждому должное; то, по ученію мудрыхъ, страданія служатъ признакомъ отверже-

нія Божія и суть не что иное, какъ кара небеснаго правосудія за грѣхи, какъ, и наоборотъ, благоденствіе служить знакомъ благоволенія Божія и воздаяніемъ за добродѣтели. Іовъ вѣрилъ, что счастье и несчастье посылаются человѣку отъ Бога, и что Богъ, по правосудію своему, долженъ назначать жребій людямъ, соображаясь съ ихъ нравственнымъ достоинствомъ, соразмѣрно съ ихъ праведностію или нечестіемъ. Но пораженный страшными бѣдствіями и лютою болѣзнію, Іовъ не признавалъ за собою никакой вины. Поэтому, страданія его казались ему не понятными, загадочными. И онъ ищетъ причины, почему Богъ такъ поступаетъ съ нимъ.

Друзья Іова, выходя изъ того же ученія, стараются доказать ему свидѣтельствомъ предковъ и ученіемъ древнихъ мудрецовъ, примѣрами древней исторіи и опытами своего времени, что Богъ не отвергаетъ непорочнаго и не поддерживаеъ нечестивыхъ; и потому, если Іовъ страдаетъ, то причина не другая можетъ быть, какъ его грѣхи, за которые правосудный Богъ подвергъ его наказанію; и Іову не остается ничего болѣе, какъ принести покаяніе и исправить свое поведеніе, для того что бы возвратить благоволеніе Божіе. Но такъ какъ Іовъ не признавалъ за собою грѣховъ; то друзья сперва напоминаютъ ему, что смертный не можетъ быть чистымъ предъ Богомъ, когда Онъ и въ ангелахъ усматриваетъ недостатки (4, 17. 18. 25, 4),—что Богъ видитъ болѣе, чѣмъ самъ человѣкъ,— что если бы Богъ явилъ Іову тайны премудрости Своей и открылъ Самосущее, тогда Іовъ самъ бы увидѣлъ, что Богъ предалъ еще забвенію вѣчто изъ беззаконій его (11, 4—6. 11). Потомъ, когда Іовъ твердо стоялъ на своей

невинности, стараются указать ему дѣйствительные его пороки и беззаконія (22, 5—11).

Іовъ признаетъ, что не можетъ быть чистымъ происходящій отъ нечистаго, — такого человѣка нѣтъ ни одного на свѣтѣ (14, 4), и что если ставить человѣка предъ величіемъ Вседержителя (т. е. если сравнивать праведность человѣка съ святостію Божіею), то онъ не можетъ устоять на судѣ предъ Нимъ (9, 14. 15. 20. 28—32. 34. 35). Но судить по этому началу о неправедности человѣка, котораго поразили Богъ страданіями выше силъ человѣческихъ, для того, чтобы защитить справедливость суда Божія надъ нимъ, значило, по мнѣнію Іова, показывать *пристрастіе къ Богу, лицепріятствовать Ему, говорить ради Бога ложь и неправду* (13, 7—10), и не имѣть никакого состраданія къ человѣку. Чѣмъ слабѣе созданіе Божіе, тѣмъ Создатель долженъ быть милостивѣе и снисходительнѣе къ нему (10, 4—13); и если посылаетъ страданія невинному для очищенія какихъ либо грѣховъ, неизбѣжныхъ для человѣческой природы, то страданія эти должны быть соразмѣрны съ виною, а не такія тяжелыя и мучительныя, какія испытываетъ непорочный Іовъ. При томъ изъ такого умствованія, какое высказывали друзья Іова, должно бы слѣдовать, что въ мірѣ нѣтъ ни одного праведника, и не можетъ быть, и что всѣ люди должны рождаться не иначе, какъ на страданіе, какъ одинъ разъ и проговорился Елифазъ (5, 7). Но такое слѣдствіе явно противорѣчило дѣйствительности. Почему Іовъ справедливо назвалъ разсужденія друзей разсужденіями *непелыными*, а основанія ихъ *милыными* (13, 12). Чтожъ касается до беззаконій, въ которыхъ укоряли Іова друзья его, то Іовъ

свидѣтельствовался Богомъ, что совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ его, и что онъ готовъ теперь же предстать на судъ предъ Богомъ, и совершенно увѣренъ, что выйдетъ изъ суда правымъ (31, 36. 37).

Между тѣмъ, всматриваясь въ дѣйствительность, и обращая на нее вниманіе друзей, Іовъ подвергаетъ сомнѣнію самое основное ихъ положеніе, что только грѣшники страдаютъ; напротивъ, говоритъ, они спокойны и благоденствуютъ: *спокойны шатры у грабителей, и безопасны жилища у раздражающихъ Бога, у того, для кого Богъ — собственная рука его* (12, 6).

Друзья, отстаивая свое положеніе, представляютъ Іову, что счастье нечестивыхъ только кажущееся, такъ какъ ихъ постоянно мучитъ совѣсть (15, 20. 11. 18, 11), — что оно не прочно и кратковременно (15, 29. 31. 32. 20, 5—9), — и что если бы они сами не получили въ жизни заслуженнаго возмездія, то послѣ нихъ Богъ возместитъ на родъ ихъ (20, 10), или не продлитъ ихъ потомства (18, 19).

Противъ такого разсужденія Іовъ представляетъ: «Напрогивъ, беззаконные живутъ, состарѣваются и силами еще крѣпки; дѣти ихъ въ устроенномъ, какъ и они, состояніи, и внуки ихъ на глазахъ у нихъ; дома ихъ — миръ, безъ страха, и жезла Божія нѣтъ на нихъ; стада у нихъ размножаются; и сами они громко поютъ подъ звуки свирѣли, — во все не видно, чтобы совѣсть терзала ихъ; и оканчиваютъ дни свои въ счастіи, безъ всякой болѣзни, не смотря на то, что они отреклись отъ Бога и не хотѣли знать никакихъ путей Его (21, 7—15). Изъ чего видно, что Богъ не воздастъ нечестивымъ по дѣламъ ихъ».

Присматриваясь еще болѣе къ тому, что происходитъ на землѣ, Іовъ приходитъ къ убѣжденію, что и вообще не видно, чтобы Богъ въ раздаяніи жребія сообразовался съ нравственными свойствами людей: печестивые и беззаконные спокойно совершаютъ разныя непотребства и злодѣянія, а добрые и праведные часто отъ нихъ же терпятъ притѣсненія; тѣ благоденствуютъ всю жизнь, хотя достойны того, чтобы проклятіе поразило ихъ, а эти сходятъ въ могилу въ горести души, не вкусивъ блага жизни (21, 23—25; 24, 2—24). Поражаясь этими явленіями и перенося ихъ на свой собственный опытъ, Іовъ вопіетъ предъ правосудіемъ Вседержителя за себя, безъ всякой вины терпящаго тяжкія страданія, — за праведниковъ, которые не могутъ не ужасаться, видя страданіе праведныхъ и благоденствіе нечестивыхъ (17, 8), — и за самую правду, которая не можетъ не поколебаться, когда выгоднѣе быть нечестивымъ, чѣмъ праведнымъ, когда нечестивый пользуется благоволеніемъ Божиимъ, а праведный напротивъ страдаетъ (9, 22. 10, 15. см. 34, 9. 35, 3).

Въ виду столь очевидныхъ явленій счастья и несчастья, стоящихъ въ видимомъ противорѣчій съ понятіемъ о небесномъ правосудіи, друзья Іова не находятъ болѣе возраженій противъ него, и доводовъ къ защищенію своего ученія о воздаяніи, и потому умолкаютъ.

2. Послѣ друзей выступаетъ противъ Іова съ своими разсужденіями молодой мудрецъ, Эліуй. Стоя на томъ же ученіи о *воздаяніи*, какого держались друзья Іова, и котораго они не могли защитить противъ его возраженій, Эліуй въ своихъ разсужденіяхъ старается оправдать это ученіе

и выяснитъ практическое примѣненіе его къ отдѣльнымъ случаямъ.

Такъ какъ Іовъ наводилъ сомнѣніе на самую справедливость Вседержителя вразсужденіи суда и воздаянія; то Эліуй старается доказать Іову, что Богъ не можетъ поступать не справедливо, Вседержитель не можетъ покривить правду; иначе Онъ не могъ бы управлять вселенной; и если бы захотѣлъ когда либо губить безъ вины и законовъ, то вдругъ все бы погибло (34, 12—17). И для того, чтобы управлять вселенною по правдѣ, Онъ имѣетъ все, что нужно для этого: имѣетъ могущество, предъ которымъ ничто не можетъ устоять (20), имѣетъ всевѣдѣніе, отъ котораго зло и беззаконіе нигдѣ не могутъ укрыться (21—27), имѣетъ наконецъ состраданіе къ обиженнымъ, для того чтобы защитить ихъ отъ притѣсненій (28).

По дѣйствию правосудія Божія совершаются не по нашему разсужденію. *Но твоему ли разсужденію*, говорятъ Эліуй Іову, *Онъ долженъ воздавать за все* (34, 33)? Богъ безконечно выше человѣка умомъ Своимъ, видитъ дальше и знаетъ больше, чѣмъ человѣкъ, однимъ словомъ—видитъ все и знаетъ все; потому естественно, соображенія Бога о воздаяніи людямъ не могутъ сходиться съ соображеніями человѣка, крайне ограниченными и поверхностными; и человѣку съ его ограниченнымъ умомъ и разумѣніемъ никогда не понять, почему Богъ поступаетъ такъ, а не иначе, воздаявая людямъ. Какъ вообще и другихъ дѣлъ Творца, относящихся къ управленію вселенной, мы не понимаемъ (37, 14—22); такъ не можемъ постигать и дѣйствию суда и правды Его, относящихся къ раздаянію жребія людямъ. А требовать отъ Него отчета не свойст-

венно человѣку, ибо Онъ болѣе человѣка (33, 12. 13. 37, 23); тѣмъ болѣе не свойственно человѣку судить или осуждать Его дѣйствія, которыхъ мы понимать не можемъ (34, 18. 35, 23). Поэтому, человѣкъ долженъ съ благоговѣніемъ принимать всякое Его опредѣленіе и не высокоумствовать, а безмолвно покоряться Его праведной волѣ (37, 24. 34, 31. 32). Ибо Онъ не взираетъ ни на кого изъ высокоумныхъ (37, 24).

Изъясняя примѣненіе ученія о *воздаяніи* въ частнымъ случаямъ, Эліуй стоитъ на той же мысли, какъ и друзья Іова, что *беззаконному Богъ не позволитъ процвѣтать, а отъ праведниковъ не отвращаетъ очей Своихъ* (36, 6. 7). Но друзья Іова дѣлали изъ этого положенія строгое примѣненіе ко всякому частному случаю, такъ что вышло у нихъ: кто страдаетъ, тотъ непременно грѣшникъ; кто благоденствуетъ, тотъ праведникъ. Несчастіе, поэтому, есть кара Божія за грѣхи, явный знакъ отверженія Божія. Хотя говорили они Іову: *обратись къ Богу, удали отъ себя беззаконіе, и—Богъ возвратитъ къ тебѣ Свое благоволеніе*; но пока это не случилось, тотъ, кто страдаетъ, есть явно отверженный Богомъ, какъ грѣшникъ. Эліуй смягчаетъ это суровое ученіе, представляя, что Богъ не всегда наказываетъ во гнѣвъ Своемъ (35, 45). Слѣдовательно, страдалецъ и несчастный могутъ смотрѣть на себя не какъ на отверженныхъ Богомъ, но какъ на такія существа, въ которыхъ обращено еще лице Божіе, и къ которымъ Онъ простираетъ милостивую десницу Свою. Самыхъ грѣшниковъ постигаютъ иногда болѣзни,—разсуждаетъ Эліуй,—не потому, что Богъ хочетъ наказывать ихъ за грѣхи, а съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ на правый

путь (33, 23) и отвести душу от гибели (28). По разсужденію Эліуя, Богъ подвергаетъ бѣдствіямъ и праведниковъ, также не въ видахъ наказанія, а въ видахъ нравственной пользы для нихъ и большаго совершенства, съ тѣмъ чтобы или очистить отъ имѣющихся у нихъ прегрѣшеній, или отвлечь ихъ отъ надменія, которое легко приражается къ человѣку, сознающему въ себѣ нравственныя совершенства (36, 8—16). Страданія, такимъ образомъ, по мнѣнію Эліуя, имѣютъ значеніе не *карательное* только, какъ думали друзья Іова, но весьма часто *исправительное, педагогическое*. При этомъ Эліуй замѣчаетъ Іову, что пока не пришелъ конецъ страданію, никто не можетъ знать, зачѣмъ оно послано ему (35, 14; и потому, во всякомъ случаѣ человѣкъ долженъ принимать его съ покорностію волѣ Божіей (34, 31. 32).

И такъ, за что же страдаетъ Іовъ, по мнѣнію Эліуя? Хотя Богъ наказываетъ не всегда во гнѣвѣ, а весьма часто съ благою отеческою цѣлію, въ видахъ вразумленія, исправленія, очищенія и совершенства наказуемыхъ; но всегда предполагается въ наказуемыхъ, будутъ ли то грѣшники или праведники, нравственная причина, вызвавшая со стороны всеблагаго Вседержителя отеческую мѣру вразумленія, исправленія, очищенія и проч. Стало быть, такая нравственная причина была и въ Іовѣ, котораго Богъ подвергъ тяжкимъ бѣдствіямъ и страданіямъ. Эліуй не укоряетъ Іова въ грѣхахъ и беззаконіяхъ, какъ укоряли его друзья (22, 5); онъ признаетъ его даже праведникомъ (36, 7. 8 см. 16 ст.); но ясно намекаетъ на надменіе Іова своею праведностію, по коему онъ позволилъ себѣ наговорить такъ много пустаго и безразсуднаго о своемъ

Создатель, пославшемъ ему страданія не во гнѣвъ, а ради его же пользы: *но какъ нынѣ* ¹⁾, говоритъ Эліу, *еще не имѣвъ Его наказываетъ, и Онъ еще не судитъ надменія всею строгостію; то Іовъ и разверзъ уста свои на пусто-словіе, во множество сыплетъ безразсудныя рѣчи* (35, 15. 16). Такимъ образомъ, по разсужденію Эліуа, Іову ниспосланы страданія, не какъ кара Божія за грѣхи и беззаконія, а какъ отеческая мѣра любви Божіей для отвращенія его отъ надменія своею праведностію.

3. Іегова не обвиняетъ Іова въ какихъ либо грѣхахъ и беззаконіяхъ, какъ укоряли его друзья, не отличаетъ и въ надменіи своею праведностію или гордости, какъ укорялъ Эліу, но осуждаетъ излишнее мудрствованіе о дѣйствіяхъ Вседержителя, какое позволилъ себѣ Іовъ во время своихъ страданій, забывъ мѣру своего крайняго разумѣнія.

Іовъ не видя причины своихъ страданій, домогался, чтобы Богъ объявилъ ему, за что онъ страдаетъ. Іегова въ первой рѣчи Своей приводитъ Іова къ сознанію, что человекъ никогда своимъ умомъ не можетъ проникнуть въ тайну дѣйствій Вседержителя, и что всякое домогательство знать, почему Богъ поступаетъ съ человекомъ такъ или иначе, есть дерзновеніе, не свойственное человеку.

---

¹⁾ Іов. 35, 15: *но какъ нынѣ* (נַעֲנֵה) *еще не имѣвъ Его наказываетъ...* *Нынѣ* (נַעֲנֵה) указываетъ здѣсь не на время настоящей жизни, противопоставляя его другой—будущей,—что съ точки зрѣнія нашихъ мудрыхъ не мыслимо, но на опредѣленные, извѣстные бѣдствія и страданія, кои терпитъ Іовъ.

Ювъ, частію по своему опыту, частію по наблюденію надъ другими людьми, приходилъ къ убѣжденію, что Богъ не воздаетъ людямъ по справедливости. Во второй рѣчи Своей Іегова приводитъ Іова къ сознанію, что человѣкъ, котораго безсиліе показывается ясно и въ отношеніи къ физической окружающей его природѣ, не виравѣ судить и осуждать дѣйствія всемогущаго Вседержителя, относящіяся къ проявленію Его правосудія въ нравственномъ мірѣ.

Такимъ образомъ рѣчи Іеговы не разрѣшаютъ вопроса о причинѣ страданій Іова, напротивъ, устраняютъ всякое домогательство знать, почему Богъ поступаетъ съ нимъ такъ а не иначе, какъ не свойственное человѣку.

Іовъ принимаетъ это рѣшеніе, сознастъ крайнюю ограниченность своего ума и знанія и свое неразуміе во всемъ, что говорилъ прежде о божественномъ міроуправленіи, и приноситъ покаяніе въ пепѣль и прахъ (39, 34. 35. 42, 2—6).

4. Передавая эти разсужденія своимъ читателямъ, авторъ книги нашей, какъ служитель Откровенія Іеговы, приподнимаетъ завѣсу другаго міра, сокрытаго отъ очей естественнаго разумѣнія, и находитъ въ немъ объясненіе не разгаданной тайны страданій праведнаго Іова.

Въ *прологѣ*, послѣ краткаго изображенія жизни Іова до его страданій, его благочестія и праведности, авторъ указываетъ истинную причину его страданій. Причина заключается въ томъ, что Сатана, въ собраніи небесныхъ силъ, клеветалъ предъ Іеговою на Іова, что онъ служитъ Богу корыстно, потому только, что Богъ надѣлилъ его

большимъ счастьемъ, что на самомъ дѣлѣ Іовъ вовсе не такой человѣкъ, какимъ представляетъ его Іегова, что пусть все будетъ отнято у него, тогда онъ въ лице станетъ хулить Іегову. Чтобъ испытать Іова, Іегова предалъ его въ руки Сатаны, который сперва лишилъ его всего имущества и дѣтей, а потомъ поразилъ самую лютою болѣзнію.

Въ *Эпилогѣ* авторъ повѣствуетъ, что Іовъ, по выдержаніи непосланнаго ему испытанія, получилъ сугубое возвращеніе всего, что было отнято у него; Богъ благоволилъ его многочисленнымъ потомствомъ, долготѣіемъ, такъ что Іовъ кончилъ свои дни въ глубокой старости и насытившись жизнію.

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, движеніе вопроса о причинѣ страданій Іова въ обоихъ частяхъ книги, повѣствовательной и поэтической, усматриваемъ, что на первомъ планѣ ея выступаютъ слѣдующія мысли: 1) Праведный Іовъ страдаетъ не за грѣхи, но по волѣ Божіей, для испытанія его праведности, заподозрѣнной и оклеветанной Сатаною. 2) Такъ какъ опредѣленія премудраго и всемогущаго Бога, относящіяся къ управленію нравственнымъ міромъ, сокрыты отъ человѣка, и никакая мудрость человѣческая не можетъ постигнуть ихъ; то, какъ со стороны мудрыхъ было не справедливо и безчеловѣчно, для того чтобы защитить правду Божію, осуждать Іова въ порокахъ и беззаконіяхъ, которыхъ онъ не имѣлъ, такъ и со стороны Іова дерзновенно-допытываться отъ Бога, почему онъ страдаетъ, и обвинять премудраго и всемогущаго Творца своего въ несправедливости: судьбы Божіи не испо-

вѣдимы, потому должны быть принимаемы съ безусловною покорностію волѣ Божіей. 3) Послѣ испытанія, показавшаго въ Іовѣ искреннюю преданность Богу, Богъ вознаградилъ его сугубымъ счастіемъ.

Главная сила заключается, очевидно, въ первой мысли, такъ какъ въ ней содержится и разрѣшеніе вопроса, занимавшаго нашихъ мудрецовъ: *Іовъ страдаетъ по назвѣту Сатаны для испытанія его праведности*. Частный ли это случай, или онъ имѣетъ какое либо общее значеніе? Вопросъ касается лица, поразившаго Іова тяжкими бѣдствіями и страданіями, и его отношенія къ нравственному міроуправленію Божію.

Лице поразившее Іова тяжкими бѣдствіями и страданіями, называемое въ нашей книгѣ Сатаною, есть злой духъ, отпадшій отъ Бога, прельстившій нашихъ прародителей въ раю и посѣявшій въ мірѣ зло. Откровеніе Божіе, возвѣстивши на первыхъ страницахъ своихъ о первомъ погубительномъ дѣйствіи Сатаны въ нашемъ мірѣ, рѣдко потомъ, въ весьма не многихъ случаяхъ касается его частныхъ дѣйствій въ отношеніи къ людямъ (1 Цар. 16, 14. 2 Цар. 24, 1 сн. 1 Цар. 21, 1. 3 Цар. 22, 21. 22. 2 Цар. 24, 16. 4 Цар. 19, 35); но объ отношеніи его къ нравственному міроуправленію Божію до поздняго времени нигдѣ ничего не говоритъ. Въ первый разъ это отношеніе показывается, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (стр. 121), въ видѣніи пророка Михея (3 Цар. 22, 19—23), потомъ въ видѣніяхъ пр. Захаріи, гдѣ сатана является предъ Ангеломъ Іеговы по правую руку первосвященника Іисуса, *чтобы обвинять его* (Зах. 3, 1. 2. 8). Но гораздо полнѣе, явнѣе

и опредѣленіе это отношеніе показывается въ нашей книгѣ. Здѣсь онъ представляется предъ Іеговою въ собраніи небесныхъ силъ—ангеловъ; у него спрашиваетъ Іегова, гдѣ онъ былъ; онъ отвѣчаетъ, что ходилъ по землѣ и обошелъ ее; потомъ даетъ свое сужденіе о праведномъ Іовѣ, когда Іегова спросилъ его, обратилъ ли онъ вниманіе на этого человѣка, которому подобнаго нѣтъ на землѣ, непорочнаго и сираведливаго, боящагося Бога и удаляющагося отъ худаго; за тѣмъ получаетъ отъ Іеговы дозволеніе испытать его праведность, и подвергаетъ испытанію. Конечно, не съ этого времени начинается дѣйствіе злаго духа въ нравственномъ мірѣ Божіемъ. Оно пачалось съ первымъ грѣхомъ, посѣяннымъ имъ въ мірѣ, съ того времени, какъ объявлена Богомъ вражда между сѣменемъ жены и сѣменомъ змія (Быт. 3, 15). Но это страшное лице съ его силою и дѣйствіями, доущенными въ божественномъ міроуправленіи, до настоящаго времени оставалось сокровеннымъ и таинственнымъ. Были, безъ сомнѣнія, причины у премудраго Вседержителя, почему ранѣе послѣдняго періода Откровеній Божіихъ не было оно показано людямъ. Какъ лице Спасителя рода человѣческаго отъ власти діавола въ пророческихъ откровеніяхъ уяснялось людямъ постепенно и послѣдовательно, по мѣрѣ раскрытія въ нихъ духовнаго сознанія; такъ и образъ исконнаго врага человѣковъ открывался людямъ мало по малу, и только, послѣ полнаго пророческаго раскрытія тайны домостроительства Божія о спасеніи человѣческаго рода, при заключеніи ветхозавѣтнаго Откровенія, показывается въ нашей книгѣ во всей прозрачности, съ какою онъ является потомъ въ повозавѣтномъ Откровеніи.

Зачѣмъ Сатанѣ дана такая сила въ божественномъ міроправленіи, что онъ можетъ не только клеветать на праведника, но и подвергать его страшному испытанію или истязанію? Вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ: почему дѣйствія Сатаны въ нравственномъ мірѣ не остановлены Вседержителемъ послѣ пераго открытія ихъ, — почему не положенъ конецъ распространенію зла и владычества Сатаны въ мірѣ въ самомъ началѣ? Вопросъ этотъ принадлежитъ Богословію, а не Библиологіи; потому воспользуемся готовымъ отвѣтомъ на него. Богословы обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ тѣмъ, что Богъ, даровавши свободу своимъ твореніямъ, не отымаетъ ее у нихъ ¹⁾. Дѣломъ свободы діавола было — отложиться отъ Бога; дѣломъ свободы было — возмутить противъ Бога другихъ духовъ и увлечь на свою сторону, обольстить нашихъ прародителей и совращать на путь грѣха и удаленія отъ Бога всѣхъ людей, отъ падшаго Адама происходящихъ. Отъ воли и свободного произволенія зависило также: отпадшихъ духовъ — послѣдовать за своимъ предводителемъ, возмутившимся противъ Бога, нашихъ прародителей — принять коварный совѣтъ Искусителя на непослушаніе Творцу своему; отъ свободного про-

---

¹⁾ Правосл. догмат. Богословіе Филарета, архіеп. черниг. ч. I. § 97: *Отношеніе Промыслителя къ свободѣ и злу*; 104: *Отношеніе Промыслителя къ духамъ; паденіе нѣкоторыхъ*. «Кто осмѣлится вѣрить или думать, говорить блажен. Августинъ, что во власти Божіей не состояло, чтобы ни ангелъ, ни человекъ не пали? Но Онъ не хотѣлъ лишать ихъ свободы, и показалъ, сколько зла можетъ причинять гордость ихъ и сколько добра — благодать Его». De civit. Dei 14, 27.

изволенія каждого человѣка зависитъ оставаться вѣрнымъ Богу или послѣдовать соблазнамъ и искушеніямъ ко грѣху и отступленію отъ заповѣдей Божіихъ. Дарованія Божіи не предложны (Рим. 11, 29). Богъ не привлекаетъ никого къ себѣ противъ воли. Но, какъ премудрый и всеблагый Творецъ, въ безднахъ премудрости Своей находитъ средство дѣйствія Сатаны обратитьъ къ пораженію его,—зло, посѣянное имъ въ мірѣ, направить ко благу Своихъ избранныхъ и къ славѣ Своего царства.

Будетъ время, когда *Пришедшій разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8) *низложитъ его подъ ноги Свои* (1 Кор. 15, 25); новозавѣтное Откровеніе возвѣщаетъ намъ, что съ послѣднимъ днемъ міра окончится царство діавола, и онъ вмѣстѣ съ увлеченными имъ послѣдователями своими будетъ преданъ вѣчному мученію (2 Петр. 2, 4. Іуд. 1, 6. Мат. 25, 41). Но въ царствѣ свободно—разумныхъ существъ побѣда достигается не насиліемъ, но доведеніемъ врага до сознанія своего безсилія; истина торжествуетъ не принужденіемъ, но убѣжденіемъ противящихся ей, что она истина, и что противъ нея нельзя ничего сказать; истинная добродѣтель показываетъ себя не ослѣпляющимъ блескомъ, не оглушающею молвою о ней, но внутреннею нравственною силою, которой не могутъ сокрушить никакія искушенія и испытанія. Въ этихъ видахъ, правящій Своимъ царствомъ Вседержитель попускаетъ Сатанѣ дѣйствовать, съ свойственною ему враждою, противъ избранныхъ рабовъ Своихъ, для того чтобы праведнымъ дать случай высказать свою вѣрность Богу, показать скрывающееся въ ихъ сердцахъ сокровище добра, смиреніе, терпѣніе, кротость, покорность судьбѣ, преданность волѣ Божіей, самоотверже-

ніе, безстрастіе, любовь и проч., что бы темная враждебная сторона была посрамлена, а божественное избраніе оправдалось, чтобы ясно открылось, что *ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни другая какая тварь, ни настоящее, ни будущее не могутъ отлучить ихъ отъ любви Божіей* (Рим. 8, 38. 39). И врагъ Бога и челоуѣковъ, злой духъ употребляетъ всѣ свойственныя ему мѣры къ озлобленію праведныхъ: ложь, клевету, соблазнъ, прельщеніе, разныя физическія бѣдствія и проч. Возбуждаетъ противъ нихъ своихъ послѣдователей, людей нечестивыхъ и беззаконныхъ, которые преслѣдуютъ ихъ ненавистію, насмѣшками, порицаніями, клеветою, притѣсненіемъ и гоненіями. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ злаго духа, клонящихся къ разрушенію царства Божія, замѣчается всегда одно направленіе: обращая свое оружіе противъ праведныхъ, прямо или косвенно, тайно или открыто, направляетъ его противъ Бога, съ тѣмъ чтобы помрачить славу Его въ царствѣ Его, возбудить въ людяхъ невѣріе, подавить страхъ Божій и погасить любовь къ Нему. Поэтому, Богъ, попуская искушенія избраннымъ Своимъ, бываетъ. Самъ споборникомъ ихъ, подаетъ утѣшеніе въ скорбяхъ, укрѣпляетъ въ изнеможеніи, и *не попускаетъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи даетъ и облеченіе, такъ чтобы они могли перенести* (1 Кор. 10, 13).

Образъ дѣйствій Сатаны въ отношеніи къ праведнымъ, какъ и отношеніе къ нему Бога Вседержителя, очень ясно показываются въ нашей книгѣ. Діаволь предъ цѣлымъ собраніемъ вышихъ духовныхъ существъ клевететь, что Іовъ служитъ Богу потому

только, что Богъ кругомъ оградилъ его, и домъ его, и все, что у него есть, и благословляетъ дѣло рукъ его. Клевета на Іова падаетъ на самаго Бога, есть клевета на справедливость Вседержителя. Іовъ лицемеръ, добродѣтель его изъ одного расчета, Богъ не по справедливости надѣлилъ его такимъ счастьемъ, Богъ за свои дары покупаетъ у Іова расположеніе къ Себѣ,—всѣ эти мысли заключаются въ злобной, вражеской клеветѣ Сатаны. Чтобы оправдать Свою справедливость въ отношеніи къ праведнику и показать истинную добродѣтель праведника, и что онъ не даромъ пользуется такимъ благоволеніемъ, Богъ дозволяетъ Сатанѣ подвергнуть Іова испытанію, отнять у него все, что имѣетъ, только бы самаго его не касаться. Сатана въ одинъ день отнялъ все у Іова, чтобы сдѣлать ударъ какъ можно тяжелѣе. Іовъ не измѣнилъ Богу и не произнесъ ни одного слова ропота или недовольства на своего Благодѣтеля, остался съ тою же преданностію Ему, какъ и былъ. По видимому, нечего болѣе сказать противъ Іова. Сатана нашель: «Іовъ такой закоснѣлый самолюбецъ (эгоистъ), который не можетъ чувствовать ни лишенія имущества, ни жалости къ дѣтямъ, только бы не касались его самаго. Но если коснуться костей его и плоти его, тогда онъ въ лице будетъ проклинять Бога». Чтобы еще испытать Іова, Богъ отдаетъ его самаго въ руки Сатаны, только бы онъ сохранялъ жизнь его. Сатана поражаетъ Іова проказою лютою отъ подошвы ноги по самое теми его,—болѣзнію, которая называлась *первородною дочерію смерти* (18, 13) и почиталась самою ужасною. Іовъ и въ этомъ случаѣ не произнесъ ни одного слова оскорбительнаго для Бога.

Испытаніе Іова этимъ, однакожь, не кончилось. Противъ праведнаго Іова возстали тѣ, отъ кого ожидалъ онъ утѣшенія въ тяжкихъ страданіяхъ своихъ. Клевета Сатаны, невѣдомыми путями, оказалась въ устахъ друзей Іова, и съ такою же горечью, если еще не съ большею. Являясь защитниками Бога, ревнителями Его славы, друзья Іова, дотолѣ знавшіе его какъ человѣка благочестиваго и непорочнаго (Іов. 4, 5), укоряють его въ лицемеріи (13, 16, см. 8, 13), обвиняють въ великихъ порокахъ и беззаконіяхъ (22, 5), которые дѣлалъ онъ втайнѣ, скрываясь отъ людей, т. е. говорятъ, что Іовъ не таковъ, какимъ казался онъ въ глазахъ людей, и съ самымъ грубымъ безчеловѣчіемъ позволяютъ себѣ оскорблять праведника, какъ отверженнаго Богомъ грѣшника.

Какъ злой духъ, духъ отвращенія и презрѣнія къ праведному страдальцу поселился во всѣхъ, кои любили прежде окружать его и служить ему: братья и знакомые оставили его (19, 13, 14); слуги и служанки отчуждились отъ него (15, 16); роднымъ стали противны ласки его (17); малыя дѣти презирають его (18); бывшіе любимцами его, которымъ повѣрялъ прежде тайны свои, гнушаются имъ (19). Правда, отчужденіе отъ Іова возбуждалось смраднымъ зловоніемъ отъ ранъ его и тѣмъ безобразнымъ видомъ, какой представлялъ гніюцій и обнаженный до костей трущъ его; но искренно преданная любовь могла стать выше этихъ отталкивающихъ обстоятельствъ и найти средство, насколько возможно, приблизить себя къ страдальцу и сдѣлать менѣе замѣтнымъ для него его одиночество.

Наковецъ, нашлись негодные люди, изверженные изъ общества, которые ругаются ему, плюютъ въ лице, и обратили его въ предметъ посмѣшища и глумленія (30, 9. 10).

Всѣ эти какъ нравственныя такъ и физическія страданія Іовъ вынесъ, не только не отступивъ отъ Бога, но сохранивъ твердую вѣру въ Него и ожидая отъ Него Одного выхода изъ своего горестнаго положенія. Если изъ устъ его слышатся тяжкія жалобы отчаянія, то онѣ были не что иное, какъ естественныя стоны и вопли человѣка, пораженнаго лютою болѣзнію. Самъ Іовъ объяснялъ ихъ друзьямъ своимъ, строго порицавшимъ его за оныя, какъ голосъ человѣческой немощи подъ ударами страшной судьбы. *Что моя сила, говоритъ онъ, чтобы я могъ надлѣяться (на выздоровленіе и продолженіе жизни)? и что остатокъ мой, чтобы я могъ продолжать терпѣніе? Твердость ли камней твердость моя? Плоть моя мѣдъ ли (6, 11. 12)? Думаете ли судить словъ? но слова лишившагося надежды лѣтятъ на вѣтеръ (26). Соизвольте воззрѣть на меня... Какая была въ языкъ моемъ погрѣшность? но развѣ гортань моя не чувствуетъ горечи (28 30)?*—Если Іовъ, далѣе, защищая предъ друзьями свою правоту, требовалъ суда отъ Бога, укорялъ Его въ несправедливости къ себѣ, обвинялъ въ неправосудіи, то въ этомъ показалъ сколько не свойственнаго человѣку высокоумія, столько же искренности и прямоты не порочной и правдивой совѣсти своей, чего не доставало въ друзьяхъ его, которые, изъ *пристрастія къ Богу, говорили для него ложь и неправду (13, 7. 8)* и готовы были отнять у невиннаго страдальца послѣднюю каплю жизни. Поэтому,

Иегова, осудивъ Іова въ излишнемъ мудрствованіи, обвинилъ друзей его въ томъ, что они говорили предъ Нимъ не такъ истинно ¹⁾, какъ рабъ Его Іовъ (42, 7).

Изъ отношенія Сатаны къ нравственному міроуправленію Божію, изъ дѣйствій, какія допускаетъ ему Богъ въ царствѣ Своемъ, видно, что страданія праведныхъ не различны съ жизнью ихъ. Это сознавали и ветхозавѣтные праведники, хога не видѣли ясно причины такого порядка вещей. *Многи скорби праведнымъ, говорилъ Псалмопѣвецъ (Псал. 33, 20). Какъ искушаются въ печи серебро и золото, такъ избранныя сердца у Господа,—*читаемъ въ Притчахъ Соломоновыхъ, (Притч. 17, 3) ²⁾. Чисусъ сынъ Сираховъ представлялъ скорби въ такой тѣсной связи съ служеніемъ Богу, что всякій желающій стать на этотъ путь долженъ напередъ приготовить себя къ искушенію; говоря объ этомъ, сынъ Сираховъ даетъ прекрасныя наставленія къ перенесенію скорбей съ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога. *Чадо, аще приступаеши работати Господеву Богу, уготови душу твою во искушеніе; управи сердце твое, и потерпи, и не скоръ буди во время наведенія; прильпнися Ему, и не отступи, да возрастеша напоследокъ твои. Все, елико аще нанесено ти будетъ, приими,*

¹⁾ נִכְרָהּ отъ פִּינִי, въ ф. Niph, стоялъ твердо, былъ прямъ, впренъ, правдивъ, искрененъ. Пс. 77, 36. 37.: *Льстили Ему устами своими, и языкомъ своимъ гнали Ему. Сердце же ихъ не вѣрно (נִכְרָהּ — לֹא не искренне) было Ему.*

²⁾ Читается это мѣсто по греческому переводу. Въ еврейскомъ мысль выражена не полно: *плавильня для серебра, и горнило для золота; а сердца испытываетъ Иегова.*

и во измѣненіи смиренія твоего долотерни. Яко во огни искушается злато, и челоуѣцы пріятни въ печи смиренія. Въруй Ему, и заступитъ тя, и управи пути твоя, и уповай на нь. Болящійся Господа, пождите милости Его, и не уклонитесь, да не падете и т. д. (Сирах. 2, 1. 2 и слѣд.). Въ повозвѣтномъ Огкровеніи жизнь христіанина не представляется иначе, какъ въ скорбяхъ и страданіяхъ, въ борьбѣ съ искушеніями и напастьми. Проповѣдуя Евангеліе, апостолы въ то же время возвѣщали, что многими скорбями надлежитъ войти въ царствіе Божіе (Дѣян. 14, 22). Апостолъ Павелъ писалъ Тимоѣю, что всь, хотящіе жити благочестиво во Христь Иисусь, будутъ гонимы (2 Тим. 3, 12). Ап. Петръ указываетъ и главнаго виновника гоненій, воздвигаемыхъ на христіанъ, и страданій ими переносимыхъ. *Трезвитесь, бодрствуйте, пишеть онъ къ разсѣяннымъ отъ гоненія по разнымъ странамъ христіанамъ, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотитъ. Противустойте ему твердою върою, зная, что такія же страданія случаются и съ братьями вашими въ міръ* (1 Петр. 5, 8. 9). Нѣсколько выше въ томъ же посланіи указываетъ цѣль этихъ страданій, воодушевляя къ терпѣнію и ободряя будущею славою. *Возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны; ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ. Тьми Онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ христіанинъ,*

то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь. И такъ, страждущіе по волю Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю. души свои. дѣлая добро (4, 12. 14—16 19)

Тяжела на землѣ участь праведныхъ. Но ихъ страданія, посылаемыя для испытанія вѣры и преданности Богу, приносятъ великую пользу имъ самимъ. Какъ бы человекъ ни возвышался въ духовномъ совершенствѣ, онъ не свободенъ отъ грѣховной нечистоты, присущей поврежденной природѣ его, и не чуждъ нравственныхъ недуговъ, зависящихъ отъ свободной воли. Страданія, ограничивая свободу дѣйствій, удерживая порывы ума и страсти, и возбуждая бдительность надъ собою и внутренними движеніями помысловъ и пожеланій, служатъ горниломъ, въ которомъ очищается грѣховная примѣсь въ естествѣ человѣческомъ. Приучаясь къ терпѣнію и благодушному перенесенію постигающихъ бѣдствій, напастей и гоненій, праведникъ сосредоточиваетъ вниманіе въ самомъ себѣ, чувствуетъ свое безсиліе, сознаетъ потребность высшей помощи, и крѣпче чѣмъ прежде привязывается къ Богу, подающему избавленіе отъ всѣхъ золъ и скорбей, находя въ молитвѣ къ Нему утѣшеніе, ободреніе и укрѣпленіе. Такимъ образомъ страданія служатъ къ укрѣпленію вѣры и преданности Богу. Встрѣчая въ земномъ порядкѣ вещей не привѣтъ, а неприязнь и озлобленіе, праведникъ устремляетъ свой взоръ къ другому міру, къ міру высшему, духовному, и въ немъ полагаетъ послѣднюю цѣль всѣхъ своихъ желаній, помысловъ и дѣйствій. Стремясь къ этой цѣли всѣми силами души, умомъ, сердцемъ и волею, и дѣятельно подвизаясь въ этомъ направленіи, онъ преобразуется внутренно по образу

Создавшего его и восходить отъ совершенства къ совершенству. Такимъ образомъ исконный врагъ Бога и чело-вѣковъ, преслѣдуя всѣми кознями своими избранныхъ Божіихъ, только содѣйствуетъ нравственному ихъ очищенію и укрѣпленію въ нихъ вѣры и преданности Богу, воспитываетъ для царства Божія совершеннѣйшихъ членовъ, и тѣмъ самымъ приготовляетъ побѣду и торжество надъ собою.

Такимъ образомъ, книга Іова, являясь въ концѣ Тео-кратіи, сообщаетъ Откровеніе, касающееся нравственнаго міроуправленія, объ отношеніи злаго духа къ царству Божію и его участи въ судьбѣ праведныхъ, допускаемомъ со стороны Бога для проявленія въ мірѣ славы Своей и пригото-вленія побѣды надъ царствомъ тьмы. Въ страданіяхъ това изображается, какъ въ типическомъ примѣрѣ, судьба всѣхъ праведныхъ. Въ дѣйствіяхъ Сатаны въ отношеніи къ Іову представляется общее отношеніе его ко всѣмъ правед-никамъ. Очевидно, излагая исторію Іова, авторъ хотѣлъ объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоя-щемъ порядкѣ нравственнаго міра. Это и есть главная мысль (идея) нашей книги. Фактическое выраженіе ея представляется въ слѣдующей формулѣ: *Богъ, въ видахъ торжества надъ врагомъ царства Своего, попускаетъ страдать праведнымъ для ихъ испытанія. Зная, что всѣ опредѣленія Божіи премудры и направлены къ открове-нію божественной правды въ мірѣ, хотя и не постижимы для челоука, праведникъ долженъ нести возлагаемый на него крестъ съ безусловною покорностію волю Творца сво-его, твердо надѣясь, что страданія ведутъ къ высшему счастью, къ блаженству.*

Въ чему служила эта мысль? Что имѣлъ въ виду авторъ, предполагая въ своемъ произведеніи объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра? Какіе были мотивы, вызвавшіе его къ изложенію исторіи страданій праведнаго Іова? Появленіе всякаго литературнаго произведенія можетъ быть представляемо или внѣ всякаго отношенія къ своему времени, или въ связи съ извѣстными историческими обстоятельствами, при которыхъ оно явилось. Въ первомъ случаѣ главная мысль произведенія есть вмѣстѣ и цѣль его. Въ послѣднемъ случаѣ, цѣль произведенія заключается въ томъ приложеніи, какое эта мысль имѣетъ къ читателямъ при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Конечно, указанная нами главная мысль книги Іова имѣетъ значеніе для всѣхъ временъ, доколѣ будетъ продолжаться на землѣ борьба семени жены съ семенемъ змія; но мы полагаемъ, что авторъ, принадлежа времени, знаменательному въ исторіи Θεократіи, стоя на послѣднемъ рубежѣ, гдѣ оканчивался рядъ боговдохновенныхъ пророковъ, и гдѣ избранный народъ на пути жизни оставлялся самому себѣ, находилъ приложеніе своей мысли въ обстоятельствахъ ближайшѣ Нему, которыя и вызвали его къ изложенію исторіи страданій праведнаго Іова.

И прежде всего полагаемъ, что авторъ, передавая Израилю *послѣднее слово откровенія*, въ судьбѣ праведнаго Іова хотѣлъ объяснить минувшую исторію избраннаго народа, сколько пользовавшагося милостями Іеговы, столько же проходившаго горнило тяжкихъ испытаній, и самое послѣднее— въ плѣну вавилонскомъ. Іегова, любя народъ Свой, не щадилъ для него жезла Своего, какъ для нравствен-

наго очищенія и исправленія его, такъ и въ показаніе Своей правды и безпристрастія въ нравственномъ мірѣ. Тайный врагъ царства Божія, безъ сомнѣнія, не упускалъ случая дѣлать все, что могло клониться къ уничтоженію избраннаго народа, въ которомъ готовилось пораженіе для него. Въ видѣніи пророка Захаріи знаменательно показывается, что, и въ то время, когда уже исполнилась мѣра испытанія плѣннаго Израиля, Сатана стоялъ въ совѣтѣ Іеговы по правую руку первосвященника Іисуса, представителя народа, *чтобы обвинять его* (Зах. 3, 1. 8). При этомъ *Іегова сказалъ Сатанѣ: Сатана! запрещаетъ тебѣ Іегова, запрещаетъ тебѣ Іегова, избравшій Іерусалимъ; не головня ли онъ, выхваченная изъ огня* (3, 2. 3)?

Исторію праведнаго Іова разрѣшается тайна того крестнаго пути, который проходили многіе ветхозавѣтные праведники, терпя въ жизни разныя искушенія, бѣдствія и часто гоненія отъ людей нечестивыхъ. Видя нечестивыхъ въ счастіи и благоденствіи, праведные вопрошали Бога о причинѣ своей участи, казавшейся не сообразною съ божественнымъ правосудіемъ; но ихъ вопросы оставались безъ отвѣта. Теперь изъ примѣра Іова видно, что они несли тяжелый крестъ ради испытанія, для того чтобы показать себя міру достойными божественнаго избранія и тѣхъ даровъ духовныхъ, которыми Іегова видимо отличалъ ихъ отъ другихъ людей.

Этимъ объясняется, какимъ образомъ въ изображеніе праведнаго Іова, его болѣзни, душевнаго настроенія, чувствъ и мыслей, у нашего автора вошли тѣ черты, которыми въ священныхъ книгахъ изображаются или Израиль по временамъ подвергавшійся страданію по опредѣленію Іеговы, или другіе страдальцы, принадлежавшіе ветхозавѣт-

ной церкви, или вообще древніе праведники, испытавшіе много скорбей въ своей жизни (см. стр. 109—112). Находя въ своемъ страдальцѣ сходство со всеми другими страдальцами, священный Писатель хотѣлъ въ лицѣ его дать объясненіе въ свое время не разгаданной тайнѣ ихъ страданій и указать тотъ путь, коимъ Провидѣніе вело ихъ къ высшему нравственному совершенству.

Съ возвращеніемъ Израиля изъ плѣна вавилонскаго, наступилъ для него новый періодъ жизни, послѣдній въ исторіи Теоократіи. Не привѣтливо встрѣтила судьба сыновъ Израиля на родной ихъ землѣ. Лишь только начали они устроиться, явились противодѣйствія со стороны сосѣднихъ народовъ (Самарянъ, Моавитянъ, Аммонитянъ и др.), хотѣвшихъ воспрепятствовать сему. Не много отраднаго общалось имъ и въ будущемъ. Оставаясь подъ властію персидскихъ государей, не могли они предвидѣть ясныхъ дней свободы и независимости. И на самомъ дѣлѣ, до открытія на землѣ царства Мессіи, они только переходили отъ однихъ поработителей подъ власть другихъ, и среди почти непрерывной борьбы своихъ владыкъ—сосѣдей были зерномъ между мѣльничными жерновами. Между тѣмъ, въ пророческомъ предначертаніи судебъ народныхъ предвѣщались дни, особенно тяжелые для избраннаго народа, для *знающихъ Бога своего*, когда многіе изъ *благомыслящихъ будутъ падать отъ меча и пламени, въ плѣненіи и разграбленіи, чтобы во всемъ этомъ расплавиться, очиститься и убѣлиться къ послѣднему времени* (Дан. 11, 23—35). Эта не отрадная судьба Израиля и избранныхъ Божіихъ чувствовалась уже весьма живо во дни писателя нашей книги. Видя, что народъ избранный,

который одинъ назывался народомъ Божиимъ, и у котораго одного хранилась истинная вѣра, находится въ крайнемъ уничиженіи и порабощеніи у другихъ народовъ, тогда какъ другіе народы, незнающіе Іегову, благоденствуютъ, современники писателя нашей книги говорили: *если Іегова любитъ народъ Свой; то въ чемъ же Онъ проявилъ Свою любовь къ нему? Если Едомъ, братъ Іакова, также разоренъ; за то Едомъ надѣется опять возстановить разоренное, построить разрушенное; а у Іакова такой надежды нѣтъ* (Малах. 1, 2—4). Смущались и праведные, терпя разнаго рода бѣдствія и скорби, между тѣмъ какъ видѣли, что живущіе беззаконно благоденствуютъ, гордецы и надменные живутъ счастливо: казалось, что Богъ благоволяетъ къ тѣмъ, которые дѣлаютъ зло, и напротивъ отвращается отъ тѣхъ, которые ходятъ въ путяхъ Его. Ревновавшіе о справедливомъ воздаяніи каждому по дѣламъ его спрашивали: *идь же Богъ правосудія* (Малах. 2, 17)?

Въ виду сихъ обстоятельствъ, священный Писатель нашей книги, изображая исторію страданій праведнаго Іова, хотѣлъ:

1) Показать причину, неизбѣжность и значеніе страданій, какъ испытываемыхъ, такъ и предстоящихъ впереди, для всѣхъ тѣхъ, кои принадлежали и имѣли принадлежать святому союзу (Дан. 11, 28), т. е. обществу вѣрныхъ сыновъ Іеговы. Равно сіе относится и къ цѣлому Израилю и къ отдѣльнымъ лицамъ. Близко было спасеніе Израиля; тѣмъ сильнѣе ожидались козни и напасти со стороны исконнаго врага Божія, со стороны тѣхъ міровыхъ силъ и дѣятелей въ мірѣ, которые шли противъ истинной вѣры, правды и святости. Испытаніе было не избѣжно. Израиль

въ пришествію Мессіи долженъ былъ показать, что онъ не даромъ избранъ Богомъ и пользовался милостями Иеговы болѣе другихъ народовъ. Въ этому *последнему времени* должны были явиться *очищенные и убъленные праведники*, что бы встрѣтить давно ожидаемаго Мессію и быть достойными преемниками и провозвѣстниками благовѣстія о спасеніи.

2) Внушить, что человѣку не свойственно вступать въ споръ съ Богомъ и спрашивать, почему Онъ поступаетъ такъ а не иначе въ управленіи судьбою людей, почему, напримѣръ, любя Израиля, оставляетъ его подъ владычествомъ иноплеменныхъ народовъ, любя вѣрныхъ рабовъ Своихъ, оставляетъ ихъ въ бѣдѣ, скорбяхъ, притѣсненіи и гоненіи отъ нечестивыхъ, то есть, внушить смиреніе и покорность волѣ Божіей, и расположить къ терпѣливому перенесенію скорбей и бѣдствій.

3) Удостоверить нагляднымъ опытомъ, что скорби, лишенія и страданія, посылаемая для испытанія праведныхъ и переносимыя съ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей, вознаграждаются отъ Бога сугубыми милостями и щедротами, что праведный, претерпѣвшій до конца, получаетъ отъ Бога сугубое воздаяніе.

4) Въ лицѣ Іова указать страдальцамъ примѣръ терпѣнія, вѣры и преданности Богу не смотря на самыя тяжелыя бѣдствія и лютыя страданія, ниспосланныя ему для его испытанія. Значеніе этого примѣра показано ясно въ новозавѣтномъ Откровеніи. Апостоль Іаковъ, воодушевляя своихъ единоплеменниковъ, жившихъ въ разсѣяніи, къ благодушному перенесенію скорбей и постигшихъ ихъ

бѣдствій, совѣтуетъ имъ взять въ примѣръ злостраданія и долготерпѣнія пророковъ, которые говорили именемъ Господнимъ, и въ тоже время обращаетъ ихъ вниманіе въ особенности на Іова. *Вотъ, говоритъ, мы ублажаемъ тѣхъ, которые терпѣли. Вы слышали о терпѣніи Іова, и видѣли конецъ онаго отъ Господа; ибо Господь весьма милосердъ и сострадателенъ* (Іак. 5, 10. 11).

Когда есть врагъ, думаютъ о спасеніи отъ него. Если врагъ сильнѣ насъ, ищутъ спасителя сильнѣ врага. Вѣра въ спасителя укрѣпляетъ наше безсиліе; надежда на его силу ободряетъ насъ въ борьбѣ съ врагомъ и въ самой немощи возбуждаетъ усилія твердо стоять противъ него.—Испытаніе, постигшее Іова, было самое тяжелое; болѣе его мы вообразить не можемъ. Но велика и нравственная сила въ страдальцѣ; подобной трудно указать въ исторіи. Не смотря на то, въ борьбѣ Іова съ постигшими искушеніями мы видимъ, какъ труденъ и тяжелъ подвигъ для человѣка, оставленнаго самому себѣ, какъ многого не достаетъ у него, что бы выдержать борьбу, не пасть подъ тяжестью креста и не выпустить знамя изъ рукъ своихъ. Іовъ невинный и праведный лишень всего, пораженъ самую ужасною болѣзнію, въ жизни все для него потеряно, впереди шеоль съ однимъ мракомъ. Только отчаянный грѣшникъ можетъ быть спокойнѣ среди такой мглы, надѣясь въ смерти освободиться отъ терзающей совѣсти. Праведникъ, у котораго только въ жизни счастье и утѣшеніе, который со всею искренностію и правдою служилъ Богу для того, что бы *жить, насладиться жизнію*, не можетъ не возмущаться среди такого мрака и

такого исхода жизни ¹⁾). Будь открыта ему будущая жизнь, знай онъ тайну искупленія, за тѣмъ воскресеніе изъ мертвыхъ, судъ и вѣчное воздаяніе, какъ извѣстно все это въ христіанствѣ, тогда онъ не смущался бы постигнутою его участію, страданія не были бы столь тяжки, въ виду другой жизни за гробомъ съ ея вѣчнымъ блаженствомъ.—Іовъ имѣлъ крѣпкую вѣру въ Бога и Его правосудіе. Безупречный въ своей совѣсти, въ минуты воодушевленія этою вѣрою, онъ не могъ представить, что бы праведный Богъ не открылъ невинность и чистоту души его предъ друзьями, подозрѣвавшими и укорявшими его въ грѣхахъ и тайныхъ беззаконіяхъ. Но въ другой разъ, подъ гнетомъ тяжкихъ страданій, мысль о правосудіи, какъ свѣтлый лучъ, исчезала изъ его сознанія; онъ видѣлъ только несправедливость къ нему Бога, особенно когда представлялъ близость къ шеолу, въ которомъ умирала съ нимъ всякая надежда; ему казалось, что Богъ поступалъ съ нимъ какъ врагъ. У него не доставало представленія о любви Бога, какъ Отца небеснаго.—Былъ онъ увѣренъ въ своей праведности и чистотѣ,—это служило единственною опорою духовнаго бытія его. Но когда представлялъ величіе

---

¹⁾ Намъ, которымъ открыта будущая жизнь, трудно понять благо жизни въ самой жизни. Безсмертному духу сродно жить вѣчно, но когда вѣра не открываетъ вѣчной жизни за гробомъ, тогда жизнь до глубокой старости, до полноты дней человѣческаго предѣла, жизнь—разумѣемъ—полная благословеній Божиихъ, составляетъ полное счастье. Это означается выраженіемъ: *умеръ въ старости и насыщенный жизнію* (Іов. 42, 17. Быт. 25, 8. 37, 29).

Божіе, — колебалась увѣренность, что можетъ устоять предъ этимъ величіемъ и остаться правымъ. Предъ его умышленными очами не было того свѣтлаго, благаго и кроткаго Образа, который Отець небесный явилъ людямъ въ Единородномъ Сынѣ Своемъ. Онъ звалъ Бога на судъ, но въ тоже время молилъ Его, что бы Онъ явился безъ того величія, которое приводитъ его въ трепетъ и ужасъ. Въ его представленіи не было того покрывающаго недостатка всепрощающаго милосердія, которое явлено новозавѣтнымъ праведникамъ въ Искупителѣ. — Приверженный къ Богу столько, что у Сатаны не стало средствъ оторвать его отъ Него, Іовъ всего больше страшился быть отверженнымъ отъ Бога. Въ душѣ своей среди тяжкихъ испытаній онъ не чувствовалъ того внутренняго свидѣтельства, которое вѣрующимъ христіанамъ говорить о ихъ принадлежности Богу (Рим. 8, 16), того подерѣвляющаго въ немощахъ Духа, который ходатайствуетъ за нихъ воздыханіями неизреченными (ст. 26). — Оставленный всѣми, заживо снѣдаемый червями, палимый жаромъ до самыхъ костей, тревожимый призраками, влекущими къ самоубійству (Іов. 7, 14, 15), Іовъ чувствуетъ всю безпомощность и одиночество среди цѣлаго міра: ни утѣшенія, ни ободренія, ни силы подерѣвляющей нѣтъ ни отъ кого. Молить Бога, что бы хоть на мгновеніе отвратилъ отъ него гнѣвный взоръ Свой, дабы ему можно было свободно вздохнуть и проглотить слюну; но и въ этомъ отказано ему. Іовъ чувствовалъ, что онъ преданъ въ руки злобныхъ (Іов. 16, 11). Испытаніе, въ какое поставленъ Іовъ, оставленный всѣми и Богомъ, при поруганіи отъ друзей и посмѣяніи отъ людей, при тѣхъ страданіяхъ, ка-

кія испытывалъ, находить подобіе въ исторіи человѣческой только въ одномъ Лицѣ, которое страдало дабы *искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 18); но это Лице не было извѣстно ему, какъ новозавѣтнымъ страдальцамъ.—Такимъ образомъ самая высокая праведность Іова указывала на необходимость Искупителя, безъ коего внутренній душевный подвигъ добродѣтели, среди постигающаго праведныхъ испытанія, не имѣетъ ни твердой опоры, ни укрѣпляющей силы, ни воодушевляющаго примѣра. При данныхъ условіяхъ, праведность Іова, среди испытанія, представляетъ верхъ совершенства. Но въ ней не достаетъ не смиренія, какъ нѣкоторые не справедливо думаютъ, но *спокойствія ума*, которое дается только христіанскимъ Откровеніемъ и просвѣщающею благодатію Искупителя.

Такимъ образомъ, образъ страждущаго Іова долженъ былъ возбуждать въ читателяхъ нашей книги сознаніе необходимости вышней помощи къ избавленію отъ темной силы врага Божія, ощущеніе потребности болѣе крѣпкихъ жизненныхъ силъ для борьбы съ внутренними и внѣшними искушеніями, то есть—возбуждать желаніе и чаяніе обѣщаннаго человѣчеству Искупителя.

И такъ, объясняя въ исторіи Іова загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра, священный Писатель имѣлъ цѣлію: 1) объяснить Израилю въ минувшей исторіи его тотъ путь, которымъ Іегова велъ его доселѣ; затѣмъ 2) указавъ Израилю въ живомъ примѣрѣ главную причину тяжелой судьбы избранныхъ Божіихъ, въ томъ же примѣрѣ дать урокъ къ перенесенію предстоящихъ ему скорбей и страданій съ терпѣніемъ, преданностію Богу и покорностію волѣ Его; наконецъ 3) образомъ

страждущаго праведника возбуждать желаніе и чаяніе общаннаго ему Мессіи—Искупителя.

Почему священный Писатель, для проведенія своей мысли, взялъ примѣръ изъ языческой, а не изъ еврейской исторіи? Исторія еврейскаго народа представляла многихъ страдальцевъ—праведниковъ, жизнь которыхъ могла бы служить примѣромъ неповиннаго страданія и матеріаломъ для выраженія и раскрытія той же мысли, какая проведена въ исторіи страданій праведнаго Іова. Таковымъ примѣромъ могъ быть, напримѣръ, ближайшій къ указанной нами эпохѣ пророкъ Іеремія, или другой кто изъ пророковъ и благочестивыхъ мужей, окончившихъ злосчастные дни свои во время нечестиваго Манасіа, пролившаго въ Іерусалимѣ весьма много невинной крови (4 Цар. 21, 16). Не поучительнѣе ли былъ бы для Израиля примѣръ неповиннаго страданія изъ собственной его исторіи? На предложенный вопросъ можемъ отвѣтить тѣмъ, что Писатель не искалъ примѣра для раскрытія своей мысли, какъ обыкновенно ищутъ писатели или сочинители; книга наша не есть сочиненіе на заданную тему, а есть боговдохновенное произведеніе, написанное по внушенію Духа Божія. Стало быть, отвѣта на нашъ вопросъ прежде всего надобно искать въ намѣреніи божественнаго Духа. Богу угодно было явить міру такого великаго праведника, какъ Іовъ, на языческой землѣ, и Богу же угодно было, что бы исторія его страданій послужила въ поученіе и назиданіе грядущимъ поколѣніямъ избраннаго народа,—лучше этого ничего не можемъ представить въ объясненіе, почему эту а не другую исторію священный Писатель избралъ для своего произведенія. Изъ книги видно,

что Іовъ былъ такой праведникъ, которому подобнаго, по свидѣтельству Іеговы, въ то время не было на землѣ (Іов. 1, 8. 2, 3). Личность Іова, славная и извѣстная на всемъ востокѣ (1, 3), и при томъ по времени своей жизни весьма близкая къ вѣку Писателя, была, безъ сомнѣнія, извѣстна его современникамъ и возбуждала къ себѣ общее вниманіе. Потому, если смотрѣть на вопросъ и съ обыкновенной точки зрѣнія, естественно было священному Писателю посвятить свой трудъ объясненію загадочной судьбы этой замѣчательной личности и поставить ее въ урокъ своимъ современникамъ и послѣдующимъ поколѣніямъ. Но видно, что личность Іова обращала на себя вниманіе и съ точки зрѣнія ееофратической. Авторъ, со всею строгостію выдержавшій употребленіе именъ Божіихъ въ бесѣдахъ Іова съ друзьями, сообразно съ ихъ положеніемъ внѣ церкви завѣтной, когда говорить о явленіи Бога Іову, употребляетъ имя Божіе—*Іегова*: тогда *Іегова возмалолаъ Іову изъ вихря бурнаго* (38, 1. 40, 1); такъ *Іегова глаголаъ Іову* (39, 31); и *отвѣтствовалъ Іовъ Іеговъ* (42, 1). Этимъ употребленіемъ имени—*Іегова* боговдохновенный писатель вводитъ праведнаго Іова въ ограду той церкви, которую Іегова Богъ устраивалъ среди Израиля для спасенія всего человѣчества. Такимъ образомъ въ лицѣ Іова Израиль долженъ былъ познавать тѣхъ *разспянныхъ чадъ Божіихъ*, которыхъ грядущій Мессія имѣлъ *собрать во едино* (Іоан. 11, 52); выдвинутый послѣ плѣна вавилонскаго на общее теченіе человѣческой исторіи, имѣя предъ очами образъ прославленнаго Богомъ великаго праведника изъ среды языческой, Израиль долженъ былъ мало по малу входить въ сознаніе, что *не плотскія дѣла Авраама суть дѣла Божіи, но дѣла обѣтованія*

признаются за сына Авраамово (Рим. 9, 8). Иовъ, не происходя отъ Авраама, по вѣрѣ своей былъ истиннымъ сыномъ Авраамовымъ. Поэтому примѣръ Иова былъ не менѣе поучителенъ для плотскихъ дѣтей Авраама, какъ и примѣры изъ собственной ихъ исторіи.

Указанная нами главная мысль книги Иова имѣетъ точку опоры въ прологѣ ея. Въ этомъ случаѣ можетъ показаться, что мы даемъ мало значенія средней части книги, заключающей самое обильное содержаніе, которая, очевидно, составляла у автора главный предметъ его труда и работы. Къ чему эти длинныя разсужденія друзей и самаго Иова,—къ чему пространныя рѣчи Эліуа и рѣчи Иеговы, если автору нужно было сказать только, что Иовъ страдаетъ по навѣту Сатаны для испытанія его праведности? Въ каждомъ изъ этихъ разсужденій своя особая мысль, раскрытая обстоятельно и съ логическою опредѣленностію; и хотя задачею своею имѣютъ разрѣшеніе одного вопроса—о причинѣ страданій Иова; но рѣшеніе вопроса ведется не анализомъ фактовъ, относящихся непосредственно къ личности Иова, но изслѣдованіемъ общихъ началъ нравственнаго міроуправленія Божія, опредѣленіемъ законовъ Божественнаго правосудія, по коимъ одни подвергаются бѣдствіямъ и страданіямъ, а другіе живутъ въ счастіи и благоденствіи. Стало бытъ, можно думать, что цѣль книги опирается не на лицѣ Иова, но на тѣхъ общихъ разсужденіяхъ, для которыхъ исторія Иова служила только поводомъ. Новѣйшіе изслѣдователи, опредѣляя цѣль книги Иова, по преимуществу ищутъ ее въ средней поэтической части книги, не давая особеннаго значенія прологу и эпилогу, изъ коихъ первый

составляетъ по ихъ понятію только предисловіе къ книгѣ, а послѣдній—историческое прибавленіе, которыя могли произойти даже совершенно независимо, отдѣльно отъ основной поэтической части.

Мы будемъ еще говорить о подлинности пролога и эпилога и отношенія ихъ къ поэтической части книги. Теперь постараемся выяснитъ отношеніе этой послѣдней части къ указанной нами главной мысли книги.

Прежде всего должны мы сказать, что не смотримъ на книгу Іова, какъ на сочиненіе писателя, составленное имъ на предположенную тему, для которой исторія Іова служила только случайнымъ матеріаломъ, пригоднымъ для ~~его раскрытія~~ раскрытія и уясненія. По нашему мнѣнію, авторъ излагаетъ въ книгѣ Іова историческій фактъ, имѣющій цѣль въ самомъ себѣ, излагаетъ такъ, какъ онъ былъ. Первоначальная задача его выходитъ не изъ предположенной имъ въ собственномъ умѣ какой либо мысли, а изъ намѣренія и желанія тѣхъ лицъ, кои являются дѣйствующими въ изображаемой имъ исторіи,—объяснить загадочное событіе—постигшія праведнаго Іова великія бѣдствія и страданія. Находя объясненія этихъ лицъ непримѣнимыми къ Іову, авторъ открываетъ фактъ изъ другаго міра, коимъ разрѣшается трудная загадка непонятныхъ страданій великаго праведника. Ясно, что всѣ разсужденія поэтической части составляютъ отрицательную сторону той мысли, которая положительно выражена въ прологѣ. Важный интересъ составляли для автора разсужденія дѣйствующихъ въ исторіи Іова лицъ, потому что это разсужденія мудрыхъ, попытки естественнаго разума разрѣшить трудный вопросъ о страданіи праведника. Авторъ употребилъ все свое искус-

ство, чтобы изложить эти рассужденія съ полною отчетливостію и съ такимъ характеромъ, какой находилъ соотвѣтствующимъ свойству мудрецовъ. Столько же или даже болѣе интереса представляла для автора другая сторона излагаемаго въ его произведеніи событія—психическая,—изображеніе страждущаго праведника, изображеніе тѣхъ душевныхъ состояній, которыя испытывалъ Іовъ въ борьбѣ съ тяжкою болѣзнію, въ борьбѣ съ укоридами и обвиненіями своихъ друзей, въ борьбѣ наконецъ со всѣмъ внѣшнимъ положеніемъ своимъ, будучи оставленъ всѣми, презираемый и пренебрегаемый всѣми и чужими, близкими и дальними. На изображеніе этого предмета употреблена авторомъ половина (20 главъ) поэтической части. Но и этотъ предметъ служилъ только къ обстоятельному очертанію положенія праведника съ внутренней стороны, объяснить которое имѣлъ въ виду авторъ. Такимъ образомъ, ни изъ чего не видно, чтобы центръ тяжести всей книги падалъ на рѣчи Іова, или друзей его, или Эліуя, или самаго Іеговы.

Для полноты изслѣдованія вопроса о главной мысли и цѣли книги Іова, рассмотримъ мнѣнія объ этомъ предметѣ другихъ изслѣдователей, наиболѣе заслуживающія вниманія.

1. Есть мнѣніе, больше популярное, чѣмъ ученое, что въ книгѣ Іова разрѣшается вопросъ объ отношеніи вообще внѣшняго воздаянія къ нравственнымъ заслугамъ человека. Вопросъ выражаютъ въ такой формулѣ: какъ согласить страданіе праведника и счастье нечестиваго съ божескимъ правосудіемъ? Вопросъ этотъ дѣйствительно вы-

ставляется въ разсужденіяхъ Іова, но уже поздно (гл. 21 и 24), по соприкосновенію съ главнымъ вопросомъ: почему Богъ подвергъ его страданію? Когда друзья доказывали Іову, что Богъ посылаетъ бѣдствія и страданія грѣшникамъ, а праведники пользуются Его благоволеніемъ и благоденствуютъ, Іовъ представлялъ имъ, что въ дѣйствительности бываетъ совершенно наоборотъ: благоденствуютъ нечестивые и страдаютъ праведные. Поражаясь этими явленіями, видимо противорѣчащими общему понятію о правосудіи Вседержителя, Іовъ спрашивалъ: *за что живутъ беззаконные, состарѣваются, и еще силами крѣпки и проч. (21, 7)? Почему Вседержителемъ не показываются времена суда, и знающіе Его не видятъ дней Его (24 1)?* Но въ заключеніи своихъ рѣчей (29—31 гл.), также какъ и въ началѣ (гл. 3), Іовъ домогается разрѣшенія вопроса только относительно собственной участи. Эліуй, объясняя Іову нравственное міроуправленіе Божіе, коснулся вопроса, почему или съ какою цѣлію Богъ посылаетъ иногда болѣзни грѣшникамъ (33, 39 сл.); но это одна только часть вопроса, притомъ не столь существенная; почему Богъ даетъ счастье грѣшникамъ—этого вопроса нисколько не касается. Правда, въ послѣдней заключительной его мысли о непостижимости дѣйствій Вседержителя въ раздаяніи жребія и о томъ, что въ судѣ и правдѣ не даетъ Онъ никому отчета (37, 23), заключается отвѣтъ и на этотъ вопросъ; но изъ сего нельзя еще заключать, что разрѣшеніе этого вопроса входило въ главную задачу автора нашей книги. Какъ въ прологѣ такъ и въ эпилогѣ все вниманіе автора сосредоточено на объясненіи участи только праведнаго страдальца Іова.

2. Между новѣйшими изслѣдователями книги Іова почти общепринятое мнѣніе, что авторъ, изображая исторію страдальца Іова, хотѣлъ представить въ наглядномъ опытѣ слабость и несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи, которое общааетъ избранному народу благословеніе Іеговы и благоденствіе, если онъ будетъ хранить и исполнять всѣ заповѣди и постановленія, данныя ему, и напротивъ—проклятія и всевозможныя бѣдствія, если не будетъ исполнять заповѣдей и постановленій Его (Второз. 28 гл.) ¹⁾. Представителями и защитниками этого ученія въ нашей книгѣ служатъ будто бы друзья Іова: Елифазъ, Вилдадъ и Софаръ. Іовъ же въ собственномъ опытѣ показываетъ, что это ученіе не согласно съ дѣйствительностію, и представляетъ друзьямъ своимъ не опровержимые факты, противорѣчащія ему. Что авторъ хотѣлъ именно показать въ своемъ произведеніи несостоятельность древняго ученія о воздаяніи, подтвержденіе этому видятъ въ томъ, что въ эпилогѣ Іегова осудилъ Елифаза, Вилдада и Софара за то, что они говорили не такъ вѣрно, какъ Іовъ.

Но противъ этого мнѣнія говоритъ самый же эпилогъ, въ которомъ авторъ повѣствуетъ, что, послѣ страданій, Богъ сугубо вознаградилъ Іова за всѣ потери, какія понесъ онъ. Авторъ былъ бы не послѣдователемъ, если бы доказывая несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи добродѣтели счастіемъ, самъ же потомъ сталъ говорить,

---

¹⁾ *Fürst*, *Gesch. d. bibl. Liter* 2. B. s. 408—410; *Bleek*, *Einl. in d. A. Test.* s. 636. 657; *I. F. Raebiger*, *De Libri Iobi sententia primaria*, 1860.

что праведному Іову за его невинныя страданія было воздано отъ Бога сугубо. Если Іегова осуждаетъ друзей Іова за то, что они говорили предъ Нимъ не такъ вѣрно, какъ Іовъ, то погрѣшность друзей не въ томъ состояла, что они защищали древнее ученіе о воздаяніи, а въ томъ, что они примѣняли его къ Іову не правильно, показывая пристрастіе къ Богу и безчеловѣчіе къ страдальцу.

Моисеево ученіе о воздаяніи имѣетъ въ виду цѣлый еврейскій народъ; всѣ обѣтованія и угрозы, соединенныя — первыя съ исполненіемъ заповѣдей, а вторыя съ нарушеніемъ ихъ, Моисей изрекаетъ всему народу; стало быть, это ученіе имѣетъ видъ общей нормы или общаго правила. Въ этомъ видѣ оно сохранило свою силу въ продолженіе всей исторіи еврейскаго народа. У пророковъ, въ псалмахъ и въ историческихъ книгахъ проводится это ученіе. И какъ скоро оно примѣнялось къ судьбѣ народовъ и государствъ, и къ судьбѣ большихъ обществъ, получало всегда паглядное оправданіе. Какъ общее правило или общій законъ правосудія Божія, оно не устраниено и изъ новозавѣтнаго Откровенія, которое благочестію усвояетъ обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. 4, 8). Иначе и не могло быть. Коль скоро Откровеніе возвѣщаетъ праведный судъ Божій и воздаяніе праведникамъ и грѣшникамъ, Правосудіе небесное должно показывать оныиъ этого суда и воздаянія еще здѣсь на землѣ; иначе не было бы свидѣтельства о достовѣрности этого суда. Но когда это общее правило прилагается къ частнымъ случаямъ или къ отдѣльнымъ лицамъ, то могутъ быть до безконечности разнообразныя способы примѣненія, зависящіе отъ нравственнаго свойства этихъ лицъ и отъ

постороннихъ обстоятельствъ. Это дѣло принадлежитъ исключительно всевѣдѣнію и безконечной премудрости праведнаго Судіи, и никогда не можетъ быть постигнуто вполне и объяснено человѣческимъ разумомъ, какъ доказывалъ это Іову Эліуй, представившій нѣсколько примѣровъ дѣйствія Вседержителя въ тѣхъ случаяхъ, когда Онъ посылаетъ наказанія для вразумленія и исправленія людей.

Ученіе мудрыхъ о воздаяніи есть ученіе естественнаго разума, не знающаго другой жизни для человѣка, кромѣ настоящей. По отношенію къ ученію Моисея о воздаяніи, оно представляетъ строгое и, если бы оно было отъ него заимствовано, то можно бы сказать, буквальное примѣненіе его къ отдѣльнымъ лицамъ. Отъ того, такой суровый взглядъ на страдальца. Въ глазахъ друзей, строго державшихся этого ученія, онъ не иначе могъ представляться, какъ преступникомъ, несущимъ наказаніе отъ Бога за свои грѣхи. Страданія, по ихъ мнѣнію, не имѣли другаго значенія, кромѣ наказательнаго или карательнаго. Самъ Іовъ такъ смотрѣлъ на страданія; только внутреннее чувство правоты вызвало въ немъ недоумѣніе относительно такого пониманія и протестъ противъ исповѣдуемаго имъ ученія. Но не могли отрѣшиться отъ усвоеннаго привычкою понятія о небесномъ правосудіи, онъ не находилъ выхода изъ противорѣчія между теоріей и практикой. Эліуй, какъ молодой и новый мыслитель, принялъ на себя попытку изъяснить практическое примѣненіе этого ученія къ частнымъ случаямъ или отдѣльнымъ лицамъ. По его представленію, страданія разнаго рода не всегда бываютъ наказаніями за грѣхи, но весьма часто Богъ посылаетъ ихъ людямъ грѣшнымъ и праведнымъ для

предостереженія ихъ отъ грѣха, вразумленія, исправленія и очищенія. Страданія, такимъ образомъ, имѣютъ значеніе исправительное, педагогическое, и свидѣтельствуя не о гнѣвѣ Судии, но о кроткой любви спасающаго Отца. Въ предѣлахъ естественнаго разума не возможно было возвыситься до представленія третьяго вида страданій — *испытательныхъ*.

При всей односторонности ученія мудрыхъ о воздаяніи, оно не опровергается авторомъ, но остается въ своей силѣ. Сказано, что Богъ судитъ людей по тому закону, каковой они имѣютъ (Рим. 2, 12. 14. 15). Поэтому, и Іовъ, какъ праведникъ, послѣ испытанія своего, получаетъ воздаяніе согласно съ тѣми попятіями, какія имѣлъ о воздаяніи. Не разъ во время страданій своихъ говорилъ онъ Богу: *перестань же, отыми руку Твою, чтобы мнѣ порадоваться, провести день свой съ удовольствіемъ*. Авторъ книги въ концѣ повѣствованія своего о возвращеніи Іову пресняго благоденствія замѣчаетъ, что Іовъ умеръ въ старости и *насытившись жизнію*.

Такимъ образомъ совершенно не вѣрно мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые полагаютъ, что въ книгѣ Іова выставляется несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи; она его и не касается, потому что излагаетъ ученіе мудрыхъ, а не Моисеево.

3. Въ нѣкоторой связи съ изложеннымъ мнѣніемъ о главной мысли книги Іова находится мнѣніе Эвальда. По мнѣнію Эвальда, въ книгѣ Іова проводится мысль, что внѣшнее зло не имѣетъ никакой связи съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка, и что средство побѣждать его, торже-

ствовать надъ бѣдствіями и страданіями, заключается въ сознаніи вѣчности духа. Доколѣ чловѣкъ не пришелъ въ ясное и твердое сознаніе вѣчнаго бытія духа, виѣшнее зло стоитъ предъ нимъ, какъ врагъ его благополучія и счастья, какъ привидѣніе, возмущающее его внутреннее спокойствіе. Первый лучъ безсмертія, проникшій въ сознаніе духа, ободряетъ его, одушевляетъ на борьбу со зломъ, укрѣпляетъ его въ этой борьбѣ, показывая ему его самостоятельность и независимость отъ вещественнаго міра и богатство хранящейся въ глубинѣ его существа жизни и силы. Чѣмъ глубже и сильнѣе проникается сознаніемъ вѣчнаго бытія духа, тѣмъ бодрѣе и смѣлѣе идетъ на встрѣчу всякому бѣдствію и несчастію. Самое бѣдствіе, являясь предъ нимъ, какъ врагъ благополучія и счастья, и вызывая на борьбу съ собою, изощряетъ познаніе самаго себя, очищаетъ его отъ несовершенствъ и недостатковъ, вызываетъ изъ глубины его мощныя силы, и тѣмъ самымъ приготовляетъ ему побѣду надъ собою. Но такая побѣда, по представленію Эвальда, сомнительна или совсѣмъ не возможна, когда чловѣкъ смотритъ на виѣшнее зло, какъ на навазаніе прогнѣваннаго божества за грѣхи его. Страхъ и трепеть производятъ постоянно смущеніе и замѣшательство въ его сознаніи, ложатся на него какъ тяжелое бремя, подавляющее энергію духа, подрываютъ въ немъ всякую вѣру въ себя и свои силы, поддерживаютъ въ немъ мрачное, робкое, тяжелое и не спокойное настроеніе, не давая ему свѣтлыми очами взирать на небо и одушевляться надеждою, что рано или поздно вѣчный духъ будетъ обладателемъ его. Іовъ, по представленію Эвальда, борется съ этимъ настроеніемъ и всесторонне доказываетъ друзьямъ

своимъ, что внѣшнія бѣдствія отнюдь не могутъ считаться наказаніемъ за грѣхи, потому что они равно поражаютъ виновныхъ и невинныхъ, и даже чаще можно видѣть страдающими отъ нихъ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Но борясь съ постигшими бѣдствіями, Іовъ, по замѣчанію Эвальда, не могъ еще возвысится до полного и яснаго сознанія вѣчности духа. Эта истина высказывается имъ только какъ желаніе, предчувствіе, прозрѣніе, больше какъ надежда, чѣмъ дѣло (14, 13—15. 16, 18. 19. 19, 23—29). Въ ясномъ свѣтѣ она выступаетъ только въ новомъ завѣтѣ, послѣ того, какъ показанъ высочайшій примѣръ божественной побѣды надъ смертію, самымъ величайшимъ зломъ въ мірѣ. Такимъ образомъ книга Іова, говоритъ Эвальдъ, имѣетъ ту заслугу, что она приготовила болѣе глубокіе взгляды на зло и на безсмертіе духа и передала ихъ какъ плодovitое зерно на всѣ будущія времена (*Ewald, Uebers. Job, s. 70—73*).

Сужденіе Эвальда о главной мысли книги Іова имѣетъ въ основаніи своемъ пантеистическое міровоззрѣніе, по коему Божество представляется не личнымъ отдѣльно отъ міра существующимъ Бытіемъ, а идеєю абсолютнаго Бытія, раскрывающеюся въ жизни міра и сознающею себя какъ таковую въ исторіи человѣческаго духа. Поэтому міровоззрѣнію не можетъ быть наказанія за грѣхъ, какъ нѣтъ и самаго грѣха, а есть только несовершенство, неполнота, односторонность, которыя суть не что иное, какъ ступени, по коимъ духъ человѣческій постепенно восходитъ до сознанія въ себѣ идеи абсолютнаго бытія. Не наше дѣло входитъ въ разборъ этого міровоззрѣнія, что повело бы насъ къ длиннымъ и не относящимся къ дѣлу рассу-

жденіямъ. Къ нашему предмету относится вопросъ: можетъ ли быть дѣйствительнымъ указываемое Эвальдомъ средство къ побѣдѣ надъ внѣшнимъ зломъ? Чтобы торжествовать надъ зломъ, спокойно и терпѣливо, какъ бы не чувствуя, переносить бѣдствія, разнаго рода лишенія, болѣзни, страданія и проч., по мнѣнію Эвальда, достаточно только сознать, что я буду вѣчно жить. Христіанскіе мученики шли спокойно на смерть, дѣйствительно, одушевляясь вѣрою въ будущую жизнь. Но эта вѣра была не отвлеченное, ни какимъ содержаніемъ не наполненное представленіе вѣчной жизни, какъ у Эвальда, но такое представленіе, въ которомъ слагалось множество самыхъ жизненныхъ представленій, и самое главное между ними—представленіе Бога безпредѣльной любви, за Коего они несли брестъ, терпѣли страданія. И собственно говоря, мучениковъ и другихъ христіанскихъ страдальцевъ утѣшала и воодушевляла не надежда на то, что они будутъ жить вѣчно, но упованіе, что они будутъ жить съ Богомъ. Правда и Эвальдъ, какъ вообще пантеистическіе учителя, старается наполнить сознаніе вѣчнаго бытія духа разными представленіями. Какими же? представленіемъ достоинства и величія духа, представленіемъ духа, какъ абсолютнаго, независимаго бытія и проч. Но и эти представленія, какъ и представленіе вѣчности духа, только логическіе термины, въ которыхъ не заключается ничего живаго и яснаго, какъ въ алгебраическихъ буквахъ, доколѣ не войдутъ въ нихъ дѣйствительныя цифры. И едвали есть на свѣтѣ страдалецъ, который среди пожирающей его до костей болѣзни, могъ бы утѣшиться, когда бы ему сказали, что онъ будетъ вѣчно жить и наконецъ сознастъ величіе своего человѣческаго достоинства.

Подобное утѣшеніе можетъ считаться удовлетворительнымъ развѣ для отчаяннаго эгоиста, у котораго въ сознаниі, собственно говоря, кромѣ его я, нѣтъ никакой другой мысли ни о будущемъ, ни о настоящемъ.

Теорія Эвальда можетъ имѣть еще приложеніе, когда дѣло идетъ о цѣломъ человѣчествѣ. Идя путемъ прогресса, при встрѣчѣ съ народными бѣдствіями и разнаго рода неудачами по части разныхъ изобрѣтеній и общественныхъ учрежденій и предпріятій, человѣчество можетъ утѣшать себя тою мыслию, что оно будетъ вѣчно жить и наконецъ дойдетъ до такихъ порядковъ жизни и до такихъ усовершенствованій въ своихъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, что устранятся изъ обществъ и съ лица земли всѣ безпорядки и бѣдствія, отъ которыхъ оно страдаетъ нынѣ. Этою вѣрою въ прогрессъ человѣчество всегда жило, живетъ и теперь, и, воодушевляясь ею, борется со всѣми бѣдствіями и страданіями рода человѣческаго, и надѣется, что будетъ наконецъ когда нибудь гораздо лучше, чѣмъ теперь, какъ и теперь лучше, чѣмъ было прежде. Сколько въ этой надеждѣ есть быточнаго и вѣрнаго, не будемъ судить: дѣло темное и не совсѣмъ разъясненное. Но этою надеждою можетъ утѣшать себя только цѣлое человѣчество, т. е. отвлеченное понятіе человѣчества, но не тѣ живыя существа, изъ которыхъ оно состоитъ, не то или другое въ отдѣльности лице, когда постигаютъ его разнаго рода скорби, несчастія, потери, лишенія. Тѣло мое истлѣваетъ отъ поразившей всѣ органы его болѣзни; что мнѣ изъ того, если скажутъ, что медицина овладѣетъ наконецъ болѣзнями и будетъ знать самыя дѣйствительныя средства противъ каждой изъ нихъ? Мое имущество до тла истре-

билъ огонь; что мнѣ изъ того, что современемъ будутъ придуманы и устроены всѣ средства противъ пожаровъ?

Если вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь ободряетъ страдальца и воодушевляетъ на борьбу съ страданіемъ только представленіемъ въ той жизни ближайшаго и блаженнаго общенія съ Богомъ, а не одною мыслию о вѣчности духа; то нельзя уже считать постигающія насъ бѣдствія безотносительными къ нашей правдивности. Этотъ Богъ, въ общеніи съ Которымъ мы часемъ имѣть полное счастье свое, есть Богъ правды, святости, чистоты и совершенства; ничто скверное не можетъ приблизиться къ Нему. Этотъ же Богъ, живой и вѣчный, есть верховный Правитель міра и всѣхъ существъ, въ немъ живущихъ; безъ Его воли не падаетъ и ни одна воробей на землю (Матѣ. 10, 29). Стало быть, во всемъ, что постигаетъ насъ, мы должны видѣть или милующую или карающую десницу Его. Потому, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, на вѣшнюю судьбу человѣка смотрѣли какъ на выраженіе отношенія Божества къ людямъ, и когда постигало кого бѣдствіе, искали средствъ къ умилоствленію Божества.

Бѣдствія и страданія явились въ царствѣ живаго Бога, по библейскому ученію, какъ естественное послѣдствіе грѣха, какъ наказаніе небснаго правосудія за беззаконіе людей. Но безпредѣльная благодать Отца небснаго нашла средство эту чашу горечи растворить благодатію Своей милующей любви. Самое наказаніе, поэтому, премудростію Божіею обратилось въ средство къ вразумленію, къ исправленію и очищенію, и наконецъ къ возведе-

нію на степень высшаго совершенства чрезъ испытаніе наказуемаго.

Напрасно думаютъ, что представленіе бѣдствій, какъ наказанія за грѣхи, не разлучное съ страхомъ и трепетомъ правосуднаго Божества, можетъ вредить нравственному преслѣянiю и совершенствованiю челоуѣка, поддерживая въ немъ мрачное настроеніе духа, ослабляя его энергію и подрывая вѣру въ себя и свои силы. Такой взглядъ происходитъ изъ односторонняго, поверхностнаго пониманія внутренней жизни духа, или лучше сказать, изъ нежеланія понять правильнымъ образомъ эту жизнь, изъ стремленія обойти то, что можетъ показаться для насъ не прiятнымъ. Мы не можемъ не чувствовать того, что чувствуется самымъ естественнымъ нашимъ. Недовольство собою, испытываемое даже въ лучшія минуты земнаго счастья, сопровождаемое душевною тревогою и смятеніемъ, не есть только теоретическое сознаніе своей ограниченности, несовершенства и проч.,—съ этимъ мы легко примиряемся при первомъ сравненіи себя съ другими,—но есть непосредственное ощущеніе не нормальнаго состоянiя духовнаго организма нашего, подобное ощущенію всякой физической боли; сопровождаемое какимъ то упрекомъ себѣ, хотя бы и не представляли ясно своей вины, оно есть естественное чувство вины, затаенное въ падшей природѣ нашей. Такимъ образомъ нечего опасаться, что бѣдствія челоуѣчскія, если представлять ихъ наказаніемъ за грѣхи, будутъ только поддерживать мрачное настроеніе духа и тѣмъ ослаблять энергію его въ стремленіи къ нравственному совершенствованію. То, чего боимся внѣ себя, существуетъ въ насъ самихъ. Когда же разсуждаемъ, что представле-

ніе бѣдствій наказаніемъ за грѣхи можетъ вредить нашему нравственному преспѣянію, то выражаемъ этимъ не другое что, какъ желаніе, чтобы отъ мыслей нашихъ устранено было все, что напоминаетъ намъ о ненормальномъ состояніи духа нашего, хотимъ, такъ сказать, удалить отъ нашихъ глазъ печальный трауръ, въ который облечена окружающая насъ природа со времени появленія смерти въ мірѣ. Люди большею частію такъ и живутъ, чтобъ не знать своего душевнаго недуга, чтобъ имѣть всегда наготовѣ средство забыться; чтобы заглушить всякое чувство внутренней пустоты и душевной тревоги, изобрѣтаютъ тысячи развлеченій и забавъ, съ судорожною дрожью перебѣгая отъ однихъ къ другимъ. Но этимъ мы только показываемъ, что, завидѣвъ огонь въ своемъ домѣ, опрометью бѣжимъ изъ него, чтобъ не видѣть ужасовъ пожирающаго наше добро пламени. Не оттуда можетъ начаться нравственное совершенствованіе, гдѣ мы живемъ, такъ сказать, внѣ себя, а изъ внутри нашего самосознанія, изъ самага тонкаго анализа моральнаго содержанія нашего духа, изъ вѣрнаго представленія нашего дѣйствительнаго отношенія къ верховному Существу. Въ этомъ духовномъ процессѣ первѣе всего человѣкъ встрѣчается съ мыслию о гнѣвѣ Божіемъ; если этой мысли нѣтъ еще въ сознаніи, ясный признакъ, что наше самосознаніе поверхностное и легкое. Эта мысль служитъ побужденіемъ къ самоисправленію и совершенствованію. Вѣрно, однакожь, то, что одна эта мысль безъ другой, противоположной ей, наполняя душу страхомъ и трепетомъ, производила бы замѣшательство въ сознаніи и привела бы только къ отчаянію. Но рядомъ съ этою мыслию не только христіанскою вѣрою, но и религі-

ями всѣхъ языческихъ народовъ поставляется въ сознаниі нашемъ мысль о помилованіи, а въ христіанствѣ—болѣе того—мысль о любви Божіей, подающей человѣку благодать возраждающую и возстановляющую. Теперь самый отчаянный грѣшникъ въ минуту раскаянія своего можетъ съ твердымъ убѣжденіемъ сказать о себѣ, что Отецъ небесный пріемлетъ его въ свое лоно съ большею радостію, чѣмъ тѣхъ праведниковъ, которые постоянно съ Нимъ находились (Лук. 15, 20. 31. 32). Такая мысль не подавляетъ энергіи духа, напротивъ возвышаетъ ее. Когда знаемъ, что другъ, котораго мы тяжело обидѣли, не только простилъ обиду, но возымѣлъ еще больше къ намъ участія, состраданія и любви, тогда стараемся съ большимъ усиліемъ показаться предъ нимъ достойными его любви. Нравственная дѣятельность человѣка, раскрываясь двумя противоположными возбужденіями (импульсами), боязнію прогнѣвать Бога и представленіемъ безпредѣльной любви Его къ намъ, получаетъ самое правильное и твердое направленіе. Виѣшнія бѣдствія, никого не чуждыя, напоминая человѣку о причинѣ всѣхъ золъ въ мірѣ, не даютъ ему забыться, какъ бы высоко ни поднялся онъ въ нравственномъ совершенствѣ, и, указывая ему постоянно на десницу Вседержителя, то карающую, то исправляющую, то вразумляющую, то испытующую, служатъ лучшимъ средствомъ къ нравственному воспитанію человѣка, горниломъ, въ которомъ вырабатывается духъ правый.

Мысль, каковую Эвальдъ видитъ въ книгѣ Іова, не оправдывается содержаніемъ этой книги. Іовъ не говоритъ, что виѣшнія бѣдствія не имѣютъ никакого отношенія къ нравственному достоинству человѣка; напротивъ, онъ твердо

убѣжденъ въ томъ, что должны имѣть, и, не видя этого на самомъ дѣлѣ, или, правильнѣе сказать, не умѣя согласить встрѣчающихся явленій съ понятіемъ о правосудіи, укоряетъ Бога въ несправедливости. Что касается рѣчей Эліуя, то смыслъ ихъ направленъ прямымъ образомъ къ разрѣшенію недоумѣній Іова: доказывая Іову тѣсную связь вѣшной судьбы человѣка съ нравственнымъ достоинствомъ его, Эліуй представляетъ нѣсколько примѣровъ изъясненія, какъ прилагаются Вседержителемъ вѣшнія бѣдствія къ различнымъ нравственнымъ состояніямъ человѣка. Такъ какъ рѣчи Эліуя явно противорѣчатъ предположенію Эвальда о главной мысли книги Іова, то Эвальдъ, ради своей теоріи, отвергъ ихъ какъ не подлинныя, не относящіяся къ составу книги. Наконецъ, противъ Эвальда говоритъ эпилогъ, въ которомъ повѣствуется, что послѣ страданій своихъ Іовъ сугубо вознагражденъ отъ Бога.

Не оправдывается содержаниемъ книги и та мысль Эвальда, что въ сознаніи вѣчности духа Іовъ видѣлъ средство къ побѣдѣ надъ бѣдствіями. Указываемыя Эвальдомъ мѣста изъ рѣчей Іова не заключаютъ въ себѣ мысли о вѣчномъ бытіи духа. Въ 14, 13—15 Іовъ говоритъ не о вѣчности духа въ смыслѣ Эвальда, а о возвращеніи своемъ въ ту же жизнь, чтобы получить отъ Вседержителя то, въ чемъ ему теперь отказано. Притомъ и здѣсь Іовъ воодушевляется мыслию не о возвращеніи снова къ жизни, а о возвращеніи къ нему благоволенія Божія (15). Въ 16, 18, 19 нѣтъ и намека на вѣчность духа: Іовъ выражаетъ желаніе, чтобы молитва его достигла до неба, и чтобы живущій на небѣ Свидѣтель его страданій разрѣшилъ про

его съ друзьями прежде, чѣмъ наступитъ уже близкій конецъ его жизни (ст. 21. 22). Это мѣсто говорить не въ пользу, а противъ Эвальда. Мы уже видѣли выше, что и въ 19, 23—29 Ювъ выражаетъ надежду видѣть Бога не въ будущей жизни, а въ эгон; слѣдовательно, также нѣтъ рѣчи о вѣчности духа.

4. Нѣкоторые изъ изслѣдователей (Штульманъ, Бертольдъ, Ейхгорнъ, Кнобель, Ватке, Штейдель, Гейлигштедтъ, Гирцель, Гупфельдъ и Бунзенъ), ища главной мысли книги Юва, приходятъ къ тому заключенію, что авторъ не далъ въ ней никакого опредѣленнаго рѣшенія изслѣдуемому вопросу о страданіи праведника, и что онъ хотѣлъ только показать въ ней, что человѣкъ не можетъ проникать въ совѣты Божіи и потому долженъ безусловно предаваться волѣ Божіей, какая бы участь ни постигла его. Въ рѣчахъ Эліуя эта мысль составляетъ главную тему ихъ и, какъ послѣдній результатъ разсужденій его о нравственномъ міроуправленіи Божіемъ, выражена въ заключеніи 37, 23. 24: *Вседержитель! мы не постигаемъ его!* и проч. Иегова въ своихъ рѣчахъ внушаетъ Юву, что человѣкъ не можетъ и не вправѣ судить опредѣленій вышняго Совѣта, отъ коего зависитъ назначеніе жребія людямъ. Слѣдовательно, выводъ изъ рѣчей Иеговы будетъ тотъ же, какой изъ рѣчей Эліуя, что человѣкъ, какая бы участь ни постигла его, долженъ безусловно покоряться премудрому и всемогущему Богу, не пытаясь своимъ ограниченнымъ умомъ проникать въ дѣйствія вышняго Міроуправителя, для насъ непостижимыя.

Въ такомъ видѣ дѣйствительно представляется положеніе возбужденнаго Ювомъ вопроса, если обращать вни-

маніе только на одну среднюю часть книги, представляющую разсужденіе мудрыхъ объ этомъ вопросѣ, и оставлять въ сторонѣ прологъ и эпилогъ книги, въ которыхъ вопросъ этотъ получаетъ ясное и опредѣленное разрѣшеніе. Мудрость человѣческая, естественно, не могла дать разрѣшенія вопросу о страданіи праведника; и Эліуй сурово осуждаетъ высокоуміе Іова, хотѣвшаго знать причину своихъ страданій. Излишнее мудрствованіе Іова осуждаетъ и Іегова. Вѣрно не было надобности Іову знать истинную причину страданій своихъ; потому Іегова и не открылъ ее. Да и странно было бы объясненіе Іеговы Іову, почему и для чего Онъ—Вседержитель послалъ Іову тяжкія бѣдствія и страданія. Притомъ, причина страданій Іова такая, которая стояла не въ порядкѣ естественнаго теченія міровыхъ явленій и событій, управляемаго общимъ Провидѣніемъ, но въ особенномъ порядкѣ событій сверхъестественнаго міра, начавшемся послѣ паденія человѣка, и управляемомъ по особому плану божественнаго домостроительства о возстановленіи. Людямъ, стоявшимъ на естественномъ пути жизни, не было пока надобности знать о томъ, что совершалось на небѣ относительно ихъ. Передавая же исторію страданій Іова своему племени, которому открыты были тайны неба о судьбѣ падшаго человѣчества и домостроительствѣ Божіемъ о спасеніи его; авторъ, какъ служитель Откровенія Іеговы, открываетъ ему и тайну неповинныхъ страданій праведника.

Изучая содержаніе книги Іова, мы находили, что въ цѣломъ составѣ своемъ, въ какомъ дошла до нашего времени въ еврейскомъ текстѣ, она представляетъ замѣчательное произведеніе, отличающееся не обыкновенною логическою стройностію, въ которомъ ги объ одной части нельзя сказать, что она лишняя или не на своемъ мѣстѣ, нельзя исключить ни одного отдѣла, не нарушивъ единства цѣлаго. Намъ казалось, что всѣ части книги такъ необходимы въ цѣломъ произведеніи и такъ существенно относятся къ развиваемой въ немъ идеи, что оно иначе не могло явиться изъ подъ пера своего писателя, какъ въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ нынѣ. Предполагать въ немъ какія либо вставки и прибавленія посторонней руки послѣ происхожденія его отъ своего писателя, мы не видѣли ни малѣйшаго повода.

Между тѣмъ, многіе критики—исслѣдователи (Карпзовій, Штульманъ, Бернштейнъ, Де-Ветте, Кнобель и др.) находятъ основанія, въ силу коихъ утверждаютъ, что книга Іова не вся произошла отъ одного писателя, что нѣкоторыя части внесены въ нее рукою постороннею. Такое предположеніе касается пролога гл. 1 и 2. и эпилога 42, 7—17, рѣчи Іова въ 27, 7—28, 28., описанія иннопотама и крокодила въ 40, 15—41, 26., наконецъ всѣхъ рѣчей Эліуя 32—37 гл. Изъ этихъ частей для нашего изслѣдованія имѣютъ особенную важность *Прологъ* и *Эпилогъ* и *рѣчи Эліуя*, потому что какъ скоро будетъ доказано, что эти части не принадлежатъ произведенію, а приложены къ нему послѣ постороннею рукою, тогда все, до чего мы дошли своимъ изслѣдованіемъ, потеряетъ значеніе. Потому, не можемъ оставить безъ вниманія сужденій ученой критики о неподлинности этихъ частей.

1. *Прологъ* и *Эпилогъ* видимо отличаются отъ *разсужденія* формою рѣчи; они написаны прозою, а *разсужденіе* стихотворною рѣчью. По первому непосредственному впечатлѣнію представляется, что они, равно какъ и въ срединѣ книги встрѣчающіяся историческія замѣчанія поставлены въ произведеніи поэта—художника для поясненія, безъ котораго трудно было бы понять самое произведеніе. Дѣйствительно, если отнять прологъ и эпилогъ съ прочими историческими примѣчаніями, поэтическая часть книги, содержащая бесѣды Іова съ друзьями, рѣчи Эліуя и рѣчи Іеговы, представитъ важныя затрудненія къ пониманію, и прежде всего трудно будетъ замѣтить, гдѣ оканчивается одна рѣчь и начинается другая. Но это обстоятельство, безъ сомнѣнія важное при чтеніи произведенія, не должно, говорятъ, поражать насъ своею странностію. Между произведеніями священной еврейской поэзіи мы имѣемъ также драматическое произведеніе, въ которомъ говорятъ одно за другимъ нѣсколько лицъ, между тѣмъ какъ рѣчи ихъ поставлены сплошь одна за другою, безъ означенія лицъ говорящихъ и безъ всякихъ историческихъ поясненій въ началѣ или въ концѣ книги. Отъ чего книга эта представляетъ не мало затрудненій не только въ пониманіи, но и чтеніи ея. Мы разумѣемъ Пѣснь Пѣсней. Есть основаніе думать, что и въ сборникахъ пророческихъ проповѣдей историческія и хронологическія примѣчанія къ нимъ приложены собирателями, а не авторами проповѣдей. Поэтому, нѣтъ ничего страннаго въ той мысли, что книга Іова первоначально представляла видъ чисто поэтическаго произведенія, начинаясь рѣчью Іова, въ которой онъ прокликаетъ день своего рожденія (гл. 3) и оканчиваясь рѣчью

его же, въ коей онъ приноситъ покаяніе въ прахъ и пепелъ (42, 6) ¹⁾. Въ послѣдствіи же времени частію для ясности произведенія, частію въ другихъ видахъ, приложены постороннею рукою историческія повѣствованія въ прологъ и эпилогъ и историческія замѣтки среди его.

Что не одною рукою написаны поэтическая часть и историческія повѣствованія, видно, говорятъ, а) изъ употребленія въ нихъ именъ Божіихъ: въ историческихъ частяхъ употребляется имя Божіе יְהוָה ; а въ поэтической части אֱלֹהִים , יְהוָה , אֱלֹהֵינוּ , יְהוָה и יְהוָה ; б) изъ противорѣчій, встрѣчающихся въ нихъ: 1, 19 слч. 19, 17; 42, 7. 8

¹⁾ Останавливаясь на этой мысли, нѣкоторые (*Lichtfootъ* in *chronica Temporum et ord. Textuum V. T. in Opp. ed. Leusden, vol. 1. p. 24*; *Роземиллеръ*, *Schol. in Job. p. 779*) находили возможнымъ указать и писателя этого поэтического произведенія. Таковымъ представляется четвертый собесѣдникъ Іова Эліуй. Въ 32, 16. 17. 18 Эліуй какъ бы самъ переходитъ изъ собесѣдника въ повѣствователя: *оцъпенъли, не отвѣчаютъ больше, отняты слова у нихъ. И (какъ) ждалъ я, а они не говорятъ, перестали, не могутъ больше отвѣчать; то) дамъ отвѣтъ и я на свою часть...* Но форма אֲנִי אֶעֱנֶה (*дамъ отвѣтъ*) измѣняетъ строю повѣствовательной рѣчи, которая могла предполагаться предшествующими глаголами: אָפְנִינִי (*оцъпенъли*), אֲנִי לֹא אֶעֱנֶה (*не отвѣчаютъ*), $\text{וְיָדַעַתִּי וְיָדַעַתִּי יְהוָה}$ (*и ждалъ я*). Она показываетъ, что здѣсь бесѣдующее лицо входитъ только въ саморазмышленіе, отъ лицъ бесѣдующихъ обращается къ себѣ; послѣдующіе стихи 18—23 заключаютъ продолженіе этого саморазмышленія; смыслъ ихъ показался бы страннымъ, если бы представлять, что Эліуй разсуждаетъ въ нихъ съ собою у себя въ кабинетѣ, когда писалъ это произведеніе, а не предъ лицомъ своихъ собесѣдниковъ. Такимъ образомъ предположеніе, что поэтическая часть книги Іова написана Эліуемъ, не можетъ быть принята.

слч. 38, 2. 40, 3. 42, 3; в) настроеніе духа Іова въ *прологѣ* совсѣмъ иное, чѣмъ въ поэтической части: тамъ онъ полонъ смиренія и покорной преданности Богу; въ рѣчахъ слышатся жалобы на свою судьбу и упреки Вседержителю. Указываютъ еще и на такого рода противорѣчіе, что въ поэтической части авторъ проводитъ мысль о безусловной покорности Богу, исключающей всякую попытку проникнуть въ тайну Божественнаго міроуправленія, — приче́мъ старается всѣми силами доказать несостоятельность ученія Моисеева о воздаяніи; между тѣмъ въ *прологѣ* открываетъ видъ на небо, откуда читатель узнаетъ, почему и съ какою цѣлю постигли Іова тяжкія бѣдствія и страданія; въ *эпилогѣ же* какъ нельзя болѣе утверждаетъ Моисеево ученіе о воздаяніи, которое хотѣлъ опровергнуть. Но послѣднее возраженіе противъ подлинности пролога и эпилога не считаемъ важнымъ послѣ того, какъ извѣстно, что авторъ книги вовсе не имѣлъ въ виду опровергать въ ней Моисеево ученіе о воздаяніи. Притомъ, отрицать подлинность тѣхъ или другихъ частей извѣстной книги потому только, что они не согласны съ нашею идеею о книгѣ, не основательно и не рационально. Я имѣю такую идею о книгѣ, другой — другую, третій — третью и т. д. Въ такомъ случаѣ легко можетъ статься, что для одного покажется не подлинною одна часть, для другаго — другая, для третьяго — третья и т. д. Это не здравая критика, а слѣпая и легкомысленный произволь.

Употребленіе различныхъ именъ Божіихъ въ историческихъ частяхъ и въ поэтической изъяснено выше (стр. 261. 262): тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя какъ повѣствователь, употребляетъ національное еврейское наимено-

ваніе Бога אלהים, а гдѣ вводитъ разсужденія Іова и друзей его, не принадлежащихъ еврейскому племени, употребляетъ общія имена Бога.

Не одинаковое настроеніе духа Іова въ *прологъ* и въ рѣчахъ его объясняется не одинаковою степенью болѣзни и другими обстоятельствами: тамъ начало болѣзни, первые приступы ея, здѣсь болѣзнь тянется уже десятки дней, можетъ быть и недѣль, и успѣла прорыться до костей и мозговъ страдальца. Тамъ еще не было друзей утѣшителей; а здѣсь друзья—утѣшители въ зіяющія раны страдальца вливаютъ, съ своей стороны, растравляющій ядъ несправедливыхъ и жестокихъ укоризнъ и обличеній. Въ 17, 2 Іовъ говоритъ: *если бы только не эти ругательства надо мною, то во время прекословія ихъ (друзей) спокойно уснуло бы око мое.* Потому естественно, что настроеніе духа Іова измѣнилось съ участіемъ въ немъ друзей—утѣшителей и съ усиленіемъ болѣзни.

Гораздо важнѣе тѣ возраженія противъ подлинности *пролога* и *эпилога*, которыя выходятъ изъ усматриваемыхъ противорѣчій между ними и среднею частію.

Въ 1, 19 повѣствуется, что Іовъ лишился всѣхъ дѣтей; а въ 19, 17 самъ Іовъ говоритъ: *ласки мои стали противны единоутробнымъ моимъ בְּנֵי בְטָרִי לִבִּי.* Но בְּנֵי בְטָרִי לִבִּי употребляется въ значеніи не только собственнаго сына, но и сына матери, брата (Пс. 68, 9). Въ 3, 10 Іовъ проклинаетъ ночь за то, что не затворила дверей (*буквально*) *утробы моея* (בְּטָרִי לִבִּי). Поэтому выраженію выходитъ: *утроба моя есть утроба матери моея.* בְּטָרִי לִבִּי LXX перевели: υἱοὺς παλλακίδων μου, *сыновъ паломницъ моихъ*; но съ такимъ переводомъ нельзя согласиться, зная

высокодѣвственный характеръ Іова (31, 1. 9). Что Іовъ лишился всѣхъ дѣтей, объ этомъ говорится ясно и въ 8, 4. 29, 5. Въ первомъ мѣстѣ Вилладъ говорить Іову: *если сыны твои сооръшили предѣ Нилъ; то Онъ только предасть ихъ въ руки беззаконія ихъ*, — чѣмъ очевидно намечается на погнбель ихъ (1, 19). Во второмъ мѣстѣ Іовъ, вспоминая преемное время счастья своего, говорить между прочимъ: *когда еще былъ Вседержитель со мною, дѣти мои сокружъ меня...* Стало быть, теперь ихъ уже не было.

Въ 42, 7 Іегова говорить Елифазу оемантянину: *горитъ ильъ мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ за то, что вы не такъ верно говорили предо Мною, какъ рабъ мой Іовъ*. Между тѣмъ въ 38, 2. Іегова, явившесъ въ вихрѣ бурномъ, говорить Іову съ грознымъ обличеніемъ: *кто сей держающій затмитъ опредѣленіе Совета словами безъ знанія?* Въ 39, 32 Іегова послѣ первой обличительной рѣчи вызываетъ къ Іову: *будетъ ли обличитель состязаться съ Вседержителемъ? Обвиняющій Бога пусть отвѣчаетъ* ¹⁾. Въ 40, 3 Іегова говорить Іову: *ты ли хочешь испровергнуть правду Мою, обвинитъ Меня, чтобъ самому оправдаться?* И самъ Іовъ, послѣ второй рѣчи Іеговы, выражая раскаяніе въ словахъ своихъ, говоритъ: *кто тотъ, который дерзнулъ затмитъ Советъ Твой, ничего не разумя? признаюсь, что я говорилъ, чего не понималъ, и что есть много чудесъ выше моего*

¹ Намечается на вызовъ къ суду Іовомъ Бога 9, 32. 33. 13, 18. 19. 22. Въ послѣднемъ мѣстѣ (13, 19 Іовъ говорить: *кто тотъ, который будетъ состязаться* (יָרִיבַּ בְּיָהוָה въ 39, 32, יָרִיבַּ ה') *со мною*.

разумнійя (42, 3). Все эти мѣста, принадлежащія средней поэтической части книги Іова, видимо противорѣчатъ отзыву Іеговы въ эпиграфѣ о рѣчахъ Іова. Несмотря на такія укоризны Іову и сознание самаго Іова въ погрѣшности своихъ сужденій, въ эпиграфѣ Іегова не только оправдываетъ Іова предъ друзьями, но предоставляетъ ему ходатайствовать за друзей своихъ и только ради его молитвы обѣщаетъ пощадить ихъ отъ наказанія, котораго они заслуживали за свое неразуміе (עֲדָרָה *глупость*).

Что друзья Іова говорили предъ Богомъ не вѣрно, это ясно, — что заслуживали наказаніе, очевидно. Іовъ еще говорилъ имъ, что они ради Бога говорятъ неправду, ради Его слетаютъ ложь, что они пристрастны къ Богу (13, 7. 8). Главное сужденіе ихъ, что Іовъ наказывается за грѣхи, происходило изъ односторонняго понятія ихъ о Правосудіи Божіемъ: что бы оправдать это понятіе, они готовы были приписать Іову всевозможные грѣхи, которыхъ на самомъ дѣлѣ не видѣли въ немъ. Въ этомъ отношеніи они совершенно подобны тѣмъ ревнителямъ по Богѣ, которые *ad gloriam Dei* сожигали людей на кострахъ и подвергали всякимъ пыткамъ. Въ душѣ ихъ не было никакой жалости къ страдальцу. Іовъ хорошо понималъ, что такая ревность за Бога противна Богу, и потому не однократно предостерегалъ ихъ, напоминая о судѣ Божіемъ, (16, 19. 20. 19, 28. 29). Богъ не требуетъ въ жертву Себѣ крови человѣческой. Какъ безъ любви къ Богу нѣтъ любви къ ближнему, такъ и безъ любви къ ближнему не можетъ быть любви къ Богу.

Не такъ легко, съ перваго взгляда представляется, оправдать Іова предъ Богомъ. Друзья, по словамъ Іеговы,

не такъ вѣрно говорили предъ Нимъ, какъ рабъ Его Іовъ. Какъ же говорилъ Іовъ? Вызванный на разсужденіе о правдѣ Божіей своими тяжкими страданіями, а еще болѣе настойчивыми, не справедливыми и безщадными укоризнами и обличеніями друзей, Іовъ со всею искренностію и прямою чистаго и не порочнаго сердца своего высказывалъ предъ Богомъ то, что внушала ему безупречная и правдивая совѣсть, что представляло ему наблюденіе, что видѣлъ своими глазами и слышалъ своимъ ухомъ. Не правъ, конечно, Іовъ въ томъ, что, не зная предѣла человѣческому разумѣнію, хотѣлъ своимъ ограниченнымъ умомъ понять дѣйствія Вседержителя и опредѣлять законы высшаго божественнаго міроуправленія. Въ этомъ укорялъ его Іегова. Въ этомъ вышемѣрномъ умствованіи своемъ сознался самъ Іовъ, вразумленный Іеговою: *признаюсь, что я говорилъ, чего не понималъ, и что есть много чудесъ выше моего разумѣнія* (42, 3). Но Видящій сердце человѣческое и Любящій правду не могъ не отдать справедливости тому чувству правдивости въ Іовѣ, которое со всею искренностію и прямою высказывало предъ Богомъ смѣлыя сужденія о Его правосудіи, не видя справедливаго воздаянія людямъ. Упрекъ въ несправедливомъ воздаяніи людямъ высказывали предъ Богомъ и другіе праведники, кромѣ Іова: высказывалъ пророкъ Іеремія (Іерем. 12, 1—3), пророкъ Авваумъ (Авваг, 1, 2. 3. 13), высказывается не однократно въ Псалмахъ (9, 34, 73, 93 и др.); *у Іова слышится онъ сильнѣе, чѣмъ *у другихъ праведниковъ, потому что выходилъ изъ наболѣвшаго безмѣрными страданіями сердца. Такое дерзновеніе праведныхъ предъ Богомъ объясняется: 1) Общимъ правомъ,

которое въ царствѣ Божіемъ получаютъ всѣ разумно-свободныя существа, пользоваться отъ Творца своего тѣмъ, чего они заслуживаютъ. Призывая разумно-свободныя существа къ служенію Себѣ, Творецъ далъ имъ и обѣтованія Свои, на которыя они пріобрѣтаютъ право, коль скоро служатъ Ему вѣрно и съ искреннею преданностію. Такое свободное отношеніе между Богомъ и человѣкомъ начертано въ самой природѣ человѣка, въ нравственномъ законѣ, который указываетъ человѣку не только его отношеніе къ Божеству, но и отношеніе Божества къ нему, не только обязанности, но и права. Такое отношеніе между Богомъ и человѣкомъ выражено ясно въ положительномъ законѣ, ветхозавѣтномъ и евангельскомъ: всѣ заповѣди и постановленія Божіи въ томъ и другомъ законѣ соединены съ различными обѣтованіями со стороны Бога. Не видя исполненія этихъ обѣтованій въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ праведникамъ, Іовъ въ чувствѣ своей правоты и права, тѣсно соединеннаго съ нею, вопіетъ предъ Богомъ за себя и за другихъ. Творецъ, конечно, въ долгу не останется у Своей твари; для воздаянія ей должнаго предстоитъ цѣлая вѣчность; но Іову эта вѣчность не извѣстна; по своимъ религіознымъ понятіямъ онъ знаетъ жизнь человѣка въ короткихъ предѣлахъ земнаго существованія, и потому, какъ праведникъ, стоитъ за своё право и за право другихъ пользоваться заслуженнымъ въ этой жизни. И Богъ призналъ это право, воздавъ Іову сугубо за всѣ лишенія и страданія.—2) Ревностию о славѣ Божіей. Чувство справедливости въ природѣ человѣческой есть отраженіе правды Божіей, такое же чувство, какое принадлежитъ Богу правды; справедливость есть свойство Божіе въ человѣкѣ. Давши твари такое чув-

ство, Творецъ тѣмъ самымъ отдалъ на судъ ей Себя и Свои дѣйствія. Укоряя Бога въ неправосудіи, Іовъ, какъ и другіе праведники, ревнуетъ за Бога, за то, что въ Немъ, какъ верховномъ Правителѣ міра, составляетъ самое высшее достоинство. Тутъ, можно сказать, ревнуетъ не Іовъ, какъ Іовъ, а сама правда Божія въ немъ за саму себя. Богъ, конечно, не оставитъ міръ безъ суда Своего: для воздаянія людямъ по ихъ заслугѣ, скажемъ опять, существуетъ цѣлая вѣчность. Но праведникъ, живя во времени и своею ограниченою мѣрою разумѣнія опредѣляя видимыя явленія торжествующаго безнаказанно нечестія, не можетъ не смущаться такими явленіями, не можетъ не скорбѣть о томъ, что Богъ держитъ втайнѣ Свой судъ и не отрываетъ Свою правду для наказанія нечестивыхъ и торжества праведныхъ.—3) Внутреннею правственною близостію праведныхъ къ Богу. Праведные, ходящіе въ путяхъ Божіихъ, благоугождающіе Богу, уподобляясь Ему своими свойствами и дѣйствіями, приобрѣтаютъ въ душѣ своей сродство съ Нимъ, въ чувствахъ своихъ становятся близкими къ Нему, своими и присными Богу (Ефес. 2, 19); на высшихъ степеняхъ праведности чувство близости къ Богу восходитъ до родственнаго и даже дружественнаго чувства (Іак. 2, 23). Въ силу такой близости праведныхъ къ Богу, дѣло Божіе становится для нихъ близкимъ къ сердцу, общимъ, такъ сказать, у нихъ съ Богомъ. Отсюда происходитъ то дерзновеніе ихъ предъ Богомъ, по коему они высказываютъ смѣло со всею искренностію и прямою свои сужденія о дѣйствіяхъ Его. Это слова не измѣны Богу, не отпаденія отъ Него, не дерзкаго возстанія противъ Святаго и Праведнаго, но выраженія искренняго довѣрія, глубокой

преданности и любви къ Нему. Въ самыхъ, по видимому, рѣзкихъ и сильныхъ угоризнахъ и обвиненіяхъ, высказываемыхъ Іовомъ Богу, слышится тонъ любящаго сердца къ покинувшему его другу, преданнаго сына къ безвинно простершему на него нещадный жезлъ отцу своему.

Средняя поэтическая часть книги во многихъ мѣстахъ предполагаетъ вмѣстѣ съ собою существованіе *пролога*. Слова Виллада о дѣтяхъ Іова 8, 4 и самаго Іова 29, 5 очевидно указываютъ на 1, 19. Изображеніе Іовомъ прежней своей счастливой жизни и своей праведности указываетъ на 1, 1—5. 8. 2, 3. Изображеніе болѣзни Іова въ чертахъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ книги (7, 4. 5. 13, 14. 16, 8. 16. 17, 7 и т. д.), есть описаніе того рода проказы, которая въ *прологъ* названа по имени. Въ 23, 14 Іовъ предчувствуетъ, что есть какое-то особенное опредѣленіе Божіе относительно поразившихъ его страданій, только не можетъ постигнуть его. Въ 38, 2 Іегова говорить: кто сей дерзающій затмитъ совѣтъ (תַּצִּיזֵּ *совѣтъ, опредѣленіе совѣта*)? Тонкій и искусный авторъ, у коего всякое слово вездѣ прекрасно разчитано, намекаетъ на то опредѣленіе Божіе, какое изображено въ *прологъ* (1, 12. 2, 6), которое ни Іову, ни друзьямъ его не было извѣстно. Ведя за собою читателя, авторъ въ этихъ выраженіяхъ возвращаетъ вниманіе его къ *прологу*.

2. Подлинность рѣчей Эліуя оспаривали: Ейхгорнъ, Штульманъ, Бернштейнъ, Кнобель, Эвальдъ, Гирцель, Мейеръ, Гейлигштедтъ, Магнусъ и др.;—защитили: Янъ, Штейдлинъ, Бертольдъ, Розенмиллеръ, Умбрейтъ, Вайгингеръ, Штикъ, Глейссъ, Вельте, Геферникъ, Ганъ, Шлотманъ, Блескъ и др.

а) Говорятъ: объ Эліуѣ не упоминается въ прологѣ вмѣстѣ съ именами друзей Іова (2, 11); слѣдовательно, эта личность не предполагалась въ произведеніи писателя. Не слѣдуетъ. Авторъ излагаетъ дѣло въ томъ порядкѣ, какъ оно происходило. Сначала съ Іовомъ бесѣдуютъ друзья (3—31 гл.). Эту бесѣду авторъ предваряетъ введеніемъ, въ которомъ сообщаетъ свѣдѣніе о друзьяхъ и о положеніи дѣла (2, 11—13). Послѣ друзей выступаетъ съ своею рѣчью молодой мудрецъ Эліуй; авторъ предваряетъ его рѣчь также предисловіемъ, въ которомъ сообщаетъ свѣдѣніе объ этой личности и также о положеніи дѣла (32, 1—5). Наконецъ, послѣ рѣчей Эліуя является Іегова; и здѣсь также свое краткое предисловіе (38, 1). Если исключать рѣчи Эліуя изъ цѣлаго произведенія потому только, что о немъ не упоминается въ первомъ предисловіи, то на томъ же основаніи слѣдовало бы исключить и рѣчи Іеговы.

б) Іегова, произнося судъ на друзей Іова, Эліуя не касается (42, 7); его какъ будто и не было. Также не слѣдуетъ. Іегова произноситъ судъ только на Іова и друзей его, потому что Іовъ просилъ Бога разрѣшить спорное дѣло только между нимъ и друзьями (16, 20. 21 сн. 19, 28. 29). И приговоръ Іеговы не выступаетъ изъ предѣловъ этого желанія Іова.

в) Рѣчи Эліуя, говорятъ, нарушаютъ гармонию цѣлаго и являются излишними, такъ какъ съ одной стороны повторяютъ то, что уже было сказано друзьями, съ другой—предвещиваютъ то, о чемъ говорится въ рѣчахъ Іеговы. Мы уже имѣли случай показать неосновательность этого мнѣнія; теперь, послѣ опредѣленія главной мысли книги

и ея развитія въ ней, еще разъ замѣтимъ, что миѣніе это ни съ той ни съ другой стороны не выдерживаетъ критики. Друзья доказывали Іову, что страдать можетъ только грѣшникъ, а потому страданія суть не что иное, какъ наказаніе за грѣхи. Эліуѣ представляеть, что Богъ посылаетъ страданія не только грѣшникамъ но и праведнымъ, первымъ для ихъ вразумленія и исправленія, вторымъ для ихъ очищенія и совершенства; потому страданія не всегда происходятъ отъ гнѣва Вседержителя, но гораздо обычнѣе отъ любви, желающей людямъ блага и счастья; а когда и какъ это бываетъ, для насъ непостижимо; потому всегда должно принимать и нести возлагаемый на насъ крестъ съ смиреніемъ и покорностію Богу. Очевидно, что въ рѣчахъ Эліуѣ заключается не повтореніе того, что сказано друзьями Іова, а совершенно новая мысль. Іегова показываетъ Іову, что человѣку не возможно пронибнуть въ то, что Онъ дѣлаетъ, и не свойственно состязаться съ Нимъ относительно Его опредѣленій. Такимъ образомъ Эліуѣ не предвосхищаетъ, а только подготавливаетъ къ тому, что говорится въ рѣчахъ Іеговы.

Принадлежность пролога и эпилога, равно какъ и рѣчей Эліуѣ, тому же писателю, коимъ написана средняя часть книги, и одновременность ихъ происхожденія, ясно видны изъ такъ называемыхъ ἀπαξ λεγόμενα' овъ, составляющихъ, какъ выше (стр. 173) видѣли мы, замѣтную особенность нашей книги по сравненію ея съ другими еврейскими священными книгами. Изъ 110 таковыхъ словъ, находящихся въ цѣлой книгѣ, въ эпилогѣ встрѣчаются два слова (קָרָבָה 42, 13; קָרָבָה? 42, 14), что при краткости этого отдѣла (42, 7—17) не можетъ не обращать

на себя вниманія. Въ рѣчахъ Элію 32—37 гл.) таковыхъ словъ 16.

Что Прологъ и Эпилогъ написаны прозаическою, а средняя часть стихотворною рѣчью, это не можетъ доказывать происхожденія ихъ отъ разныхъ писателей: тамъ говоритъ авторъ отъ себя, какъ повѣствователь; здѣсь излагаетъ разсужденія мудрыхъ. Излагая эти разсужденія, авторъ употребилъ для нихъ такой образъ рѣчи, который наиболѣе соотвѣтствовалъ, по тогдашнему представленію, людямъ высокаго образованія, мудрецамъ. Подобное явленіе встрѣчается и въ другихъ священныхъ книгахъ, гдѣ историческій расказъ соединяется съ вдохновенною рѣчью пророковъ, на примѣръ: во Второзак. 32 гл., въ пророческихъ книгахъ—Исаи (гл. 6, 7, 36—39), Осіи (1 и 2 гл.), Амоса (1 и 2 гл.) и др.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Здѣсь мы оканчиваемъ свое изслѣдованіе. Сведемъ результаты, къ которымъ оно привело насъ относительно вопроса о происхожденіи книги Іова:

I. Книга Іова несомнѣнно еврейскаго происхожденія.

II. Написана послѣ плѣна вавилонскаго, въ вѣкъ Ездры, Нееміи и пр. Малахіи, около половины пятаго столѣтія до христіанской эры.

III. Изложенію въ ней матерію—сказаніе о страданіяхъ Іова авторъ заимствовалъ изъ дѣйствительнаго міра: Іовъ есть лице дѣйствительное, и книга его имени содержитъ подлинную исторію.

IV. Мѣсто жительства Іова (земля *Уцъ*) было въ древнемъ Васаѣ, нынѣшнемъ Хаураѣ или Авраѣ, т. е. въ восточной заіорданской области, нѣкогда принадлежавшей къ наслѣдію Израіля, а потомъ отторгнутой отъ него Азаиломъ, царемъ сирійскимъ.

V. Іовъ жилъ въ періодъ ассирійско-вавилонскаго владычества и былъ современникомъ пророка Іезекііля; время страданій его можно полагать между 707 и 589 г. до христіанской эры.

VI. Какъ Іовъ, такъ и друзья его, происходя изъ языческихъ племенъ, были почитателями Единого истиннаго Бога и принадлежали къ классу мудрецовъ, извѣстныхъ на востокѣ подъ именемъ *חכמים*.

VII. Книга Іова написана авторомъ съ цѣлю — объяснить загадочное положеніе праведныхъ въ настоящемъ порядкѣ нравственнаго міра (*внутренняя цѣль или главная мысль книги*), и въ примѣрѣ праведнаго страдальца Іова — дать урокъ народу Божію на предстоящее ему послѣ плѣна вавилонскаго тяжелое время до прішествія Мессіи и оживить желаніе и чаяніе обътоварнаго Избавителя (*цѣль внѣшняя*).

Кто же Писатель нашей книги? Этому вопроса мы не касались въ нашемъ изслѣдованіи, потому что данныхъ въ самой книгѣ для разрѣшенія его нѣтъ. Исторія послѣднѣшняго періода такъ мало указываетъ лицъ, отличавшихся своимъ образованіемъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, что, кромѣ пророковъ, Аггея, Захаріи и Малахіи и извѣстныхъ своею гражданскою дѣятельностію Ездры и Нееміи, болѣе никого мы не знаемъ. Произведенія, обыкновенно относимыя къ этому послѣднему періоду еврейской священной письмен-

ности, находящіяся въ дошедшемъ до насъ сборникѣ псалмовъ, ясно свидѣтельствуютъ, что духъ творческой производительности жилъ еще въ народѣ и въ это время упадка національности, и пробуждалъ въ немъ чувство и мысль къ прославленію величія Іеговы и къ сознанію великаго призванія своего. Не сомнѣнно, были священные поэты, въ свѣомъ духѣ воскресившіе духъ древней священной лирики, воспѣвая милости Іеговы, сохранившаго народъ Свой въ недавнемъ плѣну вавилонскомъ, *исхитившаго* его оттуда какъ *головню изъ огня* (Зах. 3, 2), и водворившаго на родной землѣ его. Были и мыслители--дидактики, въ дѣлахъ творческой Премудрости указывавшіе величіе Бога и силу Его, для возбужденія въ народѣ вѣры и благоговѣнія къ Промыслителю и Строителю судебъ человѣческихъ, — обращавшіе сознаніе людей на внутреннюю жизнь духа и на явленія окружающаго міра, для отвлеченія отъ земной суетности и удержанія въ общеніи съ Іеговою, источникомъ истиннаго блага и счастья. Но имена этихъ поэтовъ и мыслителей не передала намъ исторія. Мы уже высказали (стр. 168) намекомъ, что къ этому періоду относится значительно болѣе священныхъ памятниковъ еврейской письменности, чѣмъ сколько изслѣдователи привыкли относить: имѣемъ основаніе надѣяться, что когда критика, оставивъ привычкою утвердившееся убѣжденіе, съ ученымъ безпристрастіемъ отнесется къ этому предмету, будемъ въ состояніи указать — не автора, конечно, нашей книги—но другія произведенія въ священномъ канонѣ, принадлежащія перу тогоже въ высшей степени даровитаго и плодовитаго автора. Въ настоящій разъ, на основаніи тѣхъ данныхъ, какія имѣемъ въ нашей книгѣ, считаемъ достаточнымъ

